CIHM/ICMH
Microfiche
Series.

CIHM/ICMH
Collection de
microfiches.

Canadian Institute for Historical Microreproductions / Institut canadien de microreproductions historiques

© 1983

Technical and Bibliographic Notes/Notes techniques et bibliographiques

The Institute has attempted to obtain the best original copy available for filming. Features of this copy which may be bibliographically unique, which may alter any of the images in the reproduction, or which may significantly change the usual method of filming, are checked below.

L'Institut a microfilmé le meilleur exemplaire qu'il lui a été possible de se procurer. Les détails de cet exemplaire qui sont peut-être uniques du point de vue bibliographique, qui peuvent modifier une image reproduite, ou qui peuvent exiger une modification dans la méthode normale de filmage sont indiqués ci-dessous.

- [ ] Coloured covers/ Couverture de couleur
- [ ] Covers damaged/ Couverture endommagée
- [ ] Covers restored and/or laminated/ Couverture restaurée et/ou pelliculée
- [ ] Cover title missing/ Le titre de couverture manque
- [ ] Coloured maps/ Cartes géographiques en couleur
- [ ] Coloured ink (i.e. other than blue or black)/ Encre de couleur (i.e. autre que bleue ou noire)
- [ ] Coloured plates and/or illustrations/ Planches et/ou illustrations en couleur
- [ ] Bound with other material/ Relié avec d'autres documents
- [ ] Tight binding may cause shadows or distortion along interior margin/ La reliure serrée peut causer de l'ombre ou de la distortion le long de la marge intérieure
- [ ] Blank leaves added during restoration may appear within the text. Whenever possible, these have been omitted from filming/ Il se peut que certaines pages blanches ajoutées lors d'une restauration apparaissent dans le texte, mais, lorsque cela était possible, ces pages n'ont pas été filmées.
- [ ] Coloured pages/ Pages de couleur
- [ ] Pages damaged/ Pages endommagées
- [ ] Pages restored and/or laminated/ Pages restaurées et/ou pelliculées
- [x] Pages discoloured, stained or foxed/ Pages décolorées, tachetées ou piquées
- [ ] Pages detached/ Pages détachées
- [x] Showthrough/ Transparence
- [ ] Quality of print varies/ Qualité inégale de l'impression
- [ ] Includes supplementary material/ Comprend du matériel supplémentaire
- [ ] Only edition available/ Seule édition disponible
- [ ] Pages wholly or partially obscured by errata slips, tissues, etc., have been refilmed to ensure the best possible image/ Les pages totalement ou partiellement obscurcies par un feuillet d'errata, une pelure, etc., ont été filmées à nouveau de façon à obtenir la meilleure image possible.
- [x] Additional comments:/ Commentaires supplémentaires: Irregular pagination: [1] - 121, 121 - 122, 122 - 125, 125 - 126, 126 - 319 p.

This item is filmed at the reduction ratio checked below/
Ce document est filmé au taux de réduction indiqué ci-dessous.

10X	12X	14X	16X	18X	20X	22X	24X	26X	28X	30X	32X
						✓					

The copy filmed here has been reproduced thanks to the generosity of:

Library Division
Provincial Archives of British Columbia

The images appearing here are the best quality possible considering the condition and legibility of the original copy and in keeping with the filming contract specifications.

Original copies in printed paper covers are filmed beginning with the front cover and ending on the last page with a printed or illustrated impression, or the back cover when appropriate. All other original copies are filmed beginning on the first page with a printed or illustrated impression, and ending on the last page with a printed or illustrated impression.

The last recorded frame on each microfiche shall contain the symbol → (meaning "CONTINUED"), or the symbol ▽ (meaning "END"), whichever applies.

Maps, plates, charts, etc., may be filmed at different reduction ratios. Those too large to be entirely included in one exposure are filmed beginning in the upper left hand corner, left to right and top to bottom, as many frames as required. The following diagrams illustrate the method:

L'exemplaire filmé fut reproduit grâce à la générosité de:

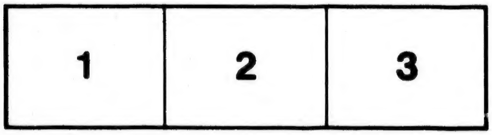
Library Division
Provincial Archives of British Columbia

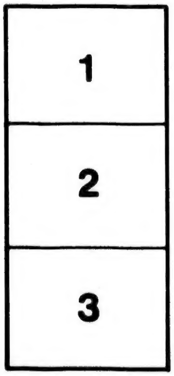
Les images suivantes ont été reproduites avec le plus grand soin, compte tenu de la condition et de la netteté de l'exemplaire filmé, et en conformité avec les conditions du contrat de filmage.

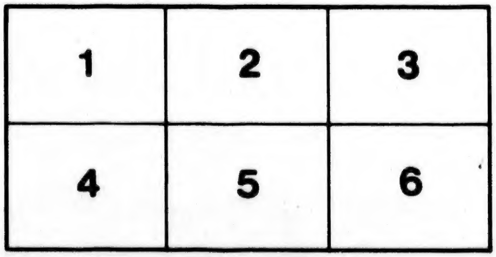
Les exemplaires originaux dont la couverture en papier est imprimée sont filmés en commençant par le premier plat et en terminant soit par la dernière page qui comporte une empreinte d'impression ou d'illustration, soit par le second plat, selon le cas. Tous les autres exemplaires originaux sont filmés en commençant par la première page qui comporte une empreinte d'impression ou d'illustration et en terminant par la dernière page qui comporte une telle empreinte.

Un des symboles suivants apparaîtra sur la dernière image de chaque microfiche, selon le cas: le symbole → signifie "A SUIVRE", le symbole ▽ signifie "FIN".

Les cartes, planches, tableaux, etc., peuvent être filmés à des taux de réduction différents. Lorsque le document est trop grand pour être reproduit en un seul cliché, il est filmé à partir de l'angle supérieur gauche, de gauche à droite, et de haut en bas, en prenant le nombre d'images nécessaire. Les diagrammes suivants illustrent la méthode.







ОПИСАНІЕ ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ

сочиненное

СТЕПАНОМЪ КРАШЕНИННИКОВЫМЪ,

Академіи Наукъ Профессоромъ.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1755. году

ОГЛАВЛЕНІЕ

КАМЧАТСКАГО ОПИСАНІЯ

шомъ вторый

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

О КАМЧАТСКИХЪ НАРОДАХЪ.

		страп.
Глава 1.	О Камчатскихъ народахъ вообще, - -	1
— 2.	О Камчадалахъ и отъ чего имя Камчадалъ происходитъ,	8
— 3.	О прежнемъ состояніи Камчатскаго народа, о внѣшнемъ видѣ и поступкахъ ихъ, - -	14
— 4.	О Камчатскихъ острожкахъ, - - -	25
— 5.	О домовой посудѣ и другихъ потребностяхъ, -	31
— 6.	О мускихъ и женскихъ трудахъ, - -	38
— 7.	О платьѣ, - - - - - -	42
— 8.	О пищѣ и питіи Камчатскаго народа и о приуготовленіи оныя, - - - -	49
— 9.	О ѣздѣ на собакахъ, - - - -	54
— 10.	О военномъ ополченіи Камчадаловъ, - -	62
— 11.	О богѣ и о сотвореніи земли по ихъ мнѣнію, -	71
— 12.	О шаманахъ, - - - - - -	81
— 13.	О праздникахъ и церемоніяхъ, - - -	84
— 14.	О пирахъ и забавахъ, - - - -	108
— 15.	О сведеніи дружества, - - -	117
— 16.	О сватаньѣ и свадьбахъ, - - -	120
— 17.	О плодородіи Камчадаловъ, о родахъ женъ ихъ и именахъ мужескихъ и женскихъ, - -	125
— 18.	О болѣзняхъ и лѣченіи, - - -	130
— 19.	О погребеніи умершихъ, - - -	135
— 20.	О разныхъ нарѣчіяхъ Камчатскаго народа, -	137
— 21.	О Коряцкомъ народѣ, - - - -	145
— 22.	О Курилахъ, - - - - -	179

ЧАСТЬ

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О ПОКОРЕНІИ КАМЧАТКИ, О БЫВШИХЪ ВЪ РАЗНЫЯ ВРЕМЕНА БУНТАХЪ, ИЗМѢНАХЪ, И О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ ТАМОШНИХЪ РОССІЙСКИХЪ ОСТРОГОВЪ.

		страни.
Глава 1.	О перьвомъ покореніи Камчатки, - -	189
— 2.	О бунтѣ тамошнихъ казаковъ, о убійствѣ трехъ прикащиковъ и о слѣдствіи того убійства, -	200
— 3.	О прикащикахъ бывшихъ послѣ Василья Колесова до главнаго Камчатскаго бунта, что при которомъ достойнаго примѣчанія зделалось; о приключеніи при вывозѣ ясашной казны съ Камчатки; и о провѣданіи пути изъ Охотска на Камчатку чрезъ Пенжинское море, - - -	215
— 4.	О измѣнѣ Камчадаловъ, и о сожженіи Нижняго Камчатскаго острога, о покореніи ихъ, и о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи и розыскѣ, -	225
— 5.	О Камчатскихъ острогахъ, о ихъ преимуществѣ и недостаткахъ и о нынѣшнемъ ихъ состояніи, -	236
— 6.	О тамошнихъ жителяхъ и о ихъ содержаніи,	243
— 7.	О подчиненныхъ каждому острогу Камчатскихъ и Коряжскихъ острожкахъ, о ясачномъ зборѣ съ нихъ и о казенныхъ доходахъ, - - -	249
— 8.	О купечествѣ, - - - -	259
— 9.	О разныхъ дорогахъ, которыми изъ Якутска на Камчатку переѣжжать можно, - -	265

ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

о Камчатскихъ народахъ.

ГЛАВА 1.

о Камчатскихъ народахъ вообще.

Камчатка сколь дикое мѣсто по своему состоянїю, столь и дикими народами обитаемо. Иные изъ нихъ живутъ какъ Лопари, переходя съ мѣста на мѣсто съ оленьими табунами своими; другїе по рѣкамъ въ Восточное и Пенжинское море текущимъ, не перемѣняя жилищъ своихъ, и имѣя отъ ловли рыбной или морскихъ звѣрей пропитанїе, а иные по островамъ лежащимъ около Курильской лопатки, питаясь морскимижъ звѣрьми, рыбою и всякими извергаемыми изъ моря и растущими около береговъ вещами, какъ на примѣръ рѣпою морскою, капустою, раками

и прочая. Первые живутъ въ юртахъ изъ оленьихъ кожъ, а протчïе въ землянкахъ. Всѣ вообще житïемъ гнусны, нравами грубы, язычники не знающïе бога и не имѣющïе никакихъ писмянъ.

Природныхъ тамошнихъ жителей считается три народа, Камчадалы, Коряки и Курилы. Камчадалы живутъ въ южной части Камчатскаго мыса, отъ устья рѣки Уки до Курильской лопатки, и на первомъ Курильскомъ острову называемомъ Шоумшчу. Коряки въ сѣверныхъ мѣстахъ, и въ кругъ Пенжинскаго моря до рѣки Нукчана, а въ кругъ Восточнаго Окïяна почти до Анадыря; а Курилы на второмъ Курильскомъ острову и на другихъ до Японскаго владѣнïя. И такъ Камчадалы съ южной стороны имѣютъ въ сосѣдствѣ Куриловъ, а съ сѣверной Коряковъ. Коряки смежны съ Чукчами, Юкагирями и Ламутками, а Курилы съ Камчадалами и Японцами.

Камчадаловъ по разности языка можно раздѣлить на два народа, на сѣверной и южной. Сѣверной народъ, которой имѣетъ свои жилища по рѣкѣ Камчаткѣ съ вершины до устья, и по берегу Восточнаго Окïяна отъ устья Уки рѣки на югъ до устья Налачевой, за столповой по справедливости почесться можетъ: ибо оной и поступками въ разсужденïи другихъ лучше, и нравами не столь суровъ, и въ языкѣ ни гдѣ почти никакой не имѣетъ отмѣны. Напротивъ того у протчихъ въ каждомъ острогѣ особливое нарѣчïе примѣчается. Южной народъ по Восточному морю отъ Налачевой до Курильской лопатки, а по Пенжинскому отъ лопатки на сѣверъ до рѣки Харïузовой имѣетъ свои жилища.

Коря-

Коряки раздѣляются просто на два же народа на Оленныхъ и сидячихъ. Оленные съ табунами своими съ мѣста на мѣсто кочуютъ, а сидячіе живутъ при рѣкахъ, какъ Камчадалы. Въ языкѣ имѣютъ такую разность, что Оленные сидячихъ едва разумѣть могутъ, а особливо тѣхъ, кои смежны съ Камчадалами, и многія слова ихъ въ своемъ языкѣ употребляютъ.

Такимъ же образомъ раздѣляютъ нѣкоторые и Курильцовъ на дальнихъ и ближнихъ. Подъ именемъ дальнихъ разумѣются Курильцы на дальнихъ и на второмъ Курильскомъ острову живущіе, потому что они выѣжжіе съ другихъ острововъ; а подъ именемъ ближнихъ жители перьваго Курильскаго острова и Курильской лопатки. Но сіе раздѣленіе не справедливо. Ибо хотя объявленные перьваго острова и Курильской лопатки жители въ языкѣ своемъ, въ обрядахъ и въ тѣлесномъ видѣ нѣсколько отъ Камчадаловъ и разнствуютъ, однако заподлинно извѣстно, что они происходятъ отъ Камчадаловъ, которыхъ я называю южными: а помянутая разность происходитъ отъ сосѣдства, обхожденія и взаимнаго супружества съ прямыми Курилами.

Камчадалы какъ сѣверные, такъ и южные называютъ себя *Ительменъ*, житель, а въ женскомъ родѣ *Ительма*, которое названіе произходитъ отъ глагола *Ителахса* живу, какъ пишетъ господинъ Стеллеръ. *Кима ителахса* значитъ я живу, а *Менъ* человѣка, *ма ителахсанъ*, гдѣ онъ живетъ? Корни сихъ словъ, по егожъ объявленію, остались въ языкѣ Камчадаловъ,

которые живутЪ между рѢками НемпикомЪ и Морошечной. ВсемилостивѢйшую Государыню называютЪ они *Коачь АеремЪ*, то есть Государь сіяющій какЪ солнце, безЪ различія полу: ибо солнце на ихЪ языкѢ *Коачь*, а Государь *АеремЪ*. РоссіанЪ вообще именуютЪ *БрыхтатынЪ* огненные люди, по причинѢ огненнаго оружія, котораго они не видая прежде, и не имѢя о стрѢльбѢ изЪ него понятія, думали, что огонь не изЪ ружья выходитЪ, но что Россіяне огненное имѢютЪ дыханіе. Коряки на ихЪ языкѢ *ТаулюганЪ*, Курильцы *КушинЪ* и *КужинЪ*.

Камчадалы между протчимЪ имѢютЪ такое смѢшное обыкновеніе, что всякую вещь своимЪ языкомЪ назвать стараются, смотря на сходство ея имени, на дѢйствія и на другія обстоятельства: буде же понятіе какой вещи имЪ трудно, и сходства имени скоро не сыщутЪ, то и чужестранное имя принимаютЪ, но такЪ его испортя, что почти не будетЪ имѢть сЪ сущимЪ именемЪ и подобія. ТакимЪ образомЪ священникЪ у нихЪ называется *БогбогЪ*, безЪ сумнѢнія для того, что часто бога упоминаетЪ; ДокторЪ *ДухтонасЪ*, СтудентЪ *Сохейнахчь*, студеной, хлѢбЪ *БрыхтатынЪ аугчь*, Россійская сарана, дьячокЪ *Ки аангычь*, морской воспрохвостЪ утка, которая по ихЪ мнѢнію также какЪ дьячекЪ поетЪ; КолоколЪ *КукЪ*, желѢзо *Оаvv*, КузнецЪ *Оазахиса*, МатрозЪ *УчапешинитахЪ*, на верьхЪ лазящій, КонопатчикЪ *КалуласанЪ*, чай *СохосохЪ*, чайка, ПодполковникЪ, которой будучи при слѢдствіи многихЪ вѢшалЪ, *ИтахзашахЪ* вѢшатель.

Олен-

Оленные Коряки сами себя называютъ *Тумугуту*, Россіанъ *Мельгытангы*, какъ уже выше объявлено, Камчадаловъ *Хончала*, а о Курильцахъ не знаютъ. Сидячіе себя называютъ *Чауччу*, Россіянъ также какъ Оленные *Мельгытангы*, Камчадаловъ *Нымылага*, а Курильцовъ *Куинала*.

Курильцы себя называютъ *Уйпутъ-Ееке*, Курильцовъ неясашныхъ, кои на дальнихъ островахъ живутъ, *Яункуръ*, Россіанъ *Сисеанъ*, Камчадаловъ *Арутарункуръ*, а про Корякъ не вѣдаютъ.

Что значатъ названія, о которыхъ знаменованіи не упомянуто, того по причинѣ грубости народовъ и неисскуства толмачей неможно было провѣдать. Впрочемъ довольно видѣть можно всякому, что мы ни одного народа собственнымъ его именемъ не называемъ, но по большей части такимъ, какимъ они назывались отъ сосѣдей, которые прежде отъ Россіи завоеваны были, придавъ имени ихъ свое окончаніе и нѣсколько испортя. Такимъ образомъ Камчадаловъ называемъ мы покорятцки, ибо Камчадалъ отъ Корятцкаго Хончала происходитъ; Курильцовъ покамчатски, ибо Курилецъ отъ куши имѣетъ свое начало.

О происхожденіи Корятцкаго имени хотя неизвѣстно заподлинно, однако Стеллерово о томъ примѣчаніе, что слово Коряка происходитъ отъ Хора, Оленя, весьма вѣроятно: ибо Казаки по приходѣ къ сему народу, можетъ быть, часто слыша слово Хора, или и видя что благополучіе помянутыхъ иновѣрцовъ состоитъ въ оленныхъ табунахъ, прозвали ихъ Коряками, то есть Оленнымъ народомъ. Чукчи живущей въ Чукоцкомъ носу немирной

мирной народъ, называется также испорченнымъ именемъ *Чаучу*, которое общее есть всѣмъ сидячимъ Корякамъ. Одно неизвѣстно происхожденіе имени Юкагирь, съ которымъ народомъ Оленные Коряки пограничны въ сѣверѣ. Корядкое имя Éдель, то есть Волкъ, которымъ они называютъ Юкагирей по притчинѣ пропитанія ихъ звѣриною ловлею, которую уподобляютъ Волчьему хищенію, за начáло Юкагирскаго наименованія почéсть сумнительно, хотя между обоими именами и есть нѣкоторое сходство; особливо же что не знаемъ мы, какъ Юкагири сами себя называютъ, и какъ сосѣди ихъ, которые живутъ къ Якуцку ближе.

Что касается до языка Камчатскихъ народовъ, то ихъ по числу народовъ три считается: Камчатской, Корядкой и Курильской: впротчемъ каждой языкъ по разности нарѣчія на особливые языки раздѣляется. Въ Камчатскомъ языкѣ три главныя нарѣчія, одно употребляется у сѣверныхъ, а другое у южныхъ Камчадаловъ. Сіи два нарѣчія такъ между собою различны, что можно бы ихъ почéсть и за два разные языка; однако Камчадалы другъ друга безъ толмача разумѣютъ, хотя слова̀ ихъ нарѣчій не имѣютъ почти никакого сходства, чему господинъ Стеллеръ не безъ притчины удивляется. Третьимъ нарѣчіемъ можно почéсть языкъ, которымъ говорятъ жители Пенжинскаго мóря отъ Воровской рѣки до Тигиля, и которой состоитъ изъ обѣихъ вышеписанныхъ нарѣчій и изъ нѣкотораго числа̀ Корядкихъ словъ. Въ Корядкомъ языкѣ *дваже нарѣчія, одно Оленныхъ Коря-

*Стеллеръ третьимъ нарѣчіемъ почитаетъ Чукоцкой.

Корякъ, а другое сидячихъ. О Коряцкомъ языкѣ хотя и неизвѣстно заподлинно, сколько въ немъ нарѣчій: ибо подданные Россійскіе говорятъ однимъ языкомъ, а о другихъ и сами не знаютъ, однако сумнѣваться почти неможно, чтобъ у нихъ по разнымъ островамъ не было въ языкѣ по крайней мѣрѣ такой же отмѣны, какова у Камчадаловъ южныхъ и у сидячихъ Корякъ по разнымъ острожкамъ примѣчается.

Камчатской языкъ выговаривается половиною въ горлѣ, и половиною во ртѣ. Произношеніе ихъ языка тихо, трудно, съ протяженіемъ и удивительнымъ тѣлодвиженіемъ, а сіе показываетъ людей боязливыхъ, раболѣпныхъ, коварныхъ и хитрыхъ, каковы они и въ самомъ дѣлѣ.

Коряки говорятъ изъ всего горла съ великимъ крикомъ и замѣшательствомъ: слова въ языкѣ ихъ долги, но слоги коротки: начинаются по большей части съ двухъ гласныхъ и на гласныя же кончатся, какъ напримѣръ *Уемкуй*, важенка или нѣжжалой олень. Нравы сего народа согласны съ языкомъ ихъ, какъ въ описаніи его объявлено будетъ.

Курилы говорятъ тихо, плавно, свободно и пріятно. Слова въ языкѣ ихъ посредственны, гласныхъ и согласныхъ въ нихъ умѣренно; но и самой народъ всѣхъ дикихъ народовъ добронравнѣе, осторожнѣе, правдивѣе, постояннѣе, обходительнѣе и честолюбивѣе.

ГЛАВА

ГЛАВА 2.

О произхожденіи званія Камчадалъ и Камчатскаго народа по одчимъ токмо догадкамъ.

Хотя и выше сего объявлено, что званіе Камчадалъ происходитъ отъ Коряцкаго имени *Хончало*, однако притчины не показано, съ чего Коряки Камчадаловъ такъ называютъ, и для того должно сообщить здѣсь изъясненіе.

Нѣкоторые пишутъ, аки бы помянутой народъ Камчадалами отъ Россіанъ прозванъ по рѣкѣ Камчаткѣ, которая до ихъ еще приходу называлась Камчаткою, по имени славнаго воина Кончáта, и аки бы Россіане отъ тамошнихъ язычниковъ чрезъ знаки примѣтя, что великая оная рѣка *Коншатка* по ихъ именуется, всѣхъ тамошнихъ жителей прозвали Камчадалами. Но сіе есть искусной вымыселъ и предразсужденіе: 1) для того, что Россіанамъ съ Камчадалами чрезъ знаки говорить не было нужды: ибо при нихъ довольно было толмачей изъ сидячихъ Корякъ, которые Камчатской языкъ совершенно знаютъ. 2) что имя Хончатъ Камчадаламъ не вѣдомо. 3) а хотя бы того имени и былъ у нихъ человѣкъ, то рѣка не могла прозваться его именемъ: ибо Камчадалы ни рѣкъ, ни озеръ, ни горъ, ни острововъ именемъ людей не называютъ; но даютъ имъ имена по нѣкоимъ свойственнымъ имъ качествамъ, или по сходству съ другими вещами. 4) что Камчатка рѣка не Коншаткою, но Уйкуалъ, то есть большéю рѣкою называется, какъ ужè выше объявлено. А съ чего Коряки Камчадаловъ зовутъ *Хончáло*, о томъ

хотя

хотя заподлинно объявить и нельзя; для того что Коряки и сами притчины тому не вѣдают: однако не безъ основанія думать можно, что *Хончало* есть испорченное слово изъ *Коочь-ай*, что значит жителя по рѣкѣ Еловкѣ, которая течет въ Камчатку, и Коочь называется, какъ въ перьвой части сего описанія показано.

Камчадалы кромѣ общаго имени Ительмень, различают себя от большей части званіем рѣкъ или других урочищъ, гдѣ они жилища свои имѣют: такъ напримѣръ, Кыкша-ай, житель при большей рѣкѣ, Суачу-ай, житель при Авачѣ, Коочь-ай Еловской житель и прочая: ибо ай приложенное къ званію рѣки или другаго какого урочища значит жителя того мѣста, къ которому прилагается, такъ какъ Ительмень вообще Камчатскаго жителя.

Которые Кончата славным воином тамошних мѣст называют, тѣ въ одном том ошиблись, что храбрость оную одному человѣку приписали, которую надлежало приписать всѣм Еловским жителям, изъ которых каждой *Коочь-ай* или по их *Кончат* называется. Ибо сіе самая правда, что Еловскіе жители издревле почитались храбрыми, и славны были перед протчими; чего ради и Корякам, какъ по сосѣдству, такъ и по той знати под именем своим *Коочь-ай*, которым они и от других Камчадалов называются, были вѣдомы.

О перемѣнѣ Коочь-ай на Хончала, и Хончала на Камчадала, въ рассужденіи нарочитаго сходства имен, немногіе, чаю, сумнѣваться имѣют, особливо которым извѣстно, коим образом и въ самых Европейских

пейскихъ языкахъ чужестранныя слова портятся, а по тамошнимъ мѣстамъ тысячи оному примѣровъ показать можно, какъ нетокмо язычники, но и самые Россіяне чужія званія портятъ. Такъ напримѣръ изъ Усъ-кыгъ, то есть Усъ рѣчка, здѣланы у нихъ ушки, изъ Кру-кыгъ крюки, изъ Уўту утка, изъ Кали-кыгъ Халилики, изъ Кужи Курилъ или Курилецъ и прочая. Чтожъ касается до происхожденія Камчатскаго народа, до прежняго мѣста жилищъ ихъ, до преселенія въ сіи мѣста и до времени преселенія, того хотя съ такою исправностію, какова требуется по исторической достовѣрности, показать и не возможно; ибо дикой оной народъ, у котораго всѣ доказательства древности состоятъ въ словесныхъ преданіяхъ, и самъ ничего о томъ не вѣдаетъ, но наипаче утверждаетъ, что они на семъ мѣстѣ сотворены, и ни въ какія другія мѣста никогда не преселялись, а творцомъ своимъ и прародителемъ почитаютъ Кутху, которой прежде живалъ на небѣ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ пространнѣе; однако по склонности, по внѣшнему виду, по обычаямъ, по имени, по языку, платью, и по другимъ обстоятельствамъ думать можно, что Камчадалы въ древніе годы преселились туда изъ Мунгаліи, которой древности Стеллеръ приводитъ слѣдующее въ доказательство:

1) Что Камчадалы не знаютъ, откуда они происходятъ, потерявъ о томъ всѣ преданія: чего ради вѣрить начали, что Кутху на томъ мѣстѣ ихъ создалъ, какъ выше показано.

2) Что они до приходу Россійскихъ людей ни о какихъ другихъ народахъ ни мало не знали, выклю-

чая

чая сосѣдей своихъ Корякъ и Чукочь, а о Японцахъ и Курильцахъ увѣдали они не весьма давно, или по причинѣ бывшаго торгу съ ними, или потому что иногда выкидывало на берега ихъ Японскія бусы.

3) Что сіи народы весьма умножились, не взирая на то, что ежегодно много ихъ погибало отъ катящагося съ горъ снѣгу, отъ бурь, отъ звѣрей, отъ потопленія, отъ самоубивства и отъ войны между собою.

4) Что они великое имѣютъ знаніе въ тамошнихъ натуралныхъ вещахъ, какую онѣ имѣютъ силу, и къ чему угодны, чего въ краткое время опытами извѣдать не можно, тѣмъ наипаче, что для такого изслѣдованія болше четырехъ мѣсяцовъ въ году не остается: ибо зима тамъ долгая, а лѣто короткое, но и то время надлежитъ имъ употреблять на рыбную ловлю, какъ на главное пропитаніе.

5) Что инструменты и всякая домовая посуда разнятся отъ посуды всѣхъ другихъ народовъ, и что по обстоятельству ихъ житія и нужды такъ хитро здѣланы, что не видавъ образца и разумному трудно выдумать: такого состоянія ихъ санная ѣзда на сабакахъ.

6) Что нравы ихъ грубы, и склонность не разнствуетъ отъ безсловесныхъ животныхъ: ибо они пекутся о удовольствіи токмо плоти, которое почитаютъ за вящшее благополучіе, а о душѣ не имѣютъ и понятія.

Чтожъ они произошли изъ Мунгаліи, а не отъ другихъ народовъ, то есть ни отъ Татаръ по сю

сторону Амура живущихЪ, ни отЪ КурильцовЪ, ни отЪ ЯпонцовЪ, о томЪ думать побуждаютЪ нижеписанныя обстоятельства. ОтЪ поколѣнія татарЪ неможно, кажется имЪ быть для того, что вЪ противномЪ случаѣ при своемЪ переселеніи конечно заняли бы они мѣста по Ленѣ, которыми нынѣ владѣютЪ Якуты сЪ Тунгусами: ибо они и по довольству кЪ содержанію удобнѣе КамчатскихЪ, и никѣмЪ не были обитаемы. Будеже думать, что они вЪ тѣхЪ мѣстахЪ живали, но послѣ выгнаны Якутами по приходѣ ихЪ вЪ тѣ мѣста, какЪ Тунгусы, которые нынѣ живутЪ вЪ срединѣ между братскими и Якутами, то бы Якуты и обЪ нихЪ, такЪ какЪ о ТунгусахЪ имѣли хотя малое извѣстіе, чего однакожЪ непримѣчено. Что они не отЪ роду Курильскаго, оное доказывается нравами и совершеннымЪ несходствомЪ вЪ тѣлесномЪ видѣ; а что не отЪ ЯпонцовЪ, то вѣроятною древностію ихЪ переселенія вЪ тѣ мѣста, которое, кажется, случилось, прежде нежели Японцы отЪ КитайцовЪ отпали и поселились на нынѣшнемЪ мѣстѣ. Притчина тому, что Камчадалы о употребленіи желѣза и о желѣзной рудѣ, также и о другихЪ металлахЪ не вѣдаютЪ, хотя Мунгалы назадЪ тому болѣе двухЪ тысячь лѣтЪ и ружейной снарядЪ и домовые инструменты изЪ желѣза дѣлать начали, такЪ какЪ Татары изЪ мѣди ножи и кинжалы. По чему вѣроятно, что Камчатскіе народы вЪ началѣ самодержавнаго владѣнія Князей вЪ Восточных странахЪ Азіи, удалились кЪ морю такЪ какЪ Лопари, остяки и самоядь убѣгая отЪ нашествія другихЪ народовЪ вЪ Европѣ, и по берегу Пенжинскаго

скаго моря дошли до Камчатки. Ежели же бы Камчадалы не старѣ Тунгусовъ были пресѣленіемъ, то бы Тунгусы при случаѣ своего бѣгства не преминули дойти до Камчатки, какъ до мѣста безопаснѣйшаго по отдаленію. Чтожъ тѣ мѣста заняты были толь многочисленнымъ народомъ, что Тунгусы не взирая на храбрость свою не могли противъ ихъ отважится, то непосредственно слѣдуетъ, что они задолго до приходу Тунгусовъ поселились и умножились.

Что касается до прежнихъ жилищъ Камчатскаго народа, то они, кажется, жили за Амуромъ въ Мунгаліи, и прежде съ Мунгалами были одинъ народъ, а оное доказывается слѣдующими доводами. 1) Что* въ Камчатскомъ языкѣ много словъ, которыя имѣютъ Мунгальское или Китайское свойство по окончаніямъ на онгъ, ингъ, оангъ, чинъ, ча, чингъ, кси, ксунгъ; однако много бы того было, естьли бы кто многихъ и цѣлыхъ словъ и согласныхъ реченій потребовалъ; ибо Камчатской языкъ въ одномъ народѣ и въ одной землѣ діалектами разнится; но довольно для свойства языка и того, по чему Европеецъ не учась языкамъ знаетъ изъ одного произношенія, кто говоритъ по Нѣмецки, кто по Французски, по Италіански, и прочая; наипаче разность словъ сама доказательствомъ, что преселеніе Камчатскаго народа въ самыя древнія времена было, и что нынѣ осталась одна тѣнь сходства между языками, а не самое сходство, такъ какъ въ Еврей-

*Камчатской и Коряцкой народъ должно рузумѣть за одинъ народъ, какъ изъ слѣдующаго явствуетъ, а объявленныя окончанія токмо въ Коряцкомъ языкѣ примѣчаются.

въ Еврейскомъ и Татарскомъ. Въ утвержденіе сего можетъ служить, что Камчатской языкъ съ Мунгальскимъ не токмо въ словахъ имѣетъ сходство, но въ склоненіи и произвожденіи: ибо въ Мунгальскомъ языкѣ сіе особливое, что много перьвообразныхъ. 2) Что Камчадалы такъ какъ Мунгалы ростомъ низки, тѣломъ смуглы, немохнаты, черноволы, малобороды, лицемъ калмыковаты съ покляпыми носами, косолапы. Глазà у нихъ впали, брови малы и рѣдки, брюхà отвислы, нóги и рýки малы и тонки, походка тихая. Сверьхъ того робость, хвастовство, раболѣпность къ строгимъ, упрямство и презрѣніе къ ласковымъ обоимъ народамъ свойственны.

ГЛАВА 3.

О прежнемъ состояніи Камчатскаго народа.

До покоренія Россійскому владѣнію дикой оной народъ жилъ въ совершенной вольности; не имѣлъ никакихъ надъ собою начальниковъ, не подверженъ былъ никакимъ законамъ, и дани никому не плачивалъ. Старые и удалые люди имѣли въ каждомъ острожкѣ преимущество, которое однакожъ только въ томъ состояло, что ихъ совѣты предпочитались; впротчемъ было между ими равенство, никто никѣмъ повелѣвать не могъ, и никто самъ собою не смѣлъ другаго наказывать.

По внѣшнему виду сей народъ и сходенъ съ другими Сибирскими народами, и нѣкоторую имѣетъ отмѣну, почему оной легко распознать можно, какъ

ужè

ужѐ выше показано. Сходство состоитъ особливо втомъ, что они цѣломъ смуглы и черноволосы, что глаза̀ у нихъ малы и лíца плоски; а несходство, что лíца у Камчадаловъ не столь продолговаты и скуласты, какъ у другихъ народовъ, что щéки у нихъ одутловаты, губы толсты и ротъ превеликой, возрасту всѣ по большей части средняго, плечисты и присадисты, особливо, кои живутъ при морѣ, и морскими звѣрями питаются. Великановъ по всей Камчаткѣ не примѣчено.

Въ житьѣ гнусны, никакой чистоты не наблюдаютъ, лица̀ и рукъ не умываютъ, ногтей не обрѣзываютъ, ѣдятъ изъ одной посуды съ сабаками, и никогда ея не моютъ, всѣ вообще пахнутъ рыбою, какъ гагары: волосовъ на головѣ не чешутъ, но расплетáютъ на двѣ косы какъ мущины такъ и женщины. У которыхъ бабъ долгія косы, тѣ для красы расплетаютъ ихъ на многія мѣлкія косы, а потóмъ въ двѣ большія соединяютъ, и закинувъ на спину связываютъ на концѣ веревочкой. Когда волосы изъ косъ выcиваются, то пришиваютъ ихъ нитками, чтобъ были гладки, и потому онѣ столь вшивы, что рукою, какъ гребнемъ, поднявъ косы ихъ чешутъ, и сметая въ кучу пожираютъ, какъ выше показано. А у которыхъ волосы малы, тѣ парики объявленнымъ образомъ здѣланные носятъ, которые вѣсомъ бываютъ до десяти фунтовъ, и голову сѣнною копною представляютъ: впрочемъ женской полъ красивѣе, и кажется умняе, чего ради изъ бабъ и изъ Коéкчучей ихъ больше шамановъ, нежели изъ мужеска полу.

Платье

Платье носятъ изъ звѣриныхъ кожъ; питаются кореньемъ, рыбою и морскими звѣрями. Живутъ зимою въ земляныхъ юртахъ, а лѣтомъ въ балаганахъ: въ зимнее время ѣздятъ на собакахъ, а лѣтомъ, гдѣ судовой ходъ, батами, а гдѣ нѣтъ, пѣшіе ходятъ. Тяжести мущины на плечахъ, а женщины лбомъ носятъ.

О богѣ, порокахъ и добродѣтеляхъ имѣютъ развращенное понятіе. За вящшее благополучіе почитаютъ обьяденіе, праздность и плотское совокупленіе: похоть возбуждаютъ пѣніемъ, пляскою и рассказываніемъ любовныхъ басенъ по своему обыкновенію. Главной у нихъ грѣхъ скука и неспокойство, котораго убѣгаютъ всѣми мѣрами, не щадя иногда и своей жизни. Ибо по ихъ мнѣнію лучше умереть, нежели не жить, какъ имъ угодно. Чего ради прежде сего самоубивство было у нихъ послѣдней способъ удовольствія, которое до самаго ихъ покоренія продолжалось, а по покореніи такъ было умножилось, что изъ Москвы нарочные были указы, чтобъ Россіянамъ не допускать Камчадаловъ до самовольной смерти.

Впротчемъ живутъ они беззаботно, трудятся по своей волѣ, думаютъ о нужномъ и настоящемъ, будущее со всѣмъ оставя. богатства, славы и чести не вѣдаютъ, чего ради нѣтъ между ими сребролюбія, любочестія и гордости, но токмо роскошь и похоть съ своими плодами, а притомъ ярость, ненависть и мщеніе: чего ради и войны какъ между собою, такъ и съ сосѣдьними народами имѣли они не для распространенія землй, ни для пріобрѣтенія власти, но по

притчинѣ

притчинѣ какой нибудь обиды, или для похищенія сьѣстныхъ припасовъ, а наибольше для дѣвокъ, которыхъ они могли въ жены брать съ меньшимъ трудомъ, нежели какъ добровольно: ибо имъ жены весьма доставались дорого, какъ о томъ въ своемъ мѣстѣ объявлено будетъ.

По тойже притчинѣ и торги у нихъ не для богатства были, но для полученія нужнаго къ содержанію. Корякамъ давали они соболи, лисицы, рослыя бѣлыя сабачьи кожи, сушеной мухоморъ и другія мѣлочи, а отъ нихъ получали шитое оленье платье и кожи. Между собою мѣнялись тѣмъ, въ чемъ одинъ противъ другаго имѣлъ изобиліе и недостатокъ, въ томъ числѣ почитались сабаки, лодки, чаши, корыта, сѣти, кропива мятая и сьѣстные припасы; а мѣна оная отправлялась подъ видомъ сведенія дружбы: ибо когда кому что у другова нравилось, или въ чемъ случалась нужда, то долженъ онъ былъ къ другому пріѣхать въ гости, и сказать о томъ безъ зазору, что онъ въ гости къ нему пріѣхалъ, хотя бы прежде и не имѣлъ съ нимъ обхожденія. Тогда хозяину надлежало потчивать его по обычаю, обрать все, что понравится, и отпустить домой почти нагова; а потомъ самому къ нему пріѣхать, и быть принияту равнымъ образомъ: при которыхъ случаяхъ оба получали то, въ чемъ имѣли нужду, но о семъ въ особливой главѣ писано будетъ пространнѣе.

Поступки ихъ безмѣрно грубы. Учтивства въ словахъ и поздравленія нѣтъ въ обычаѣ. Шапокъ не скидаютъ, и не кланяются другъ другу. Въ разгово-

 рахъ

рахъ столь глупы, что кажется, будтобы они токмо языкомъ разнились отъ безсловесныхъ животныхъ: однако любопытны, и всякой вещи начало и произхожденіе объявить стараются, которое однакожъ не превосходитъ мѣры ихъ понятія.

Всѣ почти мѣста въ свѣтѣ, небо, воздухъ, воды, землю, горы и лѣса населили они различными духами: которыхъ опасаются, и больше бога почитаютъ. Жертвы даютъ при всякомъ случаѣ, а иныхъ и болваны при себѣ носятъ, или имѣютъ въ своихъ жилищахъ. А бога напротивъ того нетокмо не боятся, но и злословятъ при трудныхъ или нещастливыхъ случаяхъ.

Лѣтъ отъ рожденія себѣ не знаютъ. Счетъ, хотя у нихъ и до ста есть, однако такъ имъ труденъ, что безъ пальцовъ трехъ перечесть не могутъ. Всего смѣшнѣе, когда имъ надобно считать больше десяти, тогда они пересчитавъ пальцы у рукъ, и сжавши обѣ руки вмѣстѣ, что значитъ десять, остальное дочитаютъ ножными перстами. Будеже число превзойдетъ дватцать, то пересчитавъ пальцы у рукъ и у ногъ въ нѣкоторое приходятъ изумленіе, и говорятъ *Мáча*? то есть, гдѣ взять.

Въ году считаютъ десять мѣсяцовъ, изъ которыхъ иные долѣ, а иные короче; для того что они не по лунному теченію ихъ раздѣляютъ, но потому, что когда дѣлаютъ, какъ видно изъ слѣдующихъ ихъ названіевъ.

1. Чýжлингачь-кулéчь. Грѣховъ очиститель, ибо въ семъ мѣсяцѣ бываетъ у нихъ

		нихъ праздникъ и грѣховъ очищеніе.
2. Кукамлилиначь-кулечь.		Отъ великихъ морозовъ топорища ломаются.
3. Балатулъ	——	Тепла начало.
4. Кыдышкуннычь	——	Долгой день становится.
5. Кахтанъ	——	Наставой мѣсяцъ.
6. Куйше	——	Мѣсяцъ красной рыбы.
7. Ажаба	——	—— бѣлой рыбки.
8. Кайко	——	—— Кайка рыбы.
9. Кыжу	——	—— бѣлой рыбы.
10. Кихтеру	——	—— листопадной.

Сей послѣдней мѣсяцъ до самаго Ноября или до ихъ грѣховъ очистителя продолжается: чего ради содержитъ въ себѣ около трехъ мѣсяцовъ. Но сіи имена мѣсяцамъ не у всѣхъ Камчадаловъ употребительны, да токмо у тѣхъ, кои живутъ по рѣкѣ Камчаткѣ; а у находящихся отъ Камчатки въ сѣверѣ, нѣкоторымъ мѣсяцамъ имена особливыя, и въ счисленіи ихъ слѣдующей порядокъ:

1. Келуооль -	кулечь.	Рѣкоставъ мѣсяцъ.
2. Кыжатпъ -	——	Звѣрей слѣдить удобной.
3. Чужлингечь -	——	Грѣховъ очиститель.
4. Кукамлилингчь	——	Отъ мороза топорища ломаются.
5. Кыдышконнечь	——	Дни долгіе становятся.
6. Шижо -	——	Лахтаки щенятся.
7. Кууль -	——	Тюлени щенятся.
8. Кожа -	——	Ѣжжалые олени телятся.
9. Каю -	——	Дикіе олени телятся.

10. Куйлькожалидечь-кулечь. Рыбу промышлять начинають.

Годъ раздѣляется, на четыре части и лѣто называють они *Адалиаль*, зиму *Квелелю*, осень *Кытхеиль*, весну *Угаль*, а когда которое время начинается или кончится, о томъ сказано мнѣ, что они того не вѣдають; но господинъ Стеллеръ о раздѣленіи времени слѣдующее пишетъ: Камчадалы довольно знають, что свѣтъ сотворенъ не отъ вѣка, но что оной воспріялъ начало со временемъ. Время отъ жителей Пенжинскаго моря *Итквохъ* или *Азкедъ*, а отъ жителей рѣки Камчатки *Леткуль* или *Ельчичь* безъ всякаго въ произведеніи основанія именуется. Отъ незнанія движеній главныхъ планетъ раздѣляютъ они время удивительно, и дѣйствія движенія на землѣ принимая въ основаніе опредѣляютъ оное. Вообще солнечной годъ раздѣляютъ на двое, считая по шести мѣсяцовъ въ каждой половинѣ. Такимъ образомъ зима составляетъ у нихъ годъ, а лѣто другой.

Величина каждаго года опредѣляется теченіемъ луны, и время отъ одного новомѣсячія до другова за число дней въ мѣсяцѣ принимается. Лѣтней годъ начинается у нихъ съ Маія мѣсяца, а зимней съ Ноября. Южные Камчадалы Май называютъ тава-коачь, то есть травничковъ мѣсяцъ, ибо тава на ихъ языкѣ травникъ, а *коачь* луна и солнце. Причина названія мѣсяца, что тогда травники прилетаютъ, и вездѣ появляются. Іюнь *куа-коачь* кокушкинъ мѣсяцъ, что кокушка тогда кокуетъ: Іюль *Етемета-коачь* лѣтней мѣсяцъ: Августъ *Кихзуя-коачь* отъ промыслу рыбы

при

при лунномъ сіяніи; Сентябрь *Коазухта-коачь* блеклой и листопадной мѣсяцъ отъ того, что въ то время листъ на деревѣ блекнетъ и опадаетъ. Октябрь *Пикисъ-коачь* пигаличей мѣсяцъ, для того что малая сія птица, которой во все лѣто на деревахъ одѣтыхъ листьемъ не можно видѣть, тогда оказывается. Сіи шесть мѣсяцовъ составляютъ лѣто и первой годъ. Въ зимнемъ году первой числится Ноябрь по ихъ званію *Каза-коачь* отъ дѣланія кропивы, ибо кропива по ихъ казаáнъ называется, которую они тогда рвутъ, мочатъ, дерутъ и сушатъ, Декабрь *Ноккосенсиль*, нѣсколько озябъ, показывая, что тогда обыкновенно стужа начинается. Генварь *Зиза-коачь* не трогай меня, отъ того что почитается тогда за великой грѣхъ припадкою изъ рѣкъ пить воду, но надлежитъ въ то время имѣть при себѣ ковшъ или бараней рогъ, которой вмѣсто ковша употребляется. Причина тому, что они пьючи припадкою отмараживаютъ губы. Февраль *Кига-коачь*, отъ лѣсницъ, по которымъ они на балаганы лазятъ, и по которымъ тогда усматриваютъ, что дерево отъ стужи бываетъ кроíпко, Мартъ *Агду-коачь* отъ отверстія юрты, для того что въ то время проталины около онаго обыкновенно случаются. Апрѣль *Масгаль-коачь* Трясогускинъ мѣсяцъ, для того что трясогуски тогда прилѣтаютъ, и показываютъ своимъ прибытіемъ, что зима и годъ окончились.

Въ семъ извѣстіи господина Стеллера двѣ вещи не недостойны примѣчанія, 1) что попались ему, какъ видно, умные люди, съ которыми онъ разговаривалъ. 2) что

не у всѣхъ Камчадаловъ одно число и имена мѣсяцамъ.

Дней они не различаютъ особливымъ званіемъ, не раздѣляютъ ихъ на недѣли или другіе періоды, и числа̀ дней въ году и мѣсяцѣ не знаютъ.

Время опредѣляютъ по знатнымъ нѣкоторымъ приключеніямъ, какъ на примѣръ по приходу Россіянъ, по великому Камчатскому бунту, по первой Камчатской Экспедиціи. Письма̀ никакого не знаютъ, ни гіероглифическихъ фигуръ для памяти не употребляютъ, но однихъ повѣстей и преданій держатся, которыя часъ отъ часу въ такой недостатокъ приходятъ, что отъ сущихъ дѣйствій, какъ бы одна тѣнь остается.

Притчины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній не знаютъ. Однако въ случаѣ ихъ выносятъ на юрту огонь, и приказываютъ свѣтиламъ, чтобъ они свѣтили по прежнему. Затмѣнія солнца и луны называются по ихъ *Кулечьгужичь*.

Изъ звѣздъ знаютъ имена токмо тремъ созвѣздіямъ, большему медвѣдю, плеядамъ и тремъ звѣздамъ въ Оріонѣ. Медвѣдя называютъ *Кранхль*, плеады *Дежичь* или *Ижичь* а Оріона *Укалтежидъ*.

Громъ и молнію иные врагамъ, а иные людямъ живущимъ въ горѣлой сопкѣ приписываютъ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ.

Вѣтрамъ имена у нихъ есть только знатнѣйшимъ, однако не одинакія. Живущіе по рѣкѣ Камчаткѣ восточной вѣтеръ называютъ *Шангышъ*, съ низу вѣющей, западной *Быхымыгъ*, сѣверной *Бетежемъ*, сѣверовосточной *Коаслюль* жировой, потому что онымъ вѣт-

вѣтромъ къ берегамъ ледъ нажимаетъ, въ которомъ случаѣ бьютъ они много морскихъ звѣрей, и ѣдятъ жирно. Сѣверо-западной *Тагъ* Верьховой, южной *Челюжы игъ*. А живущїе отъ рѣки Камчатки на сѣверъ Восточной вѣтръ называютъ *Кунеушхтъ* съ моря дышущей, Западной *Еемшхтъ* съ земли вѣющей, сѣверной *Тынгылшхтъ* студеной, южной *Челюгынхъ*, южно-западной *Гынгы Еемшхтъ* женская погода, для того что во время онаго вѣтра небо по ихъ мнѣнїю, какъ женщина, плачетъ.

Судъ и расправа у нихъ общая. Удовольствїе обидимому равное воздаянїе. Кто кого убилъ, тотъ самъ отъ сродниковъ убїеннаго былъ убиваемъ. Ворамъ, кои часто прилучались, обжигали руки обвивъ ихъ берестою; но тѣхъ, кои въ перьвой разъ бывали поиманы, покраденые били безъ всякаго отъ вора сопротивленїя, послѣ чего принуждены были такїе люди жить на единѣ безъ всякой помощи и безъ всякаго съ другими обхожденїя, какъ сущїе плуты и политическою смертїю казненые.

Невѣдомыхъ воровъ наказывали они жженїемъ становыхъ жилъ каменнаго барана при собранїи и при шаманствѣ, ибо по ихъ мнѣнїю сводитъ послѣ того злодѣя вмѣсто, какъ жилы отъ огня сжимаются.

О имѣнїи и юртахъ никогда они не ссорятся, ибо для всякаго земли, воды и произрастающихъ съ животными доволно, о границахъ и предѣлахъ не бываетъ споровъ, ибо всякъ со излишествомъ имѣетъ пропитанїе отъ той рѣки и луговъ, гдѣ его рожденїе.

Женъ

Женъ имѣютъ по одной, по двѣ и по три, сверхъ того нѣкоторые содержатъ и такъ называемыхъ по ихъ Коекчучей, которые въ женскомъ платьѣ ходятъ, всю женскую работу справляютъ, и съ мущинами не имѣютъ никакого обхожденія, будто бы гнушались дѣлами ихъ, или зазирались вступать не въ свое дѣло.

Мѣры верстамъ не знаютъ. Разстояніе считаютъ по ночамъ, сколько будучи въ дорогѣ ночевать должны.

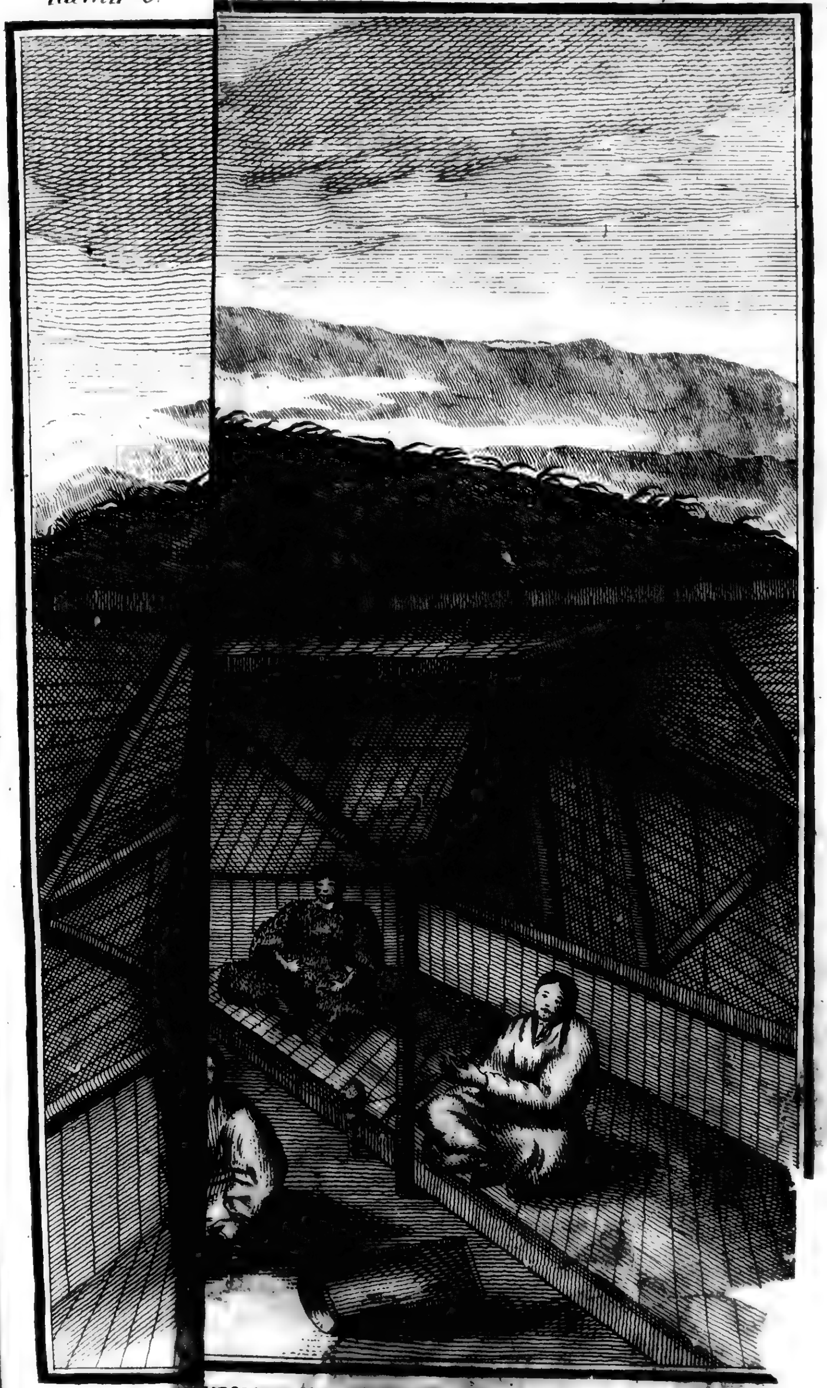
Великое искусство имѣютъ пересмѣхать всякаго и точно представлять, кого похотятъ, по походкѣ, по голосу, по рѣчи и по всѣмъ пріемамъ: такимъ же образомъ представляютъ они и звѣрей и птицъ, и сіе у нихъ въ числѣ непослѣднихъ забавъ почитается.

Но сколь они въ житьѣ своемъ ни гнусны, и въ поступкахъ ни глупы, однако о всемъ такое мнѣніе имѣютъ, что нѣтъ лучше житья ихъ и удовольствія. Чего ради казачьему житью, въ чемъ съ ихъ несходно, не безъ презрѣнія удивляются. Токмо нынѣ во всемъ послѣдовала великая перемѣна. Старые, которые крѣпко держатся своихъ обычаевъ, переводятся, а молодые почти всѣ воспріяли Христіанскую вѣру, и стараются во всемъ Россійскимъ людямъ послѣдовать, насмѣхаясь житію предковъ своихъ, обрядамъ ихъ, грубости и суевѣрію. Во всякомъ острогѣ опредѣленъ начальникъ, которой Тоіонъ называется, и которому по высочайшему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу поручены судъ и расправа надъ подчиненными кромѣ криминальныхъ дѣлъ. Во многихъ мѣ-

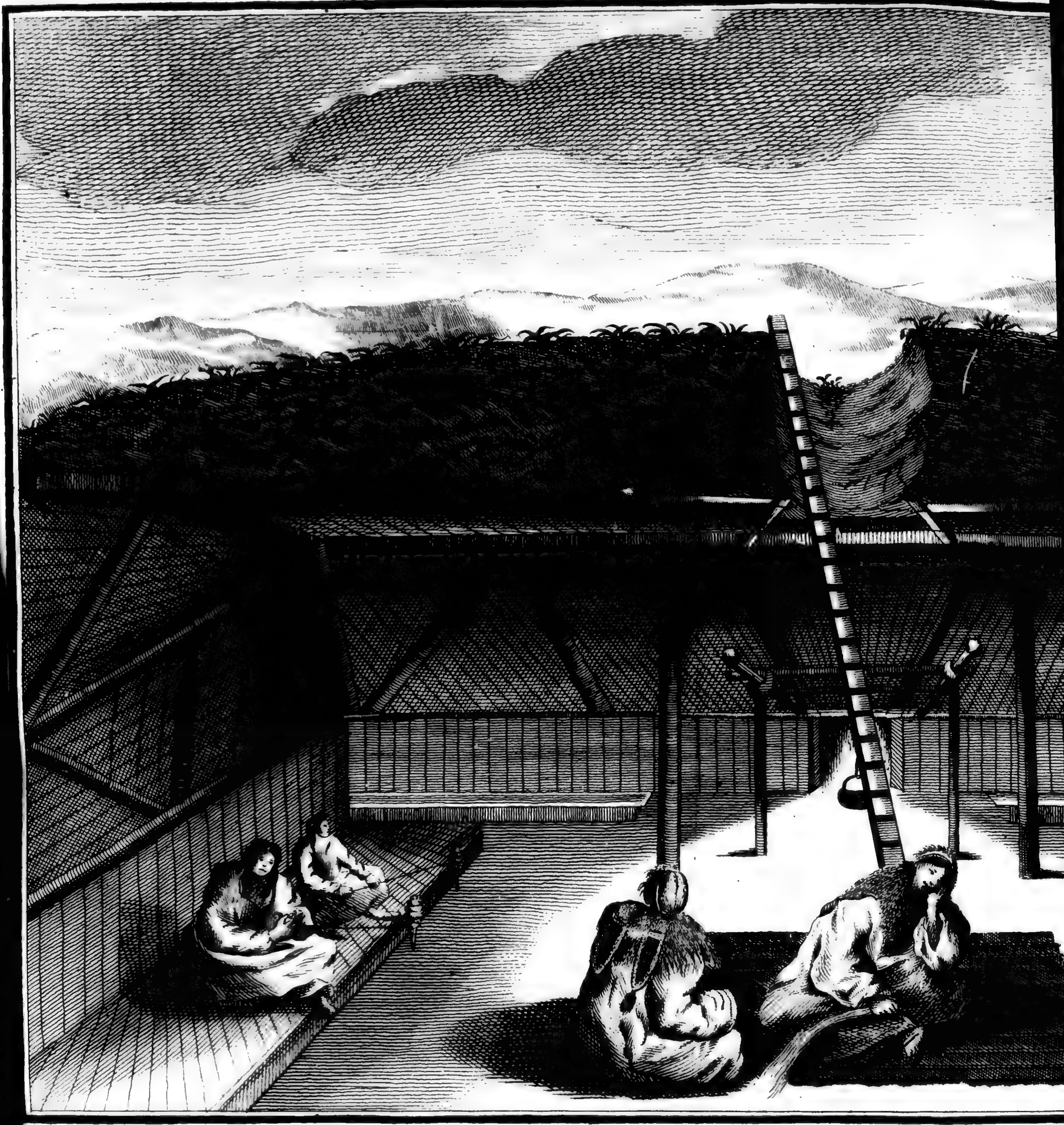
верхъ
ъ по
дятъ,
щина-
гну-
не въ

считa-
очвать

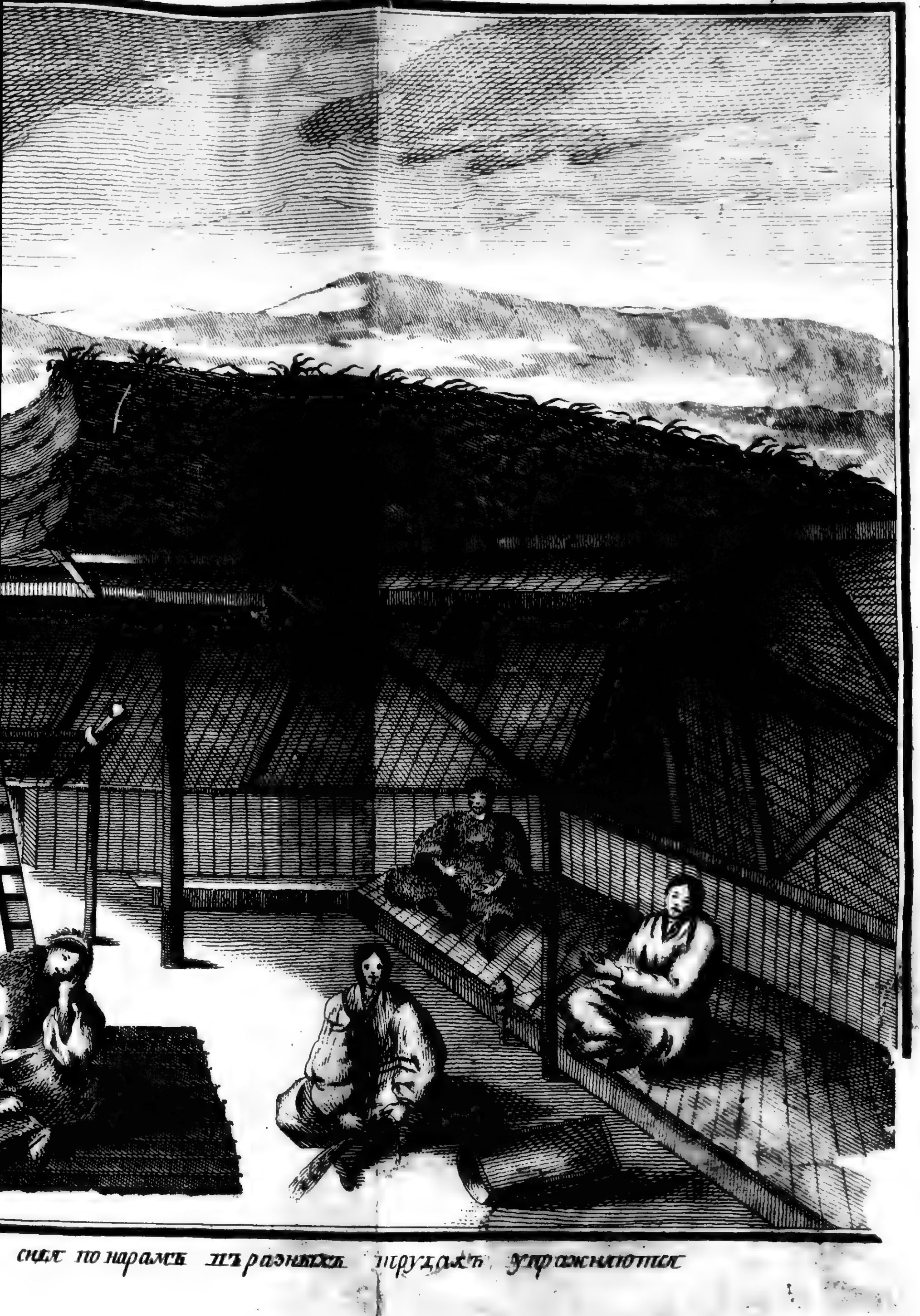
кaго и
кѣ, по
же обра-
и сіе у
ся.
ы, и въ
мнѣніе
льствія.
есходно,
во всемъ
рые крѣ-
а моло-
и ста-
ѣдовать,
ъ ихъ,
опредѣ-
, и ко-
АГО ЕЕ-
надъ под-
многихъ
мѣ-



Вну[illegible] трудахъ упражняются



Внутреннее Строенїе зимнїе Камчатской юрты и Как женщины сидя по нарамъ



сидя по нарамъ въ разныхъ трудахъ упражняются

мѣстахъ не токмо у Таіоновъ, но и у простыхъ людей построены избы и горницы по Россійскому обыкновенію, а индѣ и часовни для молитвы. Заведены тамъ и школы, въ которыя сами Камчадалы охотно отдаютъ дѣтей своихъ. Такимъ образомъ въ краткое время много варварства безъ сумнѣнія изкоренится.

ГЛАВА 4.

О Камчатскихъ острожкахъ.

Подъ именемъ острожка разумѣется на Камчаткѣ всякое Камчатское жилище, состоящее изъ одной или нѣсколька земляныхъ юртъ и изъ балагановъ. Покамчатски такія жилища называются *Атынумъ*, а казаки прозвали ихъ острожками безъ сумнѣнія отъ того, что по приходѣ ихъ на Камчатку укрѣплены были оные землянымъ валомъ или полисадникомъ, какъ у сидячихъ Корякъ въ сѣверѣ и понынѣ укрѣпляются.

Юрты дѣлаютъ они слѣдующимъ образомъ: выкапываютъ землю аршина на два въ глубину, а въ длину и въ ширину смотря по числу жителей. Въ ямѣ почти на самой срединѣ ставятъ четыре столба толстые, одинъ отъ другаго по сажени и далѣ. На столбы кладутъ толстыя перекладины, а на нихъ потолокъ накатываютъ, оставя почти на срединѣ четвероугольное отверстіе, которое и вмѣсто скна, и вмѣсто дверей, и вмѣсто трубы служитъ. Къ помянутымъ перекладинамъ прислоняютъ съ земли бревна же, которыхъ нижніе концы на поверхности земли

мли утверждаются; и обрѣшетя ихъ жердями покрываютъ травою, и осыпаютъ землею, такъ что юрта съ наружи имѣетъ видъ небольшаго круглаго холмика; но внутри онѣ четвероугольныя, однако почти всегда двѣ стѣны бываютъ долѣ, а двѣ короче. У одной продолговатой стѣны между стоячими столбами бываетъ обыкновенно очагъ, а отъ него выводъ, котораго внѣшнее отверстїе гораздо ниже помянутаго. Дѣлаетсяжъ сей выводъ для того, чтобъ входящимъ во оной воздухомъ выгоняло дымъ вонъ изъ юрты чрезъ верхнее отверстїе.

Внутри юрты подлѣ стѣнъ дѣлаютъ они полкй, на которыхъ спятъ семья подлѣ семьи рядомъ. Токмо не бываетъ полковъ противъ очага: ибо тамъ обыкновенно стойтъ домовая посуда ихъ, чаши и корыта деревянные, въ которыхъ и себѣ и сабакамъ ѣсть варятъ. А въ которыхъ юртахъ полковъ нѣтъ, тамъ вкругъ мѣстъ, гдѣ спятъ, положены брéвна, а самыя мѣста усланы рогожами.

Украшенїя въ юртахъ никакого нѣтъ, кромѣ того, что у нѣкоторыхъ стѣны обвѣшены бываютъ плетеными изъ травы рогожами, а по ихъ званїю чирелами.

У сѣверныхъ Камчадаловъ бываетъ въ юртахъ по два идола, изъ которыхъ одинъ называется Хантáй, а другой Áжушакъ. Хантáй дѣлается наподобїе сирены, то есть съ головы по груди человѣкомъ, а оттуду рыбою, и ставится обыкновенно подлѣ огнища; а для чего и во образъ кого, другой причины не могъ вывѣдать кромѣ того, что есть духъ сего имени. Идолъ сего

го Ханпая ежегодно дѣлается новой во время грѣховъ очищенія, и ставится со старымъ вмѣстѣ, по числу которыхъ можно узнать, сколько которой юртѣ лѣтъ отъ построенія. А́жушакъ есть столбикъ съ обдѣланною верхушкою на подобіе головы человѣческой: ставится надъ домашнею посудою, и почитается за караульщика отгоняющаго отъ юрты лѣсные духи; за что и кормятъ его Камчадалы по всякой день, мажутъ ему голову и рожу вареною сараною или рыбою.

Сего идола и южные Камчадалы имѣютъ, и называютъ А́жулуначь, но вмѣсто Ханпаевъ есть у нихъ по грядкамъ колье съ обтесаными головками, именуемое Ури́лыдачь.

Входятъ въ юрты по лѣсницамъ стремянкамъ, подъ которыми обыкновенно очагъ бываетъ, и для того во время топленія юрты непривычному трудно входить и выходить изъ юрты: ибо и лѣсница такъ горяча бываетъ, что ухватиться нельзя; и проходя сквозь дымъ должно переводить духъ, чтобъ не задохнуться. Но Камчадаламъ то не препятствуетъ: ибо они по своимъ лѣсницамъ, на которыхъ ступеняхъ токмо носками становиться можно, такъ какъ бѣлки наверьхъ взбѣгаютъ; и бабы съ малыми ребятами за плечьми сквозь дымъ ходить не опасаются, не смотря на то, что онѣ и коекчучи имѣютъ позволеніе входить и выходить чрезъ другое отверстіе, которое просто жупаномъ называется. Впротчемъ есть ли мущина пойдетъ жупаномъ, тотъ часъ притчину подастъ надъ собою смѣяться: ибо сіе у нихъ столь странное дѣло, что

 казаковъ

казаковъ, которые при первомъ случаѣ не обыкнувъ ходить сквозь дымъ, выходили жупаномъ, почитали они всѣхъ коекчучами.

Головни изъ юртъ выметываютъ въ верхнее отверстіе ущемя въ двѣ нарочно для того здѣланныя палки, которыя называютъ Андронами, и тотъ за великаго щеголя и удальца почитается, которой большія головни изъ глубокой юрты выбрасываетъ мѣтко.

Въ сихъ юртахъ живутъ Камчадалы съ осени до весны, а потомъ выходятъ въ балаганы. Южные Камчадалы юрту называютъ *Тгомкегечичь*, а сѣверные *Кузучь* или *Тимусчичь*. Верхнее отверстіе *Оночь*, нижнее *Линемъ*, закрышку его *Шолоначь*, отъ чего весь выходъ казаки называютъ жупаномъ. Стоячіе столбы въ юртѣ *Кокодъ*, а толстыя брѐвна, которыя съ земли прислоняются къ перекладинамъ, *Кошледъ*.

При каждой юртѣ бываетъ по малой мѣрѣ столько балагановъ, сколько семей въ острожкѣ: ибо оные и вмѣсто кладовыхъ анбаровъ, и вмѣсто лѣтнихъ покоевъ служатъ, а дѣлаются слѣдующимъ образомъ: Сперва ставятъ девять столбовъ вышиною сажени по двѣ и больше, въ три ряда въ равномъ разстояніи. Столбы связываютъ перекладинами, на перекладинахъ мостятъ полъ кольемъ, и устилаютъ травою: поверьхъ полу дѣлаютъ изъ кольяжъ высокой востроверхой шатеръ, которой обрѣшетя прутьями или тонкими кольями, покрываютъ травою. Траву прижимаютъ кольемъ, а для крѣпости, чтобъ не сносило вѣтромъ, концы верхняго колья съ концами нижняго связываютъ ремнями и веревками. Двери у нихъ дѣлаются съ двухъ сторонъ, одни

однѣ противъ другихъ прямо. Ходятъ на балаганы по такимъ же лѣстницамъ, какъ въ зимнія юрты.

Такіе балаганы бываютъ у нихъ не токмо при зимнихъ юртахъ, но и на лѣтовьяхъ, гдѣ кормъ промышляютъ, и сіе строеніе по обстоятельству тамошнихъ мѣстъ весьма способно и нужно: ибо въ разсужденіи тамошнихъ мокрыхъ погодъ во время рыбной ловли принуждены они бываютъ досушивать рыбу подъ балаганами. Но есть и другая тамошнимъ жителямъ выгода отъ балагановъ; ибо когда они съ лѣтнихъ промысловъ въ домы возвращаются, то сушеную рыбу обыкновенно оставляютъ до зимы въ балаганахъ, по большой части безъ караулу, токмо отставя прочь лѣстницу. И такимъ образомъ кормъ ихъ хранится въ цѣлости отъ звѣрей, которые на балаганы попасть не легко могутъ; а ежели бы оное строеніе не столь высоко было, тобы звѣри ничего имъ не оставили: ибо есть примѣры, что медвѣди взлазятъ иногда и въ балаганы несмотря на всѣ трудности, особливо же въ осеннее время, когда въ рѣкахъ рыба и по полямъ ягоды перемѣжаются.

На лѣтнихъ промыслахъ при балаганахъ дѣлаются травяные шелаши, которые покамчатски бажабажъ, а поруски барабанами называются. Въ нихъ они по большей часьти ѣсть варятъ, и рыбу чистятъ въ ненастливую погоду, а казаки соль варятъ изъ морской воды.

Многолюдные острожки обставлены бываютъ вкругъ балаганами, и издали показываютъ преизрядной видъ. Всякой такой острожекъ кажется городомъ по прит-

чинѣ балагановъ, которые и сами мы не видавъ почитали башнями.

Камчадалы строятъ свои острожки обыкновенно по островамъ въ густыхъ талникахъ, или на такихъ мѣстахъ, которыя отъ натуры крѣпки, и безопасное имѣютъ положеніе, разстояніемъ отъ моря неменьше 20 верстъ, а иногда и гораздо далѣ; а на устьяхъ рѣкъ бываютъ у нихъ лѣтовья. Однако сіе касается до однихъ южныхъ Камчадаловъ, кои живутъ по Пенжинскому морю, а по Восточному морю есть острожки и подлѣ самаго моря.

Всякой острожекъ ту рѣку, при которой живетъ, почитаетъ за владѣніе своего рода, и съ той рѣки на другую никогда не преселяется. Есть ли по какой нибудь причинѣ одна или нѣсколько семей пожелаютъ жить особливыми юртами, то дѣлаютъ оныя выше или ниже острожка по тойже рѣкѣ или по посторонней, которая течетъ въ рѣку ихъ. Чего ради думать можно, что на всякой рѣкѣ живутъ сродники, которые происходятъ отъ одного прародителя. Сами Камчадалы по объявленію Стеллера, говорятъ, что Кутъ, котораго иногда богомъ, а иногда прародителемъ называютъ, на каждой изъ Камчатскихъ рѣкъ жилъ по два года, и дѣтей родивъ оставлялъ ихъ на природномъ ихъ мѣстѣ, отъ которыхъ каждая рѣка имѣетъ нынѣ своихъ жителей. Такимъ образомъ Кутъ ихъ дошелъ до Озерной рѣки, которая течетъ изъ Курильскаго озера; и аки бы совершивъ теченіе и труды свои приставилъ къ горѣ батты свои и отбылъ съ Камчатки.

На промыслы звѣриные ходятъ Камчадалы по своимъ же рѣкамъ, что, можетъ быть, прежъ сего наблюдалось строго, но нынѣ желающіе промышлять морскихъ звѣрей ходятъ верстъ по двѣсти отъ своихъ жилищъ на Авачу и на Курильскую лопатку.

ГЛАВА 5.

О домовой посудѣ и о другихъ нужныхъ въ житіи потребностяхъ.

Вся Камчатская посуда и всѣ Экономическія ихъ принадлежности, состоятъ въ чашахъ, корытахъ, берестеныхъ кужняхъ а по тамошнему чуманахъ, да въ санкахъ и лодкахъ: въ чашахъ и корытахъ варили они ѣсть и себѣ и сабакамъ, кужни употребляли вмѣсто стакановъ, санки къ ѣздѣ зимою, а лодки лѣтомъ. Чего ради и писать бы о томъ болѣе нѣчего, есть ли бы сей народъ такъ какъ другіе имѣлъ тогда или зналъ употреблять металлы. Но какъ они безъ желѣзныхъ инструментовъ могли все дѣлать, строить, рубить, долбить, рѣзать, шить, огонь доставать, какъ могли въ деревянной посудѣ ѣсть варить, и что имъ служило вмѣсто металловъ, о томъ, какъ о дѣлѣ не всякому знаемомъ, упомянуть здѣсь не непристойно, тѣмъ наипаче что сіи средства не разумной или ученой народъ вымыслилъ, но дикой, грубой и трехъ перечесть неумѣющій. Столь сильна нужда умудрять къ изобрѣтенію потребнаго въ жизни!

Прежніе Камчатскіе металлы до прибытія почти Россіянъ были кость и каменье. Изъ нихъ они дѣлали

ли топоры, ножи, копья, стрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости, также и изъ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топорищамъ плашмя, каковы у насъ бываютъ теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени, что лодку три года надлежало имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія лодки, большія чаши или корыта, которыя потамошнему хомягами называются, въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто здѣланное изъ дорогова метадда, превысокою работою, и всякой острожекъ могъ тѣмъ хвалиться предъ другими, какъ ... нѣкоторою рѣдкостью, особливо когда кто наваря въ одной посудѣ пищи не одного гостя могъ удовольствовать: ибо въ такихъ случаяхъ одинъ Камчадалъ противъ двадцети человѣкъ съѣдаетъ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ. А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо каленымъ каменьемъ.

Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго или дымчатаго хрусталя на подобіе ланцовъ востроконечные, и насаживали ихъ на черенье деревянное. Изъ тогожъ хрусталя бывали у нихъ стрѣлы, копья и ланцеты, которыми кровь и понынѣ пускаютъ. Швальныя иглы дѣлали они изъ собольихъ костей, и шили ими не токмо платье и обувь, но и подзоры весьма искусно.

Огнива ихъ были дощечки деревянныя изъ сухаго дерева, на которыхъ по краямъ наверчены дырочки, да кругленькія изъ сухагожъ дерева палочки, которыя

ъ дерева . .

Камчадалы достающїе огонь изъ дерева..

вертя въ ямочкахъ огонь доставали. Вмѣсто труту употребляли они мятую траву тоншичь, въ которой раздували загорѣвшуюся отъ вертѣнія сажу. Все сіи принадлежности обертя берестою каждой Камчадалъ носилъ съ собою, и нынѣ носятъ, предпочитая ихъ нашимъ огнивамъ для того, что они не могутъ изъ нихъ такъ скоро огня вырубать, какъ достаютъ своими огнивами. Но другіе желѣзные инструменты, топоры, ножи, иглы и прочее, и отъ нихъ такъ высоко почитаются, что съ начала ихъ покоренія и тотъ себя почиталъ за богатаго и щасливаго, у кого былъ какой нибудь желѣзной обломокъ. Не пропадетъ у нихъ и нынѣ даромъ ни иверешокъ изъ перегорѣлыхъ котловъ желѣзныхъ: могутъ они дѣлать изъ нихъ клепики, стрѣлы, или что нибудь полезное; причемъ то удивительно, что они не калятъ желѣза, но холодное положа на камень куютъ камнемъ же вмѣсто молота. Такимъ образомъ поступаютъ съ желѣзомъ нетокмо Камчадалы, но и Коряки и другіе дикіе народы, особливо же Чукчи, которые покупая у нашихъ желѣзные котлы дорогою цѣною перекавываютъ въ копья и стрѣлы: ибо имъ, какъ немирному народу, никакихъ желѣзныхъ инструментовъ продавать не велѣно, но о посудѣ никто прежде не думалъ, чтобъ они покупали на сей конецъ. Тожъ дѣлаютъ они и съ оружіемъ огненнымъ, которое отбивать имъ у нашихъ случается: ибо они стрѣлять изъ него не умѣютъ, по крайней мѣрѣ скоро его портятъ, не зная какъ замки разбирать и чистить, и какъ винтовки смазывать. Иглы, у которыхъ уши отломятся, умѣютъ они весма искусно починивать,

каковыѣ они малы ни были. Расклепываютъ кончикъ, гдѣ уши были, камнемъ, и другою иглою просверливаютъ новыя: и такъ дѣлаютъ, пока уже одно почти востреѐ только останется.

Желѣзную и мѣдную посуду еще во время моей бытности токмо тѣ употребляли, которые знали, что честь и чистота, и старались Россійскому житію послѣдовать; въ томъ числѣ были знатнѣйшіе новокрещеные Тоіоны, которые живутъ близъ Россійскихъ остроговъ, и часто имѣютъ съ нашими обхожденіе: а прочіе деревянной своей посуды и понынѣ не оставляютъ.

Сказываютъ, будто желѣзные инструменты знали Камчадалы еще до покоренія Россійской державѣ, а получали ихъ отъ Японцовъ, которые пріѣжжали къ Курильскимъ островамъ, а однажды и на большую рѣку моремъ; и будто Камчадалы Японцовъ Шишаманъ называютъ для того, что чрезъ нихъ узнали желѣзныя иглы: ибо игла покамчатски Шишь называется. Что касается до Курильскихъ острововъ, то сумнѣнія нѣтъ, что прежде сего пріѣжжали туда Японцы на бусахъ, и торговали: ибо я и самъ досталъ съ Курильскихъ острововъ Японскую саблю, лаковой подносъ и серебреныя серги, которыя ни откуда получены, какъ только изъ Японіи; а бывала ли когда Японская буса на большей рѣкѣ, о томъ заподлинно утверждать нельзя, для того что кажется трудно повѣрить, чтобъ такіе мореходы, каковы Японцы, отважились итти для купечества въ незнаемыя страны и провѣдывать пристанищъ съ трудомъ и опасно-

опасностью: развѣ, можетъ быть, приносило когда такое ихъ судно погодою, какъ то не рѣдко случается.

Изъ всей работы сихъ дикихъ народовъ, которую они каменными ножами и топорами весьма чисто дѣлаютъ, ничто мнѣ такъ не было удивительно, какъ цѣпь изъ моржовой кости, которая привезена на боту Гавріилѣ изъ Чукоцкаго носу. Оная состояла изъ колецъ гладкостію подобныхъ точенымъ, и изъ одного зуба была здѣлана; верхнія кольца были у ней больше, нижнія меньше, а длиною была она не много меньше полуаршина. Я могу смѣло сказать, что по чистотѣ работы и по искусству никтобъ не почелъ оную за труды дикаго Чукчи и за дѣланную каменнымъ инструментомъ, но за точеную подлинно. Въ разсужденіи недостатка въ инструментахъ Чукоцкой оной художникъ конечно не скучливъ былъ къ работѣ, и имѣлъ довольно свободнаго времени, которое могъ употребить на сію бездѣлицу: ибо смотря по другимъ вещамъ, сколь продолжительно онѣ дѣлались отъ Камчадаловъ, сумнѣваться не можно, что онъ употребилъ на сію работу не меньше года времени. А къ чему сія цѣпь была употребляема, о томъ не извѣстно, ибо казаки нашли оную въ пустой Чукоцкой юртѣ.

Корякскіе куяки, которые они изъ мѣлкихъ продолговатыхъ косточекъ сшиваютъ ремнями, и ихъ такъ называемыя костяныя троерогія чекуши, которыя насаживаютъ они на долгія ратовища, и въ военное время употребляютъ, также не недостойны

примѣчанія: ибо кость такъ гладко обдѣлана, что лоснится.

Что касается до санковъ ихъ, какимъ образомъ ихъ дѣлаютъ, о томъ писано будетъ въ главѣ о сабачьей ѣздѣ; а здѣсь сообщимъ мы извѣстіе о лодкахъ, гдѣ какія въ тѣхъ мѣстахъ употребляются, и изъ какого дерева обыкновенно бываютъ.

Камчатскія лодки, или по тамошнему баты, дѣлаются двоякимъ образомъ, и по разности образцовъ разными именами называются, одни Кояхтахтымъ, а другія Тахтў. Кояхтахтымъ отъ нашихъ рыбачьихъ лодокъ никакой не имѣютъ отмѣны: ибо и носъ у нихъ выше кормы, и бокà разложисты; а у лодокъ Тахтў носъ и корма съ боками равны или и ниже, бокà не разведены, но внутрь вогнуты, чего ради къ ѣздѣ весма неспособны, а особливо въ погоду: ибо вода въ нихъ тотчасъ заливается. Кояхтахтымъ употребляются по одной рѣкѣ Камчаткѣ отъ вершины до самаго устья, а въ другихъ мѣстахъ какъ по Восточному, такъ и по Пенжинскому мóрю Тахтў.

Когда къ лодкамъ Тахтў пришиваются набои, что обыкновенно дѣлается у жителей Боброваго мóря, тогда онѣ байдарами называются, и жители въ нихъ гоняются по мóрю за морскими звѣрями. Дны у такихъ байдаръ колютъ они нарочно, и зашивъ китовыми усами конопатятъ мохомъ или мягкою кропивою: ибо примѣчено ими, что нерасколотыя байдары на морскихъ валахъ колются, и бываютъ промышленикамъ причиною погибели. Островные Курильцы и на Лопаткѣ живущіе, байдары строятъ съ килемъ,

доски

доски пришиваютъ усамижъ, а конопатятъ мохомъ.

По всей Камчатской землѣ не дѣлаютъ лодокъ ни изъ какого дерева кромѣ тополи, выключая Курильцовъ, которые того не наблюдаютъ: ибо они строятъ байдары свои изъ лѣса выбрасывающагося изъ моря, которой приноситъ изъ Японіи, Америки и съ береговъ Китайскихъ, а у нихъ не ростетъ лѣсу къ строенію удобнаго. Сѣверные Камчатскіе народы, сидячіе Коряки и Чукчи дѣлаютъ свои байдары изъ кожъ лахташныхъ, какъ ужѐ выше объявлено, а причина тому можетъ быть недостатокъ же въ удобномъ лѣсѣ, или что неимѣвшимъ желѣза коженыя дѣлать способнѣе было.

Въ батахъ и рыбу ловятъ, и кладь возятъ по два человѣка, изъ которыхъ одинъ на носу, а другой на кормѣ сидитъ. Въ верьхъ по рѣкамъ взводятъ баты на шестахъ съ превеликою трудностью: ибо на быстрыхъ мѣстахъ стоятъ иногда съ полчетьверти всѣ вытянувшись на шесты, которыми опираются, пока лодка на поларшина подастся. Однако не смотря на всѣ трудности удалые Камчадалы взводятъ такимъ образомъ баты и съ грузомъ верстъ по дватцати вверхъ, а на легкѣ переходятъ верстъ по тритцати и до сорока. Чрезъ рѣки перегребаютъ обыкновенно стоя, какъ Волховскіе рыбаки въ челнокахъ своихъ.

Клади на большихъ батахъ можно возить пудъ по тритцати и по сороку. Когда кладь легка но овсйна, какова напримѣръ сухая рыба, то перевозятъ оную на паромахъ сплотивъ два бата вмѣстѣ, и на-

мостя мостъ, однако вверхъ по быстрымъ рѣкамъ паромы проводить и трудно и продолжительно; чего ради употребляются онѣ токмо по рѣкѣ Камчаткѣ, которая по глубинѣ своей и умѣренной быстринѣ къ тому способна; а по другимъ рѣкамъ только внизъ по рѣкамъ на паромахъ ѣздятъ, а вверхъ рѣдко, и то по нуждѣ, когда по окончаніи рыбныхъ промысловъ у моря надобно переѣжжать въ острогъ со всѣмъ домашнимъ приборомъ и съ малолѣтными, или когда кладь такова, что въ батъ умѣстить нельзя, какъ напримѣръ бочки и кадки съ рыбою, которыя насаливаютъ рыбы у моря.

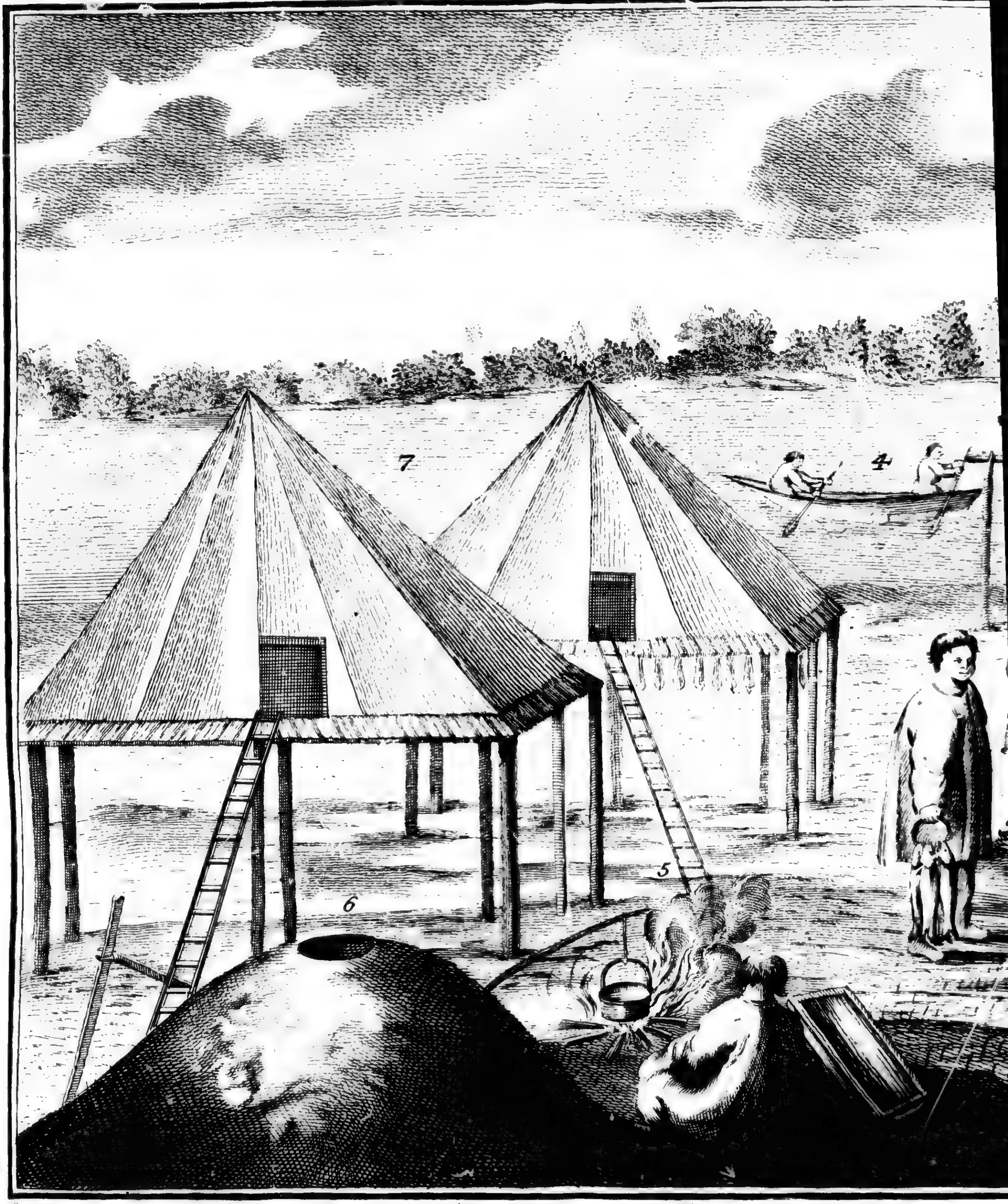
ГЛАВА 6.

О муской и женской работѣ.

Въ Камчатскомъ житьѣ, какъ въ стьянствѣ, въ разныя времена и работа бываетъ различная. Лѣтнее время мущины трудятся въ ловлѣ рыбы, въ сушеніи ея, въ перевозкѣ отъ моря на свой жилища, въ припасѣ сабакамъ корму, костей и кислой рыбы; а женщины между тѣмъ чистятъ изловленую рыбу, пластаютъ, а иногда и въ ловлѣ мужьямъ способствуютъ. Излишнее время употребляютъ онѣ на собираніе разныхъ травъ, коренья и ягодъ нетокмо на пищу, но и въ лѣкарства: дѣлаютъ сладкую траву, которую прежде токмо на пищу, а нынѣ и для сидѣнія вина употребляютъ: готовятъ кипрей и* траву, изъ которой плетутъ ковры свой, епанчи, мѣшечки и другія домашнія мѣлочи, и всѣ какъ сѣвстные, такъ

*Secale spiculis geminatis Linn. Svec. p. 36.

1. Жиръ па ... мъ к себѣ 6. Зимняя 7. Балаганы.
леньимъ ка ... итъ. юрта.



1. Жиръ парятъ изъ рыбы каленымъ каменьемъ въ лодкахъ. 2. Рыбу пластаютъ и чистятъ. 3. Рыбу пыт-шипаютъ. 4. Ходятъ въ лодкахъ рѣкамъ и тинъ

ходятъ въ лодкахъ въ верхъ по-
рѣкамъ и внизъ плаваютъ.

5. Сабаками несѣ
едѣ нартѣ.

6. Зимняя
юрта.

7. Балаганы.

такъ и другіе припасы имѣютъ на рукахъ своихъ.

Когда осень настанетъ, тогда мущины упражняются въ ловлѣ осенней рыбы, въ промыслѣ различныхъ птицъ, гусей, лебедей, утокъ и прочая, водятся съ своими сабаками вывязывая и выдерживая ихъ, какъ Якуты лошадей своихъ: заготовляютъ лѣсъ къ дѣланію саней и другой работѣ потребной; а женщины водятся съ крапивою, рвутъ, мочатъ, мнутъ, обдираютъ и кладутъ подъ балаганы; ходятъ по тундрамъ и вынимаютъ изъ мышьихъ норъ лилейныя коренья, или по тамошнему сарану, разнаго роду.

Зимою мущины ходятъ за соболями и лисицами, вяжутъ сѣти для ловли рыбы, дѣлаютъ санки, ѣздятъ за дровами, перевозятъ запасъ свой изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ лѣтомъ приготовили, а не успѣли перевести осенью; а женщины наиболше трудятся въ сученіи ниток на сѣти. И сія ихъ работа такъ продолжительна, что одна баба едва столько насучить можетъ, чтобъ мужу достало потребныхъ сѣтей на лѣто, а у которыхъ семья побольше, тѣ готовятъ и съ излишествомъ, и мѣняютъ другимъ на угодныя себѣ мѣлочи, каковы напримѣръ иглы, шелкъ, наперстки, ножики и прочая.

Весною, когда рѣки проходятъ, и рыба, которая въ нихъ зимовала, къ морю подвимается, мущины упражняются въ ловлѣ ея; или ѣздятъ къ морю, и промышляютъ вахню, которой по морскимъ губамъ бываетъ иногда великое довольство, а нѣкоторые и въ дальнія мѣста на Восточное море и на Курильскую лопатку для ловли морскихъ бобровъ и другихъ морскихъ

скихъ звѣрей отлучаются: а женщины ходятъ по тундрамъ, собираютъ черемшу и другія молодыя травы нетокмо для награжденія обыкновеннаго тогдашняго недостатку въ пищѣ, но и для забавы: ибо они зелень такъ любятъ, что во все вешнее время почти изъ роту не выпускаютъ. Женской полъ весь тогда по тундрамъ ходитъ, и вечеромъ съ превеликими ношами домой возвращаются, однако тѣхъ ношъ не стаетъ имъ на сутки.

Сверхъ того до мужеской работы принадлежитъ юрты и балаганы строить, юрты топить, стряпать, сабакъ корьмить, при случаѣ гостей подчивать, сабакъ обдирать и другихъ звѣрей, когда кожи понадобятся на платье, и въ пріуготовленіи домоваго и военнаго снаряду: а женская работа состоитъ въ выдѣлываніи кожъ на платье и обувь, въ шитьѣ платья и обуви: ибо онѣ у Камчадаловъ и портные и сапожники, а мущинѣ за то приняться такое безчестіе, что тотъ часъ почтется за коекчуча. Чего ради съ перьвыхъ временъ всѣхъ казаковъ, у которыхъ иглу въ рукахъ или шило видали, почитали они за коекчучей, ибо у нихъ шьютъ токмо однѣ бабы и коекчучи, которые и въ женскомъ платьѣ ходятъ, и женскую работу отправляютъ, муской отнюдь не прикасаясь. До нихъ же касается, красить выдѣланныя кожи, также лѣчить и шаманить. А какимъ образомъ выдѣлываютъ онѣ кожи, и красятъ, чемъ шьютъ и клеятъ, о томъ здѣсь же сообщить должно.

Всякія кожи, которыя на шубы употребляютъ, напримѣръ оленьи, тюленьи, сабачьи, бобровыя,

дѣлаютъ

дѣлаютъ онѣ одинакимъ образомъ. Сперьва мочатъ мездру водою, и камнемъ утвержденнымъ въ средину палки сбиваютъ болонь и жилы, которые остаются при снимāніи: потóмъ намазываютъ жеваною икрóю квашеною или свѣжею, и свернувъ кожу топчутъ ногами по тѣхъ поръ, пока мездра провянетъ: послѣ опять скоблятъ и натираютъ, продолжая работу до тѣхъ поръ, пока мездра мяхка и чиста будетъ.

А которыя кожи ровдугами или замшею здѣлать намѣрены, съ тѣхъ сперьва сбиваютъ жилы и болонь объявленнымъ же образомъ, потóмъ коптятъ ихъ въ дыму съ недѣлю, пóслѣ мочатъ и парятъ, чтобъ шерсть отопрѣла, а наконецъ намазываютъ икрóю, мнутъ, топчутъ и скоблятъ камнемъ, какъ выше показано.

Оленьи и собачьи кожи на платье красятъ ольхою чрезъ многократное натираніе мѣлко изрубленною корою; а тюленьи, которыя на платье, обувь или на ремни, которыми санки обвиваются, особливымъ образомъ: опаривъ съ кожи шерсть, сшиваютъ оную мѣшкомъ вверьхъ шерстью, и сваря крѣпко ольховой рубленой коры вливаютъ въ помянутой мѣшокъ, и зашиваютъ. Спустя нѣсколько времени вѣшаютъ мѣшокъ оной на дерево, и бьютъ палкою, потóмъ опять даютъ лежать нѣкоторое время, а пóслѣ опять вѣшаютъ, и бьютъ палкою: и сіе продолжаютъ по тѣхъ поръ, пока краска въ кожу довольно вѣестся, тогда расшиваютъ мѣшокъ, растягиваютъ кожу и сушатъ на воздухѣ, а наконецъ мнутъ до мяхка руками, и употребляютъ въ дѣло. Такія кожи на сафьянъ много походятъ, однако Ламутки

мушки, какъ пишетъ Стеллеръ, лучше ихъ умѣютъ выдѣлывать, а называютъ ихъ Мандарами, и каждую кожу продаютъ до осьми гривенъ.

Тюленью шерсть, которую просто называютъ краскою, и окладываютъ ею платье и обувь, красятъ онѣ брусничнымъ сокомъ сваря его съ ольховою корою, съ квасцами и съ каменнымъ масломъ, и сія краска бываетъ жаркова цвѣту.

Платье и обувь шивали онѣ костяными иглами, а вмѣсто нитокъ употребляли олены становыя жилы, которыя раздѣля сучатъ какъ нитки, сколь тонки или толсты надобны.

Клей дѣлаютъ онѣ изъ рыбьихъ сухихъ кожъ, а особливо изъ Китовой. Оныя кожи обвертываютъ въ бересто, загребаютъ въ горячей пепелъ, и не много спустя вынимаютъ, и употребляютъ на что надобно. Имъ можно клеить стольже крѣпко, какъ лучшимъ карлуючетымъ клеемъ.

ГЛАВА 7.

О Камчатскомъ платьѣ.

Матерія, изъ которой Камчадалы прежде сего носили платье, и нынѣ по большей части носятъ, олены, сабачьи, нерпичьи и другихъ какъ морскихъ, такъ и земныхъ звѣрей, и птичьи кожи, которыя они безъ разбору въ одну шубу сшивали, что еще и мнѣ въ курильскихъ паркахъ случилось видѣть, но однако въ верхнемъ платьѣ имѣютъ отмѣну, хотя оная и не весьма велика.

Верхнее

Камчадалъ въ зимнемъ платьѣ.

Верхнее платье по казачьи называется кухлянка, отъ сѣверныхъ Камчадаловъ Коависъ, а отъ южныхъ Кахпитачь: а дѣлаются кухлянки двумя разными покроями, у однѣхъ подолъ бываетъ ровной, а у другихъ назади съ нарочитою выемкою и съ хвостомъ долгимъ; первыя подъ именемъ кухлянокъ круглыхъ, а другія подъ именемъ кухлянокъ съ хвостами извѣстны. Впротчемъ шьются изъ кожъ оленьихъ длиною нѣсколько ниже колѣней съ широкими рукавами и съ кулемъ, которой на голову въ случаѣ вьюги поверхъ шапки надѣвается. Воротъ у нихъ какъ только головѣ пройти, къ вороту пришиваются сабачьи лапы, которыми въ погоду лице закрываютъ. Вкругъ подолу, рукавовъ и вкругъ куля опушиваются кухлянки рослою бѣлою сабачиною, что выше всякаго пуху почитается. На спинѣ пришиваются къ нимъ ряски изъ рѣмешковъ распестреныхъ краскою, а иногда и по двѣ великія шишки, расшитыхъ шелками или различныхъ цвѣтовъ рѣмешками и распестренныхъ краскоюжъ. Надѣваются обыкновенно парами, нижняя шерстью, а верхняя мездрой внизъ. У нижней мездра красится ольхою, а на верхнюю выбираются кожи такихъ шерстей, каковы въ чести у нихъ, а именно черная, бѣлая и пѣгая, которая выше всѣхъ почитается. Однако сего платья за сущее Камчатское почесть не можно: ибо они отъ Корякъ его получали, а сами шивали наиболѣе изъ сабачьихъ кожъ, изъ соболей, лисицъ, еврашекъ и изъ каменныхъ барановъ, впротчемъ тѣмже покроемъ, какъ вышепоказано.

Есть еще платье называемое камлеи, которое парами же носится, а разность его отъ кухлянокъ со-

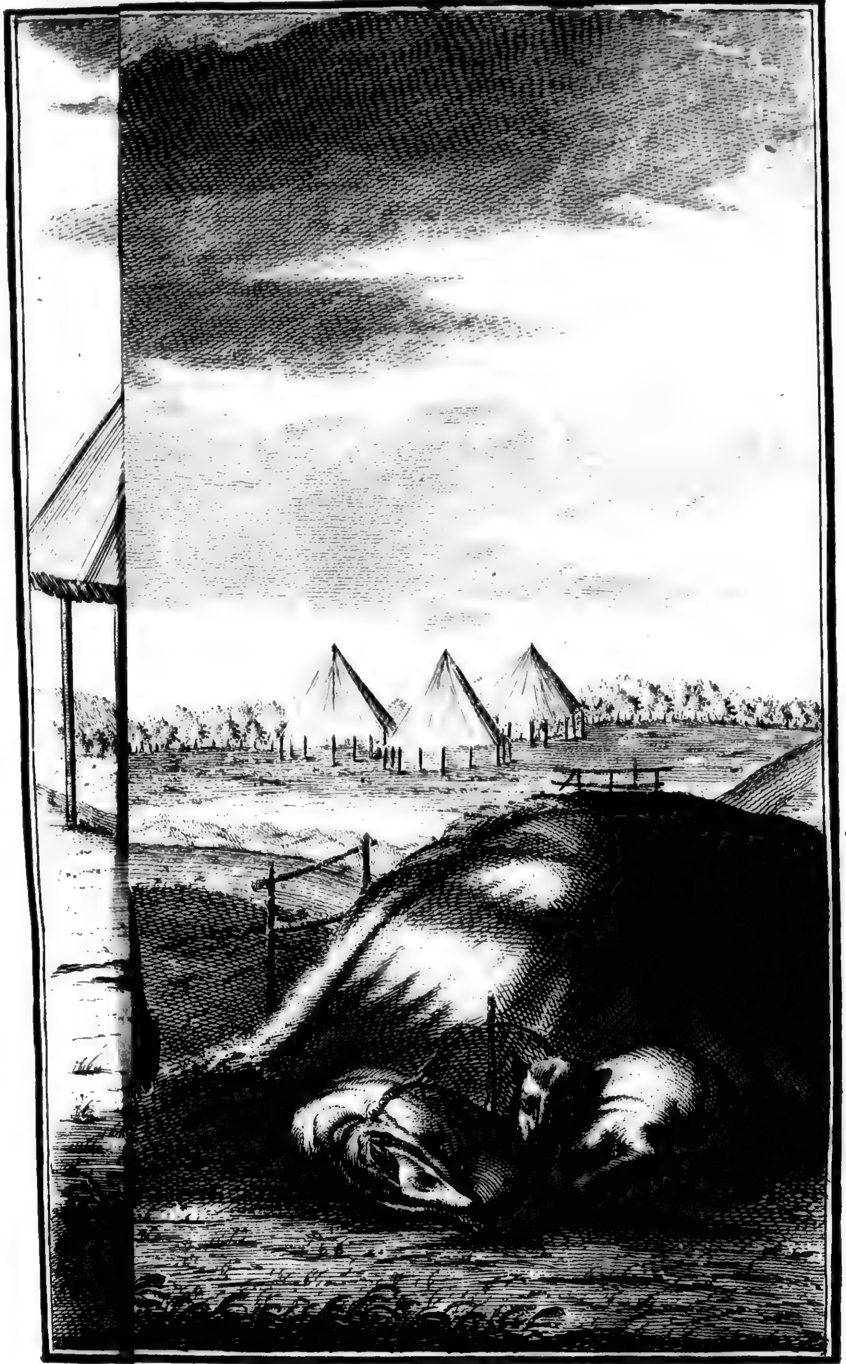
стоитъ въ одной длинѣ, что оно дѣлается почти по пяты, сверьхъ того никакими красками не краситтся. Но и сїе отъ Корякъ же получается.

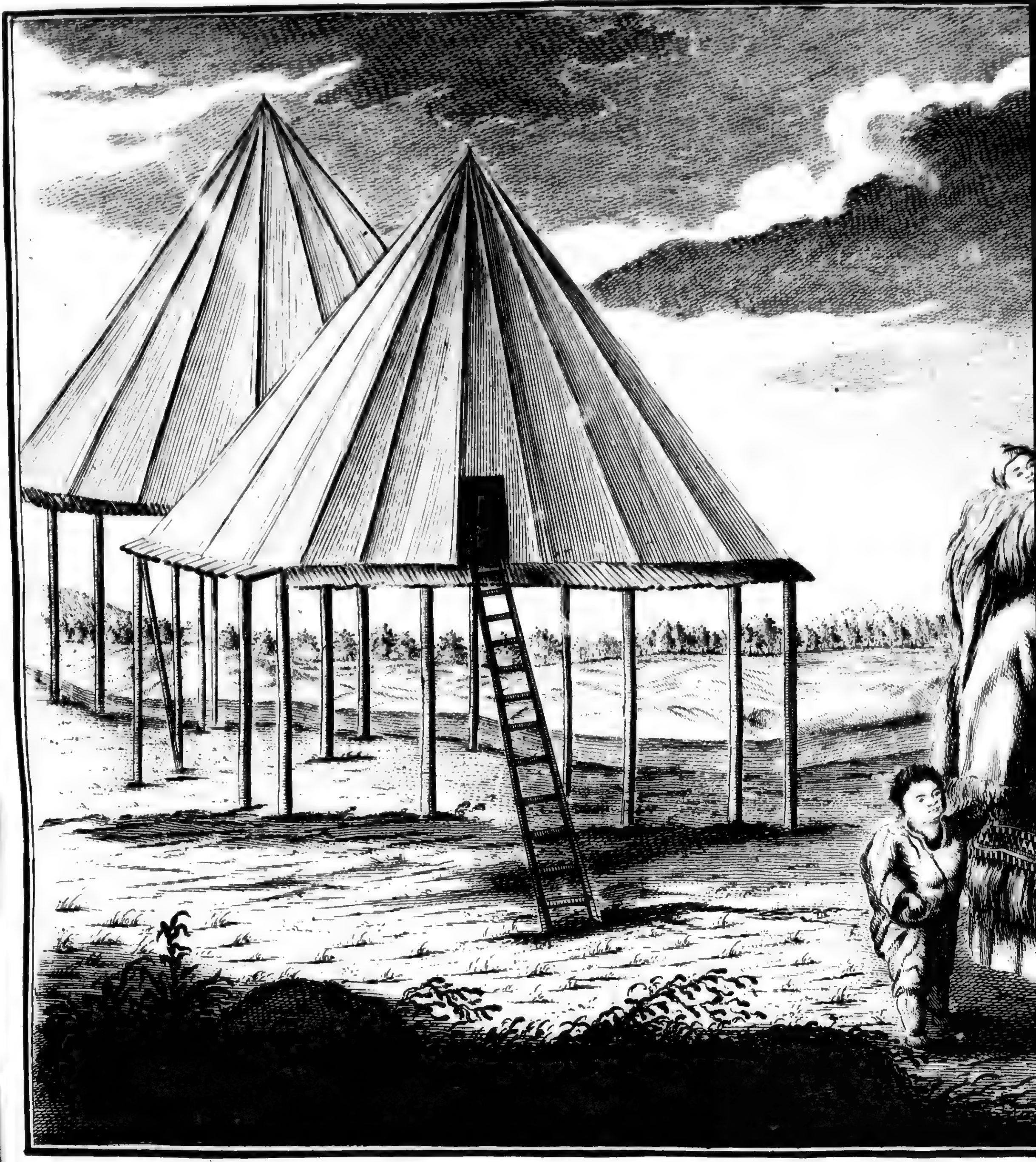
Лучшее платье, которымъ и казаки и Камчадалы щеголяютъ, по казачьи называется па́рка, отъ сѣверныхъ Камчадаловъ тингекъ, а отъ южныхъ танга́къ, длиною бываетъ съ кухлянку, въ подолѣ ширѣ, а подъ мышками уже, съ рубашечнымъ воротомъ и съ рукавами узкими. Въ кругъ подолу, вороту и въ кругъ рукавовъ обшивается подзорами, и окладывается бобровымъ пухомъ.

Подзоры у сѣверныхъ Камчадаловъ чисту, а у южныхъ Еганéмъ называемые, шьются слѣдующимъ образомъ: Замшеной рѣмень шириною палца на полтора разчерчивается клѣтками въ три ряда: клѣтки длиною бываютъ около полувершка, и каждая разнымъ шелкомъ разшивается, выключая верхней рядъ, которой черезъ клѣтку вышивается бѣлыми волосами изъ бороды оленьей. Къ такому ремню сверху и снизу пришиваютъ по красному или черному мандарному рѣмню, которой узорами жъ изъ сабачья горла выдѣланнаго на подобїе лайки распестренъ. Къ рѣмнямъ пришиваютъ сабачьежъ горло вырѣзанное зубцами и обложенное крашеною шерстью. Но шелковые подзоры начали шить по покоренїи, а до того распестряли ихъ олеными волосами, крашеною шерстью и сабачьимъ горломъ.

Вышепомянутое платье и мущины и женщины безъ разбору носятъ, а разность между мускимъ и женскимъ состоитъ въ нижнемъ платьѣ и въ обуви. Женское нижнее платье, въ которомъ онѣ

дома





Камчадалка съ дѣтьми въ уборно

ѣ дѣтьми въ уборномъ платьѣ.

Часть

Камчадалка съ Дѣтьми въ Простомъ Платьѣ.

дома обыкновенно ходятЪ, содержитЪ и штаны и душагрейку вмѢстѢ сшитыя. Штаны длиною и шириною подобны голанскимЪ брюкамЪ, и также подвязываются ниже колѢна; а душагрейка сЪ воротомЪ, который на веревочкѢ и стягивается и распускается. Сіе платье называется хоньбами, и сЪ ногЪ надѢвается. Оно бываетЪ лѢтнее и зимнее: лѢтнее шьется изЪ ровдугЪ, или изЪ кожЪ морскихЪ звѢрей выдѢланныхЪ на подобіе ровдугЪ, а зимнее изЪ оленьихЪ, и изЪ кожЪ каменныхЪ барановЪ, которое онѢ носятЪ иногда вверхЪ, а иногда внизЪ шерстью. Муское покоевое или домашнее платье есть рѢменной поясЪ по ихЪ Máхва, у котораго напереди пришитЪ мѢшечикЪ для прикрытія тайнаго у́да, а назади рѢменныя мохры для прикрытія заду, впротчемЪ бываетЪ оной раскрашенЪ и нерпичьею крашеною шерстью. ВЪ семЪ платьѢ хаживали прежде сего Камчадалы нетокмо дома, но и на промыслахЪ вЪ лѢтнее время: но нынѢ употребляется оно токмо у отдаленныхЪ отЪ РоссійскихЪ остроговЪ, а ближніе носятЪ рубахи, которыя покупаютЪ у рускихЪ.

ЛѢтніе штаны какЪ у мужескаго, такЪ и у женскаго полу одинакія: шьются изЪ разныхЪ кожЪ на подобіе портковЪ, каковы носятЪ мужики деревенскіе, токмо поу́же. Зимніе мускіе штаны хотя тѢмже покроемЪ бываютЪ, какЪ лѢтніе, однако сЪ тою отмѢною, что ширѢ, и что огузье у нихЪ вЪ низЪ шерстью, а сопли, на которыя обыкновенно оленьи или волчьи кáмасы употребляются, вверхЪ шерстью. ПоконецЪ соплей бываетЪ ровдужной, или суконной опушень, вЪ которой рѢмень продѢвается для завя-

зыванія обуви, на которую надѣваются, чтобъ снѣгъ за оную не засыпался.

Мужская обувь отъ женской вообще разнствуетъ тѣмъ, что у мужской голенищи коротки, а у женской по колѣно долги, впротчемъ шьется изъ различныхъ кожъ. Которую носятъ лѣтомъ въ мокрую погоду, та дѣлается изъ сырой тюленьей кожи вверьхъ шерстью наподобіе поршней, каковы носятъ Сибирскіе казаки и татары, когда бечевой ходятъ: ибо и поршни шьются изъ сырой же лошадиной или коровьей кожи вверьхъ шерстью. Зимнюю обувь, въ которой ходятъ на промыслы, шьютъ изъ сушеной рыбьей кожи, а особливо Чавычьей, Кайковой и Няркиной, но она хороша токмо въ морозы, а въ мокрую погоду тотчасъ распалзывается. Наиболѣе употребляютъ на зимнюю обувь олени камасы, которыя носятъ вверьхъ шерстью, подошва у нихъ бываетъ изъ лахташной кожи, а для бо́льшаго тепла собираютъ ихъ и изъ лоскутья оленихъ камасовъ, у которыхъ шерсть долга, и изъ медвѣжьихъ камасовъ, въ которыхъ подошвахъ сверьхъ тепла и сія есть выгода, что можно ходить и по скольскимъ мѣстамъ безъ опасности.

Лучшая обувь, которою также какъ па́рками Казаки и Камчадалы щеголяютъ, шитые торбасы, которые походятъ нѣсколько на упуки и также подвязываются рѣмнями. Подошва у нихъ бываетъ изъ тюленьей бѣлой кожи, го́ловы изъ красной мандары, взъемы изъ бѣлой лайки или по ихъ сабачья горла, а голенища изъ замши или изъ тюленьей крашеной кожи, къ которымъ на верху широкіе подзоры пришиваются,

каковы

Камчедалъ въ летнемъ платье,

Камчадалка въ самомъ тепло лѣтной уборѣ.

каковы къ паркамъ. Сія обувь такой важности, что есть ли на холостомъ ея увидятъ, тотъ часъ будетъ подозрѣніе, что у него есть любовница. Такіе торбасы по Камчатски называются Згосйнупъ и Дзилетъ.

Чулки носятъ они изъ сабачьихъ кожъ, а называютъ ихъ чажами, но наибольше обвиваютъ ноги тонщичемъ, отъ чего по скаскамъ ихъ не меньше чажей тепла, а притомъ сія выгода, что не потѣютъ ноги.

Шапки носятъ такіяжъ какъ Якутскія: но господинъ Стеллеръ объявляетъ, бутто прежъ сего бывали у нихъ шапки изъ птичьихъ перьевъ и изъ звѣриныхъ кожъ безверхія, на подобіе старинныхъ нашихъ треуховъ бабьихъ, токмо съ тою отмѣною, что уши у Камчатскихъ шапокъ не сшивались вмѣсто. Лѣтомъ носятъ они берестеные умбракулы, которые завязываются на затылкѣ, а у Курильцовъ лѣтнія шапки плетеныя изъ травы наподобіе вѣнчика.

Женской лучшей головной уборъ парикъ, о которомъ выше упомянуто. Сіи парики такъ любы имъ бывали и милы, что по объявленію Стеллера, препятствовали многимъ къ воспріятію православной вѣры: для того что при крещеніи снимали съ нихъ такое странное украшеніе: а у которыхъ натуральные волосы по паричному расшипы были, тѣхъ остригали къ чувствительной ихъ печали и горести. Дѣвки расплетали волосы свои на мѣлкія косы, которыя для лоску мазали тюленьимъ жиромъ. Но нынѣ все отмѣнилось: ибо какъ женщины такъ и дѣвки по россійски убираются. Носятъ тѣлогреи и юпки, носятъ рубахи съ манжетами, носятъ кокошники, чепцы, и золотыя лѣнты,

а сво-

а своимъ развѣ токмо тѣ не гнушаются, которымъ лѣтъ по 80 отъ роду.

Женьщины всякую работу дѣлаютъ въ перчаткахъ, которыя шьются безъ пальцовъ, и никогда ихъ не скидаютъ.

Лица́ прежде сего умывать не знали, но нынѣ бѣлятся и румянятся. Вмѣсто бѣлилъ употребляютъ гнилое дерево, которымъ мѣлко изтертымъ натираются, а румянятся нѣкоторою *травою морскою, которая видомъ какъ Елочка. Сію траву мочатъ онѣ въ тюленьемъ жиру, и намазываютъ ще́ки стольже красно, какъ румянами.

Большее щегольство и наряды бываютъ у нихъ зимою, когда много проѣзду. Есть ли появился стоpонней, то всѣ за нарядъ принимаются, моются, бѣлятся, и одѣваются въ лучшее платье.

Но есть ли которой Камчадалъ пожелаетъ и себя одѣть и домашнихъ, то ему понадобится не меньше ста рублевъ на самое росхожее платье: ибо тамъ и шерстяные чулки, которые здѣсь по дватцети копеекъ продаются, меньше рубля купить ему не льзя; для того что и россійскіе жители ни́же того не покупаютъ, изъ чего о другихъ вещахъ рассуждать можно. Курильцы всякое дорогое платье покупать больше въ состояніи, не́жели Камчадалы: ибо они на одного бобра морскаго, которые и на Камчаткѣ отъ 15 до 40 рублевъ продаются, столько могутъ купить, сколько Камчадалъ лисицъ на дватцать, а бобра Курильцу легче

*Fucus marinus abietis forma.
†Pinus maritima f. fucus teres etc. Dood. app. 326. Raj Lyn.

легче достать, нежели Камчадалу пять лисицЪ: для того что вЪ самой хорошей годЪ и звѢремЪ довольной, лучшей промышленикЪ едва десять лисицЪ вЪ зиму промыслитЪ: а КурилецЪ и вЪ худой годЪ поимаетЪ трехЪ звѢрей, не упоминая о морскихЪ привалахЪ, при которыхЪ случаяхЪ получаютЪ они великое богатство.

ГЛАВА 8.

О пищѢ и питіи Камчатскаго народа и о пріуготовленіи оныя.

Ужѐ выше сего обЪявлено, что Камчадалы питаются кореньемЪ, рыбою и морскими животными, а во второй части описаны и самыя оныя вещи, которыя служатЪ кЪ ихЪ содержанію. Чего ради здѢсь должно упомянуть обЪ одномЪ токмо ихЪ пріуготовленіи, и различныхЪ каждой пищи наименованіяхЪ, зачиная отЪ рыбы, которая за хлѢбЪ ихЪ почесться можетЪ.

Главная ихЪ пища, которую должно почѐсть за ржаной хлѢбЪ, есть юкола, которую дѢлаютЪ они изЪ всѢхЪ рыбЪ лососья роду. Каждую рыбу разнимаютЪ они на шесть частей, бокѝ сЪ хвостомЪ особливо вѢшаютЪ и сушатЪ на воздухѢ; и сія сушеная рыба свойственно юколою называется: спинки и тіоши, или по ихЪ пупки, особливо готовятЪ, а больше паровятЪ. Гѡловы квасятЪ вЪ ямахЪ, пока весь хрящЪ покраснѢетЪ, и ѢдятЪ ихЪ вмѢсто соленыхЪ почитая за пріятное кушанье, хотя вѡни отЪ нихЪ тер-

пѣть почти не можно. Тѣло, которое по снятіи боковъ остается на костяхъ, особливо снимаютъ и сушатъ вязками, которое въ толченіе употребляютъ, а кости на особливыхъ же вязкахъ сушатъ для содержанія сабакъ своихъ. Такимъ образомъ готовится юкола и у другихъ народовъ изъ всякихъ рыбъ, и вездѣ извѣстна подъ именемъ юколы, а ѣдятъ оную наиболыне сухую. Камчадалы своимъ языкомъ называютъ ея заалъ.

Второе Камчатское любимое кушанье икра̀ рыбья по ихъ имянуемая инетоль, которая трояким̀ образомъ пріуготовляется. 1) Сушится на воздухѣ вязками. 2) вынимается изъ перепонки, въ которой какъ въ мѣшечкѣ содержится, и наливается въ стебли или дудки различныхъ травъ, а особливо сладкой травы̀, и у огня сушится. 3) дѣлается прутьями, и въ листьѣ травяномъ сушится. Никто не ходитъ на промыселъ или въ дорогу безъ сухой икры̀ какъ безъ надежнаго содержанія. буде у Камчадала фунтъ икры̀, то онъ долго жить можетъ безъ другой пищи, всякая береза и ива запасъ его, и онъ корку съ сихъ деревъ съ икрòю стольже пріятно ѣсть можетъ, какъ другія кушанья, но икрòю и коркою порознь питаться долго не можетъ. Ибо икра̀ безмѣрно клейка, и такъ въ зубахъ вязнетъ, что трудно и вычистить; а кора суха такъ что и тому надивиться довольно нельзя, когда они для забавы и безъ икры̀ иногда ѣдятъ ея вмѣсто конфектовъ; ибо другой, сколько бы ни жевалъ ея, подлинно не свободно проглотитъ, но когда оба сіи кушанья вмѣстѣ употребляются, то одного недостатокъ, какъ они говорятъ, другимъ награждается. Есть

Есть еще четвертой образецъ пріуготовленія икры но оной не у однихъ Камчадаловъ, но и у Корякъ примѣчается. Свѣжую икру кладутъ они въ ямы усланныя травою, и закрывъ травоюжъ и землею квасятъ, и сія кислая икра почитается у нихъ за такоежъ пріятное кушанье, какъ у насъ зернистая икра свѣжая. Но Коряки квасятъ оную въ мѣшкахъ кожаныхъ, а не въ ямахъ.

Третье кушанье Камчатское называется Чуприки, которые готовятъ изъ разныхъ рыбъ слѣдующимъ образомъ: Въ юртахъ, въ балаганахъ и въ барабарахъ надъ очагомъ дѣлаютъ они помостъ изъ колья, и кладутъ на оной рыбы въ вышину до трехъ аршинъ, послѣ того натапливаютъ юрту или балаганъ, какъ баню, и скутываютъ жарко; есть ли рыбы на помостахъ не много накладено будетъ, то она поспѣваетъ скоро, и бываетъ тогда готова, какъ юрта простываетъ; въ противномъ же случаѣ натапливаютъ ихъ по нѣскольку разъ перемѣшивая рыбу. Такая рыба бываетъ полужареная и копченая и вкусомъ весьма пріятная, такъ что сей вымыселъ пріуготовленія рыбы можетъ почесться за самой лучшей на Камчаткѣ: ибо весь сокъ и жиръ весьма тихо, и какъ бы въ вольной печи выжаривается. Тѣло рыбье въ кожѣ, какъ въ мѣшкѣ лежитъ, которую снять можно безъ трудности. Потрохъ и кишки вынимаются изъ рыбы, когда она поспѣетъ. Тѣло растирается мѣлко, сушится на рогожахъ до суха, и кладется въ мѣшки изъ травы плетеные. И сіе есть настоящая Камчатская порса, которую и Тунгусы около Охотска также готовятъ. Вяжутъ же такую жареную рыбу и плетенками не растирая тѣла, и ѣдятъ сухую какъ юколу.

Самое деликатное Камчатское кушанье кислая рыба, которую они квасятъ въ ямахъ такимъ же образомъ, какъ о кислой икрѣ показано, а называютъ оную Хуйгулъ. Можно за истинну сказать, что скверняе духу не бываетъ отъ упади, однако Камчадаламъ кажется оной ароматнымъ. Иногда сія рыба такъ въ ямахъ изгниваетъ, что не инако ея, какъ ковшами черпаютъ; но такая для сабакъ употребляется, и подбалтывается въ опаны ихъ вмѣсто муки овсяной.

Господинъ Стеллеръ пишетъ, что и самоядь рыбу квасятъ же, и для мерзлой земли бываетъ рыба ихъ гораздо лучше. И Якуты такое же имѣютъ обыкновеніе; роютъ глубокія ямы, наполняютъ рыбою, пересыпаютъ золою, покрываютъ листьемъ, и засыпаютъ землею, и сей ихъ вымыселъ гораздо лучше; ибо отъ рыбы не бываетъ вони. Тунгусы и Казаки въ Охотскѣ такимъ же образомъ какъ и Якуты готовятъ рыбу, токмо съ сею отмѣною, что вмѣсто дровянаго пеплу употребляютъ пепелъ изъ пережженой морской травы. Свѣжую рыбу варятъ въ корытахъ, выбираютъ на лотки и простудя ѣдятъ съ прихлебкою, которая дѣлается изъ сладкой травы въ водѣ моченой.

Что касается до мясъ морскихъ и земныхъ звѣрей, то варятъ ихъ въ корытахъ съ разными кореньями, а особливо съ сараною: похлебку пьютъ ковшами или чашами, а мясо съ лотка ѣдятъ руками, и похлебки всѣ вообще, въ томъ числѣ и сабачью, называютъ Опáнга. Китовой и нерпичей жиръ ѣдятъ вареной съ кореньямиж и паровленой въ ямахъ. Вареной жиръ, а наипаче

иначе нерпичей, кроятъ ремнями, и сколько въ ротъ захватятъ, столько ножемъ отрѣзываютъ у самыхъ губъ, и цѣлкомъ глотаютъ, какъ Крохали или чайки рыбу.

Главное и богатое кушаніе, которое готовится на пирахъ или въ праздники, называется Селáга, а показачьи толкуша. Дѣлается изъ различныхъ кореньевъ и всякихъ ягодъ толченыхъ съ икрóю, съ нерьпичьимъ и китовымъ жиромъ, а иногда и съ вареною рыбою. Толкуши изъ кислыхъ ягодъ и сараны весьма пріятны, потому что и кислы, и сладки и сытны; но нестерпима скверность въ приуготовленіи, а особливо тѣхъ толкушъ, которыя дѣлаются жидкія: ибо баба, которая вѣкъ свой рукъ не мывала, потолокши коренье въ поганой чашѣ разбиваетъ оное по локоть обнаженною грязною рукою, которая потóмъ бываетъ какъ снѣгъ бѣла въ рассужденіи тѣла. Кратко сказать, брезгливому не снести и пріуготовленія сего кушанья безъ движенія внутреннихъ.

Что касается до питья, то Камчадалы не знали кромѣ воды до самаго своего покоренія: для веселья пивали они мухоморъ въ водѣ настоянной, о чемъ нйже будетъ объявлено, а нынѣ пьютъ и вино, какъ и тамошніе россійскіе жители, и со всѣмъ на немъ пропиваются. Воды пьютъ много пóслѣ обѣда. Въ вечеру никто не ложится спать не поставя у постéли ведра воды, при томъ кладутъ въ нее много льду и снѣгу, чтобъ не нагрѣвалась, по утру ни у кого ни капли воды не увидишь въ посудѣ. Зимою особливо забавляются они снѣгомъ бросая часто по горсти въ

 ротъ

ротЪ ; и женихамЪ, которые работаютЪ у будущихЪ тестей своихЪ, лѣтомЪ самая трудная служба довольствовать ихЪ снѣгомЪ, ибо они должны бываютЪ ходить по снѣгЪ на высокія горы, вЪ какую бы ни случилось погоду, вЪ противномЪ же случаѣ можетЪ досадить имЪ непростительно.

ГЛАВА 9

О ѣздѣ на сабакахЪ и разныхЪ кЪ оной принадлежащихЪ приборахЪ.

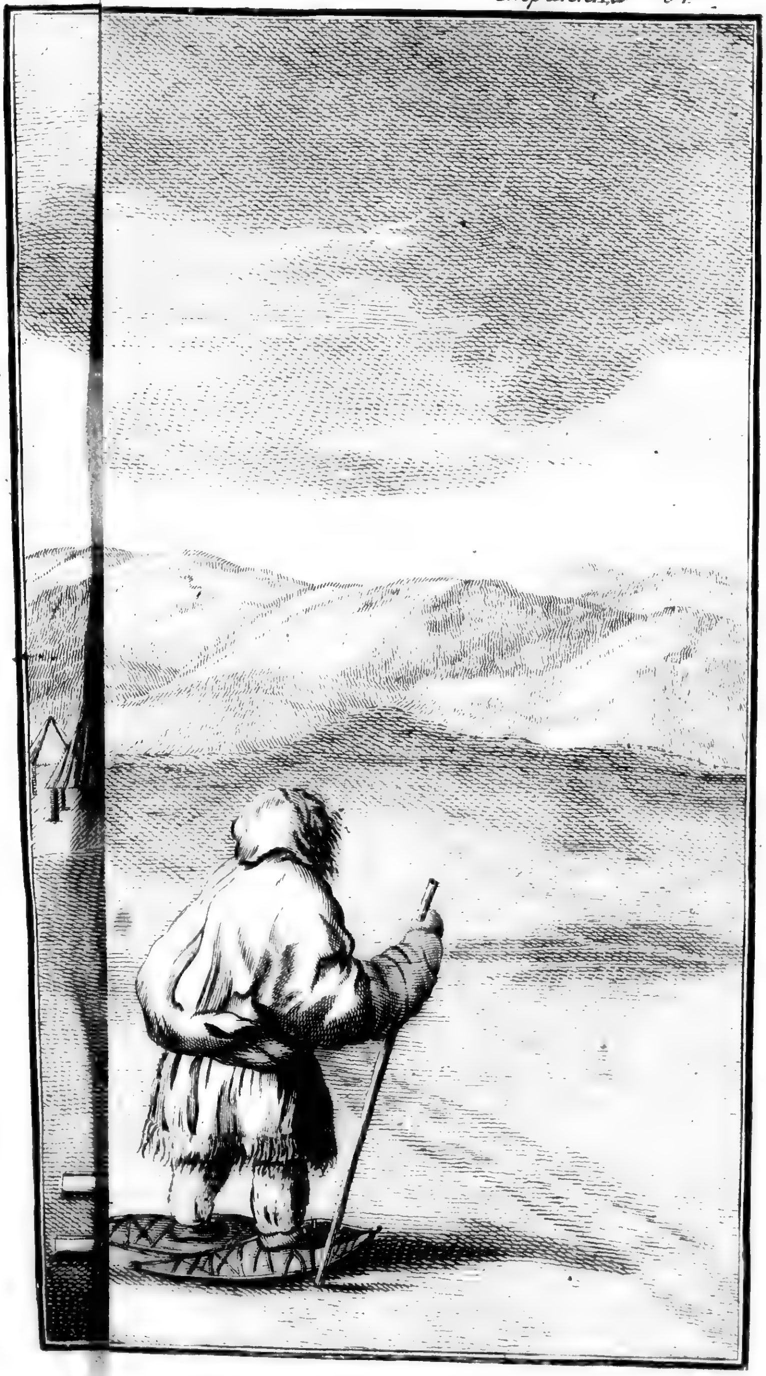
Что Камчадалы и тамошніе казаки зимою сабакЪ вмѣсто лошадей кЪ ѣздѣ употребляютЪ, о томЪ ужè выше упомянуто. А здѣсь обЪявить должно, каковы ихЪ сабаки, что кЪ ѣздѣ на нихЪ требуется, и какЪ на нихЪ ѣздятЪ.

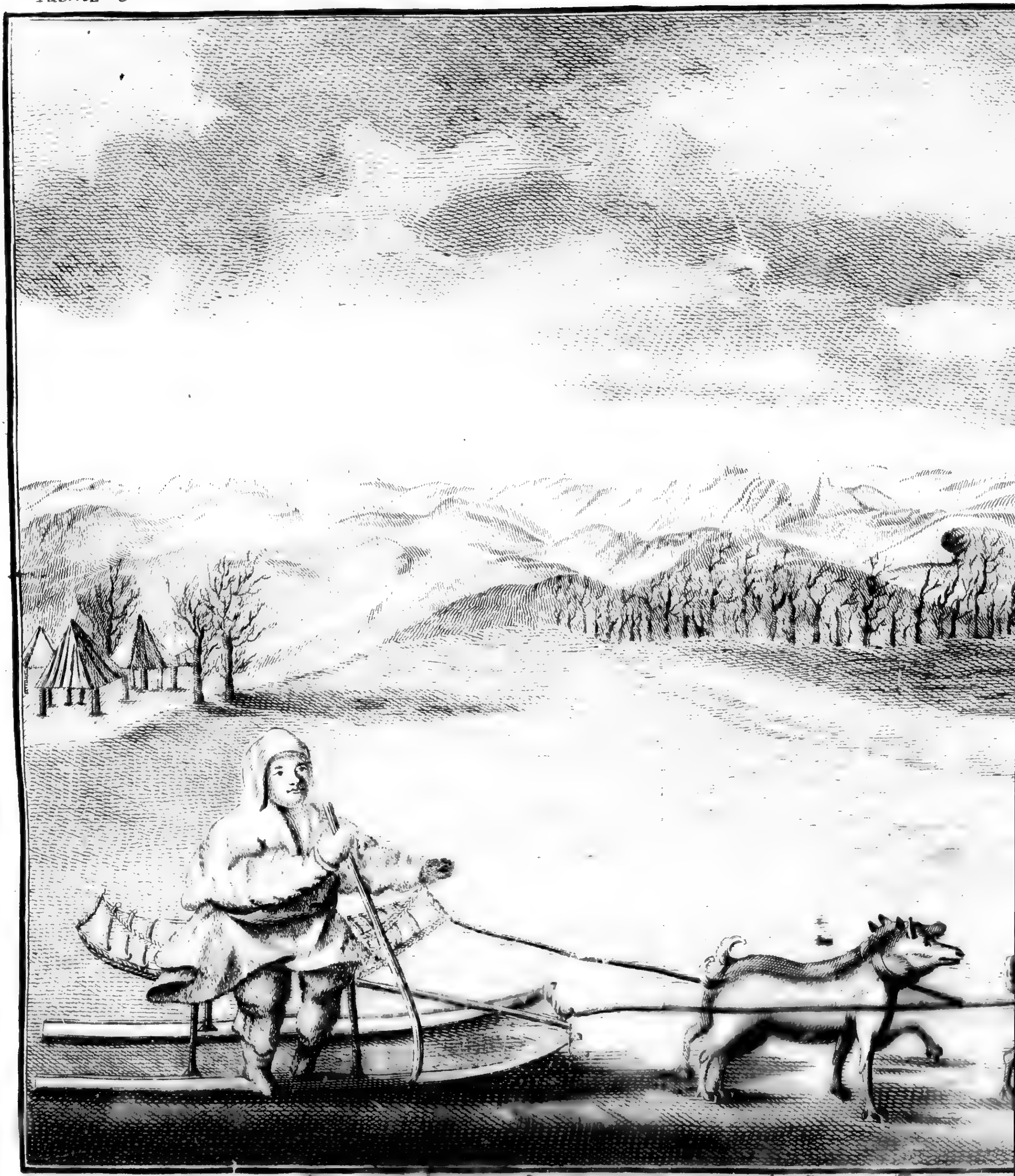
Камчатскія сабаки отЪ нашихЪ дворовыхЪ простыхЪ сабакЪ ничемЪ не разнствуютЪ, ростомЪ онѣ по большой части среднія, и шерстью такЪ какЪ наши различныя, однакожЪ можно вообще сказать, что тамЪ бѣлыхЪ, черныхЪ и сѣрыхЪ больше, нежели другихЪ шерстей.

КЪ ѣздѣ употребляются кладеныя, а запрягаютЪ ихЪ обыкновенно по четыре вЪ санки, по двѣ вЪ корени, и по двѣ на переди, и четверня сабакЪ называется тамЪ нартою, такЪ какЪ здѣсь шесть лошадей цугомЪ.

Приборы надлежащіе кЪ ѣздѣ на нихЪ санки, Алаки, позѣжникЪ, узда, оштѣйники, вязки и отталЪ.

Санки





Ѣзда на [illegible] съ бродощикомъ, которой дорогу прокладыв

...дорогу Прокладываетъ

Санки, по ихЪ Ше́жхедЪ, дѢлаются о двухЪ копылахЪ. Копылье гнутся изЪ кривова березоваго дерева, на подобіе раздвинутаго циркуля, вышиною вЪ три четверти, а разстояніе между ножекЪ вЪ низу на поларшина. На каждомЪ копылѢ вЪ изгиби проверчены по двѢ дирочки. Ножки у нихЪ близЪ нижняго конца зарублены, а на самомЪ концѢ вырѢзаны. Сквозь помянутыя дирочки продѢваются вЪ оба копыла тоненькіе батожки, которыми оныя связываются, разстояніемЪ на аршинЪ между собою. КЪ каждому батожку приплетается ремнями другой батожокЪ равной длины и толщины. Передніе концы оныхЪ батожковЪ сЪ задними такЪ крѢпко стягиваются ремнемЪ, что сЪ обоихЪ концовЪ становятся дугою. ВЪ доль по батожкамЪ привязываются лучки вверхЪ рожками одинЪ отЪ другаго на четверть и меньше. Рожки у помянутыхЪ лучковЪ зарублены, за которыя зарубки прикрѢпляются оные кЪ ремнямЪ, коими концы батожковЪ стянуты. По концамЪ батожковЪ кладутся поперечныя палочки, и увиваются ремнямижЪ. ТакимЪ образомЪ оснуется рѢшетка, которая бываетЪ на подобіе долгаго глубокаго и ускаго лотка, длиною аршина полутора и долѢ, а шириною вЪ поларшина и у́же. Полозье, на которое ставится объявленная рѢшетка, длиною бываетЪ четвертей вЪ 11, шириною вершка вЪ полтора, а толщиною едва вЪ полдюйма. ВЪ тѢхЪ мѢстахЪ, гдѢ стоятЪ копылью, оставляются горбки, кЪ верху вострые, а вЪ срединѢ прорѢзаные, на которые поставленное копылье привязывается продѢваемыми сквозь прорѢзаные горбки и кЪ зарубкамЪ

камъ на ножкахъ копылья находящимся прикрѣпляемыми рѣмнями. Головки у полозья бываютъ не круты, но отлоги, и по концамъ вмѣсто вязка поперечною палкою перевязаны.

А́лаки или лямки дѣлаются изъ широкихъ мяхкихъ и въ двое изогнутыхъ рѣмней, которые на сабакъ черезъ переднюю лапатку накладываются, правой сабакѣ черезъ лѣвую, а лѣвой черезъ правую. Къ концамъ алаковъ привязывается долгой и тонкой рѣмень съ кляпомъ на концѣ, потягомъ называемой, которой объявленнымъ кляпомъ въ кольцо находящееся на поперечинѣ у головашекъ вкладывается.

Побѣжникъ называется долгой рѣмень, у котораго на одномъ концѣ привязывается кляпъ, которой вкладывается въ кольцо на срединѣ поперечины головашекъ укрѣпляемое, а на другомъ цѣпочка, у которой какъ по концамъ, такъ и на срединѣ кольца. Оной побѣжникъ служитъ въ мѣсто дышла, а цѣпочка на немъ вмѣсто коромысла, ибо имъ коренныя сабаки связываются, чтобъ въ рознь не разбѣгались.

Уздою называется такойже рѣмень съ кляпомъ и цѣпочкою, которою переднïе сабаки связываются, токмо гораздо долѣ: ибо конецъ его съ кляпомъ къ кольцужъ на головашкахъ прикрѣпляется.

Ошѣйники дѣлаются изъ широкихъ же ремней, а на нихъ по кляпу висячему на короткихъ ремняхъ, которые въ кольца цѣпочьки на уздѣ или побѣжникѣ продѣваются. Дѣлаютсяжъ ошѣйники и изъ медвѣжьей кожи вверхъ шерьстью, и для прикрасы на сабакъ надѣваются.

Вязки

Вяскѝ, на которыя сабакъ вяжутъ, дѣлаются костяныя или деревянныя, у которыхъ на одномъ концѣ дирочка, а на другой зарубка. Въ дирочку вкладывается кляпъ отъ ошѣйника, а за зарубку привязывается долгой рѣмень, чтобъ сабакѣ около столба ходить было можно. Оные вяскѝ для того употребляются, что сабаки отъ рѣмней или отъ веревокъ отъѣдаются, а желѣзныхъ цѣпей у нихъ не бываетъ.

Ошталомъ называется кривая палка, длиною аршина въ полтара, которымъ сабакъ погоняютъ, остонавливаютъ и правятъ. Для понужденія сабакъ дѣлаются на головкѣ оной палки побрякушки или колокольчики, остонавливаютъ уткнувъ ошталъ передъ копыломъ переднимъ и бороздя дорогу. А правятъ, буде надобно въ лѣво, то бьютъ ошталомъ по снѣгу, и кричатъ угà, будеже въ право, то бьютъ въ передней копылъ и кричатъ Хнà Хнà Хнà; между тѣмъ ногами бороздятъ, и сабакъ одерживаютъ. Какъ ошталъ, такъ и санки для прикрасы увиваются разноцвѣтными ремнями, и оное за немалое щегольство почитается.

Санки по Камчатски называются Ше́жхедъ, копылье Ошòдъ, Алаки Те́наунъ, потяги И́гошежидъ, Узда Ку́йгулы и побѣжникъ Коно́пошана.

Сидятъ на санкахъ опустя ноги на правую сторону, а осѣдлавъ санки сидѣть почитается за великой порокъ, ибо такимъ образомъ сидятъ на нихъ Камчадальскія женщины; таковожъ бесчестно и то, ежели

либо кто взялъ къ своимъ санкамъ проводника, для того, что бабы съ проводниками ѣздятъ.

Нарта добрыхъ сабакъ покупается на Камчаткѣ рублевъ по пятнатцати, а со всѣмъ заводомъ становится около 20 рублевъ. Я зналъ одного на Камчаткѣ охотника, которому обходилась нарта сабакъ рублевъ и по шестидесятъ.

О неспособности ѣзды на сабакахъ изъ одного строенія санокъ разсудить можно, что ѣздоку не обходимо должно быть осторожну и стараться хранить равновѣсіе; въ противномъ же случаѣ ускія и высокія санки и на самыхъ малыхъ раскатахъ или ухабахъ опрокидаются, при чемъ ѣздокъ подверженъ бываетъ немалому страху, особливо на пустомъ мѣстѣ, ибо сабаки убѣгаютъ, и не станутъ, пока въ жилье придутъ, или за что нибудь на дорогѣ зацѣпятся, а онъ принужденъ бываетъ пѣшь итти, чего ради въ такихъ случаяхъ всякой старается, какъ можно, за санки схвататься, и тащенъ бываетъ иногда съ версту, пока сабаки выбившись изъ силы остоятся. Въ которыхъ сей наибольше порокъ, что оныя какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ опасныхъ мѣстахъ, какъ то на крутыхъ спускахъ, на нужныхъ черезъ рѣчьки переѣздахъ бѣгучи надрываются, и ничемъ ихъ остановить не можно, и для того на объявленныхъ спускахъ сабакъ выпрягаютъ, и въ поводу водятъ оставя токмо одну, которая бы санки правила, чтобъ дорогой катились, а подъ полозье подвязываютъ рѣменныя кольцы, чтобъ некатки были.

На

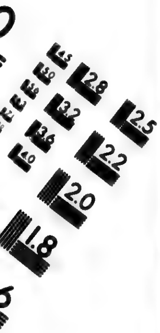
Бродощикъ Которой на лапкахъ Прокладываетъ Дорогу.

IMAGE EVALUATION
TEST TARGET (MT-3)

6"

Photographic
Sciences
Corporation

23 WEST MAIN STREET
WEBSTER, N.Y. 14580
(716) 872-4503



На крутыя горы поднимаясь должно итти пѣшкомъ, ибо сабаки и простыя санки взвозятъ съ нуждою. Глухой клади возятъ на нартѣ по пяти пудъ не считая корму, которой подводчики для себя и для сабакъ берутъ на дорогу. Съ кладью по торной дорогѣ переѣжжаютъ верстъ по 30 на день и больше: а на легкѣ, особливоже весною по насту, на костяныхъ полозьяхъ верстъ по полтораста.

Когда выпадаетъ глубокой снѣгъ, то не проложа дороги на сабакахъ ѣхать не можно, прокладываютъ дорогу подводчики, а по тамошнему каюры на лапкахъ, которые бродовщиками называются.

Лапки дѣлаются, изъ двухъ не весьма толстыхъ брусковъ на срединѣ двѣмя поперечинами распертыхъ, а по концамъ вмѣсто стянутыхъ, и напереди къ верху загнутыхъ, и рѣмнями часто переплетенныхъ. На впоркахъ привязывается путло, которое на ногу надѣвается. Бродовщикъ долженъ имѣть на обѣихъ ногахъ по объявленной лапкѣ, и оставя сабакъ на мѣстѣ итти впередъ на нѣкоторое разстояніе, а потомъ воротиться тоюже дорогою къ сабакамъ, и весть ихъ по проложенной дорогѣ. А потомъ оставя ихъ паки итти впередъ, и такъ мучиться до самаго жилья. Въ семъ случаѣ ѣзда бываетъ толь медлѣнна, что въ день едва десять верстъ переѣхать можно. Употребляютсяжъ къ прокладыванію дороги и обыкновенныя лыжи, однакожъ не столь часто. Ни одинъ подводчикъ безъ лыжъ или безъ лапокъ въ дальнюю дорогу не ѣздитъ.

*Вящшее неспокойство въ ѣздѣ бываетъ, когда на пустыхъ мѣстахъ застанетъ вьюга. Тогда съ возможнымъ поспѣшеніемъ надлежитъ съ дороги въ лѣсъ сворачивать, и лежать вмѣстѣ съ сабаками, пока утихнетъ погода, которая иногда по недѣлѣ продолжается. Собаки лежатъ весьма тихо, но въ случаѣ голоду обѣѣдаютъ всѣ рѣмни, узды, побѣжники и прочіе санные приборы. буде погода захватитъ нѣсколко человѣкъ вмѣстѣ ѣдущихъ, тогда проѣжжіе имѣютъ сію выгоду, что они могутъ шелашь себѣ здѣлать, и окопаться снѣгомъ: но Камчадалы шелашей мало дѣлаютъ, а отлеживаются наиболше въ ямахъ усланныхъ съ деревъ вѣтвями, обернувшись въ свою куклянку и рукава спустя: причемъ такъ ихъ заноситъ снѣгомъ, что ни рукъ, ни ногъ, ни головы не видно. Подъ снѣгомъ оборачиваются они какъ шаръ, однако весьма осторожно, чтобъ снѣгу, которымъ занесены, не рассыпать: ибо они подъ снѣгомъ лежатъ какъ въ юртѣ, имѣя скважину для дыханія, которая надъ ртомъ протаеваетъ. Есть ли платье на нихъ узко и подвязано поясомъ, то сказываютъ они, что стужи не можно тогда вытерпѣть; для того что платье отъ паровъ намокнетъ и грѣть не будетъ.

Когда погода застанетъ на чистой тундрѣ, въ такомъ случаѣ ищутъ какого ни будь бугорка, и подъ него ложатся, а чтобъ не занесло и не задушило снѣгомъ, то каждую четверть часа вставши отрясаются. Но понеже въ восточные и южновосточные вѣтры бываетъ обыкновенно мокрой снѣгъ, то проѣжжіе обмокнувъ

---

*изъ Стеллерова описанія.

мокнувъ часто замерзаютъ, ибо такія погоды наиболыше кончатся сѣвернымъ вѣтромъ и стужею.

Кромѣ сильныхъ вѣтровъ зимняя ѣзда и потому опасна, что многія рѣки или не вездѣ становятся, или съ полыньями превеликими, которыя и въ самые жестокіе морозы не замерзаютъ. А понеже дорога наиболѣе по рѣкамъ бываетъ, для того что берега гористы, и индѣ почти непроходимы, то рѣдкой годъ проходитъ, чтобъ людямъ въ ѣздѣ не случилось урону, ибо индѣ должно пробиратться по самымъ ускимъ закраинамъ, а буде обломятся, или санки въ воду скатятся, то нѣтъ никакого спасенія. быстрина рѣки не допуститъ справиться, а хотябъ въ томъ кому и пощастливилось, то обмокнувъ погибаетъ съ болышею мукою, когда нѣтъ жилья въ близости.

Немалая же трудность состоитъ и въ томъ, что много случается ѣздить чрезъ частой ивнякъ, гдѣ надлежитъ опасаться, чтобъ не потерять глазъ или не переломать рукъ и ногъ, особливо же что сабаки въ трудныхъ и бѣдственныхъ мѣстахъ всю силу употребляютъ, чтобъ бѣжать скоряе, и зброся хозяина свободиться отъ тяжести, какъ уже выше объявлено.

Лучшая и спокойная ѣзда въ мѣсяцахъ Мартѣ и Апрѣлѣ по насту, однако притомъ сіе неспокойство, что по двѣ и по три ночи принуждено иногда ночевать на пустомъ мѣстѣ, а Камчадаловъ трудно принудить, чтобъ они раскладали огонь для варенія или для обогренія, ибо они съ своими сабаками ѣдятъ сухую рыбу сидя на цыпочкахъ спустя шпиы и кухлянку. При

чемъ довольно надивиться нельзя 1) что они могутъ и сладко спать въ семъ бѣдномъ положеніи. 2) теплотѣ ихъ природной, что они стужи мало чувствуютъ, ибо они вставши по утру столь теплы и красны бываютъ, какъ бы въ теплом покоѣ спали. Но сія теплота почти всѣмъ тамошнимъ дикимъ народамъ свойственна. Я видалъ нѣкоторыхъ иновѣрцовъ, коимъ образомъ они на пустыхъ мѣстахъ съ вечера ложились къ огню голою спиною, а какъ уснулъ, и огонь потухъ, то хотя спина и заиндѣвѣла, однако они спали безъ просыпу, буттобы ихъ огнемъ пригрѣвало.

ГЛАВА 10.

О военномъ Камчатскомъ ополченіи

Хотя Камчадалы до покоренія Россійскому государству не были властолюбивы, и о распространеніи границъ нималаго не имѣли попеченія, какъ ужѐ выше показано, однако столь часто между собою воевали, что году не проходило, въ которомъ бы сколько нибудь острожковъ раззорено не было. Главное намѣреніе браней ихъ состояло въ томъ, чтобъ получить плѣнниковъ, которыхъ они въ тяжкія работы употребляли, а особливо женскаго пола, которыхъ они брали въ наложницы и въ супружество, а о причинѣ была ли она или нѣтъ, законна ли или незаконна, не много они рассуждали. Иногда сосѣдственные остроги и за то другъ противъ друга вооружались, что

дѣти

дѣти между собою поссорились, а естьли кто кого позвавъ въ гости не столько, какъ надлежало, подчивалъ, то сіе вмѣнялось за такую обиду, которую мстить надлежало не инако, какъ погубленіемъ всего острога, въ которомъ случалось толь непріятельское дѣйствіе.

Но въ войнѣ дѣйствовали они больше обманомъ нежели храбростію, ибо они такъ робки, что явно напасть не отважутся, кромѣ необходимой нужды: а сіе тѣмъ удивительнѣе, чѣмъ сей народъ меньше жалѣетъ о своей жизни, ибо они и добровольно умирать не сумнѣваются. Въ непріятельскіе острожки врывались они ночнымъ временемъ, что могли дѣлать безъ препятствія для того, что карауловъ у нихъ не бываетъ. Такимъ образомъ и малолюдствомъ губили они знатное число непріятелей безъ всякой себѣ опасности и сопротивленія. Вся трудность къ одержанію побѣды состояла въ томъ, чтобъ ускорить взбѣжать на юрту не выпустя изъ нея ни человѣка, и стать надъ окномъ съ палкою или съ чекутою, ибо осажденнымъ по состоянію строенія юртъ должно выходить тѣмъ окномъ по человѣку, которыхъ осаждающіе и бить и вязать могли въ небольшемъ числѣ.

Съ плѣнниками мужеска полу особливо знатнѣйшими удальствомъ своимъ поступали они съ обыкновеннымъ всѣмъ тамошнимъ народамъ безчеловѣчіемъ. Жгли, рѣзали, кишки изъ живыхъ мотали, вѣшали за ноги, и всякія дѣлали ругательства торжествуя при томъ о побѣдѣ надъ непріятелями. Такое мученіе

ченіе случилось терпѣть и нѣкоторымъ Казакамъ во время большáго бунта, когда вся Камчатка находилась въ движеніи.

Тогдашнія ихъ междуусобія не мало способствовали Казакамъ къ покоренію всего народа; ибо когда они въ виду одного острожка приступали къ другому, то не должно было казакамъ опасаться, чтобъ осажденные получили пóмочь: напротивъ того сосѣди радовались ихъ погибели, или смотрѣли съ удовольствіемъ, какъ казаки на приступахъ дѣйствуютъ, а послѣ и сами были побѣждаемы.

Противъ казаковъ употребляли они обыкновенную свою хитрость, которою и больше ихъ губили, нежели оружіемъ. Когда казаки требовали ясаку съ какого нибудь непокореннаго острожка, то весьма рѣдко имѣли сопротивленіе, но почти всегда приниманы были съ честію и любовію какъ пріятели; дарены щедро, подчиваны довольно, и ни въ чемъ не имѣли отказу. Такимъ образомъ приведши ихъ въ оплошность побивали въ ночное время, или выбравшись всѣ вонъ изъ юрты зажигали оную съ казаками. Такою хитростью въ двухъ мѣстахъ погибло человѣкъ до семидесять, которое число въ рассужденіи тамошняго малолюдства можно почéсть за великое. Случалось же иногда, что Камчадалы не улуча способу побить казаковъ при первьвомъ покореніи, по два и по три года съ ряду ясакъ платили, а послѣ побивали зборщиковъ, которые обыкновенно въ малолюдствѣ посылаются.

Но хитрости ихъ, которыя казакамъ прежде бѣдственны были, нынѣ служатъ къ предосторожности. Ибо

Ибо они чрезмѣрно ласковыхъ пріемовъ опасаются, и почитаютъ ихъ за знакъ несумнѣнной измѣны. Тожъ разумѣютъ, когда Камчадалки ночью изъ юрты вонъ выбираются: ибо онѣ не могутъ смотрѣть на кровопролитіе, чего ради и мужья ихъ никогда при нихъ убійства не дѣлаютъ. Когда Камчадалы сны рассказываютъ, что мертвые имъ видѣлись, когда часто разъѣжжаютъ въ дальные гости, изъ того бунтъ и измѣна немалая заключается, по крайней мѣрѣ не одинъ острогъ но нѣсколько вмѣстѣ отложатся.

Въ такихъ случаяхъ бьютъ они казаковъ, гдѣ ни попадутся, также и Камчадаловъ, кои стороны ихъ не оставляютъ, и съ измѣнниками не вступаютъ въ согласіе. А когда прослышатъ на себя походъ, то не къ сопротивленію готовятся, но къ долговременной осадѣ. Выбираютъ мѣста высокія и утесы, строятъ тамъ свои острожки, и укрѣпясь ожидаютъ своихъ непріятелей. Приступающимъ храбро противятся, стрѣляя изъ луковъ, и употребляя всякіе способы къ защищенію. А когда увидятъ, что непріятель премогаетъ, то всякой Камчадалъ заколовъ жену и дѣтей своихъ или стремглавъ низвергается, или съ оружіемъ устремляется на непріятеля, чтобъ не умереть безъ отмщенія. И сіе на ихъ языкѣ *постелю подъ себя достать* называется. Въ 1740 году при мнѣ была привезена съ Утколоки дѣвка, которую тамошніе измѣнники въ торопливости не успѣли дорѣзать, когда острожекъ ихъ приступомъ брали; прочіе отъ мала до велика были перерѣзаны, а сами измѣнники съ горы, на которой сидѣли, побросались въ море.

Съ начала покоренія Камчатки были токмо два явныя на Камчаткѣ нападенія, первое въ большерѣцкомъ острогѣ 1710 году; а другое въ 1713 году, когда отправленіе было для покоренія Камчадаловъ Авачинскихъ, однако оба случаи были имъ весьма неудачны: ибо при осадѣ большерѣцка, хотя они и надѣялись на великое свое множество такъ, что казаковъ, которыхъ сидѣло въ осадѣ 70 человѣкъ, шапками заметать не сумнѣвались: однако какъ 35 человѣкъ выслано было на выласку, то не могли они и перваго стремленія выдержать, но всѣ обратились въ бѣгство, кому куды способно было. А понеже они приплыли къ острогу на батахъ, то бросаясь въ оные, иные перетонули, а иные побиты; и сія ихъ погибель столь была велика, что рѣки запрудились трупами. Авачинскіе иноземцы не меньше имѣли надежды побѣдить походчиковъ: ибо каждой имѣлъ при себѣ ремень, на которомъ бы вести плѣнниковъ, однако вмѣсто того сами побиты или въ плѣнъ взяты. Въ Авачинской походъ отправлено было казаковъ сто дватцать, да сто пятьдесять человѣкъ Камчадаловъ; изъ чего можно разсуждать о множествѣ непріятелей, когда они такое множество по рукамъ разобрать надѣялись.

Военное оружіе и збруя ихъ состоитъ въ сайдакахъ, стрѣлахъ, чекушахъ, копьяхъ и куякахъ. Сайдаки у нихъ дѣлаются изъ дерева листвениншнаго, и оклееваются берестою, а тетивы изъ китовыхъ жилъ. Стрѣлы обыкновенно бываютъ въ аршинъ и въ три четверти съ костяными или каменными копейцами, а называются онѣ разными именами по разности копейцовъ

цовъ. Стрѣла съ костянымъ тонкимъ копейцомъ *Пенть*, съ широкимъ *Аглынть*, съ каменнымъ копейцомъ *Кауглачь*, тупая стрѣла съ костяною головкою или томаръ *Комъ*, деревянной томаръ *Тылшкуръ*. Стрѣлы ихъ хотя и весьма плохи, однако опасны въ сраженіи, ибо онѣ ядомъ бываютъ намазаны, отъ котораго раненой человѣкъ тотъ часъ опухаетъ, и въ сутки умираетъ почти обыкновенно. И сей бѣды инымъ образомъ не можно избавиться, какъ высасываніемъ изъ раны яду. У копей ихъ копейца бывали каменныяжъ и костяныя, какъ ужѐ и выше объявлено. Чекуши по ихъ *Уакарель* называются, у нихъ костяныя рагульки о четырехъ рожкахъ, которыя насаживаются на долгія ратовья.

Куяки или лапы дѣлали они изъ рогожъ своихъ или чиреловъ, также изъ нерпичьихъ и моржовыхъ кожъ на ремни изкроенныхъ, которые ремни одинъ подъ другой подвязывали такъ, что они могли складываться какъ фижмы. Надѣвали ихъ съ лѣваго боку, и какъ душагрѣйку завязывали на правомъ. Съ зади пришивали высокую доску, для защиты головы, а съ переди такуюже къ груди токмо короче.

Въ дальніе походы ѣжжали они на сабакахъ, а въ ближніе пѣшкомъ ходили. Въ лѣтнее время, гдѣ способно было, тамъ наиболыше употребляли паромы, на которыхъ могли сидѣть во многолюдствѣ.

Въ пѣшей ихъ ходьбѣ сіе достойно примѣчанія, что они ни по двое въ рядъ никогда не ходятъ, но всегда по одиначкѣ; а притомъ всегда по однимъ тропамъ, которыя вездѣ глубоко пробиты. Необыкно-

кновенному по ихъ тропамъ ходить крайнее мученіе, для того что оныя такъ узки, что одна только нога и то прямо уставливается: ибо сей народъ ступень въ ступень ходитъ.

Господинъ Стеллеръ причиною междуусобныхъ браней тамошнихъ народовъ ненависть же и роскошь объявляетъ, но съ нѣкоторыми особливыми обстоятельствами, которыя сообщимъ здѣсь въ дополненіе.

Хотя, пишетъ онъ, въ Камчаткѣ главнаго начальника прежде и не было, но всякъ жилъ по своей волѣ; однако двѣ внутреннія страсти ненависть и роскошь причиною были, что Камчадалы сами свой покой и мирное житіе отвергали, и тѣмъ время отъ времени больше умалялись, и приходили въ изнеможеніе. Къ непріятельскимъ дѣйствіямъ побуждали ихъ женщины, властолюбіе и всякія домовыя вещи и уборы. Но чтобъ каждой могъ непріятелю противиться, то поддавались они старшимъ, храбрѣйшимъ и умнѣйшимъ людямъ, и по одержаніи нѣкоторыхъ побѣдъ началникамъ своимъ оказывали такую любовь, какая потребна была къ намѣренію ихъ, чтобъ мщеніемъ, полученіемъ добычи и равномѣрнымъ ея раздѣленіемъ укрѣпиться во своей власти. Чего ради и между сими народами есть знаки, что они имѣли въ мысли своей нѣчто высочайшее: то есть чтобъ быть владѣтелями, отъ чего наконецъ послѣдовало одного народа раздѣленіе на разные, и учинились многія равносильныя стороны.

Сперьва начали Коряки и отъ Тигиля вошедъ въ Камчатку слѣдовали западнымъ берегомъ до большей

рѣки

рѢки. ПослѢ того востали Шантальцы подЪ предводительствомЪ умнаго и храбраго мужа Шандала. А какЪ сей власть свою распространить вознамѢрился, желая получить ласкою то, что зависѢло отЪ силы и оружія, то есть чтобЪ наложить дань на всѢхЪ КамчадаловЪ мужеска полу и женска, то здѢлались паки двѢ стороны, одна у вершинЪ рѢки Камчатки, которая продолжалась до приходу РоссіанЪ; а другая вЪ КронокахЪ, которая простиралась жилищами до самой лопатки. НаконецЪ живущіе отЪ Голыгиной рѢки до Компановой отпали отЪ жителей Курильской лопатки. И хотя сіи люди малочисленнѢе были, однако всѢхЪ другихЪ превосходили силою, храбростію и разумомЪ: нападали на различные остроги, отводили вЪ плѢнЪ женской полЪ и малолѢтныхЪ: ибо мать нынѢшняго тоіона перьваго Курильскаго острова именемЪ Купени была плѢнница, родомЪ изЪ Ичинскаго острожка, которой Лопатскіе жители погромили уже по прибытіи РоссіанЪ вЪ ту сторону; чего ради острожскіе жители ИчинскихЪ КамчадаловЪ почитаютЪ за родню свою.

Около рѢки Апалы есть нѢсколько горЪ, которыя имена получили отЪ происходившихЪ тамЪ сраженій. А сіи Лопатскіе жители, или просто Курилы, потому были непобѢдимы, что они нападали нечаянно, пригребая на байдарахЪ своихЪ по морю, и отходя сЪ полученіемЪ корысти безЪ опасности погони, ибо Камчадалы морскихЪ судовЪ не имѢютЪ.

Что касается до властолюбія, которое вЪ сихЪ извѢстіяхЪ Господина Автора упоминается, акибы оно

главною притчиною было раздѣленія тамошняго народа, то хотя сіе и вѣроятно, ибо кто может подумать, чтобъ и въ самыхъ дикихъ народахъ не было властолюбія, или по крайней мѣрѣ тщанія о преимуществѣ, когда оное и въ безсловесныхъ животныхъ примѣчается, однако предпринимать учрежденіе самодержавнаго владѣнія и налагать дани, кажется потребно большее разсужденіе, нежели каково Камчадалы имѣютъ. Что они ходили войною другъ на друга, что въ плѣнъ брали, и похищали сѣстные припасы и имѣніе, изъ того заключить нельзя такого важнаго предпріятія, каково о учрежденіи самодержавства, тѣмъ наипаче, что такому человѣку, какимъ описывается Шáндалъ, надлежало прежде власть свою утвердить надъ своимъ родомъ, и имѣть въ совершенномъ послушаніи, котораго однакожъ и съ самаго начáла покоренія Камчатки нигдѣ ни слѣду не примѣчено, но напротивъ того вездѣ совершенное равенство. А раздѣленіе народовъ и разсѣяніе по разнымъ мѣстамъ Камчатки могло здѣлаться и по другой притчинѣ, какъ напримѣръ по тѣснотѣ мѣста, по недостатку довольнаго къ пропитанію для множества, и прочая. Самое имя Шандалъ весьма мнѣ сумнительно, былъ ли когда Камчадалъ такъ называемой, для того что ежелибы такое имя у Камчадаловъ было, то бы оно не вышло и понынѣ изъ употребленія, однако нѣтъ его между мужескими и женскими именами нигдѣ въ Камчаткѣ. Мнѣ кажется, что подъ симъ именемъ должно разумѣть всѣхъ Шанталскихъ жителей, которые живутъ около урочища Шáнталы, какъ подъ именемъ Кончата всѣхъ Еловскихъ жителей. Ибо сіе

правда

правда, что оные Шанталцы были прежде сего и славны и многолюдны, такъ что одинъ острогъ ихъ болѣе двухъ верстъ въ длину простирался, и балаганы толь тѣсно построены были, что по балаганамъ хаживали они чрезъ все помянутое разстояніе, да и нынѣ оной острожекъ почти всѣхъ Камчатскихъ острожковъ многочисленнѣе народомъ.

О храбрости тамошнихъ народовъ можно вообще сказать, что тѣ, кои далѣе живутъ къ сѣверу, наглѣе и отважнѣе. Изъ Камчадаловъ за военныхъ людей почитаются Еловцы и Шантальцы, по нихъ Курильцы и Авачинцы, съ которыми казаки много труда имѣли при завоеваніи.

ГЛАВА II.

О богѣ, о сотвореніи землй и о догматахъ Камчатской вѣры.

Богомъ Камчадалы почитаютъ нѣкоего Ку́тху, отъ котораго произошелъ народъ ихъ. Кто сотворилъ небо и свѣтила небесныя, не вѣдаютъ, токмо сказываютъ, что оныя прежде землй были, о сотвореніи которой объявляютъ двояко: иные говорятъ, что Ку́тху сотворилъ землю изъ своего сына называемаго Си́мскалинъ, котораго родила жена его И́лькхумъ гуляя съ нимъ по мóрю: а другіе что Кутху съ сестрою Ху́тлыжичь землю снесли съ неба, и утвердили на морѣ, а море сотворилъ У́тлейгынъ, которой и понынѣ въ немъ пребываетъ. Однако въ томъ всѣ вообще

обще согласны, что Кутху до сотворенія земли жилъ на небѣ. Которые поставляютъ морскаго бога, тѣхъ мнѣніе нѣсколько сходно съ Якутскимъ суевѣріемъ, которые владѣніе неба и земли особливымъ богамъ приписываютъ, сверьхъ того признаваютъ и Адскаго бога, и почитаютъ ихъ за родныхъ братьевъ, также какъ древніе Греки и Римляне.

Кутху по сотвореніи земли оставилъ небо, и поселился на Камчаткѣ, гдѣ родилъ другаго сына именемъ Тыжилъ-Кутху да дочь Сидуку, которые пришедши въ совершенной возрастъ сочетались бракомъ. Между тѣмъ какъ самъ Кутху, такъ и жена его и дѣти носили платье изъ листья шитое, и питались березовою и таловою коркою, ибо звѣри, по ихъ объявленію, сотворены тогда не были, а рыбы ловить не умѣли ихъ боги.

Кутху оставя сына своего и дочь съ Камчатки отбылъ, а куда дѣвался, не вѣдаютъ, токмо то объявляютъ, что онъ пошелъ съ Камчатки на лыжахъ, и что горы и долы здѣлались отъ его путешествія, ибо земля подъ нимъ гнулась, какъ тонкой ледъ, и такимъ образомъ лишена своей равности и плоскости.

У Тыжилъ-Кутхи послѣ отца родился сынъ Амлея да дочь Сидукамшичь, которые на возрастѣ вступили въ супружество, а болѣе родословія они не знаютъ. То утверждаютъ за истинну, что народъ ихъ размножился отъ объявленныхъ праотцевъ.

Тыжилъ-кутху при умноженіи своего рода началъ размышлять о лучшемъ содержаніи, вымыслилъ вязать изъ кропивы сѣти и ловить рыбу, а какъ лодки дѣ-

лать

лать, оное ему еще отъ отца показано. Сотворилъ же онъ и звѣрей земныхъ, и опредѣля пастухомъ надъ оными нѣкоего Пилячучя, подъ котораго вѣденіемъ состоятъ они и донынѣ, началъ шить изъ кожъ ихъ кукляики и парки.

О Пилячучѣ сказываютъ, что онъ ростомъ весьма малъ, носитъ платье рассамачье, которое у Камчадаловъ весьма высоко почитается, ѣздитъ на птицахъ, особливо же на куропаткахъ, и будто нѣкоторымъ понынѣ случается видать и слѣды его.

Стеллеръ описываетъ тамошніе народы многобожными, что они почитаютъ многихъ боговъ, и сказываютъ объ нихъ, будто прежде сего многіе ихъ видали: чего ради нѣтъ у нихъ въ языкѣ слова духъ, ибо они не имѣютъ о томъ и понятія, такъ какъ и о величествѣ божіи и непостижимой его премудрости.

Впротчемъ никого глупяе не представляютъ, какъ своего Кутху, чего ради и не воздаютъ ему никакого почтенія, ничего у него не просятъ, и ничемъ такъ какъ именемъ его не забавляются, разсказывая про него такія непристойности, о которыхъ и писать гнусно. Между прочимъ и то въ порокъ ему ставятъ, что онъ столько горъ и стремнинъ здѣлалъ, и столько мѣлкихъ и быстрыхъ рѣкъ, что столько дожжей и бурь производитъ, и беспокоитъ ихъ. И для того всходя зимою на высокія горы, или спускаясь ругаютъ его всякою бранью. Тожъ дѣлаютъ и при другихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

бога вообще называютъ они Дустехтичь, которое имя нѣкоторымъ образомъ и почитаютъ такъ, какъ Аѳиняне невѣдомаго бога. Ставятъ столбъ на пространныхъ ровныхъ и тундристыхъ поляхъ, обвязываютъ его тоншичемъ, и не проходятъ мимо не бросая куска рыбы или чего другаго; не собираютъ ягодъ, которыя ростутъ въ близости, и не бьютъ около того мѣста ни звѣря ни птицы, и думаютъ они, что сею жертвою жизнь ихъ продолжается, которая бы безъ того умалилась. Однако не бросаютъ они на жертву годнаго, но или шаглу или хвостъ рыбей, что и безъ того надлежало бросить. Въ чемъ согласны съ ними и всѣ Азіатскіе народы, которые также приносятъ въ жертву негодное; а что ѣсть можно, тѣмъ пользуются сами. Такихъ столбовъ два видѣлъ господинъ Стеллеръ токмо около нижняго острóга, а индѣ нигдѣ не примѣчено: впрочемъ далѣе къ сѣверу, много такихъ мѣстъ и я видалъ, гдѣ мимоходящіе бросаютъ жертву, якобы врагамъ тамъ пребывающимъ, но столбовъ и идоловъ не ставятъ.

*Сверьхъ того всѣ мѣста по ихъ мнѣнію опасныя, какъ напримѣръ огнедышущія и другія высокія и крутыя гóры, кипячія вóды, лѣса и прочее населены отъ нихъ нѣкоторыми бѣсами, которыхъ они болѣе, нежели боговъ своихъ опасаются и почитаютъ.

Горныхъ боговъ называютъ они Кáмули, или малыя души, ибо душа по Камчатски Кáмулечь. Сіи боги, или по тамошнему враги, живутъ на высокихъ, особливоже дымящихся и огнедышущихъ горахъ, чего ради Камчадалы

*Изъ Стеллерова описанія.

чадалы не токмо всходить на нихъ, но и близко приступиться не смѣютъ. Питаются они, по мнѣнію ихъ, рыбною ловлею сходя по воздуху на море въ ночное время, приносятъ на каждомъ палцѣ по рыбѣ, варятъ и пекутъ ихъ по обычаю Камчадаловъ, вмѣсто дровъ употребляя китовое сало и кости. Такія мѣста проходя Камчадалы бросаютъ что нибудь съѣстное врагамъ онымъ въ подарокъ.

Лѣсныхъ боговъ называютъ они Ушахчу, и сказываютъ, якобы они походятъ на человѣка. Жены ихъ носятъ младенцовъ къ спинѣ приросшихъ, которые не престанно плачутъ. Они по Камчатскому суевѣрію людей съ пути сводятъ, и дѣлаютъ глупыми.

Морскаго бога называютъ они Митъ, и приписываютъ ему рыбей видъ. Онъ по ихъ мнѣнію владѣетъ моремъ и рыбами, которыхъ посылаетъ въ рѣки, однако не для того, чтобъ люди имѣли отъ того пропитаніе, но буттo за лѣсомъ на баты себѣ; ибо они отнюдь не вѣрятъ, чтобъ имъ отъ бога могло быть какое благодѣяніе.

О Пилячучѣ, или какъ Стеллеръ пишетъ, билюкаѣ, о которомъ выше объявлено, баснословятъ они, будто живетъ онъ на облакахъ со многими камулами, и будто громъ, молнію и дождь ниспускаетъ; а радугу почитаютъ за подзоръ на его платьѣ. Сей билюкай, по ихъ суевѣрію, опускается иногда съ облаками на горы, ѣздитъ въ саняхъ на куропаткахъ, и бываетъ причиною великаго щастія тому, кто слѣдъ его увидитъ; но мнимой оной слѣдъ билюкаевъ ничто иное есть, какъ струйки на поверьхности

снѣга, которыя дѣлаются отъ вихрей. Напротивъ того имѣютъ отъ него и опасеніе: ибо сказываютъ, будто онъ въ вихри дѣтей ихъ чрезъ слугъ своихъ уноситъ, и употребляетъ вмѣсто подставокъ, на которыхъ плошки съ жиромъ вмѣсто свѣчь поставляются. Жена у него Тиранусъ.

Они, по объявленію Стеллера, признаваютъ и бѣса, котораго представляютъ весьма хитрымъ и обманчивымъ, и для того называютъ Канною. Около нижняго Камчатскаго острога показываютъ весьма старую и высокую ольху, которая за жилище его почитается; и Камчадалы ежегодно въ нее стрѣляютъ, отъ чего она вся стрѣлами изнатыкана.

Гаечь по ихъ есть начальникъ подземнаго свѣта, куда люди по смерти преселяются, которой прежде сего жилъ на здѣшнемъ свѣтѣ.

Нѣкоторому изъ первыхъ дѣтей Кутовыхъ приписываютъ власть надъ вѣтрами, а женѣ его Савинѣ твореніе вечерней зари и утренной.

Туила трясенію земли причиною ставятъ, будто оно происходитъ отъ того, когда Туилова сабака Козей, на которой онъ ѣздитъ подъ землею, отрясаетъ снѣгъ съ себя.

Но всѣ мнѣнія ихъ о богахъ и о діаволахъ беспорядочны, глупы и столь смѣшны, что не зная Камчатскихъ фантазій не можно сперьва и повѣрить, чтобъ они за истинну утверждали такую нескладицу. Однако они по своему разуму всему даютъ причину, о всемъ разсуждаютъ, и стараются извѣдывать самыя мысли птицъ и рыбъ. Но притомъ имѣютъ они сей порокъ,

что

что ни о какомЪ мнѣніи никогда не думаютЪ, справедливо ли оно или несправедливо, и можно ли тому статься или неможно, но все принимаютЪ за истинну.

Главное основаніе вѣры ихЪ утверждается на древнихЪ преданіяхЪ; которыя наблюдаютЪ они паче закону, не пріемля никакихЪ доказательствЪ вЪ опроверженіе. СтеллерЪ пишетЪ, что онЪ больше ста человѣкЪ спрашивалЪ, не приходило ли имЪ когда на мысль смотря на небо, на звѣзды, луну и солнце и на другія вещи, что есть тому творецЪ, которой все толь премудро устроилЪ, и котораго должно какЪ почитать, такЪ и любить за власть его и благодѣяніе, но они на отрѣзЪ ему отвѣтствовали, что никогда о томЪ не помышляли, и какЪ любви, такЪ и страху не чувствовали, и не чувствуютЪ.

О богѣ разсуждаютЪ они, что онЪ ни щастію, ни нещастію ихЪ не бываетЪ притчиною, но все зависитЪ отЪ человѣка. СвѣтЪ почитаютЪ вѣчнымЪ, души безсмертными, которыя сЪ тѣломЪ соединившись востанутЪ, и вѣчно жить будутЪ вЪ такихЪ же трудахЪ, какЪ и на здѣшнемЪ свѣтѣ, токмо сЪ тою выгодою, что будетЪ тамЪ во всемЪ вящшее изобиліе, и никогда не имѣютЪ терпѣть голоду.

Всѣ твари до малѣйшей мухи послѣ смерти востанутЪ, и подЪ землею жить будутЪ. СвѣтЪ поставляютЪ плосковиднымЪ. ПодЪ землею полагаютЪ подобное нашему небо, а подЪ небомЪ другую землю. Нашу землю почитаютЪ за изнанку подземнаго неба; когда у насЪ бываетЪ лѣто, тогда у нихЪ зима; а когда у нихЪ лѣто, то у насЪ зимнее время.

О воздаяніи будущемъ сіе токмо говорятъ, что бѣдные здѣшняго свѣта будутъ тамъ богатыми, а богатые убогими. А чтобъ богъ за грѣхи наказывалъ, того по ихъ мнѣнію не надобно: ибо, говорятъ они, кто худо дѣлаетъ, тотъ терпитъ и отмщеніе.

А почему они такія преданія и отъ кого приняли, о томъ сказываютъ слѣдующую басню: будто въ подземномъ свѣтѣ, куда люди по смерти переселяются, есть великой и сильной Камчадалъ Гаечь именемъ, которой родился отъ Кутхы, и прежде всѣхъ на Камчаткѣ умеръ; жилъ въ подземномъ свѣтѣ одинъ по тѣхъ поръ, пока двѣ дочери его умерли, и къ нему переселились; и будто онъ желая научить свое потомство приходилъ на нашъ свѣтъ, и взошедъ къ нимъ на юрту, о всемъ томъ, чему нынѣ Камчадалы вѣрятъ, разсказывалъ. Но понеже многіе отъ того страху, что мертвой къ нимъ приходилъ, скоро умерли, то Камчадалы начали потомъ юрты свой оставлять, въ которыхъ человѣкъ умретъ, и новыя строить, чтобъ мертвой пришедши къ нимъ по подобію Гаеча, не нашелъ новаго ихъ жилища.

Сей Гаечъ, по ихъ объявленію, есть главной въ подземномъ свѣтѣ. Принимаетъ всѣхъ Камчадаловъ умершихъ; и кто прибудетъ въ новой и богатой сабачьей куклянкѣ, и на хорошихъ собакахъ, тому даетъ худое платье и худыхъ собакъ, а кто въ худомъ платьѣ и на худыхъ собакахъ, тому даруетъ хорошее платье, хорошихъ собакъ и хорошее отводитъ мѣсто къ поселенію. Тогда умершіе начинаютъ строить себѣ юрты и балаганы, упражняются въ звѣриной

ной, птичьей и рыбной ловлѣ, пить, ѣсть и веселиться по здѣшнему, токмо съ тѣмъ различїемъ, что они на ономъ свѣтѣ такого, какъ здѣсь, безпокойства не чувствуютъ; для того что тамъ меньше бурь, дожжей и снѣгу, и во всемъ такое изобилїе, каково было на Камчаткѣ во времена Кутховы: ибо они думаютъ, что свѣтъ отъ времени до времени становится хуже, и все противъ прежняго умаляется, потому что животныя купно съ промышлениками своими поспѣшаютъ переселяться на тотъ свѣтъ.

Что касается до пороковъ ихъ и добродѣтелей, то они такоежъ имѣютъ развращенное о томъ понятїе, какъ и о богѣ. Все то почитаютъ за дѣло дозволенное, чемъ они могутъ удовлесотворить желанїю и страстямъ своимъ, а въ грѣхъ ставятъ токмо то, отчего опасаются или истинной, или мнимой погибели по своему суевѣрїю: такимъ образомъ не ставятъ они въ грѣхъ ни убивства, ни самоубивства, ни блуда, ни прелюбодѣянїя, ни содомства, ни обидъ, однимъ словомъ ничего того, что по закону божїю запрещается. Напротивъ того за смертной грѣхъ почитаютъ утопающаго избавить отъ погибели, для того что по ихъ суевѣрїю, тѣмъ, кои изловятъ, самимъ утонуть будетъ. Засыпанныхъ снѣгомъ съ горъ, которымъ случается выбиться, принимать въ жилье страшное беззаконїе по тѣхъ поръ, пока они съѣдятъ всѣ свои припасы дорожные, а потомъ надлежитъ имъ раздѣться до нага, и бrося свое платье, какъ скверное, войти въ свою юрту. Пить горячїя воды, мыться въ нихъ, и всходить на огнедышущїя горы

ры за несумнѣнную почитаютъ погибель, и слѣдовательно за грѣхъ вопіющей на небо, и прочія такіе безчисленныя забобоны, о которыхъ и писать гнусно. Грѣхъ у нихъ и надъ кислою рыбою драться, или ссориться; грѣхъ съ женою совокупляться, когда съ собакъ сдираютъ кожи; грѣхъ соскабливать снѣгъ ножемъ съ обуви; грѣхъ мясо различныхъ звѣрей и рыбъ варить въ одной посудѣ; грѣхъ ножи или топоры точить въ дорогѣ, и другія подобныя сему мѣлочи, отъ которыхъ опасаются какого нибудь противнаго приключенія: какъ отъ драки и ссоры надъ кислою рыбою совершенной погибели, отъ совокупленія съ женою во время сниманія сабачьихъ кожъ коросты, отъ соскабливанія снѣгу съ обуви бури, отъ варенія разныхъ мясъ вмѣстѣ нещастія въ ловлѣ и чирьевъ, отъ точенія ножей и топоровъ въ дорогѣ погодъ и бури; что однакожъ не столь удивительно: ибо во всѣхъ народахъ довольно суевѣрій у простыхъ людей, какъ тому, что они такое множество заповѣдей могутъ содержать всегда въ памяти.

Кромѣ помянутыхъ боговъ своихъ почитаютъ они и разныхъ животныхъ и другую тварь, отъ которой бываетъ опасность. Огню приносятъ они въ жертву норки собольи и лисьи. Китовъ и касатокъ уговариваютъ они словами, когда увидятъ на промыслѣ, ибо они опрокидываютъ лотки ихъ; также медвѣдя и волка, и ни котораго изъ оныхъ звѣрей не называютъ по имени, только говорятъ, *Силангъ*, бѣда, и въ семъ сходны они съ нашими соболиными промышлениками, которые во время промыслу многихъ вещей не назы-

вающъ

ваютъ своимъ именемъ, будто бы отъ того дѣлалось въ ловлѣ нещастіе.

Въ такомъ крайнемъ заблужденіи находился сей народъ еще и съ перьвыхъ годовъ моей бытности: но нынѣ тщаніемъ всемилостивѣйшія нашея Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ и высокоматернимъ ЕЯ о всѣхъ подданныхъ попеченіемъ, всѣ Камчадалы приняли Христіянскую вѣру, и многіе изъ сѣверныхъ Коряковъ: ибо въ 1741 году прибыли туда отъ Святѣйшаго Синода отправленные проповѣдники съ довольною церьковною утварью и со всѣмъ, что потребно было къ обращенію толь дикаго народа, которые имѣли столь желаемой успѣхъ во ученіи, что не токмо обратили ихъ въ Христіанскую вѣру, но и возбудили желаніе ко ученію: Завели школы по разнымъ мѣстамъ, въ которыя Камчадалы отдаютъ дѣтей своихъ безъ всякаго принужденія; а нѣкоторые учатъ ихъ своимъ коштомъ. По такимъ обстоятельствамъ сумнѣваться не можно, что Христіанская вѣра по всему Сѣверному морю чрезъ нѣсколько лѣтъ распространится.

ГЛАВА 12.

О Шаманахъ Камчатскихъ.

У Камчадаловъ нѣтъ особливыхъ шамановъ, какъ у другихъ тамошнихъ народовъ, но всякая баба а наипаче старуха, и всякой Коекчучь волхвомъ и толкователемъ сновъ почитается. При шаманствѣ не бьютъ они ни въ бубны, ни платья нарочно для того

го здѣланнаго не надѣваютъ, какъ у Якутовъ, Корякъ, Тунгусовъ, бурятовъ и всѣхъ Сибирскихъ язычниковъ въ обычаи; но нашептываютъ на рыбью шаглу, на сладкую траву, на тоншичь, и тѣмъ лѣчатъ болѣзни, тѣмъ отвращаютъ нещастіе, и будущая предвозвѣщаютъ. А какія слова при наговорахъ употребляютъ, или кого призываютъ на помощь, того я какъ великой ихъ тайны не могъ вывѣдать.

Главное ихъ шаманство бываетъ такимъ образомъ: двѣ бабы садятся въ уголъ, непрестанно шепчутъ, одна привязываетъ къ ногѣ крапивную нитку раскрашенную красною шерстью, и качаетъ ногу. Есть ли ей ногу подъимать легко покажется, то сіе почитается за щастливое предзнаменованіе и за будущей благополучной успѣхъ предпріемлемаго дѣла; а буде тяжело, то за нещастливое. Между тѣмъ призываетъ бѣсовъ къ себѣ словами гушь, гушь, и скрежещетъ зубами; а какъ явится привидѣніе, то захохотавши кричитъ хай, хай. Съ полчаса спустя бѣсы прочь отходятъ, и ворожея непрестанно кричитъ *Ишки* то есть, нѣтъ. А другая баба какъ ея помощница шепчетъ надъ нею, и уговариваетъ, чтобъ не боялась, но прилѣжно бы примѣчала явленія, и содержалабъ въ памяти, что загадала. Нѣкоторые сказываютъ, что во время грому и молніи билюкай къ шаманкамъ сходитъ, и вселясь въ нихъ способствуетъ имъ угадывать.

Есть ли здѣлается кому неблагополучіе, или не будетъ щастія въ промыслѣ, тотъ часъ приходитъ къ старухѣ или къ женѣ своей, бываетъ шаманство, слѣдуется притчина, отъ чего произошло такое зло, и предписуются

суются средства къ отвращенію. За вящшую же притчину вмѣняется преступленіе какого нибудь суевѣрія, которое тѣмъ отвращается, что согрѣшившей долженъ вырѣзать болванчика, и отнесши въ лѣсъ на дерево поставить.

Шаманятъ же они и во время праздниковъ, когда грѣхи очищаются, шепчутъ, курятъ, махаютъ, отираютъ тоншичемъ, обвязываютъ перевясками, отговариваютъ пришедшихъ въ изумленіе, и другія дѣлаютъ непристойности, о чемъ въ слѣдующей главѣ писано пространнѣе.

Есть ли которой младенецъ родится въ бурю или ненастье, то на возрастѣ, когда онъ говорить будетъ, шаманятъ надъ нимъ, и примиряютъ съ бѣсами такимъ образомъ: въ жестокую бурю раздѣваютъ его до нага, даютъ въ руку раковину морскую, которую ему поднявъ къ верху должно обѣгать вкругъ юрту, балаганъ и сабачьи конуры, говоря сіи слова къ белюкаю и къ другимъ врагамъ: Раковина привыкла къ соленой, а не къ прѣсной водѣ, а вы меня весьма мочите, и мнѣ отъ мокроты будетъ погибнуть; видите, что на мнѣ нѣтъ платья, и что я весь дрожу. По окончаніи сего примиряется онъ съ бѣсами, а въ противномъ случаѣ бываетъ притчиною погодъ и ненастья.

Такимъ же образомъ гадаютъ они и трудныя сновидѣнія: ибо Камчадалы столько въ томъ любопытны, что по утру самое первое у нихъ дѣло расскавывать сны, разсуждать и заключать изъ того щастіе или злополучіе. О нѣкоторыхъ снахъ имѣютъ они

вѣрныя и непремѣняемыя правила, какъ напримѣръ: есть ли вшей видятъ, то на другой день ожидаютъ къ себѣ казаковъ безъ сумнѣнія. Испражненіемъ желудка предзнаменуется прибытіе гостя изъ ихъ народа, плотскимъ совокупленіемъ предвозвѣщается щастіе въ промыслѣ.

Кромѣ шаманства упражняются они въ Хиромантіи, и разсуждаютъ о щастливыхъ и нещастливыхъ приключеніяхъ по линіямъ на рукѣ, но правила свои въ тайнѣ содержатъ. Есть ли у кого появится на рукѣ точка, пятно или линія, или вдругъ пропадетъ, то спрашиваютъ о томъ у старой шаманки, какъ то самъ Стеллеръ примѣтилъ притворясь соннымъ.

ГЛАВА 13.

О праздникахъ и наблюдаемыхъ притомъ церемоніяхъ.

У всѣхъ Камчадаловъ одинъ токмо годовой праздникъ, въ которой они грѣхи очищаютъ, а отправляется оной неотмѣнно въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, чего ради и очистителемъ грѣховъ называется. Стеллерово мнѣніе о семъ праздникѣ, что оной отъ предковъ ихъ уставленъ былъ въ благодареніе богу за его благодѣянія; но послѣ сущая притчина празднованія помрачена дурацкими смѣхами и нелѣпыми баснями. Мнѣ кажется мнѣніе его основательно, тѣмъ наипаче, что по окончаніи лѣтнихъ и осеннихъ трудовъ не принимаются они ни за какую работу прежде праздника, не ѣздятъ въ гости и на промыслы, почитая все то за великой грѣхъ.

Ежели

Ежели же кому преступить случится, волею или по нуждѣ, то во время праздника необходимо долженъ очиститься, ежели не очистится прежде. Изъ сего нѣсколько видѣть можно, что предки сего народа по заготовленіи въ зиму съѣстныхъ припасовъ имѣли обычай начало трудовъ своихъ приносить богу на жертву, а потомъ сами между собою веселиться, преходя другъ къ другу въ гости. При праздновании бываютъ у нихъ между прочимъ много и такихъ мѣлочей, которыя недостойны воспоминанія, но понеже всему у нихъ непремѣнной порядокъ, то опишу я всѣ обряды ихъ съ начала до конца праздника обстоятельно, не опуская никакой бездѣлицы не столько для удовольствія читателя, ибо такія мѣлочи читать больше скуки, нежели пріятности; но наипаче для того, чтобъ не погибла память толикаго ихъ заблужденія, изъ котораго они выведены высокоматерьнею милостію ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, всемилостивѣйшія нашея Государыни: ибо нынѣ всѣ оные языческіе обряды оставлены, и чрезъ нѣсколько лѣтъ совершенному предадутся забвенію къ нѣкоторому ущербу исторіи.

И понеже южные Камчадалы имѣютъ нѣкоторую разность въ обрядахъ противъ сѣверныхъ, то объявлю я порознь о праздновании ихъ, начавъ отъ южныхъ Камчадаловъ, къ которымъ я въ 1738 и 1739 годахъ нарочно для того ѣздилъ, и въ знатномъ ихъ острогѣ Чаапынганъ называемомъ, что на рѣкѣ Кыкчикѣ, жилъ по трои сутки.

Церемонія началась метеніемъ юрты. Потомъ два старика имѣвшіе въ рукахъ по повѣсму тоншичу нѣчто пошептавъ надъ соромъ приказали его вонъ носить.

Съ полчаса спустя выняли изъ мѣста вонъ старую лѣстницу, мѣсто вычистили, и старикъ невѣдомо что пошептавъ положилъ туда щепочку обвитую тоншичемъ, послѣ того новую привязали съ равнымъ шептаніемъ, а старую поставили къ стѣнѣ, ибо вонъ ея выносить не окончавъ праздника не дозволено.

Между тѣмъ приборъ къ ѣздѣ на сабакахъ принадлежащей, санки, алаки, ўзды, побѣжники, оштолы и прочее изъ юрты вонъ вынесли, для того что оной ожидаемымъ на праздникъ врагамъ по ихъ мнѣнію противенъ.

Немного помѣшкавъ принесли въ юрту сухой травы, и послали подъ лѣстницею. Старикъ, которой обыкновенно на все нашептывалъ, пришедъ къ лѣсницѣ съ тремя бабами сѣлъ по правую сторону, а бабы по лѣвую. У каждаго изъ нихъ была рогожка, а въ нихъ юкола, сладкая трава, сухая икра, тюленей жиръ въ кишкахъ и кусками. Изъ юколы дѣлали они топоры, и сладкою травою увивали; а изготовя все по обычаю старикъ и каждая баба отправляли отъ себя по человѣку въ лѣсъ за березою, навязавъ на поясы, на топоры и на голову тоншичь, и отдавъ рогожки съ объявленнымъ запасомъ на дорогу, немного себѣ изъ того оставя.

Послѣ

Послѣ того старикъ и бабы вставши съ мѣстъ своихъ обошли вкругъ лѣстницы одинъ разъ махая тоншичемъ, которой въ обоихъ рукахъ имѣли, и приговаривая Акха́лалалай; а за ними обходили и тѣ, коимъ надлежало итти за березою, которые обошедши и отправились въ путь свой; а старикъ и бабы тоншичь свой на очагъ положили, а оставшей запасъ бросили малолѣтнымъ какъ бы на драку, которой они разхватавши съѣли.

Между тѣмъ бабы дѣлали изъ сладкой травы и изъ юколы Кита, а здѣлавъ вынесли вонъ изъ юрты до времени, и положили на балаганѣ. Потомъ затоплена юрта, а старикъ выкопавъ передъ лѣстницею ямку, принесъ камбалу обернутую тоншичемъ, и пошептавъ положилъ въ ямку, и сперва самъ на томъ мѣстѣ обернулся трожды а послѣ и всѣ мущины и женщины до малолѣтныхъ.

По окончаніи сего дѣйствія другой старикъ на́чалъ сарану варить въ корытахъ каленымъ каменьемъ, которою сараною имѣли быть подчиваны враги ихъ; а между тѣмъ, у кого были болванчики называемые Урилыдачь, обвязывали ихъ сладкою травою, а другіе дѣлали новыхъ болванчиковъ Итунгъ именуемыхъ, и въ потолокъ надъ очагомъ тыкали.

Въ тожъ время нѣкоторой старикъ принесъ въ юрту березовой кряжъ, и на́чалъ изъ него Хантая дѣлать, а здѣланному первой Тоіонъ того острожка навязалъ сладкой травы на шею, а по немъ и прочіе сладкуюжъ траву или тоншичь приносили ему на жертву, по совершеніи которой поставили его на очагѣ вмѣстѣ съ старымъ Хантаемъ.

Часто-

Частоупоминаемой старикъ взявъ два небольшія камня, и обернувъ въ тоншичь не вѣдомо что наговаривалъ, потомъ закопавъ ихъ на очагѣ по разнымъ угламъ расклалъ небольшей огонь, а вкругъ лѣстницы посадилъ малолѣтныхъ, чтобъ имъ хватать болванчиковъ, которые сверху имѣли быть въ юрту брошены. Дѣти разхватавъ ихъ обвязали сладкою травою, а одинъ изъ нихъ взявъ новаго Хантáя потащилъ вкругъ очага за шею, а прочіе за нимъ слѣдовали и Алхалалалай кричали, а потóмъ на старомъ его мѣстѣ поставили.

Пóслѣ того обсѣли вкругъ очага всѣ старики, сколько ихъ въ юртѣ ни было: тотъ, которой на все нашептывалъ, взялъ въ рýки обвитую тоншичемъ лопату, слѣдующую рѣчь къ огню говорить нáчалъ: Отъ Кутхи намъ приказано воздавать тебѣ жертву по однажды въ годъ, что мы и исполняемъ; чего ради просимъ, чтобъ ты насъ хранилъ, и миловалъ, не причинялъ бы скорбей и бѣдъ, и не дѣлалъ пожару. Сію рѣчь перерывалъ онъ нѣсколько разъ; между тѣмъ всѣ прочіе старики вставали, и топая ногами, и плеская руками кричали Алхалалалай, а по окончаніи оной всѣ старики встали съ мѣстъ своихъ, и взявъ другъ друга за руки заплясали, и закричали Алхалалалай, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ тоже кричали.

Во время крику начали выбѣгать изъ угловъ бабы и дѣвки, искося глазà, искривя ротъ и представляя себя какъ возможно страшными, которыя дошедъ до лѣстницы подняли рýки къ верху, и дѣлая странныя тѣлодвиженія плясали и кричали во всю голову, а потóмъ

потомъ одна за другою падали на землю буттто мертвыя, и разносимы были мущинами по мѣстамъ своимъ, гдѣ лежали, акибы безчувственны по тѣхъ поръ, пока нѣкоторой старикъ не отшепталъ каждыя порознь. Сїе позорище показалось мнѣ страннѣе и противнѣе Якутскаго шаманства: ибо тамъ одинъ токмо шаманъ бѣсится, а здѣсь цѣлой острожекъ. Отшептанныя бабы и дѣвки весьма много кричали, и плакали, будто отъ великой болѣзни и тягости: а между тѣмъ старикъ поворожа надъ пепломъ бросалъ его дважды къ верьху лопатой, а по немъ и прочїе тожъ учинили. Послѣ того объявленной старикъ насыпавъ пеплу въ два ковша посылалъ съ нимъ двухъ человѣкъ дважды изъ юрты, которые выходили не обыкновеннымъ окномъ но шопхадомъ, и усыпали пепломъ дорогу.

Нѣсколько времени спустя обтянули вкругъ всей юрты веревку изъ травы плѣтеную, къ которой мѣстами привязанъ былъ тоншичь. И такимъ образомъ день они препроводили: а въ вечеру возвратились посыланные за березою, которые совокупясь съ нѣкоторымъ числомъ выбѣжавшихъ изъ юрты Камчадаловъ взнесли на юрту срубленую подъ корень превеликую березу, и начали бить ею въ окно или въ двери юрты, причемъ топая ногами кричали, сколько у кого было голосу; напротивъ того и бывшїе въ юртѣ отвѣтствовали равнымъ образомъ отъ мала и до велика, и сей вопль продолжался около получаса. Послѣ того выскочила изъ угла дѣвка какъ бѣшеная, и взбѣжавъ по лѣстницѣ за березу схватилась, а къ ней на помощь прибѣжало было еще бабъ съ десять, но Тоїонъ того

го острожка стоя на лѣстницѣ не допустилъ ихъ Между тѣмъ береза спускалась ниже, и уже съ полу достать оную возможно было; тогда всѣ бабы ухватясь за березу начали тянуть ся въ юрту съ ужасным крикомъ и съ пляcаніемъ, но стоящіе на юртѣ держали крѣпко. Напослѣдокъ весь женской полъ, аки пораженный нечистымъ духомъ попадалъ на землю, выключая ту дѣвку, коя прежде всѣхъ за березу схватилась: ибо она по тѣхъ поръ висѣла на ней, и кричала, пока береза концомъ на полу стала, тогда и она по примѣру прочихъ на землю повергласъ какъ мертвая.

Всѣхъ бабъ и дѣвокъ старикъ по прежнему отговаривалъ, и всѣхъ отшепталъ скоро, кромѣ одной дѣвки, надъ которою онъ трудился долгое время. Она очнувшись закричала необычнымъ голосомъ, что ей весьма тошно: притомъ исповѣдывала грѣхъ свой, что она до праздника собакъ обдирала. Старикъ утѣшая ея совѣтовалъ болѣзнь нести великодушно, которой сама она причиною, что грѣха своего до праздника не очистила, и рыбьей шаглы въ огонь не бросила.

По прошествіи одного или полутора часа брошено въ юрту восемь тюленьихъ кожъ, въ которыхъ навязана была юкола, сладкая трава и пузыри съ тюленьимъ жиромъ, а за ними брошены и четыре рогожи, которыя даваны были съ кормомъ посыланнымъ за березою, а въ нихъ находились березовые обрубки и запасъ остаточной. Рыбу изъ тюленьихъ кожъ, сладкую траву и жиръ Камчадалы раздѣлили по себѣ, кожи

послали

послали передъ лѣстницею, а изъ березовыхъ обрубковъ начали дѣлать востроголовыхъ болванчиковъ, Камуда называемыхъ, во образъ тѣхъ бѣсовъ, кои въ женской ихъ полъ вселяются во время плясанія. Помянутыя кожи тюленьи отсулены были тѣмъ бѣсамъ еще съ осени, когда Камчадалы сряжались на тюленьи промыслы, чего ради и не употребляютъ ихъ ни на что, кромѣ того, что подъ себя стелютъ.

Здѣлавъ 55 болванчиковъ посадили ихъ рядомъ, и сперьва вымазали брусницею лице имъ, послѣ того поставили передъ нихъ въ трехъ посудахъ толченой сараны, и передъ каждаго положили маленькую ложку: такимъ образомъ стояло кушанье нѣсколько времени, а какъ болванчики по мнѣнію Камчадаловъ уже довольны были, то сарану съѣли они сами, а болванчикамъ надѣвъ на головы травяные колпаки, и навязавъ сладкой травы и тоншичу на шеи, связали ихъ въ три пучка, и каждой пучекъ по два человѣка съ воплемъ и плясаніемъ въ огонь бросали, а съ ними вмѣстѣ жгли и щепы, которыя при дѣланіи ихъ нарублены.

Около полуночи вошла въ юрту шопхадомъ или выводомъ баба, у которой на спинѣ привязанъ былъ Китъ изъ сладкой травы и рыбы здѣланной въ началѣ еще праздника, и ползла въ кругъ очага, за нею слѣдовали два Камчадала съ тюленьими кишками сладкою травою перевитыми, и крича по вороньи кишками по Киту били. Какъ баба очагъ миновала, то бросились всѣ бывшіе въ юртѣ малолѣтные, и Кита у ней растерзали, а баба побѣжала вонъ тѣмъ же выводомъ; но стоявшей внѣ юрты нарочно для того Камчадалъ

поималЪ ее, и взведши на юрту началЪ спускать по лѣстницѣ внизЪ головою. Для приниманія ея бросились нѣсколко бабЪ и дѣвокЪ сЪ пакимже, какЪ прежде воплемЪ, а послѣ всѣ вмѣстѣ плясали, и кричали до тѣхЪ порЪ, пока на землю попадали, причемЪ было и отшептыванье по прежнемужЪ; а между тѣмЪ Камчадалы разтерзаннаго малолѣтными кита по себѣ дѣлили и ѣли.

Вскорѣ послѣ того затопили юрту, и бабы стряпать начали. Каждая принесла свою посуду и толкушу, и стали толочь шеламайное коренье, икру и кипрей сЪ нерпичьимЪ жиромЪ; а какЪ все оное истолкли какЪ тѣсто, то старикЪ взявЪ хомягу (посуда) ходилЪ по всѣмЪ бабамЪ, и сЪ каждой бралЪ по ложкѣ толкуши; а собравЪ отдалЪ хомягу другому старику, которой на все нашептывалЪ, и бабЪ падающихЪ на землю отговаривалЪ. Оной старикЪ сѣлЪ кЪ огню сЪ толкушею, и невѣдомо что наговаривая по обычаю бросилЪ изЪ толкуши нѣсколько вЪ огонь, а остальное отдалЪ обратно тому, кѣмЪ толкуша была збирана, а старикЪ разносилЪ паки по бабамЪ, и каждой давалЪ по ложкѣ вмѣсто жертвеннаго. Между тѣмЪ вся ночь прошла, и никто изЪ КамчадаловЪ спать не ложился.

На другой день, то есть Ноября 22 числа, около 9 часа по утру посланы передЪ лѣстницею двѣ нерпичьи кожи, а между ими рогожа, на которыхЪ сѣли три старухи. Каждая изЪ нихЪ имѣла пучекЪ тоненькихЪ ременныхЪ гайтановЪ, раскрашеныхЪ нерпичьей шерстью и тоншичемЪ. ВЪ прислужникахЪ у нихЪ былЪ

былъ старикъ, которой обравъ гайтаны и обжегши на огнѣ обратно имъ отдалъ. Старухи вставъ съ мѣстъ своихъ ходили одна за другой по юртѣ, и окуривали вездѣ обожженными оными гайтанами; а Камчадалы, жены ихъ и дѣти во время прохожденія старухъ хватались за гайтаны, какъ за нѣкоторую вещь освященную и трясли ихъ. Окуря всѣхъ сѣли старухи по своимъ мѣстамъ, и одна взявъ у протчихъ гайтаны вторично пошла по юртѣ прикладывая ихъ ко всѣмъ столбамъ и подпорамъ въ юртѣ; между тѣмъ всѣ Камчадалы кричали, а всѣ старухи, у которыхъ пучки съ гайтанами были, плясали, и бѣсились по прежнему, тожъ учинила общедъ юрту и третія, а наконецъ всѣ попадали замертво.

Прислужникъ взявъ гайтаны у лежащей старухи приложилъ ихъ къ лѣстницѣ, и по тѣхъ поръ держалъ, пока всѣ бывшіе въ юртѣ отъ мала до велика къ нимъ прикоснулись. Напослѣдокъ роздалъ ихъ по угламъ, гдѣ бабы разобрали гайтаны каждая по числу семьи своей, и надѣвали ихъ на каждаго человѣка окуривъ прежде мужа, себя и дѣтей своихъ.

Спустя полчаса Камчадалы послали передъ лѣстницу нерпичью кожу, а къ двумъ столбамъ, что по сторонамъ лѣстницы, привязали по мальчику; послѣ того вошли въ юрту два старика, и спрашивали у мальчиковъ, когда пріѣжжаетъ отецъ ихъ? на что отъ всѣхъ Камчадаловъ отвѣтствовано имъ, *зимою*. Старики положа передъ малчиками по кипкѣ съ нерпичьимъ жиромъ, которыя сладкою травою обвиты были, вонъ вышли, но вскорѣ возвратились въ юрту, и начали

чали кричать и плясать, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ кричали.

Между тѣмъ вошла Шопгадомъ баба, у которой подъ пазухой былъ здѣланной изъ сладкой травы волкъ и набитой медвѣжьимъ жиромъ, кишками съ тюленьимъ жиромъ и другими съѣстными ихъ припасами, о которомъ выше упомянуто. За бабою шелъ Тоіонъ того острожка съ натянутымъ лукомъ, у которыхъ и голова и руки обвязаны были тоншичемъ, сверьхъ того у Тоіона на поясу, на сайдакѣ и на стрѣлѣ навѣшенъ былъ тоншичь же повѣсмами. Какъ баба обошла подлѣ стѣны вкругъ юрты съ послѣдовавшими ей всѣми жителями того острожка мужеска полу и женска скачущими и кричащими, и дошла до лѣстницы, то нѣсколько человѣкъ Камчадаловъ выхватили у ней волка изъ подпазухи, и взбѣжали съ нимъ по лѣстницѣ подъ самой верхъ юрты; чего ради всѣ бабы обступя лѣстницу и всякими образы домогались взойти на оную и достать волка, но стоявшіе на лѣстницѣ мужики до того ихъ не допускали, и хотя онѣ нѣкоторыхъ силою съ лѣстницы низвергали, однакожъ намѣренія своего не могли произвесть въ дѣйство, но утрудясь и обезсилѣвъ всѣ попадали, и за мертво разнесены по мѣстамъ, и отговариваны попрежнему. Послѣ того Тоіонъ, которой съ натянутымъ своимъ лукомъ стоялъ между тѣмъ одаль, приступилъ къ лѣстницѣ, и стрѣлилъ въ волка, а прочіе мужики стащили его на полъ, и растерзавъ съѣли, удѣля нѣкоторое число медвѣжья жиру для подчиванія хантаевъ.

О семъ

О семъ дѣйствіи, такъ какъ и о китовомъ, о которомъ выше объявлено, хотя сами Камчадалы сказать и не умѣютъ, касается ли оно до ихъ суевѣрія или нѣтъ, и для чего бываетъ; однакожъ мнѣ кажется, что оное представляется вмѣсто комедіи только для увеселенія, или чтобъ имъ прямыхъ китовъ и волковъ промышлять и ѣсть, какъ съ травеными поступали. А басня, которую они представляютъ, есть слѣдующаго содержанія:

На нѣкоторой рѣкѣ жилъ одинакой Камчадалъ, и имѣлъ у себя двухъ малыхъ сыновей. Отходя на промыселъ принужденъ онъ былъ дѣтей однихъ оставлять въ юртѣ, и для безопасности, чтобъ не ушиблись, привязывать къ столбамъ. Въ небытность его приходили къ дѣтямъ его волки; и спрашивали, скоро ли отецъ ихъ будетъ, которымъ они отвѣтствовали, зимою. Дѣти его отъ того страха чрезъ долгое время безъ ума были. Между тѣмъ отецъ съ промыслу возвратился, и увѣдавъ, что во время его отлучки происходило, пошолъ промышлять волка, и застрѣлилъ его изъ лука. Что же касается до китоваго дѣйствія, то травяной китъ дѣлается во образъ носимаго волнами мертваго кита, вороны изъ кишокъ во образъ вороновъ клюющихъ трупъ его, а малые робята терзающіе его во образъ Камчадаловъ рѣжущихъ жиръ его.

По окончаніи игры о волкѣ старикъ обжигалъ тоншичь, котораго съ каждой семьи по повсѣму огню на жертву собралъ, и окуривалъ онымъ юрту два раза. Обожженой тоншичь положилъ онъ весь на очагъ выключая

ключая одно повѣсьмо, которое на потолокѣ надъ очагомъ повѣсилъ, гдѣ оно виситъ во весь годъ.

Вскорѣ послѣ того нанесли въ юрту березоваго прутья, по числу семей, изъ котораго каждой Камчадалъ взялъ на свою семью по одному пруту, и изогнувъ кольцомъ пропускалъ сквозь оное жену и дѣтей своихъ по два раза, которые выступя изъ кольца вонъ обертывались кругомъ. Сіе почитается у нихъ за очищеніе грѣховъ ихъ.

Какъ всѣ очистились, то Камчадалы пошли съ прутьями вонъ изъ юрты жупаномъ, а за ними слѣдовали и всѣ сродники ихъ мужеска и женска полу. Внѣ юрты проходили сквозь кольца вторично, а потомъ оное въ снѣгъ втыкали приклоня на востокъ вершинами. Камчадалы сброся на томъ мѣстѣ весь тоншичь, и отрясши платье свое возвратились въ юрту настоящимъ входомъ а не жупаномъ.

Изъ бывшихъ на мѣстѣ очищенія случилась одна больная дѣвка, которую старикъ посадя на снѣгъ съ полчаса отговаривалъ, прикорнувъ передъ нею и опершись о палку, напослѣдокъ обтрясши платье ея прутомъ опустилъ въ юрту.

Послѣ очищенія принесли Камчадалы малую сухую птичку да гольца нарочно для того изготовленныхъ, и пожаря на огнѣ по частямъ раздѣлили, и пришедъ къ огню бросили въ огонь въ три раза на жертву тѣмъ врагамъ, кои на праздникъ приходятъ и въ бабъ вселяются. Они, сказываютъ Камчадалы, живутъ на облакахъ, видомъ какъ люди, только востроголовы, возрастомъ съ трехлѣтняго младенца, ходятъ въ лисьемъ, соболвемъ и рассомачьемъ платьѣ.

По-

Понеже они сказываютъ, что враги къ бабамъ въ ротъ входятъ до 50 и больше, то спросилъ я у нихъ, какъ можно толикому числу враговъ величиною съ трехлѣтнаго младенца въ одной бабѣ умѣститься, и какъ пройти въ такое узкое горло, въ которое рукѣ такого младенца пройти кажется не возможно. Намъ де и самимъ, отвѣтствовали они, то дивно, можетъ де быть они весьма малы, да намъ такими кажутся.

Потомъ затопили юрту, и накаля каменья начали сухую рыбу варить въ корытахъ, а сваря обливали щербою хантаевъ, обрѣтающихся при нихъ болванчиковъ и березу, которая еще въ юртѣ стояла, а рыбу сами ѣли.

Напослѣдокъ должно имъ было березу изъ юрты вынесть, чего ради два человѣка влѣсши по ней на юрту (а по лѣсницѣ выходить грѣхъ) подали оную сидящимъ въ юртѣ, которые обнесши вкругъ всей юрты, отнесли оную на балаганъ, гдѣ лежитъ она во весь годъ, а почтенія ей никакого не отдается. Такимъ образомъ праздникъ ихъ окончился.

У сѣверныхъ Камчадаловъ есть въ обрядахъ немалая отмѣна въ разсужденіи южныхъ. На праздникъ ихъ пріѣхалъ я Ноября 19 дня по утру, однако не засталъ начала: ибо до моего еще пріѣзду юрта у нихъ была выметена, надъ полками здѣланы грядки, а на нихъ накладены поперешныя колья съ обтесаными головками, которыя по ихъ называются *Урилыдачь*. Сверьхъ Урилыдачей около очага накладены были сухія дрова для праздничнаго употребленія. За дрова-

ми и за кольемъ на урилыдачей ѣздили Камчадалы съ церемоніями, такъ какъ вышеписанные Камчадалы за березою.

Не много спустя по моемъ пріѣздѣ всѣ бабы изъ юрты вонъ вышли, и разошлись по балатанамъ, и нѣсколько помѣшкавъ возвратились. Въ юрту входили сперва старухи, послѣ малыя дѣвочки и бабы, а напередъ себя опущали онѣ сладкую траву, къ которой у нѣкоторыхъ привязанъ былъ кипрей и юкола. Оные припасы принимали у нихъ нарочно опредѣленные къ услуженію при праздновании два Камчадала, которыхъ я называть буду ниже сего служителями, и вѣшали на урилыдачей надъ ихъ мѣстами. Каждая баба вшедъ въ юрту клала на очагъ по немногу тоншичу, а потомъ отходила на свое мѣсто.

Между прочими спустилась въ юрту одна баба съ двѣмя двойнишными дѣвочками. У бабы была въ рукахъ сладкая трава, а у дѣвочекъ и въ рукахъ и на головѣ тоншичь. баба снявъ у дѣвочекъ съ головы тоншичь положила на очагъ, а послѣ нея и дѣвочки тоншичь изъ рукъ на огнище бросили. Помянутая баба не мать онымъ дѣвочкамъ была, но нянька, а мать ихъ одна входила въ юрту.

Послѣ того привели къ очагу дряхлую старуху, у которой и въ рукахъ и на головѣ, такъ какъ и у другихъ былъ тоншичь, которой она зброся на огнище отрясалась приговаривая невѣдомо что.

Вскорѣ потомъ вышли два мужика изъ угловъ, сѣли по сторонамъ лѣстницы съ топорами и съ деревянными чурками. Служители приносили къ нимъ со

всякаго

всякаго угла по пластинѣ юколы, которую они положа на чурки топорами надрубливали приговаривая, чтобъ юкола была спора, и изъ балагановъ не убывала. Надрубленую юколу разносили служители по тѣмже угламъ, и раздавали обратно, у кого взяли, отломя сперьва по малому кусочку и на огнище бросят. Послѣ того стали они ѣсть подчивая другъ друга съ угла на уголъ. И первой день праздника ихъ въ 11 часу по полудни тѣмъ окончился.

На другой день по утру рано отъ каждой семьи мужикъ или баба поѣхали по сосѣднимъ острожкамъ къ друзьямъ своимъ, для сбиранія корму на праздникъ. Ибо хотя у нихъ и своего довольно, однакожъ по обыкновенію ихъ припасы на то время у сосѣдей сбираютъ, подобно какъ у нашихъ подъ насѣтку яица.

Въ острожекъ возвратились они ужѐ вечеромъ, и затопя юрту бабы начали стряпать, толочь ягоды и коренье, и оная стряпня продолжалась почти во всю ночь. Между тѣмъ огонь на очагѣ не угасалъ, но безпремѣжно курился. Ибо по ихъ обычаю должно быть неугасимому огню по тѣхъ поръ, пока стряпня окончится, и угашеніе огня приономъ случаѣ за великой грѣхъ почитается.

Изготовя кушанье, что учинилось часа за два до свѣту, юрту скутали, и бабы начали вить изъ травы веревки, головы рыбьи обвертывать въ понитичь, накладывать на тѣ травяныя плетешки, а при всемъ томъ невѣдомо что наговаривая пробавились до самаго свѣту.

По окончаніи помянутаго дѣйствія служители начали со всѣхъ сбирать рыбьи головы оберченыя въ Тоншичь огню на жертву, и класть на очагъ, а при положеніи каждой головы присѣдали подлѣ лѣсницы на колоду. Послѣ того всѣ бывшіе въ юртѣ обоего пола отъ мала и до велика приходили къ очагу, и бросали съ себя тоншичевыя перевязки, а нѣкоторыя семьи изогнувъ кольцомъ объявленныя травяныя веревки сквозь нихъ проходили, а послѣ на огнище клали. Сіе у нихъ за очищеніе грѣховъ почитается.

Вскорѣ послѣ очищенія пришелъ къ очагу старикъ, и пошептавъ надъ травою и тоншичемъ, которыя на очагъ набросаны были, началъ изъ нихъ веревки вить, а свивши махалъ два раза по юртѣ крича изо всей силы невѣдомо что, а по немъ и прочіе тожъ дѣлали. Сіе значитъ у нихъ изгнаніе всѣхъ болѣзней изъ юрты.

Напослѣдокъ Камчадалъ очищалъ у очага двойнишныхъ дочерей своихъ, положа на оной хахалчу рыбку и омегу изъ четырехъ мѣшечковъ, которые надъ постелей своей повѣсилъ.

Не много времени спустя служители со всѣхъ четырехъ угловъ юрты крестъ на крестъ брали юколу, и подчивали Урилыдачей, а за ними слѣдовали и всѣ Камчадалы, и мазали ихъ иной толкушей, иной сараной, иной суниломъ, или что у кого пристряпано было. А послѣ стали другъ друга подчивать переходя съ одной стороны юрты на другую. Подчиваются они кормя другъ друга изъ своихъ рукъ лошкою.

Какъ обѣдъ ихъ окончался, то Камчадалы раздѣвшись до нага взяли по хомягѣ (посуда съ чемъ по воду ходятъ) въ руки, а вмѣсто платья получа отъ служителей по тоншичной перевяскѣ на шеи, которыя сняты съ Урилыдачей, вышли изъ юрты вонъ, и пошли на рѣку по воду слѣдуя одинъ за другимъ рядомъ. У передовщика была въ рукахъ хомяга да толкуша, а у другаго хомягажъ да лучина. При выходѣ изъ юрты двое Камчадаловъ, изъ которыхъ одному на переди, другому на зади итти надлежало, садились на малое время подлѣ лѣстницы, а пришедъ на пролубь передовщикъ околотя оную толкушкою черпалъ воду сперва оборачивая хомягу противъ воды, потомъ по водѣ, а по немъ и всѣ тожъ дѣлали; и сколько кто въ одинъ разъ зачерпнуть могъ, то и несъ съ собою. Съ пролуби шли они тѣмже, какъ и прежде порядкомъ, и взошедъ на юрту спускались въ оную по веревкамъ съ великою осторожностію, чтобъ не разплеснуть, ибо оное за грѣхъ почитается, а принимали у нихъ двое подростковъ нарочно для того оставленныхъ, потому что служители сами за водою ходили. На юртѣ стояли они по тѣхъ поръ, пока отъ всѣхъ посуда съ водою принята была. Между тѣмъ четыре раза кричали они изо всей силы плеща руками и топая ногами. А внедъ въ юрту тотъ, которой ходилъ съ лучиною, обжигалъ оную на огнѣ, и обмакивалъ во всѣ посуды съ принесенною водою. Напротивъ того изъ воды вынувъ кусокъ льду въ огонь бросилъ, и воду давалъ всѣмъ пить вмѣсто освященной.

 Потомъ

Потомъ бабы съ остальнымъ отъ подчиванія кушаніемъ пошли по своимъ балаганамъ, и тамъ остались. Напослѣдокъ старики и мужиковъ всѣхъ вонъ выслали, и мы по прозбѣ ихъ вытти принуждены были, для того что имѣло у нихъ происходить тайное дѣйствіе, при которомъ кромѣ нѣкоторыхъ стариковъ и двухъ служителей никому быть не должно. Однакожъ я упросилъ, что они толмачу моему притомъ быть позволили, которой разсказалъ мнѣ, что у нихъ происходило.

Сперьва стар[illegible]приказали служителямъ затопить юрту; а когда она [illegible]стопилась, то служители принесли по горстѣ сухой травы, и разбросали по юртѣ, потомъ всю юрту и полки услали чирелами, (травяными рогожами) въ двухъ углахъ зажгли по жирнику, а напослѣдокъ всѣ старики начали вязать тоншичь, и помѣнявшись другъ съ другомъ повѣсили оной на спицы, служителямъ отдали приказъ, чтобъ въ юрту и изъ юрты никого не пускали, и юртеную дверь на глухо закрыли, а сами легли, и имѣли между собою разговоры о промыслахъ звѣриныхъ и рыбныхъ.

Нѣсколько времени спустя приказали они одному служителю за дверь пощупать, а послѣ открыть, и принесть съ балагану рыбью щеку, да цѣлую рыбьюжъ голову, а самому ему на балаганъ ходить не велѣли.

Принесенную щеку и голову рыбью принялъ старикъ, и обертя въ тоншичь нѣчто пошепталъ на нихъ, и сѣлъ у очага, а къ нему приходили прочіе старики, и потоптавъ объявленную щеку и голову перешедъ черезъ

черезъ огнище возвращались на свои мѣста. Потомъ служители вышли изъ юрты вонъ, и тѣмъ окончилось первое тайное ихъ дѣйствіе.

По прошествіи двухъ часовъ собрались въ юрту всѣ мужики, бабы и малые ребята, которые того года или хворали или тонули. Бабы всѣмъ мужикамъ и малымъ ребятамъ обвязали головы тоншичемъ, и давъ имъ въ одну руку тоншичу, въ другую сладкой травы выслали вонъ изъ юрты. При выходѣ обносили они сладкую траву вкругъ лѣстницы, и взошедъ на юрту обошли вкругъ оной три раза по солнцу, а послѣ того стоя на верху юрты рвали на мѣлко сладкую траву и тоншичь, и бросали въ юрту, а перебросавъ и сами входили, и снявъ съ себя тоншичевыя перевяски на огнище клали, и потоптавъ ногами тѣ, которые хворали, отходили по своимъ мѣстамъ; а которые тонули, тѣ легли на огнище, и все то представляли, что они въ то время, какъ тонули, дѣлали, и кликали поимянно, отъ кого тогда требовали помощи, которые пришедъ къ очагу съ пеплу ихъ, акибы изъ воды таскали.

Напослѣдокъ принесена рыбья щека, и брошена на огнище съ приговоромъ тў тў тў, и изломаны на обѣихъ сторонахъ юрты по двѣ рыбки рагатки и расбросаны по полу. Между тѣмъ служители побывавъ на дворѣ жирники загасили, чирелы, которыми юрта услана была, собрали, и расклали маленькой огонь, а въ него положили камень, и сжегши всѣ перевяски бывшія на головахъ у больныхъ и у утоплениковъ, приказали ребятамъ погасить оной каменьемъ

каменьемъ. Такимъ образомъ тайное ихъ дѣйствіе окончилось, и того дни ничего больше не происходило. На третей день по утру рано затопили юрту, и положили передъ огнемъ два пука сухой травы или соломы и прутья вмѣсто связанныхъ, и праздничные служители стали, одинъ у одного, а другой у другаго пука. Какъ огонь разгорѣлся, то они помѣнявшись пуками начали ихъ развязывать, и прутье роздали по мущинамъ, изъ которыхъ иные ихъ намѣлко ломали, а иные въ кольцы вили съ нѣкимъ наговоромъ. Солому всю перенесли на одну сторону очага, и стали дѣлать Пóма.

Что значитъ оной Помъ и для чего дѣлается, того и сами Камчадалы сказать или не умѣли, или не хотѣли, впротчемъ сдѣлали его на подобіе человѣка вышиною около полуаршина, а тайной удъ приплели ему сажени въ двѣ и долѣ, и положили его головою къ огню, а тайной удъ къ потолоку привязали. Между тѣмъ, какъ Пóма дѣлали, нѣсколько человѣкъ взявъ по одной травинкѣ, выходили вонъ изъ юрты, и обтерши столбы у своихъ балагановъ возвратились въ юрту, и бросили оныя въ огонь, а сними вмѣстѣ и раздаванное прутье сожженножъ было.

Какъ Пóмъ нѣсколько времени повисѣлъ, то старикъ пришедъ отвязалъ его, и согнувъ тайной удъ кольцомъ обжегъ на огнѣ, и махалъ имъ по юртѣ приговаривая Уфáй, а за нимъ и всѣ бывшіе въ юртѣ тоже кричали, напослѣдокъ сожгли реченнаго Пóма

По сго-

По сгорѣніи Пόма спали месть юрту пригребая весь сорЪ кЪ лѣстницѣ, изЪ котораго каждой КамчадалЪ бралЪ помаленьку, и относилЪ вЪ лѣсЪ усыпая дорόгу, по которой на промыслы ходятЪ. ВЪ тоже время и бабы всѣ на юрту вышли, и спали вЪ кучу.

Камчадалы возвратясь изЪ лѣсу кричали стоя на юртѣ четыре раза плеща руками и топая ногами, а пόслѣ вошли вЪ юрту, а на ихЪ мѣста сѣли бабы, и многократно кричали Алулулу.

Между тѣмЪ юрта изтопилась, и оставшіяся гόловни по обыкновенію нáчали выметывать, но сидѣвшія на верху бабы ухватя оныя обратно вЪ юрту метали, и чтобЪ мущинамЪ ни одной головни вонЪ не выбросить, то закрыли они дверь или окно рогожами, а по краямЪ ихЪ испосѣли сами. Мущины взбѣжавЪ по лѣсницѣ силою двери раскрыли, и вышедЪ на юрту бабЪ долой сгоняли, между тѣмЪ другіе гόловни метать успѣвали. Но понеже бабы мущинЪ числомЪ превосходили, то иныя ихЪ таскали, иныя гόловни обратно вЪ юрту бросали, чего ради вЪ юртѣ отЪ дыму и искрЪ и сидѣть почти не возможно было: ибо головни какЪ ракеты то вверхЪ, то внизЪ безпрестанно лѣтали, и продолжалось сіе веселіе ихЪ сЪ полчаса. НапослѣдокЪ бабы попустили гόловни выбросать, а тѣхЪ мужиковЪ, которые выбѣжали ихЪ отбивать, по тѣхЪ порЪ таскали, и мучили, пока они отЪ другихЪ вышедшихЪ на пόмочь не выручены были.

Послѣ объявленной потѣхи бабы попѣвъ нѣсколько на верху, стали спускаться въ юрту, а мужики стояли по обѣ стороны лѣсницы фрунтомъ, и каждая сторона домогалась сходящихъ бабъ перетащить на свою сторону, отъ чего происходило между ими сраженіе; и которая сторона перемогала, та бабу какъ въ полонъ отводила.

Когда случается, что бабы взяты бываютъ на противныя стороны, то каждая сторона выкупаетъ своихъ плѣнниковъ равнымъ числомъ завоеванныхъ: а ежели одна сторона овладѣетъ большимъ числомъ, такъ что другой нѣчемъ выкупить будетъ, то оная ходитъ какъ бы войною для ихъ освобожденія, причемъ немалой бой происходитъ. Однако при мнѣ такъ здѣлалось, что плѣнницъ на обѣихъ сторонахъ было поровну, чего ради Камчадалы и въ походъ ходить не имѣли нужды.

По окончаніи объявленной потѣхи расклали они небольшей огонь, и сожгли съ Урилыдачей и по другимъ мѣстамъ висѣвшей тоншичь, а служители принесли по два маленькихъ голичка и испекши мѣлко на лопкѣ изкрошили, и поставили у лѣсницы по правую сторону. Послѣ того пришелъ старикъ, и перебросалъ въ огонь большую половину рыбы приговаривая *та*, то есть возми, а остатки раздѣлили служители по Камчадаламъ имѣющимъ у себя малинькихъ болванчиковъ Урильдачь называемыхъ. Головни послѣ сего огня вонъ не мечутся, но перегораютъ въ юртѣ.

Наконецъ

Наконецъ дѣлили они по себѣ омегъ, которой остался въ мѣшечкахъ послѣ очищенія двойнишныхъ дѣвокъ. Самое послѣднее дѣйствіе ихъ праздника сходить въ лѣсъ и поймать маленькую птицу, которая жарится, и дѣлится по куску всѣмъ Камчадаламъ, и которую каждой надкушавъ въ огонь бросаетъ.

Сей праздникъ, по объявленію Стеллера, праздновали Камчадалы до прибытія Россіянъ по цѣлому мѣсяцу начиная съ новолунія, что также подаетъ притчину думать, что предки ихъ были разумнѣе, и сіе торжество уставлено было не безъ добраго основанія, особливо же что Камчадалы и нынѣ, какъ изъ вышеписаннаго явствуетъ, все въ огонь бросаютъ, и все обожженное имъ въ праздникъ почитаютъ за священное. Ибо какъ новомѣсячіе, такъ священной огонь у многихъ народовъ въ почтеніи были, особливо же у Еврейскаго, которой наблюдая въ томъ божіе повелѣніе и отеческое преданіе одинъ токмо по потопѣ не утратилъ истиннаго богопочитанія, а у прочихъ подобно какъ у Камчадаловъ слѣды токмо нѣкоторые остались, впрочемъ все приведено въ злоупотребленіе. Чтожъ касается до вышеписаннаго Пóма, то подобное сему объявляетъ Лукіанъ въ разговорахъ своихъ о капищѣ богини Сирской, гдѣ такіежъ идолы были дѣланы и назывались Фáллы. Тамъ же упоминается что и евнухи носили женское платье какъ Камчатскіе, и хотя такихъ обстоятельствъ у другихъ народовъ по исторіямъ, сколько я знаю, не примѣчается, однако можетъ ли сіе употреблено быть къ нѣкоему доказательству происхожденія народовъ, оное оставляется на рассужденіе искуснѣйшихъ.

ГЛАВА 4

О Пирахъ и забавахъ Камчатскихъ.

Пиры у нихъ бываютъ, когда одинъ острогъ сосѣдей вздумаетъ подчивать, особливо когда гдѣ бываетъ свадьба, или великой какой промыселъ, а препровождаются наибольше въ объяденіи, въ пляскѣ и пѣніи. Въ такихъ случаяхъ хозяева гостей подчиваютъ большими чашами опанги столь довольно, что ихъ рветъ по нѣскольку разъ.

Иногда употребляютъ для веселья и мухоморъ извѣстной оной грибъ, которымъ у насъ обыкновенно мухъ морятъ. Мочатъ его въ кипрейномъ суслѣ, и пьютъ оное сусло, или и сухіе грибы свернувъ трубкою цѣлкомъ глотаютъ, которой способъ въ большемъ употребленіи.

Первой и обыкновенной знакъ, по чему усмотрѣть можно человѣка, что его мухоморъ разнимаетъ, дерганіе членовъ, которое по прошествіи часа или меньше послѣдуетъ, потомъ пьяные какъ въ огневой брѣдятъ; и представляются имъ различныя привидѣнія страшныя или веселыя, по разности темпераментовъ: чего ради иные скачутъ, иные пляшутъ, иные плачутъ, и въ великомъ ужасѣ находятся, инымъ скважины большими дверьми, и ложка воды моремъ кажется. Но сіе о тѣхъ разумѣть должно, которые чрезъ мѣру его употребляютъ, а которые не много, тѣ чувствуютъ въ себѣ чрезвычайную легость, веселіе, отвагу и бодрость, такъ какъ сказываютъ о Туркахъ, когда они опія наѣдаются.

Сіе

Сіе примѣчанія достойно, что всѣ, кои мухоморъ ѣдали, единогласно утверждаютъ, что какія они сумозбродства тогда ни дѣлаютъ, все дѣлаютъ по приказу мухоморову, которой имъ повелѣваетъ невидимо. Но всѣ дѣйствія ихъ столь имъ вредны, что есть ли бы за ними не было присмотру, то бы рѣдкой оставался въ живѣ. Я о проказахъ Камчатскихъ, каковы они дѣлаютъ, не упомяну, ибо самъ ихъ не видывалъ, а Камчадалы сказываютъ о томъ не охотно: но можетъ быть, что у нихъ дальнихъ и не бываетъ, для того что они въ него вѣѣлись, или что не употребляютъ чрезъ мѣру. Чтожъ касается до казаковъ, которые оной ѣдали, то сообщу я нѣкоторыя сумозбродства, которыя я отъ части самъ видѣлъ, а отъ части слышалъ отъ самыхъ тѣхъ, кои ихъ дѣлали, или отъ другихъ людей, коимъ не вѣрить не льзя.

Деньщику Подполковника Мерлина, которой былъ на Камчаткѣ у слѣдствія и розыску, приказалъ мухоморъ удавиться съ такимъ представленіемъ, что всѣ ему дивиться будутъ. И сіе дѣствительно бы учинилось, есть ли бы не зберегли его товарищи.

Другому изъ тамошнихъ жителей показался Адъ и ужасная огненная пропасть, въ которую надлежало быть низвержену: чего ради по приказу мухомора принужденъ онъ былъ пасть на колѣни, и исповѣдывать грѣхи свои, сколько могъ вспомнить. Товарищи его, которыхъ въ ясашной избѣ, гдѣ пьяной приносилъ покаяніе, было весьма много, слушали того съ великимъ удовольствіемъ; а ему казалось, что онъ

вЪ тайнѣ предЪ богомЪ кается о грѣхахЪ своихЪ. По сей причинѣ подверженЪ онЪ былЪ нарочитому посмѣянію, ибо между тѣмЪ сказывалЪ то, о чемЪ не всякому знать надлежало.

Нѣкоторой служивой ѣдалЪ, сказываютЪ, мухоморЪ умѣренно, когда ему вЪ дальней путь итти надлежало, и такимЪ образомЪ переходилЪ онЪ знатное разстояніе безЪ всякаго устатку, наконецЪ наѣвшись его до-пьяна раздавилЪ себѣ яица и умерЪ.

Бывшей у меня вЪ толмачахЪ большерѣцкой казачей сынЪ опоенный мухоморомЪ вЪ незнаніи, разрѣзалЪ было себѣ брюхо по приказу мухоморову, отЪ чего на силу его избавить успѣли, ибо ужѐ вЪ самомЪ замахѣ руку ему здержали.

Камчадалы и Сидячіе Коряки ѣдятЪ мухоморЪ и тогда, когда убить кого намѣряются. ВЪ прочемЪ у СидячихЪ КорякЪ мухоморЪ вЪ такой чести, что пьяному не даютЪ мочиться на полЪ, но подставляютЪ посу́ду, и мочу́ его выпиваютЪ, отЪ чего также бѣсятся, какЪ и тѣ, кои грибЪ ѣли: ибо они мухоморЪ получаютЪ у КамчадаловЪ, а вЪ ихЪ сторонахЪ не родится. Умѣренное употребленіе четыре гриба или меньше, а для пьянства ѣдятЪ до десяти грибовЪ.

Женской полЪ, какЪ не обЪѣдается, такЪ не употребляетЪ и мухомору, чего ради все веселіе ихЪ состоитЪ вЪ разговорахЪ, вЪ пляскѣ и пѣніи.

Пляска, которую мнѣ случилось видѣть, происходила такимЪ образомЪ: двѣ бабы, которымЪ плясать надлежало, послали на полу́ посреди юрты рогожку,

гожку, и стали одна противъ другой на колѣняхъ, имѣя въ рукахъ по повѣсму тоншичу, и сперьва начали поводить плечами и взмахивать руками припѣвая въ такту тихимъ голосомъ, потомъ часъ отъ часу большія тѣлодвиженія представляли, и громче пѣли, и по тѣхъ поръ не перестали, пока и изъ голосу вышли, и изъ силы выбились. Мнѣ казалось оное дѣйствіе страннымъ, дикимъ и противнымъ, но Камчадалы смотрѣли съ крайнимъ удовольствіемъ. Такимъ образомъ природныя забавы сильны произвесть во всякомъ нѣкоторое движеніе, хотя бы другимъ казались и странными.

Другіе роды пляски сообщимъ мы изъ описанія господина Стеллера, которой упоминаетъ объ нихъ пространно и обстоятельно, такъ какъ и о нѣкоторыхъ пѣсняхъ ихъ, которыя у него и на ноту положены.

Первой родъ пляски, пишетъ онъ, вообще употребителенъ у Курильцовъ на Лопаткѣ, также и у всѣхъ Камчадаловъ, кои морскихъ звѣрей на байдарахъ ловятъ. Оная пляска принята изъ давныхъ лѣтъ отъ Курильцовъ дальнихъ острововъ, и почитается за пляску мореходовъ. Казаки называютъ оную Хаюшки, а плясать, *Хаюшки сказывать*, которое произходитъ отъ Камчатскаго слова Хаюшкукингъ. Южные Камчадалы называютъ оную Ирскина, а Курильцы Римзегъ. Сей родъ пляски состоитъ втомъ: десять человѣкъ мущинъ и женщинъ холостыхъ и женатыхъ становятся вкругъ въ лучшемъ своемъ платьѣ, ходятъ кругомъ тихо, подымая одну ногу за другою

по тактѣ, одинъ за другимъ говоритъ слова такъ, что когда половина выговоритъ послѣдняя слова, то другая говоритъ перьвыя, подобно какъ бы кто стихи по стопамъ читалъ. Употребляемыя притомъ слова всѣ принадлежатъ до ихъ промысла, и Камчадалы хотя ихъ и говорятъ при пляскѣ, однако большей части не разумѣютъ, ибо иныя слова въ нихъ Курильскія. Они ихъ не поютъ, но выговариваютъ однимъ голосомъ, какъ на примѣръ:

Типсаинку фравантагъ ткеани тифрорпа.
Отчаль байдару, стрѣляй близко берегу.

Сколь дики помянутыя пляски, столь страненъ крикъ притомъ произходящей, однако они столько отъ того забавы имѣютъ, что ежели плясать начнутъ, то по тѣхъ поръ не перестанутъ, пока не запыхатся и не обезсилѣютъ. Великая честь тому, кто всѣхъ перепляшетъ. Иногда они безпрестаннно пляшутъ часовъ по 12 и по 15 съ вечера до самого утра, и ни одинъ въ юртѣ не остается, кто бы не пожелалъ тѣмъ забавляться: самые дряхлые старики не жалѣютъ терять притомъ послѣдней силы. Впрочемъ ежели сію пляску снесть съ описаніемъ Американскихъ плясокъ барона Лагондона въ Канадѣ, то сыщется между оными и сими великое сходство.

У женщинъ есть особливой танецъ: онѣ становятся двумя рядами женщина противъ женщины, и кладутъ обѣ руки на брюхо, и подымаясь наноскахъ поводятъ плечами не шевеля руками, и не сходя съ своего мѣста.

Третей родъ пляски состоитъ въ томъ, что всѣ мущины по разнымъ угламъ прячутся, и не взначай

выскоча

выскоча сперва одинъ, какъ бѣшеной, бьетъ въ ладоши, послѣ въ груди, по бедрамъ, подъимаетъ руки къ верьху, и дѣлаетъ диковинныя тѣлодвиженія; послѣ того выбѣгаетъ другой, третей и четвертой, и представляютъ такіяжъ дѣйствія, а притомъ всѣ кругомъ вертятся.

Четвертой родъ пляски, что они стоя на колѣняхъ, какъ лягушки, вкругъ прыгаютъ плеская руками, и представляя странныя фигуры. И сія пляска однимъ человѣкомъ начинается, а другіе изъ угловъ припрыгиваютъ къ нему послѣ.

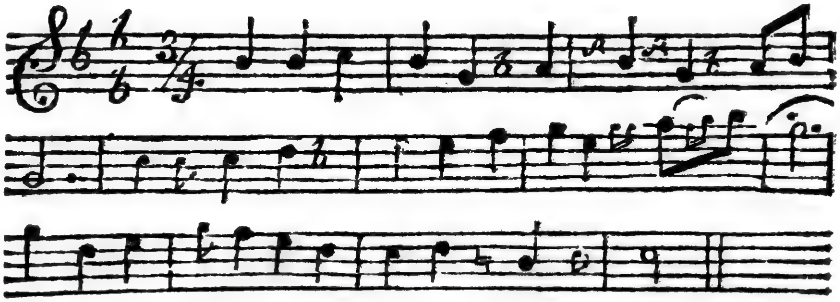
Камчадалы имѣютъ еще старинные, и какъ бы собственные свои танцы, которые отъ Южныхъ называются Хаютеля, а отъ Сѣверныхъ Кузелькинга. Главнѣйшей танецъ, когда дѣвки и бабы садятся вкругъ, послѣ одна встаетъ, и запѣвши пѣсню махаетъ руками, а въ рукахъ на середнихъ пальцахъ имѣетъ тоншичь, движетъ всѣми членами столь проворно, что надивиться тому довольно не льзя, и кричитъ голосами различныхъ звѣрей и птицъ столь хитро, что въ одномъ голосѣ три разные слышатся. Есть же у нихъ и круговой танецъ, только и Стеллеру и мнѣ видѣть его не случалось.

Что касается до пѣнія, то можно сказать, что оное не непріятно: ибо въ немъ ничего дикаго не примѣчается, какъ можно видѣть изъ сообщенныхъ ниже сего нѣкоторыхъ пѣсенъ на нотѣ; но въ матеріи пѣсенъ нѣтъ никакихъ замысловъ, токмо однѣ простыя понятія о вещахъ, которыя имъ странными кажутся или смѣшными, или достойными удив-

ленія. Во всякой почти пѣснѣ употребляютъ слова̀ Ганика̀ и баюнъ, такъ какъ казаки здуна́й, Якуты нага̀, которыя раздѣляя по членамъ иногда сокращаютъ, иногда продолжаютъ, какъ того голосъ пѣсни требуетъ.

Въ любовныхъ пѣсняхъ изъявляютъ онѣ склонность къ своимъ любовникамъ, печаль, надежду и другія обстоятельства; а всѣ пѣсни сочиняютъ наиболше дѣвки и бабы, которыя имѣютъ весьма чистые и пріятные голосы. Изъ чего видѣть можно, что сей народъ имѣетъ къ музыкѣ великую склонность, токмо то удивительно, что сей народъ никакого инструмента не выдумалъ кромѣ дудокъ дягильныхъ, на которыхъ однакожъ пѣсенъ не можетъ наигрывать.

Пѣсня на Подполковника Мерлина, Маеора Павлуцкаго и Студента Крашенинникова.



Маіора коказолъ таалагегъ кирхулъ куэкаретъ тамбезенъ

Ежели бы я былъ маеорской поваръ, тобъ снялъ съ огня котелъ съ кушаньемъ.

Пра-

Прапарщикъ коказолъ теелезикъ кистарулилель кукаретъ там-я-бе-зе-нъ
Ежели бы я былъ прапорщиковъ поваръ, тобъ всегда снималъ котелъ въ перчаткахъ.

Павлоцка кеинцегъ теелезикъ гинкало галстугалъ кикингизикъ
Ежели бы я былъ Павлуцкой, то бы повязался бѣлымъ галстукомъ.

Павлоцка иваннель теелезикъ чачало чулкилъ кинингизикъ.
Ежели бы я былъ Павлуцкаго Иванъ, то бы носилъ чулки красные.

Студенталь теелезикъ битель читешь киллизинъ
Ежели бы я былъ Студентъ, тобъ описалъ всѣхъ дѣвокъ.

Студенталь кейнцехъ теелезикъ ерагутъ киллизинъ
Ежели бы я былъ Студентъ, то бы описалъ быка рыбу.

Студенталь теелезикъ битель адонотъ килизинъ
Ежели бы я былъ Студентъ, то бы описалъ всѣхъ морскихъ чаекъ.

Студенталь теелезикъ битель силлеги їиретъ тамбезенъ.
Ежели бы я былъ Студентъ, тобы поснималъ всѣ орлиныя гнѣзда.

Студенталь теелезикъ битель питгатецъ кавъечавъ киллизинъ
Ежели бы я былъ Студентъ, то бы описалъ горячїе ключи.

Студенталь теелезикъ бит[illegible] ензитъ киллизинъ
Ежелибъ Студентъ былъ, тобъ описалъ всѣ горы.

Студенталь теелезикъ битель дечумъ кулецъ киллизикъ
Ежели бы я Студентъ былъ, тобъ описалъ всѣхъ птицъ.

Студенталь теллезикъ кеинцегъ игскуеигнъ енчубецъ кирлизинъ
Ежелибъ я Студентъ былъ, тобъ описалъ всѣ морскїя рыбы.

Такимъ образомъ всѣ ихъ пѣсни составлены, въ которыхъ упоминаются токмо нѣкоторыя дѣйствїя или другїя какїя обстоятельства безъ всякаго складу.

Другая пѣсня называемая Аангичь, сложена на голосъ морской утки, Аангичь называемой. И хотя подведенныя слова съ нотою несходны, однако Камчадалы дополняютъ, и исправляютъ оныя прибавленіемъ нѣкіихъ ничего незначащихъ слоговъ, которые при семъ подчеркнутыми литерами означены.

1. Гнакоеде олосконга ворсха а хитецъ зинтесъ бине зотесъ Комчулъ белоонъ

2. Капанинача угаренъ: Бине зотесъ Комчулъ беллонъ.

Весь смыслъ пѣсни состоитъ въ томъ: Я потерялъ жену свою и душу, съ печали пойду въ лѣсъ, буду здирать кору съ дерева и ѣсть, послѣ того встану по утру, погоню утку Аангичь съ земли на море, и на всѣ стороны поглядывать имѣю, не найду ли гдѣ любезнаго моего сердца.

Непослѣдняяжъ ихъ забава представлять другихъ людей точно, какъ кто говоритъ, ходитъ, какъ что дѣлаютъ, словомъ по всѣмъ пріемамъ. Какъ скоро кто на Камчатку пріѣдетъ, то во первыхъ даютъ ему новое имя на своемъ языкѣ, потомъ высматриваютъ всѣ его дѣйствія, и при такихъ веселіяхъ представляютъ точно, а притомъ не забываютъ табакъ курить, сказывать скаски; и всѣ такія веселія больше ночью, нежели днемъ у нихъ бываютъ. Сверьхъ того есть у нихъ и шуты, которые забавляютъ другихъ своими проказами, но оныя столь скверны, что и упоминать гнусно и непристойно.

ГЛАВА

ГЛАВА 15.

О сведенiи дружбы и о подчиванiи гостей партикулярно.

Когда одинъ съ другимъ подружиться желаетъ, то зоветъ будущаго своего друга въ гости, и топитъ для него юрту весьма жарко, и готовитъ всякаго кушанья, какое у нихъ за лучшее почитается, такъ много, что десятерыхъ удовольствовать можно.

По вступленiи гостя въ юрту и гость и хозяинъ раздѣваются до нага. Хозяинъ скутавъ юрту подчиваетъ его приуготовленнымъ кушаньемъ, наливаетъ щербу въ превеликую чашу, а между тѣмъ, какъ гость щербу пьетъ или хлѣбаетъ, хозяинъ поливаетъ воду на лежащее на очагѣ каленое каменье, чтобъ былъ несносной жаръ. Гость старается все, что у хозяина пристряпано, съѣсть, и жаръ его вытерпѣть, а хозяинъ старается принудить, чтобъ гость взмолился, и просилъ бы свободы отъ пищи и жару. Въ противномъ случаѣ сколько гостю то за удовольствiе, столько хозяину за скупость и безчестiе причитается. Хозяинъ въ то время ничего не ѣстъ, и изъ юрты выходить воленъ. Но гость по тѣхъ поръ не выпускается, пока побѣжденнымъ себя признаетъ. Во время ѣды рветъ его разъ до десяти, отъ чего послѣ того подчиванья дни по три не токмо ѣсть, но и глядѣть на пищу безъ движенiя не можетъ.

Какъ гость изъ силы выдетъ, такъ что ни жару терпѣть, ни ѣсть ему не можно будетъ, то откупается

паетсся отъ того сабаками, платьемъ или что хозяину нравно; и такимъ образомъ получаетъ свободу. Напротивъ того получаетъ отъ хозяина вмѣсто хорошаго своего платья обноски, вмѣсто добрыхъ сабакъ худенькія сученки, которыя о себѣ почти ходить не могутъ. Однакожъ оное за обиду не почитается, но за знакъ дружества, когда въ томъ съ обѣихъ сторонъ равнымъ образомъ поступается. Ежели же тотъ, которой друга своего помянутымъ образомъ оберетъ, а самъ къ нему не будетъ въ гости, то обранной пріѣжжаетъ вторично въ гости, однакожъ не съ тѣмъ, чтобъ ѣсть, но чтобъ за свое получить отдарки. Хотя гость, какъ у нихъ обычай, ничего о причинѣ пріѣзда своего не объявляетъ, однакожъ хозяинъ о томъ ужè вѣдаетъ, и отдариваетъ ему по возможности. А буде ничемъ не подаритъ, то гость переночевавъ у него запрягаетъ сабакъ своихъ на самой юртѣ, и сидитъ на санкахъ потыкая оштоломъ въ землю, пока что нибудь получитъ отъ своего друга. Ежели же другу его или отдарить случится не чемъ, или отъ скупости не захочется, то гость уѣжжаетъ домой съ великимъ неудовольствіемъ, и бываетъ его крайнимъ непріятелемъ; но сіе весьма рѣдко случается: ибо обидѣть друга своего за такое почитается безчестіе, что никто съ обидѣвшимъ вѣкъ не похочетъ дружиться. Таковожъ безчестно и другому за подарки свои требовать отдарковъ.

Такимъ же образомъ подчиваютъ гостей, когда случается у нихъ какая пирушка, однакожъ жаромъ

не

не морятъ, и подарковъ не требуютъ. Ежели подчиваютъ нерпичьимъ или китовымъ жиромъ, то хозяинъ накроя жиру ремнями становится передъ сидячимъ гостемъ на колѣни, въ одной рукѣ жиръ, а въ другой ножъ имѣя. Жиръ суетъ въ горло крича бутто съ серцовъ Та (на), а ножемъ отрѣзываетъ, сколько онъ въ ротъ захватитъ.

Завидной вещи и любимой самому, у кого она есть, почти ничемъ кромѣ объявленнаго способа достать не можно: ибо при томъ случаѣ, чегобъ хозяинъ у гостя ни потребовалъ, отказать ему стыдно; чему въ доказательство можно объявить здѣсь смѣшной примѣръ, которой учинилъ нижняго Камчатскаго острóга нѣкоторой казакъ изъ новокрещеныхъ Якутовъ. Онъ имѣлъ у себя по тамошнему обычаю друга изъ Камчадаловъ, и провѣдавъ, что онъ промыслилъ нарочитую лисицу, домогался всякими óбразы достать оную; однакожъ Камчадалъ крѣпился, и не взирая ни на какіе его подарки, не хотѣлъ лишиться своего сокровища. Казакъ видя, что другъ его ни на что не склоняется, поступилъ съ нимъ по Камчатскому обыкновенію: зазвалъ его въ гóсти, вытопилъ баню весьма жарко, наварилъ рыбы довольно, и посадя его на верьхней полокъ началъ подчивать не поддавая на каменку. Но какъ примѣтилъ, что Камчадалъ недовольной жаръ почитаетъ за бѣдное подчиваніе, то началъ онъ поддавать, и столько наподдалъ, что и самому въ банѣ быть не стерпимо было. Чего ради вышелъ онъ, какъ хозяинъ, которому сіе дозволяется, изъ бани вонъ, и стоялъ въ передбан-

никѣ

никѣ; а между тѣмъ отворяя двери безпрестанно поддавалъ на каменку: и такимъ образомъ вскорѣ принудилъ Камчадала взмолиться, но казакъ мучилъ его по тѣхъ поръ, пока Камчадалъ обѣщалъ ему отдать, о чемъ онъ старался.

Не можно сказать, сколь оное потчиваніе Камчадалу пріятно было: онъ клятвою утверждалъ, что съ роду не видалъ такого жару, и никогда не могъ надѣяться, чтобъ казаки гостей такъ изрядно могли подчивать, и лишенія своего сокровища не токмо не почелъ себѣ за убытокъ, но казака онаго дружество, яко доброе, прославлялъ у своихъ товарищей, объявляя имъ, что Камчадалы въ разсужденіи Рускихъ ни мало не умѣютъ гостей подчивать. Сіе я не токмо отъ самаго того казака, но и отъ прочихъ того острóга служивыхъ слышалъ, которые тѣмъ надъ нимъ смѣялись; а произходило оное не задолго до моего въ Нижношантальской острогъ пріѣзду.

ГЛАВА 16.

О сватаньѣ и свадьбахъ.

Когда Камчадалъ пожелаетъ жениться, то высмотря себѣ невѣсту обыкновенно въ другомъ а не въ своемъ острожкѣ, преселяется жить туда, и объявя невѣстину отцу или матери о своемъ намѣреніи, нѣсколько времени работаетъ оказывая удальство свое и проворство, и услуживая всѣмъ паче холопа, наиболѣе же будущему своему тестю, тещѣ и невѣ-

стѣ

стѣ, а потомъ требуетъ позволенія хватать невѣсту и ежели поступки его родителямъ невѣсты и сродникамъ также и самой ей понравятся, то получаетъ онъ соизволеніе, въ противномъ же случаѣ или вовсе пропадаютъ его услуги или съ нѣкоторымъ награжденіемъ отпускается.

Иногда случается, что такіе женихи, никому ничего не сказавъ, приходятъ жить въ нужный острогъ и работаютъ; и хотя всякой по услугамъ ихъ можетъ признать съ какимъ намѣреніемъ они то дѣлаютъ, однако никто ихъ о томъ не спрашиваетъ и не говоритъ ни слова пока они или сами или черезъ другихъ объявятъ родителямъ невѣсты о своемъ изволеніи.

Когда женихъ получаетъ позволеніе хватать невѣсту, то онъ ищетъ такого случая,

чтобъ гдѣ нибудь напасть на
нее въ малолюдныхъ ибо она
бываетъ иногда подъ охра-
неніемъ всего женскаго полу
того острожка, которыя ред-
ко отъ ней всѣ отлучаются.
Сверхъ того во время хвата-
нія бываетъ она одѣта въ
двои или трои хонбонъ, опу-
тана сѣтьми рыболовными
и ремнями увязана такъ, что
она не можетъ поворотиться
какъ статуя, и естли женихъ
улучитъ въ малолюдствѣ
свою невѣсту, то бросается
съ великимъ стремленіемъ,
деретъ на ней хонбы и сѣ-
ти, чтобы коснуться тайна-
го уда: ибо сіе у нихъ вмѣ-
сто вѣнчанія почитается.
Между тѣмъ какъ отъ самой невѣ-
сты, такъ и отъ другихъ бабъ и
дѣвокъ происходитъ ужасный крикъ,
и, хотя сама невѣста притом не
про-

противится да и противиться не можетъ, однако охранительницы поступаютъ съ женихомъ не милосердно, бьютъ его таскаютъ за волосы, терзаютъ лице и всякія средства употребляютъ, чтобъ ему не схватать невѣсты. И буде жениху посчастливится предпріятіе свое произвесть въ дѣйство, то онъ самъ отбѣгаетъ прочь отъ невѣсты, а она даетъ знакъ его побѣды умиленнымъ и жалостнымъ голосомъ ни ни. Въ семъ состоитъ вся важность брачнаго ихъ сочетанія. Однако сіе получить жениху не въ одинъ разъ случается, но между тѣмъ проходитъ иногда цѣлый годъ или больше, а послѣ каждаго хватанія принужденъ онъ бываетъ нѣсколько времени справляться съ силою и раны залѣчивать. А есть примѣры, что нѣкоторые по семилѣтнемъ хватаньѣ вмѣсто невѣсты получили увѣчье, бучи сброшены отъ бабъ съ балагановъ.

Кто

Кто схватываетъ невѣсту, то въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней невозбранно, на другой день увозитъ ее въ свой острожекъ безъ всякихъ церемоній, а для празднованія брака возвращатся къ невѣстинымъ сродникамъ по прошествіи нѣкотораго времени, причемъ бываютъ слѣдующіе обряды, которые въ 1732 году въ Камчатскомъ острожкѣ, что на рѣчкѣ Ратугѣ, и мнѣ случилось видѣть.

Молодой со сродниками своими и съ женой ѣхалъ къ тестю въ трехъ батахъ. Въ батахъ сидѣли женщины, въ томъ числѣ и молодая и при нихъ довольное число съѣстныхъ припасовъ, юколы, нерпичья и китоваго жиру, сараны и протчаго, а мущины, не выключая и молодого, вели оные баты на шестахъ нагіе.

Не доѣхавъ

Не доѣхавъ до острожка саженъ за сто, вышли они на берегъ, и начали пѣть пѣсни, шаманить, тоншичь на прутье вѣшать, и нѣчто на сухую рыбью голову наговаривать, которую потомъ обертя въ тоншичь отдали бывшей при нихъ старухѣ.

По окончаніи шаманства надѣли на молодую сверьхъ ея платья бараньи хоньбы, а на нихъ натянули четыре кухлянки, такъ что она стояла какъ чучела расширя руки и съ нуждою могла двигаться. Послѣ того сѣли паки въ баты свои, и шли до самаго острожка, гдѣ къ берегу пристали. Отъ пристани до самой юрты велъ молодую подъ руку высланной изъ острожка небольшой парень, а за нею слѣдовали прочія свиты ея женщины.

Введши на юрту перевязали молодую поперегъ ремнемъ, и наономъ спустили въ юрту; а прежде ея вошла въ юрту помянутая старуха, которой рыбья голова отдана была, коя положена передъ лѣсницу, и отъ всего ихъ поѣзду мужеска и женска полу, въ томъ числѣ и отъ молодаго съ молодою, была топтана, а наконецъ сама старуха потоптавъ ея положила на очагъ между дровами, которыя для топленія юрты были приготовлены.

Пріѣжжіе гости сѣдши по мѣстамъ сняли съ молодой излишнія кухлянки, а молодой затопилъ юрту, и настряпавъ кушанья изъ привезеннаго запасу подчивалъ жителей того острожка. На другой день хозяинъ гостей подчивалъ по обыкновенію со излишествомъ, на третей день гости разъѣхались, а молодой съ молодою остался работать нѣсколько времени тестю.

Вышеписанныя снятыя съ молодой излишнія куклянки раздариваются сродникамъ, которые за нихъ отдаривать должны, а у кого отдарить нѣчемъ, тотъ долженъ отъ даровъ отговориться.

Все вышеозначенное касается токмо до перьвобрачныхъ, а когда на вдовахъ женятся, то сватанье и свадьба состоитъ въ однихъ договорахъ безъ всякихъ дальнихъ обрядовъ; однако вдовы за себя никто не возметъ, пока съ ней грѣха не будетъ снято, что состоитъ въ одномъ совокупленіи съ нею человѣка сторонняго. А понеже сіе почиталось у нихъ за такое безчестіе, что никто грѣховъ не снимывалъ кромѣ такихъ людей, кои не смотрятъ на то, что имъ вѣкъ жить въ поруганіи и презрѣніи, какихъ однакожъ между ими не много, то бѣдныя вдовы принуждены бывали въ прежніе годы искать грѣхоснимателей съ великимъ трудомъ и убыткомъ, а иногда и вдовѣть вѣкъ свой. Но какъ казаки на Камчатку наѣхали, то оная трудность миновала.

Запрещенные роды супружества токмо мать да дочь, а пасынкамъ мачихъ, вотчимамъ падчерицъ, братьямъ двоюродныхъ сестръ въ жёны брать позволяется.

Разводятся съ женами безъ всякихъ обрядовъ: ибо весь разводъ состоитъ въ томъ, что мужъ съ женою не будетъ спать вмѣстѣ. Въ такомъ случаѣ мужъ женится на другой женѣ, а жена за другова выходитъ безъ хватанья и безъ грѣхосниманья.

Камчадалы имѣютъ жены по двѣ и по три, которыхъ иногда содержатъ въ одной юртѣ, а иногда по

по разнымъ мѣстамъ и живутъ съ ними попеременно. Всякую должно ему хватать вышеописаннымъ образомъ.

Впрочемъ сей народъ хотя и женолюбивъ однако не столь ревнивъ какъ Коряки.

При бракахъ знаковъ дѣвства не наблюдаютъ, а нѣкоторые сказываютъ, что зятевья въ порокъ женамъ своимъ ставятъ когда женъ получаютъ дѣвицами, аднако я не могу сего утверждать заподлинно. И бабы ихъ не ревнивы же, что можно видѣть изъ того, что не токмо двѣ или три жены одного мужа живутъ между собою согласно, но сносятъ и коекчучей, которыхъ нѣкоторые изъ нихъ держатъ вмѣсто наложницъ.

Женщины ходятъ закрывъ лице куклемъ кухлянки, и ежели случится по дорогѣ встрѣтится съ мущиною,

гзиною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ разой-
тись не можно, то, не хотя показать
лица, отворачиваются въ сторону,
и стоятъ пока мущину пропустятъ.
Въ юртахъ сидятъ за рогожными
или изъ крапивы плетеными зана-
вѣсками, а у которыхъ занавѣски
передъ собой нѣтъ, а случится прит-
ти стороннему въ юрту, то отвора-
чиваются онѣ въ уголъ лицемъ и дѣ-
лаютъ свою работу. Но сіе тожмо
о тѣхъ разумѣется, которыя ста-
рой своей бости не оставили:
ибо другія не столь зазорны;
впрочем всѣ вообще говорятъ гру-
бо и противно и какъ бы съ вели-
каго сердца.

ГЛАВА 17.

О рожденіи и воспитаніи дѣтей.

О камчатском народѣ можно вообще
сказать, что они не весьма пло-
дородны;

дородны; по крайней мѣрѣ не случалось слышать, чтобы у какого Камчадала было десятеро дѣтей съ одною женою.

Женщины ихъ, какъ сказываютъ легко родятъ, выключая нещастливые случаи когда младенецъ не на прямомъ пути бываетъ. При Стеллерѣ родила одна камчадалка, которая вышла изъ юрты вонъ не съ тѣмъ, чтобы родить, но съ четверть часа спустя возвратилась въ юрту съ младенцемъ безъ всякой въ лицѣ перемѣны. Онъ же пишет, что видѣлъ другую женщину, которая, по трудневномъ мученіи, къ великому его удивленію, родила младенца, у котораго прежде всего задъ оказался. Шеманки приписывали отцу причину нещастія, что онъ въ то время, когда младенцу надлежало родиться, сани дѣлалъ и дуги гнулъ на колѣняхъ; изъ чего можно разсуждать о другихъ камчатскихъ смѣшныхъ замыслахъ.

Рождаютъ онѣ стоя на колѣнях при всѣхъ людяхъ сколько въ острожкѣ не случилось, не выключая никакого полу, ни возраста. Новорожденнаго обтираютъ тоншичемъ, пупокъ перевязываютъ крапивною ниткою и отрѣзываютъ ножемъ каменнымъ, а мѣсто бросаютъ собакамъ. Къ отрѣзанному пупку привязываютъ кипрей жеваной, а младенца обвиваютъ вмѣсто пеленокъ тоншичемъ. Потомъ того всѣ жители любуются младенцемъ, берутъ его на руки, цѣлуютъ и обнимаютъ сорадуясь родителямъ; однако кромѣ того никакихъ не бываетъ обрядовъ.

При родахъ есть у нихъ и бабки повивальныя, однако не нарочныя, у которой женщины есть мать, та у ней обыкновенно и бабка повивальная.

Которыя женщины дѣтей желаютъ, тѣ ѣдятъ пауковъ, какъ уже выше показано: нѣкоторыя родильницы ѣдятъ и пупокъ съ кипреемъ, чтобъ послѣ очреватѣть скоряе. Напротивъ того много и такихъ, кои младенцовъ выгоняютъ отравами и другія страшныя средства употребляютъ, давятъ младенцовъ въ утробѣ, ломаютъ имъ руки и ноги чрезъ старухъ искусныхъ въ такомъ злодѣяніи, и послѣ выкидываютъ мертвыхъ часто съ своею погибелью.

Такія Медеи хотя иногда и въ утробѣ не вредятъ младенцовъ, однако рожденныхъ давятъ, или живыхъ сабакамъ бросаютъ. Для неплодородія же пьютъ декоктъ травы называемой Кутахжу, и разныя волшебства употребляютъ; иногда причиною безчеловѣчія бывали и ихъ суевѣрія: ибо когда онѣ раждали двойни, то по крайней мѣрѣ одному умереть надлежало; тожъ дѣлалось и съ рожденными въ худыя погоды, которые оба случаи почитались несчастливыми. Однако послѣдней иногда и нѣкоторыми шаманствами исправляется.

Послѣ родовъ оправляются онѣ опаною, то есть рыбьею ухою вареною съ листьемъ произрастающаго называемаго Гале, а по нѣсколькихъ дняхъ паки за юколу и за обыкновенную свою работу принимаются.

Младенцамъ имена даютъ отцы умершихъ своихъ сродниковъ безъ всякихъ же обрядовъ, которыхъ дѣти не перемѣняютъ и на возрастѣ.

ИМЕНА

ИМЕНА МУЖЕСКІЯ.

Кéшлея, не умирай.
Камакъ, озерная букашка на подобіе жука.
Лéмшинга, земляной.
Шикуйка, паукъ.
Чáкачь, толмачь не умѣлъ перевесть.
Кана, врагъ.
брючь, живосгорѣвшей, отъ того названъ, что нѣкоторой сродникъ его сгорѣлъ въ юртѣ.
Ймаркинъ, трава, которая весьма скоро загарается, можетъ быть Плаýнъ.
быргáчь, родъ нѣкоторой болѣзни.
Тáлачь, котъ морской.

ИМЕНА ЖЕНСКІЯ.

Кáналамъ, враговка.
Кéнилля, мышеловка.
Кыгмачь, неразраждаемая, отъ того, можетъ быть, такъ названа, что какая ни будь свойственница ея родами замучилась.
Кайручь, колотье.

Но большáя часть женщинъ мужескими именами называются: какъ напримѣръ: брючь, быргачь, Чекава и прочая.

Колыбели у нихъ есть, токмо рѣдко, однако не для качанья: ибо они дѣтей не качаютъ, но вмѣсто кровати дѣтской дѣлаются коробками изъ досокъ, у которыхъ бываетъ на переди желобокъ, которымъ моча збѣгаетъ. Когда дѣти заплачутъ, то матери сажаютъ ихъ въ кухлянки за плéча, которыя въ такомъ случаѣ подвязываютъ, и качаютъ, пока заснетъ

мла-

младенецъ. Такимъ же образомъ ходятъ съ ними въ дорогу и на работу. Впротчемъ онѣ дѣтей своихъ не пеленаютъ, но въ ночное время спятъ съ ними вмѣстѣ. И хотя онѣ сонливы и неосторожны, однако нѣтъ примѣровъ, чтобъ дѣтей засыпали.

Грудью младенцовъ кормятъ по три и по четыре года. На другомъ году учатъ ихъ ползать; тѣшатъ юколою и икрóю, березовою и таловою коркою, а наипаче сладкою травою, и часто случается, что дѣти приползши къ сабачьимъ корытамъ остатками опаны забавляются. Когда они начнутъ лѣпиться по лѣсницѣ, тогда вящшее утѣшенїе родителей, которые смотря на нихъ смѣются, и разговариваютъ съ веселїемъ.

Дѣти платье носятъ подобно самоѣдскому, которое съ ногъ надѣвается, и состоитъ изъ торбасовъ, чулковъ, шапокъ и шубы вмѣстѣ сшитыхъ, на зади съ прорѣхою и съ клапаномъ.

Что касается до воспитанія дѣтей, то пишетъ Стеллеръ, что родительская любовь къ дѣтямъ столь велика, сколь велико ихъ презрѣнїе къ родителямъ, а особливо къ престарѣлымъ и дряхлымъ. Они бранятъ родителей всякими скверными словами, ни въ чемъ ихъ не слушаютъ, и нимало на нихъ не смотрятъ; чего ради родители не смѣютъ ни бранить ихъ ни наказывать, нижѐ въ чемъ препятствовать. Когда родители не видавшись долго съ дѣтьми своими увидятъ ихъ, то обнимаютъ ихъ съ изъявленїемъ сердечной своей радости; напротивъ того дѣти со всѣмъ противно тому поступаютъ. Дѣти ни

когда ничего не просятъ у своихъ родителей, но берутъ сами, что имъ угодно. Ежели хотятъ жениться, то не токмо не совѣтуютъ о томъ съ родителями, но и не даютъ знать имъ. Надъ дочерями власть ихъ состоитъ токмо въ томъ, что могутъ жениху сказать: *хватай, буде можешь, и на себя надѣешься.* Право перьвородства нѣсколько и у нихъ примѣчается: ибо болшей сынъ всѣмъ послѣ отца своего владѣетъ, а другимъ ничего не достается; для того что все наслѣдство состоитъ въ одной перемѣнѣ платья, въ топорѣ, въ ножѣ, въ корытѣ, въ санкахъ и сабакахъ, изъ того числа платье всегда бросали съ мертвымъ, чтобъ надѣвъ самимъ не умереть, которое суевѣріе и понынѣ еще не вывелось.

ГЛАВА 18.

О болѣзняхъ и лѣкарствахъ.

Главныя на Камчаткѣ болѣзни цынга, чирьи, разслабленіе, ракъ, желуница и нечисть, которыя по мнѣнію ихъ отъ враговъ напускаются живущихъ по березникамъ и ракитникамъ въ то время, когда кто кусты тѣ въ незнаніи рубитъ. Лѣчатъ ихъ больше наговорами, однако не презираютъ травъ и коренья.

Отъ цынги пользуются листьемъ нѣкоторой травы Мытчажунъ, которое къ деснамъ прикладываютъ, и пьютъ декоктъ бруснишной травы и водяницы. Казаки пьютъ вмѣсто чаю тамошней сланецъ или кедровникъ съ великою пользою, и ѣдятъ дикой чеснокъ

Чере-

Черемшею называемой: и оба сіи лѣкарства отъ цынги за дѣйствительныя признала вся Камчатская експедиція.

Чирьи по ихъ называются бонъ опаснѣйшая болѣзнь на Камчаткѣ: ибо отъ нихъ по большей части люди умираютъ. Въ діаметрѣ бываютъ оные двухъ или трехъ дюймовъ, и когда отворятся, то по 40 и по 50 скважинъ примѣчается. За смертельной знакъ почитаютъ, когда матерія изъ нихъ не пойдетъ; впротчемъ которые отъ нихъ и не умираютъ, лежатъ въ постелѣ по шести и по десяти недѣль. Камчадалы разгнаиваютъ ихъ сырою зайчиною, а когда отворятся, то стрежни стараются выдавить.

Разслабленіе, ракъ и французская болѣзнь почитаются за неисцѣлимыя, и о сей послѣдней сказываютъ Камчадалы, что она появилась у нихъ по прибытіи Россійскихъ людей. Разслабленіе называютъ они На́лачь, ракъ Ка́йкчь, а французскую болѣзнь А́рожичь.

Есть еще у нихъ болѣзнь Су́жучь (ящерица), которая подобна коростѣ, и бываетъ подъ грудью на подобіе пояса. Когда оная короста не загноившись пропадаетъ, то смерть послѣдуетъ; а по объявленію ихъ не обходитъ она никого, какъ у насъ воспа.

Шелечь или орелъ болѣзнь, которая подъ видомъ коросты все тѣло заражаетъ, напускается отъ врага того имени, которая иногда бываетъ причиною смерти. А короста, которая у нихъ по большей части на младенцахъ бываетъ, по ихъ Теуедъ называется.

У господина Стеллера о болѣзняхъ и лѣкарствахъ пространнѣе писано, чего ради сообщимъ мы здѣсь изъ его описанія все потребное.

Морскую губку, пишетъ онъ, прикладываютъ Камчадалы къ чирьямъ, чтобъ вытягивало матерію, съ добрымъ успѣхомъ: ибо содержащаяся въ ней алкалическая соль не допускаетъ рости дикому мясу. Но токмо лѣченіе происходитъ трудно, за тѣмъ, что не разбиваетъ она матеріи.

Казаки прикладываютъ къ чирьямъ сладкую траву, которая послѣ сидѣнія вина въ котлахъ остается, и сю съ добрымъ успѣхомъ разбиваютъ матерію и выгоняютъ.

Малину морскую употребляютъ женщины для скорѣйшаго разрѣшенія отъ бремени.

Нйгну, что по руски рыбою морскою называется, трутъ они какъ самую раковину, такъ и ея иглы, и тѣмъ порошкомъ пользуются отъ теченія сѣмени, однако онымъ лѣкарствомъ одна токмо моча выгоняется.

Жиръ морскова волка употребляютъ они отъ жестокаго запору съ великою пользою.

Курильской чай, что Пентафиллоидесъ фрутикозумъ, пьютъ отъ рѣзу и отъ болѣзни въ животѣ съ простуды, не безъ успѣхужъ.

Корку тамошняго кедровника привязываютъ они ко всякимъ порѣзамъ, и сказываютъ, что сю можно выгнаивать изъ ранъ и стрѣлы.

Отъ запору варятъ кислую юколу, и пьютъ вонючую уху оную. Отъ поносу ѣдятъ бѣлую глину,

которая земляною сметаною называется, и по многимъ мѣстамъ въ Камчаткѣ находится; отъ тогоже употребляютъ ше амайное и завязное коренье.

У кого моча не держится, тѣмъ велятъ мочиться въ кольцо изъ тоншича плетеное, у котораго въ срединѣ рыбья икра, кладется; но можетъ быть, что притомъ бываютъ и наговоры.

У кого отъ болѣзни въ горлѣ сохнетъ, то съ добрымъ успѣхомъ пьютъ кипрейное сусло. Сіежъ лѣкарство употребляютъ родильницы и для способнѣйшаго разрѣшенія.

Толченое листье Шеламайнику, (Vlmaria) прикладываютъ они къ ранамъ, когда волкъ укуситъ или сабака, пьютъ же то листье и вареное, и похваляютъ какъ отъ живота, такъ особливо отъ цынготной болѣзни, а листье вмѣстѣ съ стеблями толченое употребляютъ отъ пожогу.

Отъ головной болѣзни лѣчатся мерзлою брусницею; отъ зубной декоктомъ шеламайнику, которой сваря съ рыбою во рту держатъ, а корень ея кладутъ на зубы.

Сѣгельчь каменной попоротникъ жуютъ они отъ одышки: пьютъ же нынѣ и вареной отъ харканья кровью, когда внутренняя повреждаются, или упадаютъ съ высокаго мѣста. беременныя пьютъ для здравія младенца и для плодородія. Нѣкоторые думаютъ, что отъ него и голосъ бываетъ свѣтляе и чище.

Камчатской звѣробой (Gentianae spec.) пьютъ они отъ цынготной и отъ всякой нутренной скорьби. А пьяную траву (Chamaerrhododendros) по ихъ Кетенано или Мискупа, отъ французской болѣзни, токмо безъ пользы.

Морскую капусту (Quercus marina) пьютъ отъ поносу; Кутахжу мущины отъ цынги и отъ лому въ членахъ, а женщины для неплодія. Траву моченую въ рыбьемъ жиру прикладываютъ къ больнымъ членамъ теплую, и тѣмже сгоняютъ синія пятна отъ побой и уразовъ.

Траву Чáхбонъ (Drymopogon) пьютъ отъ опухоли и отъ цынги въ ногахъ. Отъ безсонницы ѣдятъ плоды травы Ефемера. Глаза лѣчатъ припаривая травою Зи́зомъ, которую кладутъ женщины и въ тайные уды для тепла и благовонія.

Лопатскіе жители ставятъ и клистиры, что переняли безъ сумнѣнія отъ Куриловъ. Декоктъ изъ разныхъ травъ иногда съ жиромъ, а иногда и безъ жиру наливаютъ въ тюленей пузырь, и обтягиваютъ отверстіе его около какой ни будь дудки, которой ставятъ по обыкновенію, между тѣмъ больной лежитъ на брюхѣ внизъ головою. И сіе лѣкарство почитаютъ они столь высоко, что употребляютъ во всякихъ болѣзняхъ.

Отъ желтухи имѣютъ они надежное лѣкарство: берутъ коренье лѣсной фьялки, чистятъ и свѣжіе толкутъ съ теплою водою; сокъ которой бываетъ какъ молоко, въ нерпичей пузырь наливаютъ, и въ клистирахъ употребляютъ по два дни сряду, а на каждой день по три раза; послѣ чего слабитъ, и фьялковой сокъ по всѣмъ членамъ разходится. Сіе лѣченіе не безъ основанія, когда извѣстно дѣйствіе фьялки.

Крови

Крови ни жильной ни рожечной не пускаютъ, и совсѣмъ о томъ не вѣдаютъ, а пускаютъ оную особливымъ образомъ: около больныхъ мѣстъ оттягиваютъ кожу щипцами деревянными, и прокалываютъ оную насквозь хрустальными нарочно для того дѣлающимися ланцетами, и выпускаютъ крови сколько надобно.

Есть ли у нихъ болитъ спина, то трутъ оную корнемъ Цикуты передъ огнемъ, наблюдая притомъ, чтобъ не коснуться поясницѣ, отъ чего послѣдуетъ судорога: и симъ лѣкарствомъ такъ они хвалятся, будто тотже часъ бываетъ имъ польза, однако то не вѣроятно.

Отъ лому ставятъ ядна изъ березоваго труду на больныхъ мѣстахъ. Когда оной трудъ догораетъ до тѣла, то отскакиваетъ съ великимъ стремленіемъ, а тѣло отъ того разгнивается, и бываетъ великая язва, къ которой иные присыпаютъ трудовой пепелъ, а иные ни чемъ не лѣчатъ. И сіе лѣкарство извѣстно по всей Сибири.

Корень Лютика травы и омегъ употребляютъ они къ порчѣ своихъ непріятелей и къ умерщвленію. Лютикомъ намазываютъ и стрѣлы какъ совершеннымъ ядомъ.

ГЛАВА 19.

О погребеніи умершихъ.

Погребеніе умершимъ, буде можно назвать погребеніемъ бросать сабакамъ на съеденіе, отъ всѣхъ тамошнихъ народовъ отмѣнно: ибо другіе народы или жгутъ тѣла умершихъ, или кладутъ въ землю съ нарочитыми обрядами, напротивъ того Камчадалы тру-

ты мертвыхъ своихъ, привязавъ ремень за шѣю вытаскиваютъ изъ юрты, и почти на самой юртѣ бросаютъ ихъ сабакамъ на съѣденіе, объявляя тому двѣ причины: 1) что котораго съѣдятъ сабаки, тотъ на другомъ свѣтѣ ѣздить будетъ на добрыхъ сабакахъ; а на юртѣ и близъ юрты бросаютъ они покойныхъ своихъ для того, чтобъ враги, которые по ихъ мнѣнію людей умерщвляютъ, видя мертвыхъ довольствовались ихъ гибелью, а другихъ бы не вредили. Но другая притчина кажется мнѣ невѣроятна: ибо они тѣ жилища, въ которыхъ умирать кому случалось, всегда оставляли, и переселялись въ новыя юрты, которыя строили въ знатномъ отъ прежнихъ разстояніи, а труповъ, которыми бы по ихъ объявленію могли отъ враговъ обороняться, не таскаютъ съ собою; развѣ можетъ быть сіе почитаютъ они за оборону отъ нихъ на то одно время, пока они новую юрту дѣлаютъ.

Съ умершими выбрасываютъ вонъ все платье ихъ и обувь, не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ было имъ что носить на другомъ свѣтѣ, какъ другіе нѣкоторые язычники думаютъ, но отъ одной опасности: ибо по ихъ мнѣнію и тому необходимо умереть должно прежде времени, кто надѣнетъ ихъ платье. Особливо живущіе на Курильской лопаткѣ въ томъ суевѣрны: не возмутъ въ руки никакой вещи, скольбы она ихъ ни льстила, ежели услышатъ, что осталась послѣ мертваго. Чего ради казаки, которые важивали къ нимъ похожіе товары, какъ напримѣръ нѣмецкое и руское суконное платье, фанзовыя и камчатныя

ныя рубахи и прочая, неинако купцовЪ отЪ другихЪ отбивали, какЪ сказывая, что платье и другїе ихЪ товары послѣ мертвыхЪ остались.

Очищенїе послѣ похоронЪ бываетЪ слѣдующимЪ образомЪ: наломавши какого нибудь прутья приносятЪ они вЪ юрту, и надѣлавЪ колецЪ по дважды сквозь ихЪ пролазятЪ, а потомЪ относятЪ вЪ лѣсЪ, и бросаютЪ на западЪ. Которой мертваго вонЪ тащилЪ, тому должно изловить какїя нибудь двѣ птички, и одну изЪ нихЪ всю сжечь, а другую сЪѣсть со всѣми жителями вмѣстѣ. И сїе очищенїе бываетЪ у нихЪ тогоже дня, котораго и погребенїе, а до того ни сами они не выходятЪ изЪ юрты, и никого кЪ себѣ не допускаютЪ.

Вмѣсто поминокЪ бросаютЪ они вЪ огонь шаглы перьво-промышленой рыбы, что за дарЪ умершему почитается, а тѣло сами сЪѣдаютЪ.

МладенцовЪ хоронятЪ вЪ дуплеватыхЪ деревьяхЪ по большей части безЪ всякихЪ же особливыхЪ обрядовЪ. По умершихЪ сожалѣютЪ, и плачутЪ, токмо безЪ вопля.

ГЛАВА 20.

О различныхЪ нарѣчїяхЪ Камчатскаго народа.

ВЪ заключенїе извѣстїй о КамчатскомЪ народѣ сообщимЪ мы нѣкоторое собранїе словЪ трехЪ главныхЪ КамчатскихЪ нарѣчїй, о которыхЪ выше сего упомянуто, чтобЪ сходство и несходство ихЪ было видимо.

Въ столбѣ А содержится нарѣчіе сѣверныхъ Камчадаловъ, б южныхъ, а въ столбѣ В живущихъ отъ Воровской рѣки на сѣверъ почти до Тигиля. При чемъ надлежитъ вѣдать, что г̄ съ палочкою на верьху какъ Латинское g произносить надобно.

Собраніе словъ разныхъ Камчатскихъ нарѣчій.

	А	б	В
Богъ	Кутъ	Кýтхай	Кýтха.
Дьяволъ	Кáна	Кáна	Ткана.
Небо	Кóгалъ	Кóхалъ	Кéиссъ.
Облакà	Г̄ýренгуръ	Ýйшаа	Мыйжа.
Вѣтръ буря	Шáпелъ Кáкалтъ	Чѝхуча	Кéипкъ.
Дожжъ	Чýхчухъ	Чáхчу	Чýхчухъ.
Снѣгъ	Корѣлъ	Кóлаалъ	Кóлаалъ.
Градъ	Кáкумчелъ	Коáда	Коáлле.
Громъ	Кыхкыгъ	Кыхкыгъ	Кыхшигынà.
Молнія	Áмроншчина-чичь	Ýмечькыши	Мышлкыжи-гына.
Солнце	Галéнъ-кулечь	Коáчь	Лачь.
Луна	Гýинганъ-кулéчь	Коáчь	Лаáилгынъ.
Звѣзда	Ежéнгынъ	Ашáнгытъ	Áгажинъ.
День	Тáажъ	Кусгáлъ	Кулхáлла.
Ночь	Кýннукъ	Кýлкуа	Кýнку или Льхýюгуна.

Утро

	А	Б	В
Утро	У́йдумкулель	бо́кочожъ	Е́мколалю.
Полдень	Куну́кулечкуй	Пеннокъ-халла	Хта́дыжаты-
Вечеръ	Ата́кулель	Аатыку	Та́лбакъ. (на.
Полночь	Куну́гуингучь	Ке́ды-ку́лкуа или Пельхучикъ	Нуу́лхуюгула
Годъ	Та́тгажъ	(не знаютъ)	Тхажъ.
Земля	Шемтъ	Семтъ	Шемтъ.
Гора	Ее́ль	Наму́дъ	Аа́ла.
Пригорокъ	Пыну́жидычь	Таа́коричь	И́жулганъ.
Огонь	бру́мичь	Па́нгычь	Па́нгычь.
Дымъ	Га́жунгажь	Нгарангачь	Нга́чажъ-нга́-(чажъ.
Вода	А́жамъ	І́и	І́и.
Поле	ба́таранъ	У́ша	Усъ.
Доро́га	Ши́жичь	Е́шичумъ	Ку́чажа.
Лѣсъ	У́удъ	О́ода	Ла́гыланъ.
Дерево	У́а	О́о	У́у.
Море	Кея́га	Ни́нгель	Кея́га.
Озеро	Ко́рро	Кшчу	Ку́лхуа.
Рѣка	Кигъ	Кыга	Кигъ.
Рѣчка	Ки́гыдычь	Кыгыдачь	Ки́гыгачь.
Источникъ	Пи́дадычь	Ка́кеда	Ке́яка.
Песокъ	быжы́мтъ	Ка́шемтъ	Сымы́жымчь.
Грязь	Кылтшамъ	Има́гай. А́кчи-нашумтъ	Ко́ола.
Камень	Куа́лъ	Ува́чу	Уа́чь.
Человѣкъ	Кро́шчуга	У́шкамжа	Ушка́мжа.
Отецъ	И́питъ	А́пачь	Ишхъ.
Мать	А́нгуанъ	Аа́лгачь	Ла́хшха.
Сынъ	Пе́ечь	Пе́ачь	Пача́.

	а	б	в
Дочь	Чи́депечь	Сувынгъ	Шугуингà.
братъ	Тыя	Кута́хушка	Тыя.
Сестра	Ихтумъ	Кутхаа́нъ	Ли́лихлчь.
Мужъ	Ке́нгишъ	Е́лку	Ка́мжанъ.
Жена	Чи́хенгучь	Нгынгычь	Игычь.
Отрокъ	Па́ачучь	Пеа́гачучь	Па́нахча.
Младенецъ	Па́ачучь	Пеа́ичичь	На́нача.
Дѣвка	Чи́хуачучь	Хучи́чу	Ухчума́хча
Господинъ	Крошчу	Армъ	Ху́йжучь.
Слуга	Ха́ро }	Чикоачь	Линажхча.
Служанка	Че́дахаро }		Хоа́ллу.
Голова	Ха́бель	Чы́ша	Ктхынъ.
Волосъ	Черонъ	Ку́біинъ	Ку́йба.
борода	Е́лунъ	Куу́кунъ	Луу́лла.
Глаза̀	Е́ледъ	На́ннинъ	Ле́лла.
Уши	И́людъ	И́гіадъ	И́лла.
Носъ	Каякò	Каикы̀	Кайка́нъ.
Гу́бы	Ша́кши	Кысса	Ке́шха.
Уста	Те́лунъ	Цхы́дда	Чанна.
Языкъ	Дычилъ	Ни́чилъ	Ече́лла.
Що́ки	У́анъ	У́аадъ	Хоау́да.
Подбородокъ	Пе́гангучь	Пахыхычь	Кымкычь.
Плечо	Тено́дъ	Та́ннунъ	Тыны́нга.
Рука	То́но	Сытту	Хкачь.
Перстъ	Ке́ко	Ку́йда	Пко́тча.
Грудь	Лу́тенгъ	И́нгыта	Ке́итачь.
Сердце	Гуллугу	Ну́уюгу	Луго́лгучь.
брюхо	Колидъ	Ксухъ	Ка́лтки.
Чере́ва	Шу́жичь	Сы́хшидъ	Сыгы́жинъ.

Пузырь

	А	Б	В
Пузырь	И́шурю	Елкуай	КшулхЪ
Тайной удЪ мужеской	Ка́ллака	Ка́лка	Калка̀
- - - женской	КойпІонЪ	Куаппа́нЪ	Коа́панЪ.
Спина	КарогЪ	Ча́гга	Ки́гачь.
Но́ги	Катхе́инЪ	Чкуа́да	Ктха́да.
Шапка	Га́лалучь	Халя́лучь	Па́халЪ.
Штаны	Ку́е	Ко́ау	Ко́а.
Чулки	Па́йманЪ	ПайманЪ	Па́ймадЪ.
Шуба, кухлянка	Коа́бежЪ	Танга́кЪ	Ка́птхачь.
Торбасы	ЧилхенЪ	СыанунЪ	ШхунЪ.
ОстрогЪ	А́тынЪ	Та́ша	А́тынумЪ.
Юрта	КистЪ	КишитЪ	КистЪ.
Окно и дверь, что вЪ юртахЪ	А́тхыжичь	О́кнучь	О́кнучь.
Постеля	Ла́жушЪ	А́аттЪ	А́нтетЪ.
ЛукЪ	И́четЪ	Ча́счу	Чхчь.
Стрѣла	КагЪ	Ка́ха	КалхЪ.
Санки	ШишхенЪ	Шаааша́нЪ	ШхлишхЪ.
Лотка	Та́тхамЪ	ТахтымЪ	Тахтама̀.
Веревка	АлчолЪ	Ку́лхсумЪ	УтхтЪ.
ТопорЪ	Ко́ашу	Куа́шуа	Ко́ашу.
ЛистЪ	КромЪ	Па́шаадЪ	Пеллаа́кела.
Корень	Пынги́лпынгылЪ	ПынгѐлпынЪ	Пынгы́лпынгылЪ.
Трава	Шишчь	Се́еда	И́жула.
Голодный	Еку́жичь	Куушийшкъ	КшаккЪ.
Жадный	ТыкужегужикЪ	ТугІуласкЪ	Чхча́хычь.

Сытой

	А	б	в
Сытой	Тымга́уши	ЧигышикЪ	ЧихлихЪ.
Пьяной съ мухомора	То́апкужикЪ	Това́пкопкЪ	Хылпа́шкичамЪ
Ѣсть	балолкЪ	Чихы́шкикЪ	Дыкыжу.
Пить	би́гыликЪ	ТыкушхушкЪ	Тыкушку.
Спать	ТычкажикЪ	Тун͞гукулашкЪ	Ну́йкушку.
или бу́нгуяку спать хочу			
Говорить	Ка́жинухшхажикЪ	Ха́ждухчь	Ка́жил͞гукышЪ
Молчи	Ку́йжижичь	Кыйсуши́хчь	Ко́йшун͞гышихучь.
Ѣхать на сабакахЪ	КошлЪ-ко́кшхажикЪ	У́шашишь	Хо́ншкожимыкЪ.
Итти	ТылледжкЪ	У́шашишЪ	Тла́ламЪ
Я стою	Ку́ме-тыжишикЪ	Ке́мма-тыжішикЪ	Ке́ма хтажу́кышЪ.
Ты стоишь	Кыже жи́шунЪ	Кышь ши́шичь	Ке́жа хтажу́жичь.
ОнЪ стоитЪ	Ду́гудЪ жишичь	у́дда шишикикЪ	Да́н͞гунЪ хтажу́жичь.
Мы стоимЪ	бу́же жишішимкЪ	Мушь у́шишам͞гЪ	Мо́жишЪ хтажу́жимкЪ.
Вы стоите	И́хуже жи́шижь	СушЪ шишикЪ	Да́гунадЪ хтажу́жи͞гинЪ
Они стоятЪ	Тру́нЪ жишичь	И́тхую шишикикЪ	И́тха хтажу́жи͞гинЪ.
Сплю	Тын͞гуюкужикЪ.	Ту́н͞гыкушикЪ	Тун͞гу́йкушкукЪ.
Вижу	ТыллчкужикЪ	ТыттшикуйшикЪ	Тылчкуйжча.

Не

	А	Б	В
Не вижу	Гыичь купкгЪ	ИшкЪ Ешшкуйкак Ъ	ЕлчкуикЪ.
Не сплю	ГынгушкуллакЪ	ИшкЪ нуйкушкакЪ	НгуйкулкукЪ.
Смѣюся	ТыжiшникЪ	ТашiукашкЪ	Лижинкшчичь.
Плачу	ТынгажикЪ	ТууушикЪ	Синшчь.
бѣлой	Гылкало	АiптыхЪ	Атхала.
Черной	Дрелу	ТиггаиЪ	Кигала.
Красной	ЧачалЪ	ЧеанЪ	ЧачалЪ.
Зеленой	Дулхкаралло	Нухусанну	Кухлелага.
большей	Толло	ХычинЪ	Пеллага.
Малой	Дынелу	ЧунгуюнгЪ	Нянюкала.
Высокой	Дашелу	КуунЪ	Кынгылла.
Ниской	Дыжулу	ИшунгЪ	Ижула.
Свѣтлой	Даптхылу	АптыгЪ	Чажу.
Темной	Духулу	Духшанну	ЧуникЪ.
Теплой	Номла	КикангЪ	Умела.
Студеной	Дыкеилу	СаккеингЪ	Акелага.
Мокрой	Дыкчкелу	Акчину	Чкалага.
Сухой	Демлу	Кашигу	Кыжгела.
Живой	КыжуныльинЪ	Какова	КаколинЪ.
Мертвой	КырiинЪ	КычикинЪ	КыжаннЪ.
Рано	ТымколинЪ	МокочушЪ	АмколчелЪ.
Поздо	ТухпаннЪ	Аапыку	ТхпаданЪ.
Сего дни	Денгу	Дангу	ДадЪ.
Завтра	Дымколаку	бокуанЪ	А. ушкЪ.
Послѣ завтра	КорашыжкЪ	Чие сулунгакЪ	ДуганЪ иншижингЪ.
Вчера	ЕтылЪ	Аапы	АпенгЪ.

Третьяго

	А		Б		В	
Третьяго дни	Кыхы-коратажЪ		(не знаютЪ)			
ВпередЪ	ДуклкЪ		Коазаку		Кулхенки.	
НазадЪ	ШалкЪ		Сáккы		ШаáликинЪ.	
1	ДызыкЪ		ДызыкЪ		КóнингЪ.	
2	КааждЪ		КáассЪ		Кácca.	
3	ЧóокЪ		ЧóокЪ		ЧóукЪ.	
4	ЧáакЪ		ЧáакЪ		ЧáакЪ.	
5	КоóмнакЪ		КоóмнакЪ		КугýмнукЪ.	
6	КылкогЪ		КылкоакЪ		КéлкугЪ.	
7	ЁпактанакЪ		ИпаатýкЪ		ЁпуктунукЪ.	
8	ЧóоктунукЪ		ЧокутýкЪ		ЧóоктунукЪ.	
9	ЧáактанакЪ		ЧáактакЪ		ЧáактанакЪ.	
10	ЧýмхтукЪ		КýмхтукЪ		Тогócca.	
11	ДызыкЪ	шина-	ДызыкЪ	шина-	КонингЪ	шина-
12	КáажЪ	жичь	КáассЪ	ши	Касса	жинЪ.
13	ЧóокЪ		ЧóокЪ		ЧóукЪ	
19	ЧáактанакЪ		ЧáактанЪ		Чáактанакъ	
20	КáажЪ	Чумх-	КаассЪ	кумхту-	КашЪ	ту-
30	ЧóокЪ	тукЪ.	ЧоокЪ	кадыкы-	ЧóокЪ	жáлЪ.
40	ЧáакЪ		ЧáакЪ	дЪ.	ЧаакЪ	
50	КоóмнакЪ		КоóмнакЪ		КугумнукЪ	
60	КылкогЪ		КылкоакЪ		КéлкугЪ	
70	ЁпактанакЪ		ИпаатýкЪ		ЁпуктунýкЪ	
80	ЧóоктунукЪ		ЧóкутукЪ		ЧóоктунукЪ	
90	ЧáактанакЪ		ЧáактакЪ		ЧáактанакЪ	
100	ЧýмхтукЪ-Чýмхтаканъ		Кýмхту-кумхтаканЪ		ЧушЪ-тогушáйнЪ.	

У госпо-

У господина Стеллера въ запискахъ нашолъ я и Отче нашъ на языкѣ южныхъ Камчадаловъ, но не всю молитву, безъ сумнѣнія для того, что послѣднихъ словъ, каково оставленіе долговъ, избавленіе отъ лукаваго и прочая, Камчадаламъ непонятно было, однако сообщимъ мы здѣсь для удовольствованія любопытства читателей, сколько нашлося.

Апачь бýрынъ кíзегъ íтзунъ кранакъ кóгалгу сытзулъ
Отче нашъ, которой живешь высоко на небѣ, буди
книгнъ гóуренчь тéге бíтель нáкалкъ кабилтакá катат-
твое имя всегда у всѣхъ славно почита-
токà кóттикъ кóгльсыгъ бóренако книгнъ кóнспалагнъ éлко-
емо, повели пріитти къ намъ твоему жилищу вѣч-
ному, кизéкъ енакчь оллогтчáзенъ енду̑ дегстакенъ
ному, что ты ни изволишь, буди по твоей
лацготусъ кагóлкъ дéлтгамъ симскъ, áдонномъ бýринъ
волѣ, какъ на небѣ, такъ на землѣ, пищу нашу,
пыгнъ гуллсъ сýглкаизенъ сугнетъ кáтолкъ боренáко денгу-
отъ которой всегда живемъ, дай намъ нынѣш-
тéнъ дагсъ.
няго дня.

ГЛАВА 12.

О Коряцкомъ народѣ.

Излишнее бы дѣло было, есть ли бы какъ о семъ, такъ и о Курильскомъ народѣ писать пространно: ибо родъ житія ихъ весьма сходствуетъ съ Камчадалами; всѣ во обще они язычники, всѣ крайніе невѣжды, и отъ другихъ животныхъ однимъ токмо видомъ человѣческимъ почти разнствуютъ, какъ ужè выше показано: чего ради довольно будетъ и того,

когда мы о каждомъ народѣ обѣявимъ кратко, выключая такія обстоятельства, въ чемъ они несходны съ Камчадалами.

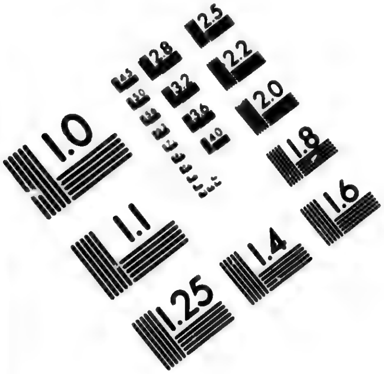
Коряки, какъ уже выше показано, на Оленныхъ и Сидячихъ раздѣляются. Оленные кочевной народъ, а Сидячіе живутъ въ земляныхъ юртахъ, какъ Камчадалы, съ которыми и больше житіемъ и обрядами сходствуютъ, нежели съ Кочевными Коряками; чего ради все, что о Корякахъ обѣявлено будетъ, о Оленныхъ разумѣть должно, развѣ гдѣ точно Сидячіе Коряки будутъ упомянуты.

Сидячіе Коряки жилища свои имѣютъ по берегу Восточнаго моря отъ рѣки Уки почти до Анадыря, а по берегу Пенжинскаго моря отъ усть-Тигиля до Пенжины, и отъ Пенжины вкругъ Пенжинской губы до хребта Нукчанунинъ, изъ котораго течетъ въ море Нукчанъ рѣчка, и по тѣмъ рѣкамъ имѣютъ они особливыя названія, по которымъ между собою раздѣляются, какъ на примѣръ: Укинскіе Коряки по рѣкѣ Укѣ, Карагинскіе по Карагѣ, Олюторскіе по Олютору, Акланскіе по Аклану и прочая; а Оленные съ табунами своими кочуютъ по всѣму пространству земли, которое съ востоку Окіаномъ, съ западу вершинами Пенжины и Омолона, съ сѣверу Анадыремъ рѣкою, а съ югу Лѣсною и Карагою рѣками заключается. Иногда прикочевываютъ они и ближе къ Камчаткѣ, особливо когда есть опасность отъ Чукочь, бѣдственныхъ ихъ непріятелей, однакожъ рѣдко. И такъ въ сосѣдствѣ имѣютъ они съ одну сторону Камчадаловъ, съ другую Чюкочь, съ третью Юкагирей, а съ четвертую Тунгусовъ или Ламутокъ.

Есть

Есть ли Чукоцкой народъ причислить къ Корякамъ, какъ то учинить должно по самой справедливости, ибо и Чукчи сущіе Коряки, то Коряцкіе предѣлы гораздо далѣ распространятся; потому что Чукчи не токмо живутъ далѣ Анадыря къ сѣверу въ такъ называемомъ Чукоцкомъ носу, но и по островамъ около лежащимъ. Въ семъ случаѣ Анадырь рѣка какъ граница между Коряками подданными Россійскими и немирными Чукчами; для того что наши Коряки не живутъ далѣ Анадыря къ сѣверу, а Чукчи къ югу: однако Чукчи часто переходятъ сію границу, и раззоряютъ нашихъ Корякъ, убивая, отводя въ плѣнъ, и табуны оленьи отгоняя. Въ лѣтнее время промышляютъ они рыбу и по самой рѣкѣ Анадырю не токмо близъ устья, но и въ верхъ по ней на знатное разстояніе отъ моря, такъ что нашимъ Анадырскимъ жителямъ часто съѣжжаться съ ними случается не безъ опасенія.

Коряцкой народъ по разности житія разнствуетъ и тѣлеснымъ видомъ. Оленные Коряки, сколько мнѣ случалось видѣть, росту малаго, сухощавы; головы у нихъ посредственныя, волосы черные, которые ежедневно брѣютъ; лица продолговаты и нѣсколько клиномъ; глаза узкіе и малые, брови навислыя; носы короткіе, однако не столь плоски, какъ у Камчадаловъ, ротъ большой; бороды клиномъ черныя, которыя выщипываютъ часто. Напротивъ того сидячіе Коряки хотя и невеликорослы, однако толсты и присадисты, особливо которые живутъ далѣ къ сѣверу, въ чемъ Чукчи предъ другими имѣютъ преиму-



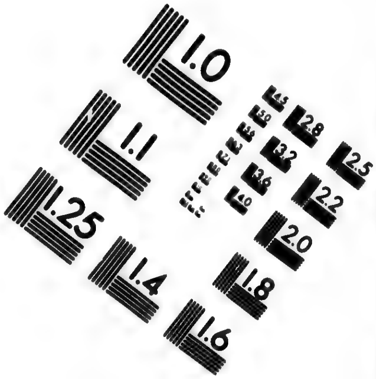
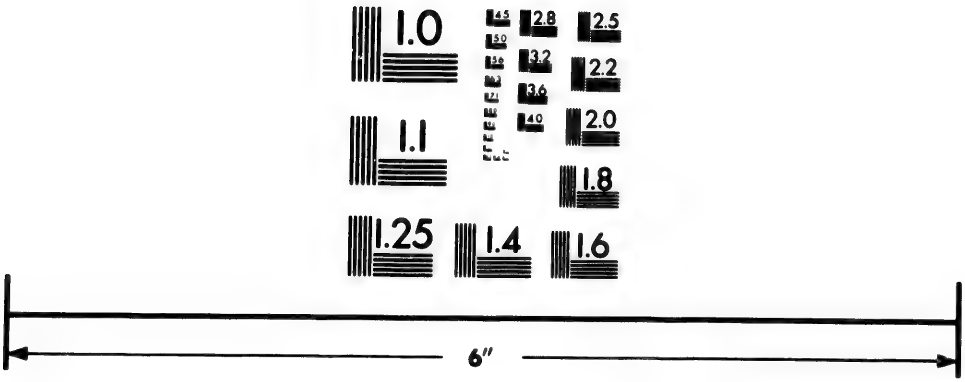
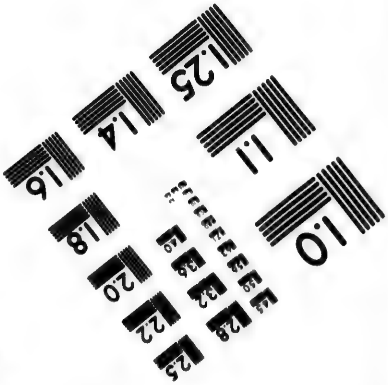


IMAGE EVALUATION TEST TARGET (MT-3)





Photographic Sciences Corporation

23 WEST MAIN STREET
WEBSTER, N.Y. 14580
(716) 872-4503

щество, чего ради и больше сходны съ Камчадалами.

Есть же между ими разность и въ разсужденіи склонностей и обычаевъ. Оленные Коряки пребезмѣрно ревнивы, такъ что можетъ убить жену за одно только подозрѣніе, а когда приличится въ прелюбодѣяніи, то лишаются живота оба прелюбодѣйцы; чего ради Корядкія женщины всѣми мѣрами стараются придать себѣ безобразія: не моютъ ни лица, ни рукъ: волосовъ, которые плетутъ въ двѣ косы, и по вискамъ распускаютъ, никогда не чешутъ; на верху носятъ платье гнусное, ветхое и залосклое, а подъ исподомъ хорошее: ибо и въ томъ у нихъ подозрѣніе, когда женщина ведетъ себя почище, а особливо когда надѣваетъ сверху новое и незагаженое платье. На чтобъ, говорятъ Коряки, имъ краситься, когдабъ не желали они другимъ казаться хорошими: ибо мужья и безъ того ихъ любятъ. Напротивъ того у Сидячихъ Корякъ, а наипаче у Чукочь, вящшая дружба состоитъ въ томъ, когда вз им о пріѣжжая другъ къ другу, гости спятъ съ женами или дочерями хозяйскими, на которое время хозяинъ нарочно отлучается, или отъѣжжаетъ къ женѣ своего гостя. Несносная обида хозяину, когда гость съ женою его не пребудетъ: ибо въ такомъ случаѣ можетъ онъ убитъ быть, какъ гнушающійся пріязнію хозяина, что съ нашими Анадырскими казаками, которые оныхъ обрядовъ ихъ не знали, случалось, какъ сказываютъ, не однократно. Чего ради и женщины ихъ по своему обыкновенію щеголять стараются: бѣлятся и румянятся

нятся, носятъ хорошее платье; а Чукоцкія сверьхъ того разшиваютъ узорами не токмо лица, но лядвѣи и руки: ибо они дома сидятъ нагія, хотя бы притомъ случились и стоpонніе люди.

Всѣ вообще прегрубые, сердитые, несклонные, злопамятные и немилосердые люди. А Оленные притомъ горды и хвастливы, такъ что они никому въ томъ не вѣрятъ, что есть въ свѣтѣ благополучнѣйшее житіе человѣческаго состоянія, и почитаютъ такихъ за сущихъ лжецовъ и обманщиковъ, что случалось часто съ нашими купцами въ проѣздѣ изъ Якуцка на Камчатку чрезъ Анадырскъ, которымъ они вмѣсто улики дѣлали язвительныя возраженія: Есть ли бы, говорили Коряки, житье у васъ было лучше нашего, то бы де вы такъ далеко къ намъ не ѣздили, какъ намъ нѣтъ нужды къ вамъ ѣздить, для того что у насъ всего довольно; а то де можно видѣть, что вы пріѣжжаете къ намъ для одной жирной оленины, которой де вамъ во всю жизнь вашу нигдѣ индѣ и видать не случается.

Немалой поводъ къ спеси дается имъ и отъ Корякъ сидячихъ, которые ихъ боятся и почитаютъ, такъ что хотя бы пастухъ къ нимъ пріѣхалъ, всѣ выбѣгаютъ вонъ изъ юрты, встрѣчаютъ, довольствуютъ, провожаютъ, и сносятъ всякую обиду, какую бы ни показалъ Коряка. Не слыхалъ я такихъ примѣровъ, чтобъ Сидячіе убили когда Оленнаго Коряка, чего ради Ясашные наши зборщики къ Олюторамъ никогда безъ нихъ, какъ безъ надежной обороны, не ѣздятъ: въ противномъ же случаѣ нерѣдко отъ несовершен-

но покоренныхъ бываютъ убиваемы; и сіе тѣмъ наипаче удивительно, что Сидячіе Коряки гораздо сильняе Оленныхъ и отважнѣе. Но сего почтенія и опасности кажутся мнѣ двѣ причины: 1) застарѣлой обычай почитать и служить богатымъ, которой они можетъ быть имѣли будучи сами Оленными, такъ какъ и нынѣ убогіе Оленные Коряки. 2) Что они получая отъ Оленныхъ Корякъ все свое одѣяніе, раздражить ихъ опасаются, чтобъ не претерпѣть холоду.

Оленные Коряки всѣхъ ихъ называютъ своими холопами, а особливо Олюторовъ: ибо Олюторы испорченное имя изъ Коряцкаго *Алютоклаулъ*, что значитъ холопа. Да и сами Сидячіе Коряки почти отъ того не отрекаются. Одни Чукчи ихъ не почитаютъ, но вмѣсто того столь имъ ужасны, что дватцети человѣкамъ Чукочь пятдесятъ Оленныхъ Корякъ противиться не отважутся, и ежели бы не было имъ защищенія изъ Анадырска, то бы Чукчи раззорили ихъ до основанія, и изъ господъ всѣхъ бы претворили въ холопей, лиша табуновъ ихъ, принудя жить въ земляныхъ юртахъ, и питаться кореньемъ и рыбою, по примѣру Сидячихъ Корякъ, какъ то въ 1738 и 1739 годахъ учинили они съ Капыркинскими и Апукинскими Коряками. Впрочемъ какъ всякой народъ имѣетъ предъ другимъ въ чемъ ни будь преимущество, такъ и у Корякъ сіи особливыя отъ Камчадаловъ добродѣтели, что они правдивы и трудолюбивы, знаютъ стыдъ, и отъ блудодѣянія удаляются, хотя можетъ быть и по неволѣ.

Сколько

Сколько родовЪ ОленныхЪ КорякЪ и сколько числомЪ ихЪ, о томЪ на КамчаткѢ не вѣдомо, потому что они подсудны Анадырскому острогу, однако думать можно, что сей народЪ купно сЪ Сидячими, многочисленнѣе КамчадаловЪ.

Живутъ по такимЪ мѢстамЪ, гдѢ моху довольно, которымЪ питаются олени ихЪ, не взирая на то, что водою и лѢсомЪ скудно, а наипаче вЪ землнее время: ибо они снѢгЪ тогда вмѢсто воды употребляютЪ, а варятЪ мохомЪ или сырымЪ сланцомЪ, котораго вездѢ довольно. Я могу сказать, что зимнее ихЪ житье вЪ разсужденіи Камчатскаго гнусно и безпокойно. ВЪ юртахЪ, сЪ которыми они часто кочуютЪ, отЪ сырыхЪ дровЪ, и отЪ того, что земля отЪ огня таетЪ, до самаго полу такой дымЪ, что человѢка на другой сторонѢ не можно видѢть, а при томЪ столь ѢдкоЙ, что непривычной глаза потеряетЪ вЪ одинЪ день. Я не могЪ пробыть у нихЪ ни пяти часовЪ: и хотя между тѢмЪ отЪ дыму часто выходилЪ вонЪ изЪ юрты, однако безЪ глазной болѢзни не обошелся.

Юрты у нихЪ подобны юртамЪ другихЪ КочевныхЪ народовЪ, каковы напримѢрЪ Калмыцкія, токмо гораздо меньше. Зимою покрываютЪ ихЪ олеными новыми кожами для тепла, а лѢтомЪ старыми ровдугами, которыя юртовыя крышки чумами называются. Внутри юртЪ ихЪ нѢтЪ никакихЪ половЪ ни перегородокЪ, токмо по срединѢ четыре кольшка сЪ поперечинами вколочены, между которыми огнище. КЪ кольшкамЪ обыкновенно привязываются сабаки, кото-

рыя

рыя во время стряпанья и изъ котловъ мясо таскаютъ, и съ лотковъ, когда оное вынимается, не смотря на то, что хозяйки бьютъ ихъ уполовникомъ и отнимаютъ. При чемъ сіе можно утвердить за истинну, что крайней голодъ человѣку надобенъ, чтобъ ѣсть мясо ихъ варенія. Котелъ и лотки у нихъ вмѣсто мытья сабаки лижутъ; бабы и сабакъ бьютъ уполовникомъ и въ котлѣ мѣшаютъ; мясо немытое въ шерсти какъ въ кожѣ, а о чистотѣ стряпающихъ и упоминать нѣчего.

Чукоцкія зимнія юрты въ разсужденіи копати не лучше Корякцкихъ, однако въ томъ имѣютъ преимущество, что весма теплы. Дѣлаются на подобіе Камчатскихъ въ землѣ, но несравненно больше: ибо живутъ въ нихъ по множеству народа. Каждая семья имѣетъ особливой свой пологъ изъ оленьихъ кожъ, въ которыхъ пологахъ и сидятъ и спятъ. Во всякомъ пологу денно и ночно огонь горитъ въ поставленной среди полога плошкѣ. Жгутъ жиръ различныхъ морскихъ звѣрей, а вмѣсто свѣтильни мохъ употребляютъ. И хотя для выходу копоти оставляется на верху продушина, однако такой же дымъ бываетъ, какъ въ Корякцкихъ юртахъ, но притомъ столь тепло, что въ холодныхъ оныхъ и самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ бабы сидятъ всегда нагія, какъ выше показано, прикрывъ токмо срамъ свой пятою, красуясь узорами на тѣлѣ, какъ бы богатымъ или покойнымъ платьемъ.

Платье всѣ носятъ изъ оленьихъ кожъ, въ которомъ нѣтъ никакой отмѣны отъ Камчатскаго: ибо и Камчадалы отъ нихъ же получаютъ оленье платье, какъ уже выше объявлено. Пища-

Чукотскія бабы

Питаются оленьимъ мясомъ, которыхъ у богатыхъ Корякъ тысячь по десяти, по тритцети и больше, а у Тоіона Этеля Соплякова сына до 100000 считаютъ; однако при всемъ томъ они столь скупы, что оленя для себя убить жалѣютъ, а довольствуются звѣроядиною и мертвечиною, чего въ такомъ великомъ множествѣ случается со излишествомъ. Росхожимъ гостямъ не стыдятся они говорить, что у нихъ подчивать нѣчемъ, для того что по ихъ нещастію олени у нихъ не падутъ, и отъ волковъ не давятся. Для другихъ убиваютъ оленей, и въ то только время сами до сыта наѣдаются. Впротчемъ они не доятъ своихъ оленей, и молокомъ пользоваться не знаютъ.

Ѣдятъ наибольше вареное мясо, а за излишествомъ сушатъ и коптятъ въ юртахъ. Лучшая у нихъ пища *Ямгаю*, которая слѣдующимъ образомъ пріуготовляется: Когда убиваютъ оленя, тогда кровь изъ него вливаютъ въ желудокъ съ каломъ, и положа оленьяго жиру сбиваютъ вмѣсто, и нѣсколько времени квасятъ, послѣ того коптятъ, и ѣдятъ вмѣсто калбасъ копченыхъ. Казаки называютъ оную пищу Маняломъ, и многіе ѣдятъ похваляя. Ѣдятъ же Коряки и другихъ звѣрей, какихъ ни промыслятъ, кромѣ сабаки да лисицы.

Травъ, коренья и коры съ деревъ не употребляютъ въ пищу, развѣ бѣдные, и то въ случаѣ голоду; рыбу также одни пастухи ловятъ, и то весьма мало. Ягодъ въ зиму не запасаютъ же, но токмо ѣдятъ въ лѣтнее время. Большей сладости въ пищѣ понять не могутъ, какъ голубица толченая съ

оленьимъ жиромъ и сараною. Мнѣ самому случилось видѣть, какъ знатной Корякцкой князецъ, которой пріѣжжалъ въ болшерѣцкой острогъ по случаю, дивился, когда дали ему сахару. Сперва назвалъ онъ его солью, но какъ ему прикушать велѣли, то онъ изумѣлся отъ такой чрезвычайной сладости, и хотѣлъ отвесыти его нѣсколько женѣ своей для опыту, однако не имѣлъ столько терпѣливости, чтобъ не истратить его въ дорогѣ: женѣ своей хотя онъ и клялся, что ему въ Россійскомъ острогѣ дана такая сладкая соль, которой онъ ни къ чему примѣнить не можетъ, однако она ему въ томъ не повѣрила, утверждая, что ничего на свѣтѣ не можетъ быть слаще объявленной толкуши.

Ѣздятъ на оленяхъ токмо въ зимнее время, а лѣтомъ по примѣру Тунгусовъ верьхами, какъ сказываютъ, не умѣютъ ѣздить. Сани называются по ихъ Чучу-уетикъ. Длиною дѣлаются онѣ около сажени. Полозья подъ саньми шириною вершка въ полтретья, токмо у головашекъ, гдѣ загибается, нѣсколько уже. Копылье изъ одного дерева гнутое прямо ставится, выключая передней, которой нѣсколько назадъ наклоняется. При каждомъ копылѣ пришивается поперегъ брусочикъ, на брусочки кладутся во всѣ сани широкія дощечки вмѣсто нащеповъ, которые къ головашкамъ полозья прикрѣпляются. На каждомъ бruскѣ по двѣ дырочки, сквозь которыя во всѣхъ сани батошки продѣваются. Какъ сіи батошки такъ и доски назади изогнуты кверху, и покрыты особливымъ нащепомъ; и такимъ образомъ бываютъ они бутто съ козыремъ,

въ ко-

вЪ которомЪ мѣстѣ сидятЪ обыкновенно женщины.

Впрягаютъ вЪ сани по два оленя. Лямки, которыми они тянутЪ, подобны сабачьимЪ АлакамЪ: надѣваются обоимЪ оленямЪ на правую лопатку. Праваго оленя потягЪ или ремень кЪ лямкѣ привязанной прикрѣпляется кЪ санной рѣшеткѣ близЪ правой стороны, а послѣ привязывается кЪ лѣвому нащепу, а лѣваго кЪ лѣвой токмо, а за правой нащепЪ не утверждается. ПотягЪ праваго оленя долѣ лѣваго, чего ради правой олень не много впереди ходитЪ, а оба по лѣвую сторону саней.

Узды олены подобны обратамЪ конскимЪ. У узды праваго оленя бываетЪ на лбу по три и по четыре косточки на подобіе коренныхЪ зубовЪ сЪ четырьмя шипами, а накладываются на узду для того, чтобЪ оленя на бѣгу остановить скоряе: ибо вЪ такомЪ случаѣ Коряка крѣпко за узду тянетЪ, а шипами оленя вЪ лобЪ колетЪ и удерживаетЪ отЪ бѣгу. У узды лѣваго оленя нѣтЪ такихЪ зубовЪ, ибо вЪ немЪ нѣтЪ большей силы: ибо когда правой остановится, то не побѣжитЪ и лѣвой.

Коряка сидитЪ на саняхЪ близЪ головашекЪ, и правитЪ ихЪ уздою, когда вправо поворотить надобно, то узду токмо дергаетЪ, а когда влѣво, то хлещетЪ ею оленя по всему боку. ПогоняютЪ ихЪ тонкою палкою длиною аршина вЪ полтора или и долѣ, у котораго на одномЪ концѣ костяная головочка, а на другомЪ крючокЪ. Головочкою оленей бьютЪ, а крючкомЪ отдѣваютЪ потяги, когда оленю заступить случается. Такія палочки по тамошнему ключками называются.

Оленные сани покоряцки Чаучу уетикъ, какъ уже выше объявлено, рѣшетка гыву, брусочки уякау, головки у саней гыпогынтенъ или якыи, копылье гынгу, мѣсто, гдѣ сидятъ женщины, мэингенъ (хвостъ) узда праваго оленя койлгненъ, лѣваго явилиганъ, постяги илгенъ, ключка елбель, головка на ней тымпету, крючокъ на ней же калнкалъ.

Ѣзда на оленяхъ скоряе сабачьей: на хорошихъ можно легко переѣхать въ день полтараста верстъ, токмо часто кормить ихъ должно, и часто останавливать на дорогѣ, что бы мочились; а въ противномъ случаѣ въ одинъ день такъ испортятся, что или къ ѣздѣ будутъ негодны, или издохнутъ.

Оленей къ ѣздѣ пріучаютъ какъ коней. Самцовъ ѣжжалыхъ кладутъ, перекусывая сквозь ровдугу жилы на ядрахъ, а ихъ не вынимаютъ. Олени всѣ вмѣстѣ пасутся, и неѣжжалые и ѣжжалые. Когда Корякѣ надобно однихъ отъ другихъ отдѣлить, то сгоняетъ онъ весь табунъ вмѣсто, и кричитъ изо всего горла кусая ключу свою, отъ котораго крику олени съ возможною скоростію на двое раздѣляются. Ежели которые не въ свою стаю замѣшаются, тѣхъ бьютъ немилосердо.

Есть олени и у сидячихъ Корякъ, токмо у рѣдкихъ и не помногу, а употребляютъ они ихъ токмо для выѣзду. У Чукочь ихъ табуны превеликіе, однако они не взирая на то больше морскими звѣрями питаются. Есть ли Коряка лишится своихъ оленей, то бѣдняе Камчадала бываетъ. Нѣтъ ему другаго способу къ пропитанію, какъ задаться въ пастухи къ бога-

тому

тому: ибо рыбы онъ промышлять не умѣетъ, а хотя бы и могъ по нуждѣ, то не льзя лодками, сѣтьми и сабаками завестися въ скорости, а въ пастухахъ пища ему и платье готовое; притомъ есть ли у него малое число своихъ оленей, то можетъ онъ пасти ихъ съ хозяйскими, и не употребляя себѣ на пищу расплодить со временемъ нарочитое стадо.

Коряки на оленей своихъ и на кожи ихъ вымѣниваютъ у другихъ народовъ самыхъ лучшихъ тамошнихъ дорогихъ звѣрей, которыхъ у многихъ Корякъ такое множество, что возятъ ихъ съ собою чемаданами. Напротивъ того у Сидячихъ Корякъ и Камчадаловъ сотой человѣкъ имѣетъ въ запасѣ лисицу или соболя.

Въ разсужденіи вѣры своей Коряки такіежъ невѣжды, какъ Камчадалы, буде не хуже: по крайней мѣрѣ тотъ Князецъ, съ которымъ мнѣ случилось разговаривать, не имѣлъ о богѣ понятія. Дьяволовъ, которыми населены по ихъ мнѣнію рѣки и горы, почитаютъ больше для того, что ихъ боятся Сидячіе Коряки признаваютъ богомъ Камчатскаго Кута.

Жертву приносить уреченнаго времени не имѣютъ, но когда имъ вздумается, тогда убиваютъ оленя или сабаку, которую со всѣмъ на колъ втыкаютъ, и оборачиваютъ лицемъ къ востоку; а отъ оленя одну голову да часть языка. Но кому сію жертву приносятъ, сами не знаютъ, токмо приговариваютъ Ваіо койнгъ якнилалу гангева, то есть: на тебѣ, да и намъ что ни будь пошли. Котораго оленя или сабаку отсулятъ бѣсамъ, тѣхъ убивъ повергаютъ со всѣмъ на землю.

 Горамъ

Горамъ и рѣкамъ, гдѣ по ихъ суевѣрію живутъ діаволы, жертву даютъ тогда, когда случается проходить мимо ихъ. Не дошедъ за нѣсколько колютъ оленя, и съѣдаютъ, а головную голую кость взоткнувъ на колъ оборачиваютъ къ мнимому дьявольскому жилищу.

Ежели Коряки убѣгаютъ отъ какой нибудь болѣзни, которая имъ опасна покажется; то убиваютъ они сабаку, и растянувъ на дву шестахъ черéва ея межъ нихъ проходятъ.

При жертвоприношеніи шаманы или волхвы ихъ бьютъ въ бубны, которые подобны Якутскимъ и другихъ тамошнихъ Языческихъ народовъ. Но платья особливаго не имѣютъ шаманы, какъ у прочихъ Язычниковъ. Есть же шаманы и у Корякъ Сидячихъ, которые почитаются и за лѣкарей: ибо они бьютъ въ бубны и въ случаѣ болѣзней, чемъ оныя по ихъ суевѣрію отгоняются. Впротчемъ сіе весьма удивительно, что нѣтъ такого дикаго народа, въ которомъ бы шаманъ не лукавѣе другихъ былъ. 1739 году случилось мнѣ видѣть въ Нижнемъ Камчатскомъ остро́гѣ славнаго Укинскаго шамана именемъ Карымляча, котораго не токмо тамошніе язычники, но и казаки за великаго знатока почитаютъ, наипаче для того, что онъ колетъ себя ножемъ въ брюхо и пьетъ кровь свою: однако все оное было толь грубой обманъ, что всякому бы можно было примѣтить, есть ли бы кто не былъ ослѣпленъ суевѣріемъ. Сперьва билъ онъ нѣсколько времени въ бубенъ на колѣняхъ стоя, по́слѣ того ножемъ кололъ себя въ брюхо, и выманивалъ рукою кровь изъ раны, коей не было: наконецъ таскалъ

скалЪ изЪ подЪ шубы по цѢлой горьсти крови, и ѢлЪ облизывая персты. Я между тѢмЪ довольно смѢялся, что онЪ свое дѢло такЪ худо знаетЪ, что кЪ нашимЪ Ташеншпилерамъ не годится и вЪ школу. НожЪ, которымЪ онЪ колоть себя притворялся, спускалЪ онЪ внизЪ по брюху, а кровь вынималЪ изЪ пузыря, которой былЪ подЪ пазухою. По окончаніи шаманства надѢялся онЪ насЪ привесть вЪ удивленіе, чего ради поднялЪ свою куклянку, и показалЪ кровью вымараное брюхо увѢряя насЪ, что кровь оная, которая была изЪ нерпы, текла изЪ его брюха, а рану изцѢлилЪ онЪ своимЪ шаманствомЪ. ПритомЪ сказывалЪ намЪ, что дьяволы приходятЪ кЪ нему изЪ различныхЪ мѢстЪ и вЪ различномЪ видѢ: иные изЪ моря, иные изЪ горѢлой сопки, иные большіе а иные малые, иные безрукіе, иные обгорѢлые, а другіе о полубокѢ. Морскіе прочихЪ богатѢе и вЪ платьѢ изЪ травы шелковника здѢланномЪ, которая по рѢкамЪ роститЪ: а онЪ ихЪ какЪ во снѢ видитЪ, для того что, когда они приходятЪ кЪ нему, тогда мучатЪ его столь жестоко, что онЪ бываетЪ почти внѢ ума.

Ежели такой шаманЪ больнаго лѢчитЪ, то по шаманствѢ предписываетЪ, чѢмЪ болящему выпользоваться можно: иногда приказываетЪ ему убить сабаку, иногда ставитЪ внѢ юрты прутье и другія тому подобныя бездѢлицы. СабакЪ вЪ такомЪ случаѢ колютЪ вЪ бокЪ ножемЪ или копьями, а держатЪ ихЪ по два человѢка одинЪ за голову, а другой за хвостЪ. УбитыхЪ втыкаютЪ на колЪ, и ставятЪ оборотя лицемЪ кЪ горѢлой сопкѢ.

Олен-

Оленные Коряки не имѣютъ праздниковъ, а Сидячіе празднуютъ въ одно время съ Камчадалами, но кому и для чего, столь же мало вѣдаютъ, какъ и Камчадалы. Вся притчина состоитъ въ томъ, что предки ихъ такъ поступали. Праздникъ недѣли по четыре продолжается; между тѣмъ они ни къ себѣ никого не пускаютъ, ни сами не ѣздятъ, и никакой работы не дѣлаютъ, но ѣдятъ довольно, и веселятся, бросая въ огонь отъ всякой ѣствы по малу въ даръ горѣлой сопкѣ.

Въ другихъ политическихъ дѣлахъ такіежъ они невѣжды, какъ и въ законѣ. Раздѣленіе времени на годы и мѣсяцы имъ неизвѣстно, токмо знаютъ четыре времена въ году, и лѣто называютъ Алáалу, зиму Лáкалянгъ, весну Кúткетикъ, а осень Гéпига. Вѣтрамъ не болѣе какъ четыремъ имѣютъ названія: Восточной вѣтръ по ихъ Кóнгекатъ, Западной Гéипевкыгъ, Сѣверной Гычиголыіоіоа, Южной Еýтелыіоіоа. Изъ звѣздъ знаютъ большáго медвѣдя, котораго называютъ дикимъ оленемъ на ихъ языкѣ *Елуе-кыйнгъ*, Плеады или утячье гнѣздо *Атáга*; Оріонъ *Юлтаутъ* криво уронилъ; Юпитеръ *Ичúпаламахъ* красная стрѣла; Млечной путь *Чигéй-паемъ* древяная рѣка.

Разстояніе мѣстъ считляютъ по днямъ, такъ какъ Якуты по днищамъ, то есть, въ сколько дней отъ одного до другаго мѣста перекочевать можно, а на каждой день можно положить отъ тритцети верстъ до пятидесять. У богатыхъ разстояніе одного дня больше, нежели у бѣдныхъ: для того что они надѣются

тѣмъ

тѣмъ доказать, что у нихъ лошади или олени хорошіе, когда они со всѣми своими тяжестьми и съ домомъ столько могутъ переѣхать, сколько бѣдные налегкѣ, по притчинѣ худыхъ лошадей или оленей.

Владѣльцовъ до покоренія Россійскому скипетру у нихъ не было, но тотъ власть нѣкоторую имѣлъ, которой былъ оленьми богатѣе: чего ради и не знали они до тѣхъ поръ, что есть присяга. Казаки приводятъ ихъ къ присягѣ вмѣсто Креста и Евангелія къ ружейному дулу съ такимъ объявленіемъ, что тому не миновать пули, кто присягаетъ не искренно. Такимъ же образомъ и сумнительныя дѣла рѣшатся: ибо виноватой будучи увѣренъ, что заряженое ружье убьетъ за неправду, охотнѣе признавается, нежели предается въ чаемую опасность жизни. Въ другихъ случаяхъ клятвы у нихъ нѣтъ больше, какъ *Йнмоконъ кеимъ метынметикъ*, то есть правда, что я тебѣ не солгу.

Учтивства въ словахъ и поздравленія не знаютъ, гостей, кто къ кому пріѣдетъ, не встрѣчаютъ, но поступаютъ съ ними, какъ большіе господà съ подчиненными. Гость выпрегши своихъ оленей сидитъ на саняхъ ожидая хозяйскаго повелѣнія войти въ его юрту какъ на аудіэнцію, однакожъ соизволеніе хозяйское не отъ самаго хозяина объявляется, но отъ жены его такими словами: Елко, то есть въ юртѣ, или хозяинъ дома. Какъ гость такимъ образомъ встрѣченный войдетъ, то хозяинъ сидя на своемъ мѣстѣ говоритъ ему, *коіонъ* (сюды); потóмъ указываетъ мѣсто, гдѣ сѣсть, съ такимъ учтивствомъ, *катпáганъ* садúсь.

Ф Въ

Въ подчиваньѣ гостей наблюдаютъ токмо то, чтобъ ихъ удовольствовать, а по Камчатскому обычаю не поступаютъ, чтобъ гостей принуждать къ объяденію. Лучшее кушанье жирное мясо и маняло: и сіе не недостойно примѣчанія, что всѣ дикіе и кочевные народы жиръ почитаютъ за пріятнѣйшее кушанье. Якутъ дастъ себѣ глазъ выколоть за жирную кобылятину, а Чукча за жирную сабаку. Якутъ хотя вѣдаетъ, что лишится всего имѣнія, ежели украдетъ скотину, однако не взирая на то не удержится отъ жирной кобылы, и въ случаѣ нещастія тѣмъ утѣшается, что онъ ѣдалъ жирную кобылятину.

Воровство во всѣхъ дикихъ народахъ кромѣ Камчадаловъ похвально, только бы оно было не въ своемъ родѣ, и такъ искусно, чтобъ не быть поиманнымъ; въ противномъ случаѣ поступается жестоко, не за кражу, но за неумѣніе. Чукоцкая дѣвка не можетъ себѣ получить мужа, ежели въ воровствѣ не окажетъ искусства.

Смертноубивство въ своемъ же родѣ токмо опасно, для того что сродники не оставляютъ убіеннаго безъ отмщенія, а впротчемъ никому до того нѣтъ нужды. Убійцы тѣмъ великодушнѣе, что не знаютъ о будущемъ воздаяніи.

Всего достохвальнѣе въ семъ народѣ то, что они дѣтей своихъ хотя и чрезмѣрно любятъ, однако издѣтска къ трудамъ пріучаютъ; чего ради и содержатъ ихъ не лучше холопей, посылаютъ по дрова и по воду, приказываютъ на себѣ носить тяжести, пасти оленьи табуны и другое тому подобное дѣлать.

Женятся

Женятся богатые на богатыхъ, а скудные на скудныхъ, не взирая на разумъ и на пригожство. Женъ берутъ наиболѣе изъ своего роду, двоюродныхъ сестръ, тетокъ и мачихъ, токмо не женятся на матеряхъ, на родныхъ дочеряхъ, на родныхъ сестрахъ и на падчерицахъ. Невѣстъ хватаютъ по Камчатски, чего ради и малолѣтныхъ, которые не могутъ хватать невѣсты, не женятъ.

Жениху, каковъ бы кто богатъ оленьми ни былъ, должно работать за невѣсту отъ 3 до 5 лѣтъ, между тѣмъ вмѣстѣ имъ спать дозволяется, хотя невѣста и не схватана, въ протчемъ она до совершенія брачной ихъ церемоніи для обряду бываетъ по надлежащему опутана. При свадьбахъ не бываетъ у нихъ никакихъ обрядовъ достойныхъ примѣчанія.

Женъ имѣютъ по двѣ и по три, и содержатъ ихъ по разнымъ мѣстамъ давъ пастуховъ и табуны особливые. Все удовольствіе жизни въ томъ полагаютъ, чтобъ переѣжжая съ мѣста на мѣсто осматривать скотъ свой. Притомъ сіе весьма удивительно, что Коряка счету почти незнающей въ великомъ множествѣ оленей тотъ часъ примѣтитъ уронъ свой, и скажетъ, какого оленя нѣтъ и какою шерстью.

Наложницъ у нихъ нѣтъ, токмо нѣкоторые содержатъ коекчучей, которые по ихъ Кеіевъ называются, однако не въ чести, какъ Камчадалы, но въ презрѣніи: ибо у Корякъ за великую брань почитается назвать кого *Кеіепъ*.

Сидячіе Коряки по странному своему суевѣрію имѣютъ вмѣсто женъ простые камни: одѣваютъ ихъ въ платье, кладутъ спать вмѣстѣ, и временемъ шутятъ съ ними, и забавляютъ, какъ бы чувствующихъ забавы. Такихъ два камня получилъ я отъ Укинскаго жителя Окерача, одинъ изъ нихъ, которой называлъ онъ женою, былъ больше; а другой, которой сыномъ, былъ меньше. большему имя Ййтель-камакъ (цѣлительной камень), а другому Калкакъ. А какимъ случаемъ и по какой причинѣ понялъ онъ такую достойную жену, разсказывалъ онъ мнѣ слѣдующее обстоятельство: Лѣтъ за десять былъ онъ въ огноицѣ немалое время; между тѣмъ будучи на рѣкѣ Адкѣ, которая течетъ въ Уку съ южно-западной стороны отъ устья Уки въ 10 верстахъ, нашелъ онъ помянутой большей камень токмо одинъ, и какъ взялъ въ руки, то камень на него будто человѣкъ дунулъ. Онъ испужавшись бросилъ камень въ воду, отъ чего болѣзнь его такъ усилилась, что онъ лежалъ все то лѣто и зиму. На другой годъ принужденъ онъ былъ искать съ великимъ трудомъ объявленнаго камня, и нашелъ его не въ томъ уже мѣстѣ, гдѣ бросилъ, но далеко оттуду лежащей на плитѣ купно съ Калкакомъ или съ малымъ камнемъ, которые онъ взявъ съ радостію принесъ въ острогъ свой, и здѣлавъ имъ платье отъ болѣзни избавился, и съ того времени держитъ онъ ихъ у себя, и любитъ каменную жену паче настоящей, а Калкака всегда беретъ съ собою въ дорогу и на промыслы. Правда ли то, что каменная жена миляе ему настоящей, утверждать не льзя; впротчемъ

чемъ то могу сказать, что онъ камни отдалъ мнѣ не съ охотою, не взирая на мои подарки; ибо говорилъ онъ, что онъ лишаяся ихъ лишается купно и здравія, которое отъ нихъ зависѣло.

Дѣтей своихъ безмѣрно любятъ, однако съ младенчества не нѣжатъ, какъ ужѐ выше объявлено. Какъ скоро родятся, то богатые отдѣляютъ имъ нѣсколько оленей на ихъ щастіе, которыми однакожъ не могутъ дѣти пользоваться до возраста совершеннаго.

Младенцамъ даютъ имена старыя бабы съ слѣдующимъ колдованіемъ: Ставятъ двѣ палочки, и перевязываютъ ниткою, на срединѣ вѣшаютъ на ниткѣжъ камень обшитой въ кожу каменнаго барана, а притомъ невѣдомо что шепчутъ, и спрашиваютъ у камня, какъ звать младенца, напоминая имена его сродниковъ, и на которомъ имени покачается камень, то бываетъ младенцу и имя.

Имена мужескія.	Имена женскія.
Áйга.	Я́кыти, головки у саней.
Ля́ктеле, возвращенъ.	Ямга, моровое повѣтріе.
Кыя́угынгенъ, пробужденъ.	Ю́имачь.
Ге́йчале.	Э́кымъ.
Ве́лля, воро́на.	Ва́галъ.
У́ммевы.	Ке́піонъ.
Я́каякъ, Чайка.	Каля́янъ.

родильницы дней по десяти не выходятъ изъ юрты и не кажутся. При кочеваньѣ возятъ ихъ въ саняхъ закрытыхъ. Дѣтей кормятъ грудью до трехъ лѣтъ и больше, а послѣ пріучаютъ къ мясу. Колыбелей и пеленокъ не знаютъ, но кладутъ ихъ на землѣ, а во время кочеванья возятъ ихъ за плечами и за пазухой.

Съ болящими водятся прилѣжно. Всѣ болѣзни шаманы лѣчатъ, какъ выше показано, а травами пользоваться не знаютъ.

Умершихъ тѣла сожигаютъ съ нижеписанными обрядами: Сперьва наряжаютъ ихъ во все ихъ лучшее платье, и отвозятъ на мѣсто сожженія на тѣхъ оленяхъ, кои по суевѣрію ихъ умершимъ любы, кладутъ съ ними на великой костеръ дровъ всю збрую ихъ военную и домашную, то есть, копья, сайдаки, стрѣлы, ножи, топоры, котлы и прочая и зажигаютъ. Между тѣмъ, какъ костеръ горитъ, колютъ они оленей, на которыхъ привозятъ мертвыхъ, и съѣдаютъ, а остатки въ огонь бросаютъ.

Любимыми оленьми почитаются, которые будучи впряжены въ сани перевозятъ ихъ чрезъ нарочно подложенной колъ безъ скрыпу полозья. Такимъ образомъ перемѣняютъ они подъ умершимъ паръ по десяти оленей избирая угодныхъ. Лямки такимъ оленямъ кладутъ на лѣвыя плеча а не на правыя, какъ сами ѣздятъ.

Поминовеніе усопшимъ бываетъ токмо однажды, спустя годъ по смерти ихъ. Сродники ихъ берутъ съ собою двухъ каргинъ, то есть нѣжжалыхъ оленей и

великое

великое множество оленьихъ роговъ, которые во весь годъ нарочно копятъ, и пришедъ на мѣсто сожженія, или на другое какое высокое мѣсто, когда мѣсто сожженія въ дальнемъ разстояніи, закалаютъ каргины и съѣдаютъ, а рога втыкаютъ въ землю, которые шаманъ во образъ табуна отсылаетъ къ умершему. При возвращеніи въ домы проходятъ между двумя прутами, которые ставятся нарочно для очищенія, и шаманъ стоя при нихъ бьетъ проходящихъ прутомъ же оттоваривая, чтобъ умершіе ихъ къ себѣ не брали.

Что касается до другихъ обстоятельствъ и житія сего народа, то нѣтъ между ими и Камчадалами разности. Военное ихъ ополченіе, збруя, труды мужескіе и женскіе во всемъ сходствуютъ: ибо и Коряки по большей части нечаянно нападаютъ на своихъ непріятелей, и военное ихъ оружіе состоитъ въ лукахъ, стрѣлахъ и копьяхъ, которые прежде сего изъ костей же и изъ камней дѣлали; и женщины ихъ въ такихъ же трудахъ упражняются какъ Камчадалки: ибо на нихъ лежитъ вся кожевная, портная и сапожная работа, токмо Коряцкія бабы и ѣсть варятъ, чего Камчадалки не дѣлаютъ. Кожи выдѣлываютъ онѣ лучше и мяхче Камчатскаго, а вмѣсто икры намазываютъ ихъ оленьимъ каломъ. Шьютъ оленьими становыми жилами. X

Оленьимъ кожамъ какъ отъ Россіянъ, такъ и отъ Корякъ разныя названія: Рослыя кожи Россіане постелями, а Коряки наминъ называютъ. Кожи большихъ оленей осенніе по Россійски недоросыли, а по Коряцки Гаингай-нагланъ; кожи телячьи, то есть, молодыхъ

дыхъ оленей по Россійски пыжики, а по Коряцки хаюйналгамъ. Кожи выпоротыхъ оленей изъ брюха по нашему выпоротки, а по ихъ кілкаюналганъ, замша по Россійски ровдуга, а по Коряцки начеиганъ.

Главная разность сего народа отъ Камчадаловъ состоитъ въ языкѣ, въ которомъ по численію господина Стеллера три діалекта: перьвымъ діалектомъ или коренным языкомъ говорятъ Сидячіе Коряки у Пенжинскаго моря и Оленные; и сей языкъ выговаривается мужественно и крѣпко. Другой діалектъ, которой употребляется у Олюторовъ, и отъ Россіянъ вторымъ морскимъ Коряцкимъ языкомъ называется, весьма крѣпче помянутаго. Третей Чукоцкой, которой выговаривается лехче, мяхче и съ свистомъ. Впротчемъ между всѣми діалектами такое сходство, что Коряки, Чукчи и Олюторы безъ труда другъ друга разумѣть могутъ.

Но есть ли Олюторской діалектъ почесть за особливой, то столько почти будетъ діалектовъ въ Коряцкомъ языкѣ, сколько острожковъ: ибо нѣтъ такого острожка, въ которомъ бы не было противъ другихъ знатной отмѣны; такимъ образомъ Укинской, Карагинской, островной Карагинской и Чендонской могутъ назваться особливыми діалектами. Я за коренной Коряцкой языкъ почитаю тотъ, которымъ говорятъ Оленные Коряки, для того что въ немъ ни гдѣ нѣтъ большей разности, какъ можно видѣть въ собраніи Коряцкихъ словъ подъ литерами А и Б. О прочихъ можно вообще сказать, что Сидячіе Коряки чемъ далѣ живутъ къ сѣверу, тѣмъ чище говорятъ

рятъ по Корядки, а чемъ далѣ къ югу, тѣмъ больше Камчатскихъ словъ употребляютъ, и больше имѣютъ разности въ окончаніяхъ.

Для удовольствія любопытныхъ читателей прилагается собраніе словъ разныхъ Корядкихъ нарѣчій. Подъ литерою А содержатся слова Оленныхъ Корякъ, которые живутъ въ Сѣверѣ. Подъ литерою б слова Оленныхъ же Корякъ, которые не въ давные годы лишась табуновъ своихъ поселились на рѣкѣ Авачѣ. Подъ литерою В слова сидячихъ Корякъ; которые живутъ на Укѣ рѣкѣ, а подъ литерою Г слова островныхъ Карагинцовъ. При чемъ надлежитъ вѣдать 1.) гдѣ пишется глаголь съ палочкою на верху (г̄), тамъ оной произносить должно какъ g латинское. 2.) Гдѣ противъ словъ столба А въ столбѣ б, или противъ словъ столба В въ столбѣ Г ничего не писано, но токмо точки поставлены, тамъ сходство въ словахъ разумѣется.

Собраніе словъ различныхъ Корядкихъ нарѣчій

	А	б	В	Г
богъ	Анганъ	Куйкыняху	Куитхунчучь	(не знаютъ)
Дьяволъ	Кала, Янцетыга.	Нингбетынга	Охткана	Нимфитъ
Небо	Іяганъ.	Хаинъ.	Когаль.	Шилхенъ.
Облака	Гингай.	Хетчанъ.	Г̄ычаанг̄ыча.	Шамкажонъ.
Вѣтръ	Кыт[illegible]ъ.	Кытпыхъ.	Шепель.	Тъшхшачганъ.
буря	Катву-гынгай.	Уialъ.		
Дождь	Кумухату.	Мухаиму.	Ечхучь.	Куф[illegible]лкиш[illegible]ъ.
Снѣгъ	Калат[illegible]гъ.	Галаа[illegible].	Болаалъ.	Ганг̄улкыша.
Градъ	Гекле[illegible]нъ.	Никелаун[illegible].	[illegible]акомчу.	Кахохвахпы[illegible]ъ.
Громъ	Кыйг[illegible]ла.	Кукы[illegible]ы[illegible]аа[illegible]ы	Кыпыхличь.	Кгыг[illegible]лъ.
Молнія	Кумылгылатъ.	. . . . .	Агремшламчь.	Милхжеличь.

	А	б	В	Г
Солнце	Тыйтыку.	. . .	Кулéачь.	Шаргалхъ.
Луна	Гейлыгенъ.	. . .	Дыкуеа-кулеачь.	Шигалхъ.
Звѣзда	Делятичанъ	. . .	Еженичь.	Енгышъ.
День	Галуй.	. . .	Галéлъ.	Гелýхтатъ.
Ночь	Чикийныкъ.	. . .	Аыкуиль.	Тéнкиты.
Утро	Якамитыкъ.	. . .	Аймколель.	Тушийнтнифкъ
Полдень	Гитоба-талу.	. . .	Куннýхилечьки.	Хну-телýхтатъ
Вечеръ	Ангевин е.	Áивынгытъ.	Áаатын улъ.	Тингфоутыя.
Полночь	Агýнна-кытпа	. . .	Куннý-дыкуилъ	Хнýу-тенкиты
Годъ	Гивычь	Гевéгынганъ	Колколяхляшъ	Тихáншкикъ.
Земля	Нутéлеканъ	. . .	Бышимтъ	Нутбнютъ.
Гора	Нію	. . .	Енжáлхенъ	Мышáнкофи.
Пригорокъ	Тенýппелаку	Гéнныбетъкыю	Пéкухчудъ	Мигáнклфи.
Огонь	Милы анъ	. . .	Бильгымильчь	Милханулъ.
Дымъ	Ипинъ	Кóнгалатъ	Гáжунгажъ	Трáтка.
Жаръ	Бенеганъ-Гемилгалиц	Вылкавылъ-Гемылгитъ	Дичéмть	Тхáнкалъ.
Вода	Мимель	. . .	Ажамъ	Йинъ.
Поле	Гéчигынъ	. . .	Ашхадъ	
Дорога	Кетзéна	Гéатъ	Шижичь	Шишифи.
Лѣсъ	Ýттумканъ	Ýттуутъ	Ýудъ	Нгуфтлинъ.
Дерево	Ýттепель	Уттуутъ.	Ýа	Нгуфтъ.
Море	Áнканъ	. . .	Éжгу	Нюигенъ.
Озеро	Гыттыгынъ	. . .	Колхъ	Гычь.
Рѣка	Ýемъ	. . .	Кигъ	Гыхыг.
Рѣчка	Кáигоямпиль	. . .	Кигбичукочь	Гыхымтемъ.
Источникъ	Аккáимель	. . .	Кýнчучукочь	Амлáнтеу.
Песокъ	Гéнчаамъ	. . .	Быжымтъ.	ооо
Грязь	Гемéлкенъ	Лáкавелла	Иткáнъ	Áулхафе.
Камень	Гýгунъ	. . .	Куáлъ	ооо
Золото } Серебро }	не знаютъ			

Мѣдь

	А	Б	В	Г
Мѣдь	Теттелу	Тече Пытгунтенъ.	не знаютъ, но все желѣзомъ а называютъ съ прибавленіемъ цвѣту металла, напримѣръ красное, бѣлое и проч. такъ какъ и другіе Коряки.	
Тазовая мѣдь	Утѣлигеля	Нуучелякъ-пылгунтенъ.		
Олово	Отага-пылгунтенъ плавкое желѣзо	. . .		
Свинецъ	Милгама.			
Желѣзо	Пылгунтенъ	. . .	Ралачь [и сіе слово	Валавѣлъ. у нихъ новое]
Сталь	Маль-пылгунтенъ	Ныттаканъ-пылгунтенъ	(не	знаютъ)
Человѣкъ	Уимтатула	. . . .	Келгбла	Ошамчагалъ.
Отецъ	Емписъ	. . . .	Епъ	Папа.
Мать	Елла	. . .	Илà	Елли.
Сынъ	Акыкъ	. . .	Пѣечь	Икуку.
Дочь	Нгавакыкъ	. . . .	Укчипеечь	Гуфикуку.
братъ большой	Енинеція	Енинела	Ечежъ	Енинихщъ.
—— меньшой	Епчанги	Елланги	Елчекочь	Нинихшъ.
Сестра большая	Енинель-чакыгетъ	. . . .	Ечичь	Гуфтюмшъ.
—— меньшая	Ичанги-чакы.	. . .	Ечичекочь	Нинихшъ.
Мужъ	Хуякучь (гетъ	. . .	Кенгиль	Инхелнхылшъ.
Жена	Негуенъ	. . .	Дингычь	Нѣфныхшъ.
Младенецъ	Лобела	Каякымингенъ	Накамхачь	Икукумтъ.
Отрокъ	Каякапиль	. . .	Когамнаханкачь	Уякликафтъ.
Отроковица	Хаянгабакыкъ	Хаянгабыткутъ	Ухчимкачь	Уфталюканъ.
Господинъ	Аймаклау	Аймачанъ	Уижачучь	Афкилтнафа.
Слуга	Уйняпиль	Уинги	Коалу	Мутахтамтъ.
Служанка	Елютенгипъ	Пуельпиль	Охчякоалу	Нгафала.
Голова	Леутъ	. . . .	Колчь	Теннакалъ.
Волосы	Кычигуй	. . .	Челгадъ	Лаухчахъ.
борода	Лелу	. . .	Елунъ	Лилюфъ.
Глаза	Лелатъ	. . .	Еледъ	Еллифа.
Уши	Вилютъ	Вилкги	Илюдъ	Флюфи.
Носъ	Енигыттамъ	. . . .	Каяко	Енку.

	А	б	В	Г
Ротъ	Иквингенъ	. . . . .	Шакша	Шекшенъ.
Губы	Уамвылкалугенъ	. . . . .	Кумоонъ	Ганюлкалъ.
Языкъ	Гіигелъ	. . . . .	Етчилъ	Лакша.
Щоки	Валкалты	Елпу	Епелудъ	Люхлюхуфе
Подбородокъ	Пеее	Кулпынилиту	Пегыша	(не знаютъ)
Плечо	Гелпылгенъ	. . . .	Тенодъ	Тыланкаланъ.
Рука	Маннагылгенъ	. . . .	Шотонгъ	Конменегланъ.
Перстъ	Гелыгатъ	Гелугу	Кикечь	Тылхуфи.
Грудь	Мачу	Уачимъ	У'я	Вашатхашъ.
Сердце	Лингелинъ	. . .	Нугулгу	Лаитага.
Брюхо	Нанканъ	. . . .	Келидка	Нанкнангъ.
Черева	Гигынгъ	. . .	Шигыжидъ	Шихши.
Пузырь	Еттыучиню	. . .	Дыколишъ	Ичичи.
Тайной удъ мужеской	Алка	. . .	Каллака	Елка.
Женской	Ченненъ	. . . .	Копіонъ	Уата.
Спина	Каптынъ	Гіилакъ	Калангъ	Ишкткашъ.
Ноги	Гыткатъ	. . . .	Катхадъ	Хткафе.
Платье руское	Маныгичанъ	. .	Коавыжъ (ихъ шубы)	Кухлянка.
Шапка	Пенке	. . . .	Галалючь	Кехламъ.
Штаны	Хонаиты	. . . .	Куе	Кашкашъ.
Чулки	Памеадъ	. . . .	Пайманъ	Анангпаміафъ.
Торбасы, ихъ обувь	Плаку	. . . .	Чилхенъ	ооо
Острогъ	Уина	. . . .	Шулдъ }	не знаютъ
Заимка	Кайнемпиль	Каинму	Адымчанъ }	
Юрта	Яянга	. . . .	Кистъ	Шиштіу.
Дверь	Тыллатылъ	. . .	Духчечь	Тахшангъ.
Постеля	Аикулъ	. . . .	Лажунчь	Аначь.
Котелъ	Кукеенга	. . .	Кукъ	(не имѣютъ)
Кужня	Хаманга	Уилганъ	Оумбу	Ксо.
Ножъ	Уала	. . .	Уалачь	Валавалъ
Ложка	Уинъ	. . . .	Кептъ	Каликалъ.
Лукъ	Йгитъ	. . . .	Ечетъ	Ишт[illegible].
Стрѣла	Макымъ	. . . .	Калхъ	Макма.
Сани	Уешикъ	. . . .	Шишидъ	Га[illegible]хы.

Лодка

	А	Б	В	Г
Лотка	Аттвутъ	. . .	Котхымъ	ооо
Веревка	Игелытъ	Учигы	Анашелъ	ооо
Топоръ	Аалъ	. . .	Кбашу	ооо
Узда оленья	Хойлгенъ	. . .	(имени нѣтъ)	Ахъ-келкиявель. Тожъ узда сабачья.
Трава	Уиай	. . .	Шилшилъ	Шишишифи.
Корень	Кинмакинъ	. . .	Пынгылдъ	ооо
Листъ	Гутуутъ	. . .	бехлумель	ооо
Мясо	Хойтаулъ	. . .	Талтъ	Тоултулъ.
Рыба	Еннаакъ	Енноенъ	Инчудъ	Тагатага.
Икра	Лелкигенъ	. . .	Куйчунгъ	Лилянтфъ.
Соль	Анкамемиль	новыя имена	не знаютъ	
Вино	Екамемиль	мемїлюгаканъ		
Сытой	Гегеюли	Тынгеїукъ	Тымгауши	Тынтеюкъ.
Голодной	Купилагетъ	Геттагингенъ	Екужичь (Ѣсть хочу)	Текштынглшъ
Жаждущей	Немеегатекопан	Ткопаанъ	Тыкушхужикъ (пить хочу)	Тамхшингъ.
Пьяной	Гелелелали	Тыкуллелаатъ	Тыапкожкъ.	(не знаютъ)
Пить	Митучикъ	Куики	бигыликъ	ооо
Ѣсть	Мевуикъ	Котпуа	балолкъ	ооо
Спать	Мийлкатыкъ	Кейлкатъ	бунгуяку, (спать хочу)	Мамфылкышкъ.
Говорить	Камыгумугатъ	. . .	Кажинухшхажикъ (говорить хочу)	Панлкукъ.
Молчи	Кыгуматы	Кауитвыгы	Куйшужихчь	Тингчингъ.
Ѣхать	Кыге-кенгелаты	Мыналакала	Кошхъ кокшхажикъ	Мылкатыкъ-атхо.
на оленяхъ Ѣхать	Койта-Кыген-кенгелаты	Аттакаганъ мыналакала	(Ѣхать на сабакахъ)	
Итти	Вгичит хал-катъ	мыннагакаула	Алтынгылшкъ	Тингчингъ.
Я стою	Гымма-тыкотвела	. . .	Кемъ-тыжилижкъ	Гамъ-тетфитлягачь.
Ты стоишъ	Гыча-котвела	. . .	Кыже-жишунъ	Гежъ-тфитлягачь.
Онъ стоитъ	Еннолъ-котвела	. . .	Лугудъ-жишичь	Гешїгуишкінъ тфитлягачь.

Мы стоимъ

	А	Б	В	Г
Мы стоимъ	Мую-Мытъ-котвелала;	. . .	бужъ-Лижи-лишумкъ	Мушхантенъ-Тешфитлягачь.
Вы стоите	Тучу, или Тую, Котвелала	. .	Шуже-жи-лижъ	Тушхантъ-Тфитлягачь.
Они стоятъ	Йчу Котвелала	. . .	Тылу-Ежиличижъ	Ичантъ-Тфитлягачь.
Сплю	Гыкуилкатъ	. . .	Тунгуи-кулшкъ	Танфилгалящъ.
Вижу	Тыкулогонъ	. . . .	Тылшижкъ	Тухчаганъ.
Не вижу	Елауки-Тыкунтыгъ	Уинга Еилкатке	Каалчкхъ-Тынхлижа	Ухеклятахъ.
Смѣюся	Тыкаачачигатыкъ	. . .	Тыделишхылжкъ	Тытанкычь.
Плачу	Тыкбтеингатынъ	. . .	Туелижкъ	Тахтытфашъ
Бѣлой	Нілгакынъ	. . . .	Датхало	Ляплянъ.
Черной	Нуукынъ.	. . .	Дыжаелунгъ	Лвулклекъ.
Красной	Ничичакынъ	. . .	Чачалъ	Лишамфль.
Зеленой	Аплеля	Нуутелякъ	Духлкаралло	Ихчичи.
Синей	Нуупелигыякъ	Нуукынъ	Килхткежу	(не знаютъ)
Желтой	Лилиль . .	. . . . .	не знаютъ	Шемечемъ.
Большой	Немеанкынъ	. . .	Кутхбллунъ	Лукаклинъ.
Малой	Еппулукынъ	. . .	Куамкалунъ	Ламклингамтъ.
Высокой	Цегенгелохенъ	Нiулакынъ	Дашелу	Лыхнбланъ.
Ниской	Дигыштакы	Нiутакынъ	Лыжулу	Люхтлю.
Свѣтлой	Нечигакынъ	. . .	Датхылу	Латхплянъ.
Темной	Нувуткакынъ	. . .	Ухта	Лвулклингъ.
Теплой	Номкынъ	. . .	Номлингъ	ооо
Студеной	Накаялгакынъ	Ничаккынъ	Дыкеилингъ	ооо
Мокрой	Гiипкаяули	Нiйлакынъ	Кыжуалингъ	Жегапльжа.
Сухой	Гапалинъ	Никичивакынъ	Демелингъ	Гыкшкытынъ.
Живой	Кукiюлаатту	. . .	Кыжуныпинъ	Юлгачь.
Мертвой	Віала	. . .	Ижа	Висигла.

Рано

	А	б	В	Г
рано	Чу́тча-кымы́тты	...	бенко́манъ	ооо
Поздо	Айгывынгеты	...	Ухта̀ (темно)	ооо
Сего дня	Уче́чинъ	Е́чигы	Де́нгу	Йнгутъ.
Завтра	Міиты	...	Дымколаку	Га́слунгатъ.
Послѣ завтра	Ми́туяниякынякъ	Голы́нъ-ми́тынъ	Ко́латажъ	(не знаютъ)
Вчера	А‌йгыве	...	Е‌тынумъ	Ти́нгфи.
Третьяго дня	Явеколеалъ	Нгі́ока́ллугунинъ	Ко́лгатажъ	(не знаютъ)
Впередъ	Янотынъ	...	Дукакъ	Нуте́лганъ.
Назадъ	Ява́летъ	Явалъ	Шалкъ	Калгы́шилкышъ.
1	Е́нненъ	...	...	Йнгшинякъ.
2	Ні‌негъ	...	...	Нитта́кавъ.
3	Ні‌о́кынъ	...	...	Нгжо́кавъ.
4	Ні́акенъ	...	...	Нгжа́кавъ.
5	Мы́лленге	...	счи	Мы́нланка.
6	Е́ннанъ-мылленге	...	...	Йнгыанашить
7	Ні́аколетенгакъ	...	сленіе	Нгыттыакашить
8	Ні́околеменгакъ	...	...	Нгышо́какашить
9	Х‌няаичинканъ	...	. все	Нгышаакашитъ.
10	Мынниг ы́ткенъ	...	... ни	Тама́лгаша.
11	Мыннигы́ткенъ-Е́нненъ	Е́нненъ-копаюланги	...	Прочее по
12	—— Нііегъ	Нііегъ-копа́юланги	вчемъ	примѣру
13	—— Ніокынъ	Ніокынъ		корякъ людьми
19	Мыннигыткенъ-хоняаннчинканъ	Хоняаннчинкавъ-копа́юланги	отъ	считаютъ,
20	Олъ-калы́къ [цѣлой	Оппа-кала́у человѣкъ]	сѣверныхъ	какъ двадцать 30

	А	Б	В	Г
30	Калыка-мынныгыткенъ	Нїокы мынныгыткенъ	Кам	одинъ человѣкъ, а по ихъ
40	Ниегъ-калаулатъ (два человѣка	Нїакенъ-мынигыткенъ	ча	учамчагалъ,
50	Ниегъ-калыкатъ (два человѣка	Мыллентe-мыннигыткенъ и десять)	да	40 два человѣка и прочая,
60	Нїокъ-калаулатъ	Еннанъ-мылленге-мыннигыткенъ	ловъ	а къ неравному
70	Нїокъ-калыкатъ-мыннигыткенъ	Нїаколементакъ-мыннигыткенъ	не	числу прилагаютъ 10 какъ
80	Нїа-калыкатъ	Нїоколементакъ-мыннигыткенъ	разнствуетъ	напримѣръ 30
90	Нїа-калыкатъ-мыннигыткенъ	Хоняанчинканъ-мыннигыткенъ		по ихъ одинъ
100	Мыллентe калыкатъ (пять	Мыллентенъ-колау человѣкъ)		человѣкъ и десять

Коряцкїя Званїя рыбамъ, звѣрямъ, птицамъ, плодамъ и произрастающимъ, которыя имъ знаемы.

Красная рыба, уювай.
Чавыча, евочь.
Кета, кетаакатъ.
Горбуша, калалъ.
Мальма, уитывытъ.
Мыкызы, ямколанъ.
Харїузы, кытчагу.
Бѣлая рыба, иканнаканъ.
Кунжа, оканча.
Гольцы рѣчные, канивытыгу
Камбала, Алпа.
Вахня, Уяканъ.
Уйки, гутыгыкъ.

Рамжа или быкъ, йлаалъ.
Мокой, ма́каю.
Касатка, инуату.
Сука рыба, а́ттаганъ.
Раки морскіе, яе́тъ.
Киты, юунги.
Тюлени обыкновенныя, ме́мель.
—— лахтаки, калы́ла.
—— малые, уиптувытъ.
—— полосатые, му́тчунъ.
Бѣлуги, гиттыгыитъ.
Сивучи, улу.
Бобры, ка́лага.
Коты, та́лача.
Соболи, кыттыгымъ.
Лисицы, яюнъ.
Медвѣди, Ка́инга.
Волки, егылунгунъ.
Горностаи, и́мягчакъ.
Выдры, не́нгетъ.
Зайцы, ми́лутъ.
Песцы, иппунъ.
Россомахи, хае́ппей.
Бараны каменные, кытытъ.
Олени, лугаки.
Тарбаганы, гете́у.
Еврашки, гилаакъ.
Бѣлки, яву́лла.
Лебеди, ка́нчанъ.

Гуси, гейто́антъ.
Селезни, } Гейчогачи.
Вострохвосты, }
Чернети, Аингагалъ.
Плутоносы, уалпигали.
Чирки, угалгапылъ.
Крохали, яалалъ.
Гоголи, и́лыгали.
Гагары, іова́ю.
Лутки, яла́лгалгапинъ.
Немки, Вечопоалъ.
Орлы, тилмыти.
Соколы, тылмытылъ.
Мышеловы, ече́учики.
Ястребы, иху́ланъ.
Вороны, тоха́учававалуу́елле.
Воро́ны,ниме́лла-уе́лле.
Соро́ки, уикыттыгынъ.
Ласточки, } Кавалингекъ.
Стрижи, }
Тресогузки, говынку.
Куропатки, іеуевъ.
Тетеревы глухіе, кына́ту.
Дятлы, } уикычикычанъ.
Желны, }
Кулики, четея.
Снигири, и́лкываша.
Жаворонки, ге́ачеей.
Кокушки, ка́икукъ.

Чайки, якаякъ.
Мартышки, каньчугу.
Кедровки, какачу.
Савки, аалыкъ.
Игылмы, кычугунгаллы.
Ару, каюку.
Урилы, гилкулъ.
Старики, иныпилалапъ.
березникъ, лугунъ.
Топольникъ, якалъ.
Вѣтельникъ, тыкылъ.
Ольховникъ, никылїонъ.
—— каменной, уичугуй.
Ребинникъ, елоенъ.
Сланецъ, катчивокъ.
Можжевельникъ, валвакычу.
боярышникъ, пиmкича.
Черемошникъ, елоенъ, тожъ по ихъ что рябина.
Шиповникъ, пичкучанъ.
Жимолосникъ, нычивоу.
Тальникъ, іаи.
Морошка, етпыетъ.
Голубица, лингалъ.
Водяница, гечубана.
брусница, гыйнаанъ.
Княженица, уяитъ.
Толокнянка, Кычиммуна.
Клюква, емелкевына.

Сими именами рыбу, птицъ и прочая называютъ Сидячїе Коряки; а Оленные не столь любопытны, чтобъ они и то знать или называть могли, чемъ не пользуются. И хотя впрочемъ много изъ того имъ извѣстно, однако какъ ихъ имена писать, такъ Укинскія и Карагинскія разсудилось мнѣ за излишнее: ибо Укинцы называютъ всѣ вещи отчасти по Камчатски а отчасти по Курильски, а Карагинцы по Коряцки съ нѣкоторою малою отмѣною: такъ на примѣръ, гусь по Камчатски кейшугышь, по Укински кейшугашь, по Коряцки гейтуантъ, а по Карагински етегету.

Которые живутъ на рѣкѣ Карагѣ, а не на острову, тѣ отъ жителей островныхъ въ томъ наипаче отмѣ-

отмѣнны, что вмѣсто ф произносятъ т, вмѣсто Е въ началѣ произносятъ И: такъ на примѣръ, вмѣсто вихуфи ногти ветевути, вмѣсто ететету гусь итуитъ.

Тигильскіе сидячіе Коряки также какъ и Укинскіе больше имѣютъ сходства въ языкѣ съ Сѣверными Камчадалами, нежели съ Оленными Коряками, хотя слова ихъ такъ испорчены, что едва и узнать можно, а особливо въ разговорахъ. Кратко сказать, всѣ сидячіе Коряки чѣмъ ближе живутъ къ Камчадаламъ, тѣмъ больше имѣютъ и сходства съ ними, а чѣмъ къ сѣверу, тѣмъ чище говорятъ по Коряцки.

ГЛАВА 22.

О Курильскомъ народѣ.

Курильской народъ житіемъ своимъ такъ сходенъ съ Камчадалами, что не надлежало бы особо и писать о немъ, естьли бы въ тѣлесномъ видѣ и въ языкѣ не было различія. Откуду сей народъ имѣетъ произхожденіе, о томъ столь же мало извѣстно, какъ и о другихъ Камчатскихъ народахъ; а можно ли по ихъ языку сколько ни будь изслѣдовать, оное оставляется такимъ людямъ, кои въ томъ трудятся по искусству своему и по должности: чего ради и приобщено на концѣ сей главы собраніе словъ Курильскаго языка.

Сей народъ ростомъ средней, волосомъ черенъ, лицемъ кругловатъ и смуголъ, но гораздо пригоже другихъ народовъ. Бороды у нихъ большія оклади-

стыя. Тѣло мохнатое, въ чемъ состоитъ знатная разность отъ Камчадаловъ.

Мужеской полъ волосы напереди брѣетъ до самой верхушки, а назади роститъ, въ чемъ съ Японцами имѣютъ сходство, отъ которыхъ, можетъ быть, по причинѣ бывшей прежде сего комерціи и обычай оной приняли; а женской токмо подрѣзываетъ ихъ спереди, чтобъ глаза не закрывали. Губы у мущинъ на срединѣ токмо, а у женщинъ всѣ вычернены, вкругъ разшиты узорами. Сверьхъ того и руки разшиваютъ онѣ почти по локоть, вчемъ нѣсколько сходствуютъ съ Чукчами и Тунгусами. Всѣ вообще носятъ въ ушахъ большія серебреныя кольца, которыя прежде сего получили отъ Японцовъ же.

Платье носятъ изъ кожъ морскихъ птицъ, также лисье, бобровое и изъ другихъ морскихъ звѣрей, которое шьютъ по Тунгусскому образцу, то есть распашное, а не по Камчатскому; причемъ не наблюдаютъ того, чтобъ платье было изъ одной матеріи, но шьютъ изъ чего прилучится, такъ что и понынѣ рѣдкую Курильскую парку увидишь, которая бы не изъ лоскутья разныхъ звѣрей и птицъ была здѣлана.

До богатаго по тамошнему мѣсту платья, каково на примѣръ суконное, камчатое и прочая, великіе охотники, токмо весьма небережливы. Въ лучшемъ аломъ кармазинномъ кафтанѣ тюленя на себѣ нести не устыдится, не взирая на то, что измараетъ платье, которое ему стоитъ дорого. На покрой не много же смотрятъ: все имъ равно, мѣшкомъ ли платье сшито или по-кости, только бы ему цвѣтъ

былъ

былъ любъ, да надѣть на себя льзя было. Стеллеръ пишетъ, что нѣкоторому Курильцу камчатая тѣлогрѣя понравилась, въ которой онъ ходилъ обзираяся и любуясь ею, не смотря на то, что другіе казаки смѣялись надъ нимъ, что онъ носитъ женское платье. Ему, можетъ быть, казалось равно всякое платье: ибо у нихъ въ своемъ платьѣ разности нѣтъ между мужескимъ поломъ и женскимъ.

Живутъ въ такихъ же юртахъ какъ Камчадалы, токмо ихъ держатъ нѣсколько чище, убирая стѣны и полки травяными рогожами. Питаются наибольше морскими звѣрями, а рыбы промышляютъ мало.

Бога столь же мало знаютъ, какъ и Камчадалы. Въ юртахъ имѣютъ вмѣсто идоловъ кудрявыя стружки, которыя они весьма хитро дѣлаютъ. Сіи стружки называютъ они Ингулъ или Иннаху, содержатъ въ нѣкоемъ почтеніи, однако не могъ я того вывѣдать, за бѣсовъ ли они ихъ вмѣняютъ или за бога. Въ жертву приносятъ имъ первопромышленнаго звѣря, при чемъ мясо сами съѣдаютъ, а кожу при нихъ вѣшаютъ, и когда юрты за ветхостію оставляютъ, то не берутъ съ собою изъ нихъ ни жертвенныхъ кожъ, ни стружекъ, впрочемъ носятъ они съ собою оныя стружки во всякія опасныя пути на море, и бросаютъ въ случаѣ бѣдствія въ воду, а наипаче въ сувои, что между первымъ Курильскимъ островомъ и лопаткою, которыя тѣмъ умилостивить надѣются. Такой образъ идолослуженія приняли отъ Курилъ и южные Камчадалы, кои живутъ на первомъ Курилскомъ острову и на лопаткѣ, какъ

надежное средство къ безопасному плаванію по морю.

Лѣтомъ ѣздятъ на байдарахъ, а зимою ходятъ на лыжахъ, ибо сабакъ не держатъ и не имѣютъ. Мужескіе главные труды, промыселъ морскихъ звѣрей: женщины по примѣру Камчадалокъ въ шитьѣ и въ плетеньѣ чиреловъ упражняются, а въ лѣтнее время ѣздятъ съ мужьями и на промыселъ въ греблѣ.

Что касается до ихъ обычаевъ, то они несравненно учтивѣе другихъ народовъ: а притомъ постоянны, праводушны, честолюбивы и кротки. Говорятъ тихо не перебивая другъ у друга рѣчи, какъ сидячіе Коряки. Старыхъ людей имѣютъ въ великомъ почтеніи. Между собою живутъ весьма любовно, особливо же горячи къ своимъ сродникамъ. Пріятное, сказываютъ, позорище, когда бываетъ между живущими по разнымъ островамъ свиданіе: Пріѣжжіе съ байдаръ своихъ, а жители изъ юртъ съ великими обрядами сходятся; обѣ стороны одѣты бываютъ въ военное платье и съ оружіемъ махая саблями и копьями, натягивая другъ противъ друга луки, такъ какъ бы быть сущему сраженію, а притомъ всѣ пляшутъ. Сошедшись вмѣстѣ сказываютъ всякіе знаки радости: обнимаютъ, лобызаютъ и плачутъ отъ радости. Послѣ того приводятъ гостей въ свои жилища, сажаютъ ихъ, подчиваютъ предстоя и слушая вѣстей о ихъ приключеніяхъ случившихся въ разлученіи. Должность расказывать никому не поручается кромѣ старшаго. Онъ какъ ораторъ объявляетъ о всѣхъ мѣлочахъ, какъ промышляли, какъ жили, куда ходили, что видѣли, съ кѣмъ учинилось щастіе и нещастіе, кто

не

немогЪ или умерЪ и отЪ какой притчины; и иногда болѣе трехЪ часовЪ продолжаетЪ рѣчь свою, а прочіе слушаютЪ со вниманіемЪ. Когда гость окончитЪ рѣчь свою, то изЪ тутошнихЪ жителей старшей подобнымЪ образомЪ сказываетЪ про свое житье и промыслы, и прежде того никому другЪ сЪ другомЪ говорить не льзя. Послѣ того или сѣтуютЪ, или веселятся по вѣстямЪ смотря, а наконецЪ торжествуютЪ по своимЪ обычаямЪ, ѣдятЪ, пляшутЪ, поютЪ и сказываютЪ скаски.

Что касается до прочихЪ обрядовЪ; каковы напримѣрЪ сватанье, свадьбы, родины, дѣтей воспитаніе, втомЪ они отЪ КамчадаловЪ не разнствуютЪ. ЖенЪ имѣютЪ по двѣ и по три, и вмѣстѣ сЪ ними никогда не спятЪ, но вЪ ночное время приходятЪ кЪ нимЪ какЪ бы украдкою, по примѣру ТатарЪ Махометанскаго закона, кои кЪ невѣстамЪ своимЪ приходятЪ аки бы тайно, пока калыму не заплатятЪ по договору. Есть же у нихЪ и Коекчучи, какЪ у КорякЪ и КамчадаловЪ.

буде кто у нихЪ приличится вЪ прелюбодѣяніи, то бываетЪ странной поединокЪ, на которомЪ бьются они палкою, а вызываетЪ на оной прелюбодѣецЪ мужа прелюбодѣйницы: раздѣваются оба до нага, и разятЪ другЪ друга по спинѣ. Которой вызываетЪ, тотЪ сперва три раза отЪ вызваннаго долженЪ вытерпѣть, а потомЪ беретЪ у него палку, и бьетЪ равнымЪ образомЪ, и такЪ перемѣняются до трехЪ разЪ. Сіе побоище много у нихЪ вѣку уноситЪ: ибо бьются они, сколько есть мочи, а палка бываетЪ толщиною вЪ руку, а длиною близко аршина. Нейти

на

на поединокъ такожъ безчестіе, какъ у нѣкоторыхъ Европейскихъ народовъ. Ежели же кто предпочтетъ свое здоровье, и отречется отъ бою, тотъ долженъ заплатить мужу прелюбодѣйцы такое безчестіе, какого онъ потребуетъ, звѣрьми, платьемъ, кормомъ и другими вещами.

Родины у женщинъ ихъ гораздо тяжелѣ Камчатскихъ: ибо онѣ, по объявленію самихъ Курильцовъ, мѣсяца по три оправляются. Младенцамъ имена даютъ бабки повивальныя, которыхъ они никогда не перемѣняютъ. Изъ двойнишныхъ одного всегда убиваютъ.

ИМЕНА МУЖЕСКІЯ,	ИМЕНА ЖЕНСКІЯ.
Липáга.	А́фака.
Етеханъ.	Заагшéмъ.
Тапалъ, черной.	Чекáва.
Пиканкуръ.	Кáзукчь, плачущая, отъ того, что родилась она въ самое время покоренія страны ихъ.
Галгáлъ.	
Темпте.	

Умершихъ зимою хоронятъ въ снѣгъ, а лѣтомъ въ землю. Самоубивства и въ семъ народѣ не меньше бываетъ какъ у Камчадаловъ, токмо того не слышно, чтобъ они морили себя голодомъ.

Курильцовъ, которые живутъ на первомъ острову и на лопаткѣ, съ сими Курилами за одинъ народъ почитать не должно, ибо оные сущіе Камчадалы, какъ уже выше показано.

Собраніе

Собраніе словъ Курильскаго языка.

Богъ, камуй.
Дьяволъ, уинъ-камуй.
Небо, ниссъ.
Облака, уураръ.
Вѣтръ, кеера.
Буря, йсіупу.
Дождь, сирутенъ.
Снѣгъ, упашъ.
Градъ, каукигъ.
Громъ, умъ.
Молнія, камуй-сіууне.
Солнце, } чуппу.
Луна, }
Звѣзда, кета.
День, то.
Утро, нисіатъ.
Полдень, тоананашки.
Вечеръ, онуманъ.
Ночь, сиркунне.
Полночь, упаканнашки.
Годъ, тыюанъ.
Земля, котанъ.
Гора, отгуръ.
Пригорокъ, оннанъ-отгуръ.
Огонь, апи.
Дымъ, сіупуя.
Жаръ, апіушатъ.
Вода, пи.
Поле, Сіешъ.

Дорога, ру.
Лѣсъ, ни.
Дерево, янтурасни.
Море, Атуйка.
Озеро, то.
Рѣка, петъ.
Рѣчка, мемъ.
Песокъ, ота.
Грязь, шейнитой.
Камень, поина.
Желѣзо, каани.
Человѣкъ, айну.
Отецъ, мичи.
Мать, аапу.
Сынъ, кпугу.
Дочь, кпоммачи.
Братъ большой, кіупи.
—— меньшой, каки.
Сестра большая, кса.
—— меньшая, уарматъ.
Мужъ, какаіо.
Жена, кмачи.
Отрокъ, пумпу.
Дѣвочка, пуматъ.
Господинъ, тоно.
Слуга, усиху.
Служанка, кусіуге.
Голова, паопъ.
Волосы, чу.

борода, трекъ.
Глаза, сикъ.
Уши, ксаръ.
Носъ, ету.
Ротъ, чаръ.
Губы, чаашби.
Языкъ, áху.
Щоки, нупкиху.
Подбородокъ, сеуре.
Плечо, тапсутъ.
Рука, текъ.
Перстъ, моаки.
Грудь, рамутуръ.
Сердце, сампе.
брюхо, псе.
Внутреннее, канка.
Пузырь, псéхчинтычу.
Тайной удъ мужеской, чи.
—— —— женской, чипъ.
Спина, сетуръ.
Нóги, кема.
Платье, уръ.
Шапка, кончи.
Штаны, оіо.
Обувь, киръ.
Острогъ, котануни.
Юрта, че.
Дверь, пуюръ.
Постеля, со.
Котелъ, сю.
Деревянная ихъ посуда, кипчи.

Ножъ, епира.
Ложка, пасуй.
Лукъ, ку.
Стрѣла, áхи.
Санки, Шкени.
байдара, чипъ.
Причалъ, туръ.
Топоръ, укаръ.
Рыба, сíичипъ.
Икра, ома.
Мясо, камъ.
Соль, сиппу.
Трава, мунъ.
Листъ, Híепъ.
Корень, синритъ.
Яицо, нóки.
Сытъ, касину.
Голоденъ, исíаре.
Жажденъ, ипекрейке.
Ѣсть, ишама.
Пить, кпекреитíуа.
Спать, кмóконросива.
Говорить, кипокросива.
Молчи, ейн-кипокросива.
Ѣхать, окóмокрóсива.
Итти, сачипеска-комонросива.
Я стою, каннга-касíануа.
Ты стоишь, еа сíана.
Онъ стоитъ, еа сíануа.
Мы стоимъ, рóски-сарасюга.

Вы стоите

Вы стойте, синкечь-роски-еирана.
Онистоятъ, окая-роски чуа
Сплю, кмукурва.
Вижу, Кинкаруа.
Не вижу, еинъ-кинкаруа.
Не сплю, еинъ-кмукаруа.
Смѣюся, кмейнуа.
Плачу, кчишіануа.
бѣлой, ретаноо.
Черной, екуроко.
Красной, ураттиткива.
Зеленой, теунинуа.
Желтой, урапаткиканану.
большой, Порого.
Малой, моїого.
Высокой, трїива.
Нискої, орамуа.

Свѣтлой, сирбикируа.
Темной, серикуроко.
Теплой, исеасекка.
Студеной, имеранки.
Мокрой, рикануа.
Сухой, сатгуа.
Живой, сикнуха.
Мокрой, раїуа.
Рано, насїаатъ.
Поздо, окунууменаку.
Сего дня, Тани.
Завтра, Насїаатта.
Послѣ завтра, икусїуаитто.
Вчера, нуумань.
Третьяго дня, икусїуаитто (тожъ что послѣ завтра.)
Впередъ, ириси.
Назадъ, енокауа.

счетъ ихъ.

1, синетъ.
2, туупъ.
3, репъ.
4, инепъ.
5, асикъ.
6, иванъ.
7, аруанъ.
8, тубисъ.
9, синеписъ.
10, уудисъ.
11, синепъ-икаемуа.
12, туупича } икасмуа.
13, реепичь } икасмуа.
19, синеписанъ.

20, туампе.
30, реуампе.
40, инеуампе.
50, асикнеуампе.
60, ивануампе.
70, аруануампе.
80, тубисануампе.
60, синеписануампе.
100, уануампе.
200, туануампе.
1000, уанотнеуампе.
2000, туанотнеуампе.
10000, теванонеуампе.

званія звѣрямъ птицамъ и рыбамъ и другимъ извѣстнымъ имъ вещамъ натуральнымъ.

Лисицы, кимуппѐ.
Волки, оргіу.
Горностаи, таннерумъ.
Собака, стапў.
Мышь, ермў.
Киты, рика.
Коты морскіе, оннѐпъ.
Сивучи, етаспѐ.
Бобры морскіе, раккў.
Нерпы большія, ретаткоръ.
—— пестрыя, сіантораси.
—— полосатыя, каанень.
—— голыя, амуспѐ.
Свинки морскія, окў.
Бѣлуги, безчурика.
Гуси, куйтупъ.
Селезни, сааичичь.
Вострохвосты, паакариху.
Чернети, яичиръ.
Чирки, тууріуѐ.
Гоголи, чахчиръ.
Крохали, туипе.
Гагары, сесъ.
Немкй, нукеспу.
Орлы, сургўръ.
Ястребы, кіикисўпъ.
Мышеловы, расампй.
Вороны, паскуръ.
Сороки, какўкъ.
Ласточки } куякана.
Стрижи }
Синицы, пайкаичиръ.
Куропатки, ніепуе.
Кулики, ечкумамуе.
Зуйки, петорой.
Жаворонки, рикинчиръ.
Кокушки, какќокъ
Чайки бѣлыя большія, онпемасъ.
Чайки чорныя большія понтапифъ.
—— малыя, керо.
Мартышки, сичаача.
Савки, аанга.
Игылмы, етубирга.
Ару, аара.
Урилъ, урилъ.
Старики, гекачичиръ.
Красная рыба, Сичипъ.
Камбала, тантака.
Чавыча, чивырра.
Кета, сіипѐ.
Горбуша, сіакипа.
Гольцы, ўсуркума.
Быки, сіисятки.
Бѣлая рыба, кирурта.
Кунжа, окорра.
Скатъ, ўттапупару.
Сука рыба, раунипѐ.
Налимъ морской, сирбўкъ.
Раки морскіе, сиріаръ.
Ольховникъ, асъ.
Рябинникъ, коксунени.
Сланецъ, паксепни.
Жимолосникъ пашкурачкумамай
Шиповникъ, копоконъ.
Жимолосникъ, енумитанне.
Тальникъ, сусў.
Морошка, апнуменипъ.
Голубица, енумукута.
Водяница, ечкумамай.
Брусница, нипопкинъ.
Княженица, нукарўръ.
Толокнянка, акагкапу.
Клюква, асытъ.
Капуста морская болшая, ктўсасъ.
—— малая съ краснымъ листьемъ, маруай.
—— особливаго роду, ирпѐнъ.

ЧАСТЬ 4.

ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О покореніи Камчатки, о бывшихъ въ разныя времена бунтахъ и измѣнахъ, и о нынѣшнемъ состояніи Россійскихъ остроговъ.

ГЛАВА I

О первомъ извѣстіи про Камчатку, о походахъ Камчатскихъ и о заведеніи въ той странѣ россійскаго поселенія.

По распространеніи Россійскаго владѣнія въ сѣверъ, и позаведеніи селенія по знатнѣйшимъ рѣкамъ впадающимъ въ Ледовитое море, отъ Лены рѣки къ востоку до Анадырска, часъ отъ часу болѣе старанія было прилагаемо, чтобъ отъ

Анадырска далѣе провѣдывать земли, и живущихъ тамъ иновѣрцовъ приводить въ подданство; чего ради всякому прикащику накрѣпко было подтверждаемо, чтобъ всѣми мѣрами домогаться получить извѣстіе, гдѣ какой народъ живетъ, сколь многолюденъ, какое имѣетъ оружіе, какое богатство и прочая. Такимъ образомъ не могла Камчатка не быть извѣстна еще въ то время, когда нѣсколько Корякъ Пенжинскаго и Олюторскаго морей изъ Анадырска были объясачены, ибо имъ какъ сосѣдямъ Камчатскимъ, а паче Оленнымъ корякамъ, которые часто кочуютъ внутри самой Камчатки, тамошней народъ довольно былъ знаемъ. Но кто первой изъ Россійскихъ людей былъ на Камчаткѣ, о томъ не имѣю достовѣрнаго свидѣтельства; а по словеснымъ извѣстіямъ приписывается сіе нѣкакому торговому человѣку Өедоту Алексѣеву, по котораго имени впадающая въ Камчатку Никулъ рѣчка Өедотовщиною называется: будто онъ пошелъ изъ устья рѣки Ковымы Ледовитымъ моремъ въ семи кочахъ, будто погодою отнесенъ отъ другихъ кочей и занесенъ на Камчатку, гдѣ онъ и зимовалъ со своимъ кочемъ, а на другое лѣто обшедъ Курильскую лопатку дошелъ Пенжинскимъ моремъ до рѣки Тигиля, и отъ тамошнихъ Корякъ убитъ зимою со всѣми товарищи, къ которому убивству аки бы они причину сами подали, когда одинъ изъ нихъ другаго зарѣзалъ: ибо Коряки, которые по огненному ихъ оружію выше смертныхъ почитали, видя что и они умирать могутъ, не пожелали имѣть у себя гостей толь страшныхъ. Извѣстіе

стіе въ разсужденіи морскаго его пути съ Ковымы рѣки подтверждается отпискою служиваго Семена Дежнева: ибо Дежневъ объявляетъ, что морское ихъ путешествіе было не благополучно, торговаго человѣка Ѳедота Алексѣева разнесло съ нимъ погодою безъ вѣсти, его носило по морю долгое время, а напослѣдокъ выбросило на берегъ въ передней конецъ за Анадырь рѣку. Но въ разсужденіи бытности его на Камчаткѣ, и что Никулъ рѣчка Ѳедотовщиною по имени его называется, нѣсколько сумнительно: ибо въ той же его отпискѣ показано, что въ 7162 году ходилъ онъ Дежневъ возлѣ моря въ походъ, и отбилъ у Корякъ Якутскую бабу помянутаго Алексѣева, которая ему сказывала, что Ѳедотъ съ однимъ служивымъ цынгою умерли, а иные товарищи ихъ побиты, и остались невеликіе люди, и побѣжали въ лодкахъ одною душею, а куды невѣдомо. Чтожъ касается до построенныхъ на рѣкѣ Никулѣ зимовей, то и отъ самихъ Камчадаловъ подтверждается, что оныя Россійскими людьми поставлены, а развалины ихъ до нашихъ временъ были видимы.

Но сія разность въ извѣстіяхъ кажется отвращена быть можетъ, ежели положить, что Ѳедотъ съ товарищи не на Тигилѣ погибъ, но между Анадыремъ и Олюторскимъ; ибо такимъ образомъ не противно будетъ извѣстіямъ, когда представимъ себѣ, что онъ и на Камчаткѣ зимовалъ съ кочемъ своимъ, и въ кругъ лопатки доходилъ до рѣки Тигиля, что оттуду обратно слѣдовалъ къ Анадырску или моремъ, или сухимъ путемъ по Олюторскому берегу, и на пу-

ти

ти умерЪ, а прочіе его товарищи или побиты, или безвѣстно пропали, хотя отЪ убивства избавились. Но какЪ бы то ни было, однако сей походЪ и невеликой былЪ и невеликой важности; для того что не послѣдовало отЪ него никакой пользы, не токмо вЪ разсужденіи государственнаго интересса, но ниже вЪ разсужденіи надежнѣйшаго извѣстія о землѣ Камчаткѣ: ибо, какЪ выше показано, никого изЪ объявленнаго походу не явилось выходцовЪ; чего ради перьвымЪ походомЪ на Камчатку можно почесть походЪ казачья пятидесятника Володимера Атласова.

Оной АтласовЪ вЪ 7203 году присланЪ былЪ изЪ Якутска прикащикомЪ вЪ Анадырской острогЪ, и велѣно ему было, такЪ какЪ прочимЪ прикащикамЪ, ясакЪ збирать сЪ присудныхЪ кЪ Анадырску КорякЪ и Юкагирей, и стараться о пріискѣ вновь людей, и о приведеніи ихЪ подЪ самодержавную Государеву руку. ВЪ 7204 году посыланЪ отЪ него былЪ кЪ АпутскимЪ КорякамЪ Лука Морозко вЪ 16 человѣкахЪ за ясашнымЪ зборомЪ, которой по возвращеніи своемЪ объявилЪ, что онЪ не только былЪ у оныхЪ КорякЪ, но и до Камчатки не доходилЪ токмо за 4 дни, и вЪ томЪ походѣ взялЪ онЪ Камчатской острожекЪ, а на погромѣ получилЪ не вѣдомо какія письма, которыя объявилЪ Атласову.

По сему извѣстію АтласовЪ взявЪ сЪ собою 60 человѣкЪ служивыхЪ, да такоежЪ число Юкагирей, а вЪ АнадырскомЪ оставя 38 человѣкЪ служивыхЪ, отправился вЪ 7205 году послѣ ясашнаго збору на Камчатку, и вЪ томЪ походѣ склонилЪ онЪ ласкою

кЪ ясаш-

къ ясашному платежу Акланской, Каменной и усть-Таловской острожки, да одинъ бсемъ [illegible]. *Послѣ того, какъ сказываютъ, раздѣлилъ онъ партію свою на двое, половину послалъ на Восточное море подъ командою Луки Морозки, а съ другою самъ по Пенжинскому морю слѣдовалъ. На Палланѣ измѣнили ему союзники его Юкагири, 3 человѣкъ служивыхъ убили, да 15 человѣкъ и его Атласова ранили, однакожъ намѣренія своего, чтобъ всѣхъ побить, не исполнили: ибо казаки справясь отбили прочь оныхъ злодѣевъ, и не взирая на то, что лишились ихъ помощи, предпріятія своего не оставили; но продолжали походъ свой далѣе къ югу. На Тигилѣ рѣкѣ соединились паки обѣ партіи, и собрали ясакъ съ иноземцовъ живущихъ по Напанѣ, Кигилю, Ичѣ, Сіупчѣ и Харьузовой рѣкахъ, а до **Каланской рѣки не дошли они токмо за три дни. Будучи же на Ичѣ взялъ онъ у Камчадаловъ полоненика Узакинскаго (Японскаго) государства.

Оттуду возвратился онъ назадъ, и шелъ тоюже дорогою до рѣки Ичи, а съ Ичи перешедъ на Камча-

*Атласовъ въ отпискѣ своей въ Якутскъ о раздѣленіи партіи не упоминаетъ, но пишетъ что по погромленіи острога пошелъ онъ въ Олюторскую землю Февраля 1 дня, однако словесное извѣстіе, что не самъ онъ туда ходилъ, но партія, отъ достовѣрныхъ людей подтверждается.

**Понеже нынѣ никакой рѣки на Камчаткѣ Каланкою не называютъ, чего ради заподлинно знать не возможно, до которыхъ мѣстъ доходилъ Атласовъ: а по словеснымъ извѣстіямъ Камчатскихъ старожиловъ, доходилъ оной до рѣки Нынгычу, что нынѣ Голыгиною называется, по имени казака Голыгина, которой въ ономъ Атласовомъ походѣ пропалъ безвѣстно: чего ради думать должно, что Атласовъ подъ именемъ Каланской рѣки разумѣетъ Игдыгъ или рѣку Озерную, на которую съ Голыгиной переѣжжаютъ въ третей день; а Каланскою назвалъ онъ ее, можетъ быть, по бобрамъ морскимъ, которые тамъ промышляются, и прежде сего писались Каланами.

тку рѣку построилъ верхней Камчатской острогъ, и оставя въ немъ служиваго Потапа Серюкова въ 15 человѣкахъ выѣхалъ въ Якутскъ 7208 году Іюля 2 дня, и вывезъ съ собою Японскаго плѣнника и ясачную Камчатскую казну, которая состояла въ 80 сорокахъ соболей, въ собольей паркѣ, въ 10 бобрахъ морскихъ, въ 7 лоскутахъ бобровыхъ, въ 4 выдрахъ, въ 10 лисицахъ сиводущетыхъ, въ 191 лисицѣ красныхъ; да у него было собственныхъ соболей на товары, какъ пишетъ, вымѣненныхъ, 11 сороковъ соболей. А изъ Якутска онъ отправленъ съ тою казною къ Москвѣ, гдѣ за помянутую свою службу пожалованъ казачьимъ головою по городу Якутску, и велѣно было ему паки на Камчатку слѣдовать, набравъ 100 человѣкъ въ Тобольскѣ, въ Енисейскѣ и въ Якутскѣ изъ тамошнихъ казачьихъ дѣтей въ казачью службу, и для того походу указано было снабдить его какъ въ Москвѣ, такъ и въ Тобольскѣ небольшими пушками, пищалями, свинцомъ и порохомъ, и притомъ дать ему изъ Тобольска полковое знамя, барабанщика и Сиповщика. Но Атласовъ на Камчатку не отправленъ по 1706 годъ за бывшимъ надъ нимъ слѣдствіемъ: ибо онъ ѣдучи изъ Тобольска судами въ 1701 году разбилъ на рѣкѣ Тунгускѣ дощаникъ съ Китайскими товарами гостя Логина Добрынина, въ чемъ на него прикащикъ того гостя въ Якутскѣ билчеломъ, и по тому челобитью онъ Атласовъ съ главными заводчики въ 10, человѣкахъ посаженъ въ тюрму, а на мѣсто его въ 1702 году отпр вленъ на Камчатку по выбору служивой Михайло Зиновьевъ, которой

которой бывалъ на Камчаткѣ, какъ въ отпискѣ изъ Якутска объявлено, еще прежде Атласова; можетъ быть съ Морозкою.

Между тѣмъ оставленной на Камчаткѣ служивой Потапъ Серюковъ жилъ въ верхнемъ Камчатскомъ острóгѣ три года безъ всякаго утѣсненія отъ Камчадаловъ; ибо онъ за малолюдствомъ ясаку собирать не отважился, но подъ видомъ купца торговалъ съ ними; наконецъ и тотъ въ Анадырскъ поѣхалъ, однакожъ Коряки не допустя его до Анадырска со всѣми товарищами убили. А выѣздъ его по видимому учинился, какъ сынъ боярской Тимоѳей Кобелевъ на Камчатку пріѣхалъ, которой почитается перьвымъ прикащикомъ оныхъ острóговъ.

Въ бытность свою перенесъ онъ жилье верхняго Камчатскаго острóга на рѣку Кали-кыгъ, которая отъ прежняго острожнаго мѣста въ полуверстѣ, да вновь построилъ зимовье на рѣкѣ Еловкѣ; а ясакъ, какъ по рѣкѣ Камчаткѣ, такъ по Пенжинскому и бобровому мóрю, сбиралъ онъ повольной, и съ ясашною казною выѣхалъ въ Якутскъ въ 1704 году благополучно. Въ тожъ время партія Анадырскихъ служивыхъ людей подъ командою служиваго Андрея Кутына построила шесть зимовей на впадающей въ Восточное море Укѣ рѣкѣ, и начала сбирать ясакъ съ тамошнихъ Корякъ.

Кобелева смѣнилъ вышеписанной Михайло Зиновьевъ, которой отправленъ изъ Якутска вмѣсто Володимера Атласова, а правилъ онъ Камчатскими острóгами до прибытія казачья пятидесятника Василья

Колесова съ 1703 по 1704 годъ. Во время бытности своей первой онъ завелъ ясачныя книги, въ которыя Камчадаловъ поимянно началъ вписывать. Нижнія Камчатскія зимовья за неспособностію мѣста перенесъ на ключи, и на большей рѣкѣ острогъ построилъ. Онъ же перевелъ изъ Укинскихъ зимовей на Камчатку Анадырскихъ служивыхъ людей по прозбѣ ихъ: такимъ образомъ приведши Камчатскія дѣла въ нѣкоторой порядокъ, щастливо въ Якутскъ возвратился съ ясачною казною.

Въ 1704 году подъ осень пріѣхалъ изъ Якутска на мѣсто Михайла Зиновьева казачей пятидесятникъ Василей Колесовъ, которой сидѣлъ на приказѣ по Апрѣль мѣсяцъ 1706 году, для того что отправленные на смѣну ему Якутской сынъ боярской Василей Протопоповъ въ 1704, да служивой Василей Шелковниковъ въ 1705 году убиты на дорогѣ отъ Олюторовъ, а съ ними по десяти человѣкъ служивыхъ. Во время его правленія былъ первой походъ въ Курильскую землицу, и человѣкъ съ 20 Курильцовъ объясачено, а прочіе Курильцы, которыхъ было немалое число, врознь разбѣжались.

И сей прикащикъ съ ясачною казною въ Якутскъ пріѣхалъ благополучно, хотя на него Августа въ послѣднихъ числахъ помянутаго году около Пенжины рѣки и было умышленіе отъ немирныхъ Сидячихъ Коряковъ Косухина острожка, которой состоитъ на усть-Таловки: ибо онъ будучи о томъ увѣдомленъ заблаговремянно отъ Сидячихъ же корякъ Акланскаго острожка, которой отъ Косухина верстахъ въ 15, слѣдовалъ съ надлежащею осторожностію

Въ

ВЪ Акланскомъ жилъ онъ 15 недѣль, ожидая пути зимняго, въ которое время Коряки Косухина острожка, и нѣкоторые другіе покушались паки убить его со служивыми, токмо не допущены отъ Акланскихъ жителей. Колесовъ въ помянутомъ острогѣ засталъ семь человѣкъ служивыхъ оставшихъ послѣ Шелковникова съ подарочною и пороховою казною посланною въ Камчатскіе остроги, которыхъ онъ, вѣдая на Камчаткѣ скудость въ свинцѣ и порохѣ, отправилъ съ дватцатью однимъ человѣкомъ своей команды, а команду поручилъ надъ ними выборному служивому Семену Ломаеву, которому и ясакъ приказалъ сбирать во всѣхъ трехъ Камчатскихъ острогахъ.

По отъѣздѣ Василья Колесова съ Камчатки не бывало у ясашныхъ иноземцовъ знатной измѣны, а послѣ его въ бытность закащиками въ Верхнемъ острогѣ Ѳедора Анкудинова, въ Нижнемъ Ѳедора Ярыгина, а въ большерѣцкѣ Дмитрея Ярыгина, взбунтовали большерѣцкіе Камчадалы: большерѣцкой Россійской острогъ сожгли, и бывшихъ въ немъ служивыхъ безъ остатку побили. Въ тожъ время и на бобровомъ морѣ убитъ ясашной зборщикъ въ 5 человѣкахъ. Притчина бунту ихъ была можетъ быть та, что имъ ясашной зборъ, которой ужѐ былъ и съ принужденіемъ, показался тягостенъ, тѣмъ наипаче, что у нихъ тогда прежняя вольность изъ памяти еще не вышла, которую они надѣялись возвратить убивствомъ Россійскихъ людей; ибо по объявленію тамошнихъ старожиловъ Камчадалы думали, что Россійскіе казаки какіе нибудь бѣглецы; для того что всегда почти одни

къ нимъ приходили, а вновь не прибывало: чего ради не сумнѣвались они всѣхъ ихъ перевесть безъ остатку, а въ непропускѣ вновь изъ Анадырска надѣялись на Корякъ и Олюторовъ, будучи извѣстны, что они двухъ прикащиковъ Протопопова и Шелковникова съ командами на дорогѣ побили. Однако они въ томъ весьма обманулись: ибо вмѣсто пріобрѣтенія прежней вольности многіе потеряли животъ свой, отчего и число ихъ умалилось противъ прежняго, какъ ниже сего пространнѣе будетъ объявлено.

Казаки за малолюдствомъ своимъ принуждены тогда были жить съ крайнею осторожностію оставя до времени измѣнниковъ въ покоѣ. Между тѣмъ въ помянутомъ же 1706 году Атласовъ свобожденъ изъ подкараулу и отправленъ изъ Якутска на Камчатку прикащикомъ съ тѣми же преимуществами, которыя даны ему были въ 1701 году, чтобъ имѣть ему полную власть надъ служивыми, и винныхъ смотря по дѣлу батогами и кнутомъ наказывать; а велѣно ему прежнюю свою вину, что учинилъ разбой, заслужить, и въ пріискиваніи вновь земель и неясашныхъ людей оказать крайнюю ревность: обидъ и налоговъ никому не чинить, и противъ иноземцовъ не употреблять строгости, когда можно будетъ обойтися ласкою, въ противномъ случаѣ и смертная казнь ему предписана. Но Атласовъ отправившись изъ Якутска съ немалымъ числомъ служивыхъ людей, и съ военными припасами, между которыми были и двѣ небольшія мѣдныя пушки, вскорѣ возвратился на прежнее: ибо не доѣхавъ еще до Анадырска безвинными побоями и другими

предосу-

предосудительными поступками привелъ служивыхъ въ такое огорченїе, что всѣ почти послали на него въ Якутскъ челобитныя. За всѣмъ однакожъ тѣмъ прїѣхалъ онъ на Камчатку щастливо въ 1707 году въ Іюлѣ мѣсяцѣ, и принялъ въ команду верхней и нижней Камчатскїе остроги у прежнихъ закащиковъ, купно съ собранною на тотъ годъ ясачною казною.

Въ Августѣ мѣсяцѣ тогожъ года отправилъ онъ въ походъ на бобровое море для усмиренїя измѣнниковъ, которые ясашныхъ сборщиковъ побили, служиваго Ивана Таратина человѣкахъ въ 70, которые были на службѣ Ноября по 27 число тогоже году. Помянутые походчики отъ самаго Верхняго острогу до Авачи не имѣли никакого сопротивленїя: но какъ они близъ Авачинской губы, что нынѣ гавань Петра и Павла, ночевать стали, то служивые Камчадаловъ и Камчадалы служивыхъ усмотрѣли. А понеже измѣнниковъ было въ собранїи сотъ съ восемь, то уговорились они, чтобъ служивыхъ не бить, но по рукамъ разбирать и вязать; чего ради и каждой измѣнникъ по ремню при себѣ имѣли: такая была у нихъ надежда на великое свое множество.

Слѣдующаго дня Таратинъ пошелъ къ Авачинской губѣ, гдѣ измѣнничьи лодки и байдары стояли. Измѣнники между тѣмъ скрывшись въ лѣсу по обѣ стороны дороги ожидали его прибытїя, и пропустя нѣсколько переднихъ, на самую средину напали, и бились съ служивыми такъ долго, пока большая ихъ часть легла на мѣстѣ, а прочїе принуждены были спасаться бѣгствомъ. Служивыхъ притомъ убито 6 человѣкъ, да нѣсколько

ранено

ранено. Камчадаловъ взято въ полонъ токмо три человѣка изъ лучшихъ людей, изъ за которыхъ собрано съ оставшихъ измѣнниковъ ясаку не болѣе какъ 10 соболей, 4 лисицы красныхъ, да 19 бобровъ морскихъ. Однако тѣмъ оная страна совершенно не покорена: ибо до самаго главнаго Камчатскаго бунта, которой учинился въ 1731 году, тамошніе жители почти всегда въ измѣнѣ были. Оттуду походчики возвратились въ Верхней острогъ съ ясачною казною и съ помянутыми аманатами Ноября 27 дня 1707 году, какъ выше показано. До сего времени правленіе въ Камчатскихъ острогахъ нѣсколько было порядочно; для того что подчиненные командировъ своихъ такъ, какъ надлежало, почитали, и повиновались имъ безъ всякаго сопротивленія; а потомъ начали у нихъ отъимать команды, обирать пожитки, сажать въ тюрьмы и убивать до смерти, какъ въ слѣдующей главѣ пространнѣе будетъ объявлено.

ГЛАВА 2.

О бунтѣ Камчатскихъ казаковъ, о убивствѣ трехъ прикащиковъ, о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи, и объ отправленіи служивыхъ для провѣдыванія островов и Японскаго государства для заслуженія винъ своихъ.

Коимъ образомъ служивые люди огорчены были на дорогѣ отъ Атласова, въ прежней главѣ упомянуто. Оное огорченіе, также нападки его, и собственное служивыхъ людей своевольство побудило ихъ къ

къ умышленію, чтобъ Атласова лишить команды, что они въ Декабрѣ мѣсяцѣ тогоже 1707 году и учинили. А въ оправданіе свое писали въ Якутскъ, будто Атласовъ не давалъ имъ съѣстныхъ припасовъ, которые съ Камчадаловъ збираются; будто самъ пользовался оными, а они прогулявъ рыбную пору претерпѣвали голодъ; будто изъ корысти своей выпустилъ аманатовъ, и отъ того во всѣхъ ясачныхъ иноземцахъ учинилась такая шатость, что ясачные зборщики посыланные на Пенжинское море едва спаслися бѣгствомъ; будто кололъ онъ на смерть служиваго Данила Бѣляева, и когда ему отъ служивыхъ представлено было, чтобъ онъ безвинно палашемъ не кололъ, но наказывалъ бы ихъ за вины батогами или кнутомъ, какъ Государевы указы повелѣваютъ; а онъ на то во отвѣтъ сказалъ, что Государь ему въ вину не поставитъ, хотя онъ ихъ и всѣхъ прирубитъ; будто онъ желая мстить казакамъ за мнимыя грубыя ихъ рѣчи, призвалъ къ себѣ лучшаго Камчадала, и говорилъ ему, аки бы кололъ помянутаго служиваго за то, что служивые хотятъ всѣхъ Камчадаловъ прибить, а женъ ихъ, дѣтей и кормы по себѣ раздѣлить; будто по той вѣдомости Камчадалы жилища свои оставили, и соединясь въ тѣсномъ мѣстѣ убили трехъ человѣкъ служивыхъ, и многихъ переранили, будто онъ посланную изъ Якутска подарочную казну почти всю употребилъ въ собственную пользу, такъ что на Камчаткѣ въ привозѣ явилось у него бисеру, а потамошнему одекую, и олова не больше полупуда, а мѣдь всю передѣлалъ онъ въ винокуренную

посу́ду; и будто у новокрещенаго Камчадала вымучилъ онъ нападками лисицу чернобурую, которая въ казну была приготовлена.

Сіе оправданіе ясно показываетъ прежную злобу служивыхъ людей на Атла́сова, хотя не можно сказать, чтобъ небольше правды писано на него было; ибо Атла́совъ могъ не давать имъ съѣстныхъ припасовъ казенныхъ, могъ аманатовъ изъ корысти выпустить, могъ съ палашемъ метаться пьяной, и корыстоваться ясачною казною, какъ человѣкъ лакомой, которое лакомство видимо будетъ изъ обранныхъ его пожитковъ, въ краткое время пріобрѣтенныхъ. Но кто тому повѣритъ, чтобъ онъ желалъ возбудить иноземцовъ къ бунту, вѣдая что по убивствѣ казаковъ и самому отъ смерти не избавиться. Чтожъ Камчадалы на Пенжинскомъ морѣ ясачныхъ зборщиковъ едва живота не лишили, что въ другомъ мѣстѣ трехъ человѣкъ убили, а иныхъ переранили, оное могло учиниться и безъ Атла́сова возмущенія, тѣмъ наипаче, что казаки, можетъ быть, чемъ огорчили ясачныхъ людей: ибо и на Пенжинскомъ морѣ ясачнаго зборщика хотѣли убить Камчадалы за то, что онъ вмѣсто одного соболя, требовалъ ясаку по два и по три съ человѣка. Что до чернобурой лисицы касается, то при обыскѣ не явилось ея у Атла́сова.

По сверженіи Атла́сова съ приказу выбрали служивые коммандиромъ верхняго острóга прикащика Семена Ломаева, которому по памяти бывшаго прикащика Колесова велѣно было быть при зборѣ ясака во всѣхъ острогахъ. Атла́сова посадили въ тюрму, по ихъ въ казенку, а

пожи-

пожитки его въ казну обрали, которыя кромѣ множества мѣховъ собольихъ и лисьихъ, состояли въ 30 сорокахъ въ 34 соболяхъ, въ 400 лисицахъ красныхъ, въ 14 сиводушетыхъ, въ 75 бобрахъ морскихъ.

Но Атласовъ невѣдомо какимъ образомъ изъ тюрьмы ушелъ, и сбѣжалъ въ Нижней Камчатской острогъ, хотя тамъ принять команду; однако бывшей тогда въ помянутомъ острогѣ закащикомъ Ѳедоръ Ярыгинъ команды ему не отдалъ: чего ради Атласовъ принужденъ былъ жить праздно до прибытія нижеписаннаго прикащика.

Между тѣмъ дошли въ Якутскъ посланныя на него отъ служивыхъ людей съ дороги челобитныя, изъ которыхъ Якутская канцелярія тогда еще предвидѣла, что на Камчаткѣ между служивыми и Атласовымъ послѣдуетъ вящшее несогласіе: чего ради опасаясь вреда въ разсужденіи государственной пользы, писала о всемъ въ Москву съ обстоятельствомъ; и въ 1707 году отправила на его мѣсто прикащикомъ сына боярскаго Петра Чирикова съ 1 пятидесятникомъ, съ четырмя десятниками, съ пятьюдесятъ человѣками рядовыхъ. А военнаго снаряду дано ему двѣ пушки мѣдныя, 100 ядеръ, пять пудъ свинцу, восемь пудъ пушечнаго пороху. Но какъ въ 1709 году въ Генварѣ мѣсяцѣ получены съ Камчатки вѣдомости о худыхъ поступкахъ Атласовыхъ, и объ отнятіи у него комманды; то Якутская канцелярія отправила въ слѣдъ за Чириковымъ указную память, чтобъ ему по дѣлу Атласову учинить слѣдствіе, и оное дѣло прислать на разсмотрѣніе въ Якутскую Воеводскую канцелярію съ выборнымъ прикащикомъ Семеномъ

Ломаевымъ, также зборную ясачную казну на 1707, 1708 и 1709 годы. Однако оная указная память Чирикова не застала въ Анадырскѣ, и на Камчатку не отправлена за малолюдствомъ служивыхъ людей въ Анадырскомъ острогѣ: ибо малыхъ людей посылать въ тотъ путь было опасно, для того что по Олюторскому и по Пенжинскому морю дорога отъ многихъ измѣнниковъ заперта была, такъ что они въ 1709 году Іюля 20 числа не взирая на знатную Чирикову команду, днемъ напасть на него отважились: бывшаго при казнѣ сына боярскаго Ивана Панютина съ товарищи въ 10 человѣкахъ убили, казну и военную аммуницію разграбили, а остальныхъ служивыхъ принудили сидѣть въ осадѣ на пустомъ мѣстѣ, отъ которой они 24 числа тогожъ мѣсяца учиня выласку и Олюторовъ щастливо отбивъ свободились, потерявши двухъ человѣкъ на сраженіи. Чего ради Чириковъ прибывъ на Камчатку не производилъ слѣдствія, довольствуяся одною командою.

Въ бытность его учинились два обстоятельства достойныя примѣчанія, 1) нещастливой походъ на большую рѣку казачья пятидесятника Ивана Харитонова, которой посыланъ былъ для усмиренія тамошнихъ измѣнниковъ въ 40 человѣкахъ: ибо измѣнники собравшись во многолюдствѣ 8 человѣкъ убили, а большую часть переранили; чего ради оставшіе принуждены были сидѣть въ осадѣ недѣли съ 4, и едва спаслися бѣгствомъ, 2) разбитіе на бобровомъ морѣ Японской бусы, къ которой Чириковъ въ 50 человѣкахъ самъ ходилъ. И понеже Японцы полонены были немирными

мирными Камчадалами, которые близЪ оной бусы жили, то ЧириковЪ имѣлЪ случай четырехЪ бывшихЪ унихЪ Японцов выручить: ибо измѣнники увидѣвЪ служивыхЪ вЪ бой сЪ ними вступить не отважились; но оставя ЯпонцовЪ разбѣжались по лѣсу. ВЪ томже своемЪ походѣ усмирилЪ онЪ измѣнниковЪ отЪ Жупановой до самой Островной рѣки, и привелЪ вЪ ясашной платежЪ по прежнему.

Между тѣмЪ какЪ ЧириковЪ изЪ походу своего вЪ верхней Камчатской острогЪ возвратился, прiѣхалЪ вЪ Августѣ мѣсяцѣ тогожЪ году на смѣну кЪ нему казачей пятидесятникЪ ОсипЪ МироновЪ, которой отправленЪ изЪ Якутска по выбору 1709 году вЪ 40 человѣкахЪ. ТакимЪ образомЪ собрались на Камчаткѣ три прикащика, АтласовЪ, ЧириковЪ и помянутой МироновЪ, онЪ же и ЛипинЪ.

ЧириковЪ здавЪ Миронову острогЪ, и все, что надлежало; вЪ Октябрѣ мѣсяцѣ поплылЪ вЪ нижней Камчатской острогЪ батами со служивыми и сЪ казною своего збору, чтобЪ тамЪ перезимовавЪ слѣдующаго году итти сЪ казною ПенжинскимЪ моремЪ. А ОсипЪ МироновЪ пробывЪ вЪ ВерьхнемЪ до зимы, Декабря 6 числа вЪ Нижней же острогЪ отправился, для разряду служивыхЪ людей кЪ судовому строенiю, и кЪ препровожденiю ясачной казны, оставя закащикомЪ вЪ томЪ острогѣ Алексѣя АлександровыхЪ. Но какЪ онЪ исправя дѣла свои вЪ НижнемЪ, ѣхалЪ обратно вЪ Верьхней острогЪ сЪ прежнимЪ прикащикомЪ Чириковымъ, то 20 человѣкЪ служивыхЪ, которые давно уже были вЪ злоумышленiи на прикащиковЪ, не допустя

пустя до острбгу, зарѣзали его на дорогѣ. А происходило оное убивство 1711 году Генваря 23 числа. Послѣ того удумали они и Чирикова живота лишить; однакожъ по прозбѣ его дали ему время къ покаянію. Между тѣмъ сами въ 31 человѣкѣ поѣхали въ Нижней Камчатской острогъ, чтобъ убить Атласова, и не доѣхавъ за полверсты до онаго острбгу стали они въ прикрытѣ, а въ острогъ послали трехъ человѣкъ, и дали имъ составное письмо къ Атласову съ такимъ приказаніемъ, чтобъ убить его въ ту пору, когда онъ письмо читать имѣетъ; но посланные вечеромъ застали его спящаго и зарѣзали. Тогда вся партія ихъ въ острогъ вступила, и стали десятками своими на три двора съ ружьемъ и съ копьями, а главные изъ нихъ были Данило Анцыфоровъ, да Иванъ Козыревской. Живучи въ острогѣ дѣлили они пожитки убитыхъ прикащиковъ, заводили казачьи круги, выносили знамя, призывали къ себѣ въ сообщеніе другихъ людей, и такимъ образомъ умножили до 75 человѣкъ свою партію. Данила Анцыфорова назвали Атаманомъ, Козыревскаго ясауломъ, иныхъ верстали въ ясаулыжъ и десятники, и многія другія наглости дѣлали; перевезли съ Тигиля пожитки Атласовы, которыя отправилъ было онъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ весть ему Пенжинскимъ моремъ, пограбили съѣстные припасы служивыхъ людей, которые на морской путь были заготовлены, расхитили парусы и снасти, которыя оставлены были отъ прикащика Осипа Миронова для отправленія Чирикова съ казною тѣмже Пенжинскимъ моремъ; а потомъ въ Верхней острогъ уѣхали, и Марта 20 числа Чирикова оковавъ въ воду бросили. Того

Того же 1711 году Апрѣля 17 дня подали они въ Верьхнемъ острóгѣ для отсылки въ Якутскъ повинную челобитную, въ которой объявляютъ притчины, за что они побили двухъ прикащиковъ, Петра Чирикова и Миронова, а объ Атла́совѣ не упоминаютъ. Вся важность челобитья ихъ состоитъ въ лакомствѣ прикащиковъ, коимъ образомъ корыстовались они Государевою казною покупая на оную товары, и тѣмъ получая себѣ непомѣрную прибыль, какъ утѣсняли служивыхъ и ясачныхъ людей, и вымучивали изъ за побоевъ и пристрастія пожитки ихъ, какъ жалованье денежное за себя переводили, а имъ неволею давали товары по тамошней Камчатской цѣнѣ: за полной пѣшей казачей окладъ за 9 рублей за 25 копѣекъ по 12 аршинъ холстины, или табаку Китайскаго по 6 золотниковъ; да сверхъ того съ каждаго окладу брали себѣ скупу по два рубли: а они служивые въ росходныхъ книгахъ росписывались не въ товарахъ, но въ деньгахъ, и прочее тому подобное. А такое дерзновеніе учинили они для того, что жалоба ихъ на прикащиковъ недойдетъ за дальнимъ разстояніемъ, особливо же что прикащики челобитчиковъ до Якутска не допустилибъ. При томъ сообщили они и опись пограбленнымъ пожиткамъ Чирикова и Миронова, а по описи ихъ досталось имъ на артель; пожитковъ Петра Чирикова 15 сóроковъ соболей, 500 лисицъ красныхъ, 20 бобровъ морскихъ; Осипа Миронова 20 сóроковъ соболей, 400 лисицъ красныхъ да 30 бобровъ морскихъ.

Изъ

Изъ Верьхняго острóга пошли они весною того году въ помянутомъ числѣ въ 75 человѣкахъ на большую рѣку, чтобъ тамошнихъ измѣнниковъ усмирить, большерѣцкой острогъ построить, и тѣмъ заслужить вины свои. Въ перьвыхъ числахъ Апрѣля разбили они Камчатской острожекъ между впадающими въ большую рѣку съ правой стороны быстрою и Гольцовкою рѣками, гдѣ нынѣ Россійской большерѣцкой острогъ, въ которомъ они засѣли, и жили по Май мѣсяцъ безъ всякаго нападенія отъ Камчадаловъ. А Мая 22 числа приплыло къ ихъ острожку съ верху и съ низу большей рѣки великое множество Камчадаловъ и Курильцовъ для взятья онаго острожка, и истребленія служивыхъ людей, и обступя оной всякимъ образомъ осажденныхъ страшили, и похвалялись шапками ихъ заметать безъ оружія.

Мая 23 дня казаки отслужа молебенъ, ибо взятъ ими былъ въ объявленной походъ Архимандритъ Марціанъ, которой отъ Филоѳея Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго въ 1705 году на Камчатку отправленъ для проповѣди слóва божія, выслали половину партіи своей на выласку, которые выпаля нѣсколько разъ по Камчадалахъ изъ винтовокъ, бились съ ними на копьяхъ до самаго вечера; на конецъ одержали побѣду. На сраженіи побито и перетонуло измѣнниковъ такое великое множество, что трупами ихъ большая рѣка запрудилась, а съ Россійской стороны три человѣка убито, да нѣсколько ранено. Сія побѣда тѣмъ наипаче важна была, что всѣ большерѣцкіе острожки безъ бою покорились, и стали ясакъ давать попрежнему.

Ходили

Ходили же бунтовщики и въ Курильскую землицу, были за проливомъ на первомъ Курильскомъ острову, и жителей тамошнихъ въ ясакъ обложили, а до того времени никто не бывалъ на острову Курильскомъ.

Между тѣмъ въ 1711 году пріѣхалъ на смѣну Осипу Миронову казачей десятникъ Василей Савастьяновъ, онъ же и Щепеткой, не вѣдая о убивствѣ трехъ прикащиковъ: ибо отписки не дошли еще до Якутска при его отправленіи, и собиралъ ясакъ въ верьхнемъ и въ Нижнемъ острогахъ, а въ большерѣцкомъ главной бунтовщикъ Анцыфоровъ; которой подъ видомъ должности своей самъ пріѣжжалъ въ Нижней острогъ съ большерѣцкою ясашною казною; однако въ такомъ числѣ своей партіи, что могъ быть безопасенъ отъ тюрьмы и отъ слѣдствія: чего ради и отпущенъ отъ Щепеткаго на большую рѣку паки зборщикомъ. На обратномъ пути по Пенжинскому морю привелъ онъ въ ясашной платежъ Копнаковой и Воровской рѣки измѣнниковъ; которые отложились было за нѣсколько времени; но въ 1712 году въ Февралѣ мѣсяцѣ и самъ убитъ отъ Авачинскихъ измѣнниковъ обманомъ: ибо какъ онъ въ 25 человѣкахъ на Авачу поѣхалъ, а иноземцы о томъ свѣдали; то здѣлали они крѣпкой и пространной балаганъ съ потайными подъемными дверьми для его принятія. Съ пріѣзду приняли его честно, отвели помянутой балаганъ, дарили щедрою рукою, довольствовали, богатой ясакъ платить обѣщались безъ прекословія, и дали нѣсколько человѣкъ въ Аманаты изъ людей лучшихъ; но слѣдующей ночи сожгли ихъ въ помянутомъ балаганѣ купно съ своими

Аманатами. Злобу, какову имѣли Камчадалы на служивыхъ людей, можно видѣть по рѣчамъ помянутыхъ Аманатовъ ихъ: ибо сказываютъ, что при зажженіи балагана Камчадалы кричали имъ поднимая двери, чтобъ они, какъ можно, вонъ выбросились; но Аманаты отвѣтствовали, что они скованы, и приказывали жечь балаганъ не щадя себя, токмо бы служивые згорѣли. Такимъ образомъ бунтовщичей Атаманъ Анцыфоровъ съ нѣкоторыми смертноубійцами предупредилъ казнь свою, доказавъ смертію своею истинну пословицы, которую бунтовщики обыкновенно употребляли, что на Камчаткѣ можно прожить семь лѣтъ, что ни здѣлаешь, а семь де лѣтъ прожить, кому богъ велитъ. И правда что до провѣданія пути Пенжинскимъ моремъ, за дальнимъ разстояніемъ, и труднымъ проѣздомъ чрезъ землю немирныхъ Корякъ, въ пересылкѣ репортовъ въ Якутскъ, и въ полученіи указовъ проходило много времени; что бездѣльникамъ онымъ подавало немалой поводъ къ наглостямъ.

По смерти Данилы Анцыфорова, нетакая ужè, какъ видно, опасность была прикащикамъ отъ бунтовщиковъ: ибо Щепеткой нарочныхъ посылалъ въ Верхней острогъ, чтобъ ловить убійцовъ, гдѣ попадутся, при которомъ случаѣ одинъ и пойманъ, и въ Нижнемъ острóгѣ розъискиванъ, и во многихъ злоумышленіяхъ кромѣ убивства трехъ прикащиковъ винился, а именно; что намѣрены они были разбить верхней и нижней Камчатскіе острóги, прикащика Щепеткова убить, ясашную казну и многихъ прожиточныхъ служивыхъ людей пограбить, а потóмъ уйтить

на остро-

ва острова и поселиться; чего ради и Анцыфоровъ пріѣжжалъ къ Щепеткому не столько для отдачи ясашной казны, какъ для похищенія собранной, и для его убивства; однако за многолюдствомъ служивыхъ противной стороны предпріятія своего въ дѣйство произвесть не отважилися.

Щепеткой оставя въ Верхнемъ прикащика Константина Козырева, а въ Нижнемъ Ѳедора Ярыгина отправился съ Камчатки въ 1712 году Іюня въ 8 день, и шелъ съ Камчатскою казною по Олюторскому морю до Олюторской рѣки, и вверхъ оной рѣки 4 дни, и не доходя за 2 днища до Глотова жилья остановился; для того что выше того за мѣлью рѣки и за быстротою судами итти не можно было. Для защищенія казны отъ Олюторовъ, огородился онъ за оскудѣніемъ лѣсу вмѣсто острогу земляными юртами, ибо Олюторы на дорогѣ съ ними бой имѣли, а тогда по всякой день приступъ чинили. Въ острогѣ сидѣлъ онъ съ 84 человѣками команды своей Генваря до 9 числа 1713 году. Между тѣмъ послалъ онъ нарочныхъ въ Анадырскъ съ требованіемъ помощи и подводъ для перевозу ясашной казны, которая помощь въ 60 человѣкахъ состоящая, и довольное число оленей подъ казну ему и прислано. Такимъ образомъ ясачная казна едва спаслася отъ немирныхъ Коряковъ, въ Якутскъ дошла она въ Генварѣ мѣсяцѣ 1714 году, а въ вывозѣ не было ея за объявленными бунтами и замѣшательствами, и за труднымъ отъ Коряковъ проѣздомъ съ 1707 году по самое объявленное время; было же ея всякихъ зборовъ прежнихъ прика-

щиковъ 332 сорока соболей, 3289 лисицъ красныхъ, въ томъ числѣ семь бурыхъ, сорокъ одна сиводущетыхъ, да морскихъ бобровъ 259.

По выѣздѣ съ Камчатки Василья Щепеткова взбунтовалъ верхняго Камчатскаго острогу закащикъ Кыргызовъ, и собравшись со служивыми людьми того острога, приплылъ батами въ нижней Камчатской острогъ, мучилъ тамошняго закащика Ярыгина свинцовыми кистенями, и клячемъ вертѣлъ ему голову, пожитки ево разграбилъ, и раздѣлилъ съ своими служивыми: такоежъ нещастіе претерпѣлъ тамошней священникъ и нѣсколько казаковъ Нижношантальскихъ, которыхъ они били, и подымали на дыбу; чего ради Ярыгинъ принужденъ былъ команду оставить, и въ монахи постричься, а острогъ здалъ служивому богдану Канашеву, которой правилъ онымъ до вторичнаго прибытія Василья Колесова, что прежде былъ казачьимъ пятидесятникомъ, но тогда ужѐ былъ пожалованъ дворяниномъ по Московскому списку. А Кыргызовъ подговоря къ себѣ въ злоумышленіе 18 человѣкъ Нижношантальцовъ возвратился въ верьхней Камчатской острогъ, и былъ страшенъ Нижнему острогу долгое время, не токмо до пріѣзду прикащика Колесова, но и въ бытность онаго.

Помянутой Колесовъ отправленъ изъ Якутска на смѣну Василью Савастьянову въ 1711 году, а въ нижней Камчатской острогъ пріѣхалъ Сентября 10 числà 1712 году, получа на дорогѣ указъ о розыскѣ бунтовщиковъ, кои убили трехъ прикащиковъ: по которому указу два человѣка смертію казнены, инымъ вставливаны

ливаны клейма. Ясаулъ ихъ Иванъ Козыревской, которой по смерти атамана Данилы Анцыфорова былъ въ большерѣцкѣ прикащикомъ, съ большею частїю единомышленниковъ штрафованы. Но послѣдняго бунта начальникъ Кыргызовъ, не токмо не пошелъ подъ судъ къ Колесову, но и острога ему не отдалъ, а притомъ угрожалъ быть въ Нижней острогъ, и взявъ пушки збить дворъ его; по которому обѣщанїю и прїѣхалъ въ 30 человѣкахъ своей партїи, въ то самое время, какъ большерѣцкїе казаки прїѣхали къ слѣдствїю; однако не могъ совершенно исполнить своего предпрїятїя.

Колесовъ опасаясь обѣихъ партїй, не приказалъ было въѣжжать имъ въ острогъ многолюдствомъ; но Кыргызовъ несмотря на то сталъ на квартиру, и содержалъ у себя денно и ночно караулъ крѣпкой. Между тѣмъ подзывалъ Нижношантальскихъ казаковъ въ сообщенїе, и съ угрозами требовалъ отъ прикащика указу, чтобъ ѣхать ему для провѣдыванїя морскаго Карагинскаго острова; однако и казаки къ нему не пристали, и указу не дано: чего ради возвратился онъ въ Верьхней острогъ безъ всякаго успѣха, и вскорѣ потомъ отъ своихъ сообщниковъ лишенъ команды, и посаженъ въ казенку: ибо оные видя постоянство Нижношантальскихъ служивыхъ, и не имѣя никакой надежды, чтобъ здѣлавъ суда мимо Нижнаго острогу проплыть въ море, раздѣлились на двѣ партїи, изъ которыхъ одна держала Колесову сторону, а другая стояла за Кыргызова; но первая верьхъ одержала. По сей причинѣ Колесовъ принялъ верьхней Камчатской

ской острогъ въ команду ужѐ въ 1713 году, бунтовщиковъ, кого надлежало, штрафовалъ; Кыргызова съ главнымъ его сообщникомъ казнилъ смертію; и такимъ образомъ бунты и розыскъ окончаны. Служивые, которые къ прежнимъ бунтовщикамъ не пристали, всѣ пожалованы въ конные казаки, а бывшіе тогда въ Верьхнемъ и въ Нижнемъ острогахъ закащиками, въ дѣти боярскіе.

Послѣ того въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1713 году отправилъ Колесовъ бывшаго ясаула Козыревскаго съ 55 человѣками служивыхъ и промышленных да съ 11 человѣками Камчадаловъ на большую рѣку, давъ имъ двѣ пушки и нѣсколько военнаго снаряду, и приказалъ на болшей рѣкѣ небольшія суда построить, и заслуживать вины свои въ пріискиваніи морскихъ островъ и провѣданіи Японскаго царства. Однако изъ онаго отправленія дальной пользы не учинилось, токмо покорено и объясачено нѣсколько жителей Курильской лопатки, и Курильцовъ перьваго и втораго островов, да получены нѣкоторыя извѣстія о дальнихъ островахъ Курильскихъ, что пріѣжжаютъ какъ на дальніе оные, такъ на второй и перьвой острова̀ изъ города Матмая съ торгомъ, и продаютъ имъ желѣзные и чугунные котлы, всякую лаковую деревянную посуду, сабли и бумажныя и шелковыя матеріи, которыхъ товаровъ Козыревской нѣсколько привезъ съ собою.

ГЛАВА

ГЛАВА 5.

О прикащикахъ бывшихъ послѣ Василья Колесова до главнаго Камчатскаго бунта, что при которомъ достойнаго примѣчанія здѣлалось; о приключеніяхъ при вывозѣ ясашной казны съ Камчатки, и о провѣданіи пути изъ Охотска на Камчатку чрезъ Пенжинское море.

Въ 1713 году въ Августѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ на смѣну Колесову дворянинъ Иванъ Енисейской, которой въ бытность свою, кромѣ правленія всякихъ дѣлъ и ясачнаго збору, заложилъ на ключахъ церьковь, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ со временемъ Нижнему Камчатскому острогу быть на ономъ мѣстѣ, что и воспослѣдовало: ибо казаки не въ долгомъ времени переселились на новое, а прежнее мѣсто неспособно было къ строенію потому, что около онаго болота, и что оно водою понимается. И стоялъ нижней Камчатской острогъ на томъ мѣстѣ до главнаго въ 1731 году учинившагося Камчатскаго бунта; а во время бунта сожженъ купно съ церьковью и со всѣмъ строеніемъ, какъ въ первой части сего описанія упомянуто.

При егоже бытности былъ походъ на Авачинскихъ измѣнниковъ, которые Данила Анцыфорова въ 25 человѣкахъ убили; а было въ томъ походѣ служивыхъ 120, да Камчадаловъ 150 человѣкъ. Измѣнники сидѣли въ осадѣ въ такомъ крѣпкомъ острогѣ, что казаки недѣли съ двѣ стоять подъ нимъ принуждены были; и два раза приступали безъ всякаго успѣ-

ху:

ху: наконецъ огнемъ сожгли, и всѣхъ Камчадаловъ, которые выбѣгали во время пожара, побили, оставя токмо тѣхъ, которые до зажженія къ нимъ вышли, и ясакъ платить обѣщались. Тоже учинили они и съ жителями Парапуна острожка, которой приступомъ взяли. Съ того времени Авачинскіе Камчадалы начали ясакъ платить погодно, а прежде служивые довольны бывали тѣмъ, что Камчадалы имъ давали, и то не повсягодно: ибо они по большей части бывали въ измѣнѣ.

Енисейской собравъ ясакъ на 1714 годъ, весною тогоже году на судахъ по Олюторскому морю отправился, купно съ преждебывшимъ прикащикомъ Васильемъ Колесовымъ, которой въ 1713 году со зборомъ своимъ въ Якутскъ не поѣхалъ за малолюдствомъ, опасаясь Корякъ немирныхъ. И тогожъ 1714 году Августа въ послѣднихъ числахъ дошли они благополучно до рѣки Олюторской, и застали тамъ дворянина Аѳанасья Петрова, которой погромя Олюторовъ и разоря славной острогъ ихъ большей посадъ называемой, строилъ Олюторской Россійской острогъ съ немалымъ числомъ Анадырскихъ казаковъ и Юкагирей. Во ономъ острогѣ жили они съ ясашною казною до зимняго пути; а казны у обоихъ прикащиковъ было 141 сорокъ и одинъ соболь, 751 лисица красныхъ, 10 сиводущетыхъ, 137 бобровъ морскихъ, 11 пластинъ лисьихъ, 2 выдры, 22 золотника золота въ кускахъ и въ платкахъ съ Японскою надписью, которыя взяты прежде сего на разбитыхъ Японскихъ бусахъ, да денегъ сорокъ рублевъ.

Какъ

Какъ зимней путь насталъ, то всѣ трое дворяне со служивыми и ясашною казною поѣхали въ Анадырскъ. Въ Олюторскѣ оставлено служивыхъ 55 человѣкъ; а съ ними было казачьихъ сотниковъ 4, рядовыхъ человѣкъ около пятидесяти, да двое священниковъ.

Декабря 2 дня 1714 году, бывшіе съ Аѳанасьемъ Петровымъ Юкагири, не доходя до Акланскаго острожка, на Таловской вершинѣ убили его Петрова со служивыми, и Камчатскую казну разграбили, а Камчатскіе прикащики Колесовъ и Енисейской въ 16 человѣкахъ ушли въ Акланской острогъ; но и тѣмъ отъ смерти не избавились: ибо Юкагири обступя помянутой острогъ склонили тамошнихъ Корякъ угрозами къ измѣнѣ и убивству Камчатскихъ прикащиковъ. А учинилась помянутая измѣна, какъ послѣ сами Юкагири и нѣкоторые казаки показывали, отъ несносныхъ обидъ и налоговъ Аѳанасья Петрова; особливо же, что онъ будучи при осадѣ Олюторска, не отпускалъ ихъ по указу изъ Анадырска на промыслы, но взялъ подъ Камчатскую казну въ подводы, чего ему по тому указу дѣлать не надлежало, а должно было везть на Коряцкихъ подводахъ, которыя были дѣйствительно уже сбираны.

Вышеписанная казна отъискивана была съ крайнимъ стараніемъ, однако она такъ была разсѣяна, что въ сыску происходили крайнія затрудненія: много ея досталось не токмо Корякамъ, но и Камчадаламъ, и Анадырскимъ служивымъ, бывшимъ въ новопостроенномъ Олюторскомъ острогѣ: ибо Юкагири пришедъ

шедъ пóслѣ измѣны подъ оной острогъ торговали со служивыми; однако такъ, что другъ къ другу не подходили на лучной выстрѣлъ: мѣняли тѣ соболи и лисицы на табакъ Китайской, и отдавали соболя по три и по четыре трубки табаку, а трубокъ ихъ изъ одного золотника по малой мѣрѣ 50 будетъ. Такимъ образомъ одинъ пятидесятникъ Алексѣй Петриловской, которой вскорѣ пóслѣ поѣхалъ на Камчатку прикащикомъ, намѣнялъ, кромѣ другой мяхкой рухляди, соболей дватцать сóроковъ, которые однакожъ послѣ на немъ въ казну доправлены. Нѣсколько соболей и лисицъ сами измѣнники приносили, иное отдавали посыланнымъ для уговору ихъ служивымъ людемъ; а сколько той казны сыскано и утратилось, того заподлинно мнѣ неизвѣстно. Впрочемъ Юкагири и Коряки были въ измѣнѣ немалое время, какъ видно изъ Анадырскихъ отписокъ въ Якутскъ, по которымъ явствуетъ, что Коряки Пенжинскаго мóря въ 1720 году уговорены, и въ ясакъ приведены по прежнему Якутскимъ дворяниномъ Степаномъ Трифоновымъ, которой съ знатнымъ числомъ служивыхъ нарочно для того присланъ былъ, а до того времени, особливо же въ первыхъ годахъ по убіеніи прикащиковъ, угрожали они нападеніемъ на Анадырской острогъ, и намѣрены были призвать къ себѣ на пóмочь Чукчей.

Пóслѣ объявленнаго убивства прикащиковъ, Камчатской казны чрезъ Анадырскъ больше ужè не высылали: ибо между тѣмъ провѣданъ изъ Охотска на Камчатку морской путь, которой по близости, способности и без-

безопасности несравненное имѣетъ преимущество противъ прежняго: чего ради и путь изъ Якутска чрезъ Анадырскъ, кромѣ нужныхъ посылокъ съ письмами, почти со всѣмъ оставленъ. А погибло по той дорогѣ съ 1703 году до провѣданія морскаго пути человѣкъ съ 200, которой уронъ по дальности мѣста, и по малолюдству казаковъ, можно почитать за весьма чувствительной. Объявленной морской путь провѣдалъ въ 1715 году команды отправленнаго для сысканія острововъ морскихъ, Полковника Якова Елчина, чрезъ Якутскаго служиваго Козму Соколова, въ бытность Камчатскимъ прикащикомъ казачья пятидесятника Алексѣя Петриловскаго.

При семъ прикащикѣ паки начались между казаками возмущенія: ибо казаки по согласію съ Соколовымъ смѣнили его съ приказу, и посадили подъ караулъ, а пожитки его въ казну обрали. Причиною тому былъ самъ Петриловской, которой по ненасытному своему лакомству не имѣлъ уже мѣры въ грабленіи, хищеніи и мучительствѣ; рѣдкой прожиточной человѣкъ могъ избѣжать раззоренія по какимъ ни будь его припадкамъ, а одинъ служивой бѣдственнымъ образомъ въ вилахъ скончалъ и животъ свой. Такимъ образомъ награбилъ онъ въ краткое время такое богатство, которое превосходило похищенную двугодовую ясашную казну со всей Камчатки збору убитыхъ двухъ прикащиковъ: ибо взято у него, кромѣ многаго числа собольихъ и лисьихъ шубъ, одной мягкой рухляди болѣе 140 сороковъ соболей, около 2000 лисицъ, 207 бобровъ да 169 выдеръ.

ы 2 Что

Что касается до тамошнихъ народовъ, то отъ нихъ не было большаго возмущенія, кромѣ что на Камчатской лопаткѣ между самыми Курильцами учинилось несогласіе, по причинѣ котораго одинъ родъ Курильцовъ, которой былъ начинателемъ несогласія и раззоренія многимъ ясашнымъ иноземцамъ, не похотѣлъ ясаку платить, и не отдался на разговоръ служивымъ, опасаясь достойнаго наказанія; да на Харїузовой рѣкѣ убиты 4 человѣка служивыхъ, которые посланы были съ казною къ морскому судну: однако всѣ помянутые мятежники вскорѣ принуждены были покориться по прежнему. Впротчемъ поступки нѣкоторыхъ прикащиковъ и служивыхъ людей еще въ то время были столь предосудительны, что безъ сумнѣнія надлежало опасаться худыхъ слѣдствїй отъ Камчадаловъ, которые тѣми ихъ поступками весьма не довольны были.

Послѣ Петриловскаго былъ прикащикомъ Козьма Вѣжливцовъ, послѣ Вѣжливцова присланной изъ Анадырска служивой Григорей Камкинъ, а въ 1718 году прислано изъ Якутска уже три прикащика изъ дѣтей боярскихъ; Иванъ Уваровской въ нижней Камчатской острогъ, Иванъ Поротовъ въ верхней, а въ большерѣцкой Василей Кочановъ, котораго однакожъ казаки скоро команды лишили, и въ тюрму посадили по обыкновенїю, гдѣ онъ болѣ полугода былъ мученъ, а наконецъ избавился бѣгствомъ. Но Кочановъ видно безъ довольной причины съ приказу сверженъ: ибо мятежники взяты были въ Тобольскъ, и наказаны за своевольство. Между такими замѣшательствами здѣлалась

измѣна

измѣна на Воровской рѣкѣ; побиты ясачные зборщики, и ясачная казна разграблена; но оные тогожъ году усмирены военною рукою.

1719 году присланъ былъ на смѣну тѣмъ прикащикамъ дворянинъ Иванъ Харитоновъ, которой ходилъ въ походъ противъ немирныхъ сидячихъ Корякъ на Палланъ рѣку, и во ономъ походѣ убитъ обманомъ: ибо Коряки сперва приняли его честно, дали ясакъ и аманатовъ, и такимъ образомъ исплоша, за ужиною съ нѣсколько человѣками закололи; однако тотъ подлогъ не со всѣмъ имъ удался: ибо большая часть казаковъ справясь, имѣли щастіе изъ юрты выйти, и измѣнниковъ сожечь безъ остатку въ острогѣ.

Въ слѣдующіе годы до самаго главнаго Камчатскаго бунта, въ разсужденіи прикащиковъ и Камчатскихъ народовъ, ничего особливаго не происходило, кромѣ нѣкоторыхъ мѣлкихъ возмущеній въ Курилахъ и на Авачѣ: ибо прикащики ежегодно перемѣнялись попрежнему, и на другой годъ выѣжжали съ собранною казною, а Камчадалы временемъ били по два и по три человѣка зборщиковъ: но въ разсужденіи экспедиціи достопамятны 1720, 1728 и 1729 годы. Въ 1720 году по имянному указу ѣздили для провѣданія и описанія Курильскихъ острововъ Навигаторы Иванъ Евреиновъ да Ѳедоръ Лузинъ, которые съ нарочитымъ плодомъ назадъ возвратились въ Якутскъ 1721 году: ибо они первые доѣжжали почти до Матмая. Въ 1728 году перьвая Камчатская експедиція ходила въ море для провѣдыванія и описанія сѣверныхъ береговъ до 67° и 17′ сѣверной ширины, слѣду-

ющаго году выѣхала на Ламу, а 1730 году въ Санктпетербургъ. Въ 1729 году прибыла въ тамошнія мѣста такъ называемая Партія, подъ командою Капитана Дмитрія Павлуцкаго, да Якутскаго казачья головы Аѳанасья Шестакова, которой велѣно было всѣ берега сѣверные и южные описать по всѣмъ обстоятельствамъ, всѣхъ тамошнихъ Корякъ и Чукочь, кои въ ясакъ не положены, привесть въ подданство ласкою или оружіемъ, въ пристойныхъ мѣстахъ остроги построить, провѣдывать вновь земли, и стараться о заведеніи съ окрестными комерціи; котораго однакожъ предпріятія не могла партія произвесть въ дѣйство, такъ какъ надлежало, кромѣ того что нѣкоторые остроги построила, нѣсколько немирныхъ Корякъ покорила, описала берега къ Китайскому владѣнію до рѣки Уди, и нѣсколько ходила въ Курильскую сторону: ибо Шестаковъ убитъ отъ Чукочь въ 1730 году, которые приходили громить во многолюдствѣ ясашныхъ Оленныхъ Корякъ; а Капитанъ Павлуцкой, что послѣ Маеоромъ былъ, опредѣленъ къ слѣдствію Камчатскаго бунта къ Подполковнику Мерлину въ товарищи: въ томъ только онъ щастливѣе былъ Шестакова, что на многихъ сраженіяхъ перевелъ великое множество упорнаго Чукоцкаго народу, и на нѣсколько времени учинилъ безопасными Корякъ и Анадырскихъ жителей.

Въ томже 1729 году лѣтнимъ временемъ принесло къ Камчатскимъ берегамъ между Курильскою лопаткою и Авачею *Японскую бусу, на которой было 17 человѣкъ

* Оное судно по Японски называлось Фаянкмаръ, было изъ города Садмы, отправлено съ сорочинскимъ пшеномъ, съ камками, полот

вѣкъ и нѣсколько товаровъ; но оные нещастливые люди побиты отъ случившагося въ тѣхъ мѣстахъ пятидесятника Штинникова, кромѣ двухъ человѣкъ, которые въ Санктпетербургъ высланы, и имѣли безъ сумнѣнія случай къ удовольствію своему слышать о казни сего злодѣя за неповинное убивство земляковъ своихъ въ

жомъ, пищею бумагою, и другими вещами въ городъ Азаку; и слѣдуя къ оному Окїаномъ сперьва бѣжали благополучнымъ вѣтромъ, потомъ претерпѣло оно противную жестокую погоду восемь дней, которою отнесло ихъ въ открытое море, гдѣ уже пути своего не узнали. Въ морѣ носило ихъ такъ какъ вѣяли вѣтры, шесть мѣсяцовъ и 8 дней, считая Ноября отъ 8 Іюня по 7 число: между тѣмъ принуждены они были выметать всѣ свои товары, снасти, якори и срубить мачту, а руль отбило погодою, вмѣсто котораго употребляли они долгїя брѐвна привязавъ ихъ за корму. Въ толь бѣдственныхъ обстоятельствахъ не оставили они просить помощи у боговъ своихъ, а особливо у морскаго, котораго называютъ фнада́ма, однако не много успѣли своею молитвою: наконецъ принесло ихъ къ Камчатскимъ берегамъ близъ Курильской лопатки, гдѣ они отъ берегу верстахъ въ 5 брося остальные свои якори, остановились, и начали свозить нужныя вещи на берегъ. Потомъ и всѣ съѣхали на землю, а числомъ было ихъ 17 человѣкъ, и поставя шатеръ 23 дни покой имѣли, не видавъ никого изъ Камчатскихъ обывателей, а между тѣмъ большее ихъ судно унесло погодою.

Послѣ того нашелъ на нихъ Казачей пятидесятникъ Андрей Штинниковъ съ Камчадалами. Японцы обрадовались людямъ, хотя языку не разумѣли. Начали имъ оказывать всякую склонность и привѣтство, дарить платьемъ, и что у нихъ было: напротивъ чего и съ другой стороны прїятствовали, токмо подъ видомъ, и Штинниковъ стоялъ въ 10 саженяхъ отъ стану цѣлые два дни; наконецъ онъ съ Камчадалами скрылся отъ Японцовъ въ ночное время къ немалому ихъ сожалѣнїю. Слѣдующаго дня собрались Японцы въ малое свое судно, погребли близъ бѐрега съ тѣмъ, чтобъ сыскать жилье какое, и отъѣхавъ верстъ съ 30, нашли на берегу большее свое судно, которое Штинниковъ ломалъ съ Камчадалами, и обиралъ желѣзные припасы. Японцы не смотря на гибель своего судна продолжали далѣе путь свой стороною; но какъ завидѣлъ ихъ Штинниковъ, тотъ часъ приказалъ Камчадаламъ перенять и побить ихъ. Японцы видя легкое судно за ними гонящее, и предвидя свою погибель, въ началѣ ста́ли ублажать и умилостивлять поклонами, но какъ вмѣсто склонности увидѣли пускаемыя стрѣлы, то иные пометались въ воду, а остальные отъ части копьями переколоты, отчасти собственными своими саблями, которые подарили Штинникову, въ знакъ

Въ 1730 году сбиралъ ясакъ на Камчаткѣ служивой Иванъ Новогородовъ, а на 1731 годъ Казачей пятидесятникъ Михайло Шехурдинъ, о которыхъ надлежитъ упомянуть для того, что они за главную притчину Камчатскаго бунта почитаются, которой вскорѣ по выѣздѣ Шехурдина и послѣдовалъ.

ГЛАВА

своей покорности, перерублены и въ море пометаны; токмо въ живѣ оставлены двое, одинъ малолѣтной 11 лѣтъ отъ роду, именемъ Гонза, которой былъ при отцѣ своемъ Штурманѣ для обученія мореплаванія, но и тотъ въ руку раненой; а другой старой, именемъ Соза, которой взятъ былъ отъ купечества для провожанія помянутаго судна, и которой было бросился въ море.

Штинниковъ получа малое ихъ судно, все что на ономъ ни было, себѣ взялъ: большее судно для желѣза сжегъ, Японцовъ захолопилъ и со всею тою корыстью въ верьхней острогъ поѣхалъ, надѣясь пользоваться варварствомъ пріобрѣтенною добычею, которою и пользовался до прибытія изъ Якутска прикащика: ибо отъ закащиковъ откупался онъ Японскими вещами. Но прикащикъ, какъ скоро услышалъ о помянутомъ приключеніи, приказалъ взять у Штинникова Японцовъ, закащика, которой бралъ подарки, предъ ними наказывалъ жестоко. Штинникова посадилъ въ тюрьму, и писалъ о немъ въ вышшую команду, а Японцовъ содержалъ до указу на казенномъ коштѣ.

По смѣнѣ съ приказу отвезъ онъ Японцовъ въ нижней Камчатской острогъ, и отдалъ на руки Штурману Якову Генсу, а самъ поѣхалъ въ Анадырскъ, и донесъ о всемъ бывшему въ Анадырскѣ тогдашнему главному командиру партіи господину Маеору Павлуцкому, отъ котораго къ Генсу немедленно присланъ былъ ордеръ, чтобъ Японцовъ въ Якутскъ отправить, куда они въ 1731 году и отправлены. Въ Якутскѣ жили они недѣль съ пять на казенномъ же коштѣ, а потомъ отправлены въ Тобольскъ по указу присланному за рукою Губернатора Алексѣя Львовича Плещеева. Въ Тобольскѣ содержаны они были во всякомъ удовольствіи, а по прошествіи четырехъ недѣль посланы въ Москву съ нарочными провожатыми, которые ихъ въ Сибирскомъ приказѣ представили, а Сибирской приказъ съ тѣмиже провожатыми отправилъ ихъ въ Санктпетербургъ въ Правительствующій Сенатъ, которой немедлѣнно донесъ объ нихъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО указавъ представить ихъ въ Лѣтнемъ домѣ, САМА изволила спрашивать о ихъ приключеніяхъ: ибо младшей изъ нихъ нехудо ужѐ говорилъ по россійски: и тогда же повелѣла Своему Генералу Адъютанту Андрею Ивановичу Ушакову объявить въ Сенатѣ указъ Свой, чтобъ ихъ и деньгами и платьемъ довольствовать.

Въ 1734 году по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отданы они въ Кадетской корпусъ Іеромонахамъ, для ученія христіанскаго

ГЛАВА 4.

О измѣнѣ Камчадаловъ, о сожженіи Нижняго Камчатскаго острога, о покореніи ихъ, и о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи и розыскѣ.

Хотя тамошніе народы давно намѣреніе имѣли искоренить всѣхъ россійскихъ жителей на Камчаткѣ, чтобъ получить прежнюю вольность; однако за многолюдствомъ ихъ, а особливо что по сысканіи морскаго пути чрезъ Пенжинское море, ежегодно суда приходили со служивыми, и что послѣдовали експедиціи, одна за другою въ скорости, не оказывали злобы своей до способнаго времени. Но какъ Капитанъ господинъ Берингъ и вся Камчатская експедиція отбыла въ Охотскъ, а партіи, которая жила на Камчаткѣ въ немаломъ числѣ, велѣно слѣдовать на ботѣ Гавриле къ Анадырю, чтобъ соединиться съ Капитаномъ Павлуцкимъ, которой главную команду имѣлъ надъ партіею, и итти бы съ нимъ вмѣстѣ противъ не-

закону, а потомъ сподоблены святаго крещенія октября 20 дня объявленнаго году, въ церькви воскресенія господня, что въ Кадетскомъ корпусѣ; и Соза нареченъ Козмою, а Гонза Даміаномъ. Въ 1735 году Даміанъ отданъ въ Александроневскую Семинарію для обученія Россійской грамотѣ, а вскорѣ потомъ оба присланы по указу въ Академію Наукъ для ученія по разсмотрѣнію Академіи. Въ 1736 году послѣдовалъ указъ, чтобъ Японцы не токмо Россійскому языку обучались, но и своего бы не забывали, и для того бы обучали своему языку малолѣтныхъ изъ Россійскаго народу, которыхъ къ нимъ опредѣлить велѣно. По которому указу помянутое ученіе до кончины ихъ и происходило, а скончался Козма Сентября 18 дня 1736 году на 43 году отъ рожденія, а Даміанъ въ 1739 году Декабря 15 дня, и погребены, перьвой у церкви Вознесенія господня, что на Адмиралтейской сторонѣ, а другой въ Калинкиной. Для памяти сего случая, что изъ толь отдаленнаго мѣста были люди въ Россіи, приказала Академія срисовать ихъ, и снять съ лицъ алебастровыя формы, которыя въ Императорской кунсткамерѣ понынѣ находятся.

немирныхъ Чукочь, то Камчадалы согласились произвесть умышленіе свое въ дѣйство въ то самое время, когда партія изъ устья Камчатскаго на суднѣ выдетъ; и сіе тѣмъ болѣе не сумнѣвались исполнить, что на Камчаткѣ оставалось Казаковъ весьма малолюдно. Чего ради Никношантальскіе, Ключевскіе и Еловскіе Камчадалы во всю зиму разъѣжжали, подъ видомъ гощенія, по всей Камчаткѣ; дѣлали совѣты между собою, уговаривали нежелавшихъ итти къ нимъ въ согласіе, и угрожали погубленіемъ всего ихъ роду: такимъ образомъ привели они всю Камчатку въ возмущеніе, а между тѣмъ вѣдая, что Шестаковъ убитъ отъ Чукочь, пустили слухъ, аки бы Чукчи на Камчатку войною идутъ, можетъ быть для того, чтобъ въ случаѣ неудачи въ ихъ предпріятіи казаки не подумали, что они тому злу начальники, или что бы казаковъ привесть въ такую робость, чтобъ они ихъ измѣнниковъ содержали при себѣ, какъ надежную помощь.

Правда, что изъ тѣхъ казаковъ, которые оставались на Камчаткѣ, не осталось бы ни единаго человѣка, но всѣ бы побиты были, или поморены голодомъ, есть ли бы не поспѣшествовало особливое къ народу нашему божіе милосердіе: да и партіи бы надобно было много трудиться и много потерять людей, чтобъ вновь покорить такой отдаленной народъ, тѣмъ наипаче, что они вѣдая свое злодѣяніе могли жить всегда въ осторожности, при томъ умѣли изъ ружья стрѣлять, имѣли винтовокъ и пороху довольно, а многіе знали всѣ россійскія тамошнія ополченія, и коимъ образомъ защищать себя, и по тому имѣли невар-

неварварскія уже предпріятія и совѣты, но подлинно хитрыя: ибо хотѣли они стараться всѣми мѣрами, чтобъ не пропустить вѣдомости до Анадырска; у морскихъ гаваней намѣрены были содержать многочисленные караулы, и съ приходящихъ морскихъ судовъ принимать служивыхъ работно, подъ видомъ перевозу въ остроги, и на дорогѣ побивать порознь всѣхъ безъ остатку: а главные того бунта начальники были Еловской Тоіонъ Ѳедька Харчинъ, которой часто при ясашныхъ зборахъ толмачемъ бывалъ, да дядя его Голгочь, Ключевской Тоіонъ.

Между тѣмъ послѣдней прикащикъ Шехурдинъ выѣхалъ съ Камчатскою казною благополучно; партія вся съѣхала на устье Камчатки для походу къ Анадырю, со всѣмъ сгрузились на судно, и вышли въ море; однако близъ самаго устья на якорь стали за нечаянно учинившимся противнымъ вѣтромъ. А Камчадалы, которые у нихъ въ подводахъ были, и которымъ велѣно было объ отбытіи партіи дать вѣдомость бунтовщичьимъ Тоіонамъ, которые на ключахъ ожидали оной въ собраніи и во всякой готовности къ нападенію на нижней Камчатской острогъ; не дождавшись совершеннаго ихъ отбытія, и не чая ихъ возвращенія, Іюля 20 дня 1731 году устремились въ батахъ своихъ вверхъ по Камчаткѣ, начали Казаковъ бить, кого ни встрѣтятъ, начали плѣнить и жечь ихъ лѣтовья, женъ и дѣтей брать въ холопство и въ наложницы, а съ вѣдомостью объ отбытіи судна, къ главнымъ своимъ отправили наскорѣ, которые тогожъ вечера въ острогъ и приплыли, зажгли поповъ дворъ съ тѣмъ

намѣреніемъ, чтобъ казаковъ, какъ охотниковъ ходить на пожары, способнѣе побить и безопаснѣе; въ чемъ имъ такъ пощастилось, что они безъ всякаго сопротивленія почти всѣхъ бывшихъ въ острогѣ побили, не щадя и малыхъ дѣтей и женскаго полу, надъ которыми чинили до убивства всякія наругательства, и дворы всѣ пожгли кромѣ церькви и крѣпости, въ которой все имѣніе жителей лежало въ сохраненіи. Немногимъ удалось избавиться и пріѣхать на устье съ извѣстіемъ. Такимъ образомъ морской путь къ Анадырю остановился: ибо сперьва надлежало свое удержать, нежели вновь покорять немирныхъ.

Между тѣмъ знатной измѣнникъ Ключевской Есаулъ Чегéчь, которой оставался у мóря, слыша что Нижней Камчатской острогъ взятъ, побѣжалъ къ объявленному острóгу, плѣня все, что отъ переднихъ осталось, и побивая всѣхъ, которые попадались на встрѣчу; наконецъ соединился съ Харчинымъ, и объявилъ, что партія на суднѣ стоитъ еще при устьѣ Камчатки. Чего ради измѣнники предостерегая себя отъ оной, засѣли въ Нижнемъ Камчатскомъ острóгѣ, вкругъ котораго изъ церьковной трапезы здѣлали другую стѣну, а въ верьхъ по Камчаткѣ послали ко всѣмъ Камчадаламъ вѣдомость о взятіи острóга съ такимъ приказомъ, чтобъ всѣ съѣжжались въ завоеванной острогъ Россійской.

На другой день разграбили они всѣ пожитки казачьи, нарядились въ самое ихъ лучшее платье, въ томъ числѣ иные въ женское, а иные въ священническія ризы; отправляли великое торжество по обыкно-

кновенїю въ обьяденїи, пляскѣ и шаманствѣ; а Ѳедька Харчинъ, какъ новокрещеной, призвавъ новокрещенажъ умѣющаго грамотѣ, приказалъ ему пѣть молебенъ въ священномъ одѣянїи, и за тотъ молебенъ велѣлъ выдать ему 30 лисицъ, записавъ въ книгу такимъ образомъ: По приказу Комисара Ѳедора Харчина выдано за молебенъ Савину; ибо такъ оной новокрещеной назывался 30 лисицъ красныхъ: чего ради послѣ до самаго выѣзду моего называли его попомъ поганымъ.

На другой день по взятїи острога, то есть Їюня 21 числа, командиръ партїи штурманъ Яковъ Генсъ отправилъ для отнятїя у Камчадаловъ острога партїю въ 60 человѣкахъ состоящую, которые пришедъ подъ острогъ разговаривали ихъ всѣми мѣрами, чтобъ они покорились, и обнадеживали ихъ Императорскою милостїю и прощенїемъ; но они не хотѣли того и слышать: напротивъ того ругали ихъ, и укоряли, а особливо Харчинъ, которой насмѣхаясь имъ со стѣны кричалъ: *за чемъ вы пришли, развѣ не вѣдаете, что я Комисаромъ Камчатскимъ, я буду самъ ясакъ збирать, а вы казаки здѣсь въ землѣ не надобны.* Чего ради казаки принуждены были съ судна требовать пушекъ; по полученїи которыхъ Їюля 26 дня тогожъ мѣсяца по острогу стрѣлять начали, и пробили великїе проломы, такъ что плѣнныя женщины при робости осажденныхъ могли выбѣгать изъ острогу.

Харчинъ видя, что ему въ острогѣ не защититься, одѣвшись въ женское платье ушелъ изъ острогу; и хотя за нимъ была погоня, однако не могли догнать: ибо онъ такъ рѣзво бѣгалъ, что могъ по-

стигать дикихъ оленей, какъ о томъ сказываютъ многіе казаки и братъ его, котораго я засталъ въ живѣ. Послѣ того человѣкъ съ 30 осажденныхъ здалися, прочіе въ острогѣ перестрѣлены. Одинъ Ключевской Есаулъ Чегечь съ малымъ числомъ подчиненныхъ даже до смерти оборонялся: при которомъ случаѣ отъ стрѣльбы загорѣлась пороховая казна, и крѣпость совсѣмъ бывшимъ въ ней богатствомъ обратилась въ пепелъ: одна уцѣлѣла церковь, но и та сожжена отъ Камчадаловъ по отплытіи казаковъ къ морю. На приступѣ Казаковъ убито четыре человѣка, но много переранено, а сколько погибло Камчадаловъ про то не извѣстно, для того что трупы ихъ погорѣли въ острогѣ. Не спаслись же и тѣ, которые здались во время приступу: ибо казаки будучи огорчены насиліемъ женъ своихъ, и тратою имѣнія, перекололи ихъ безъ остатку.

Къ толь скорому разбитію бунтовщиковъ много способствовало неукоснительное отправленіе партіи, которая не допустила имъ въ острогѣ умножиться: ибо въ противномъ случаѣ соединились бы съ ними Камакова острога Камчадалы, которыхъ считалось человѣкъ до ста или болѣе, а малолюдные бы остроги и по неволѣ поспѣшили въ сообщеніе, опасаясь бѣдствія: но тогда видя отправленіе партіи, принуждены были ждать окончанія дѣла подъ видомъ людей безпристрастныхъ и вѣрныхъ Россіи. За всѣмъ тѣмъ походомъ дѣло не приведено къ совершенству: ибо Харчинъ собравшись съ другими Тоіонами во многолюдствѣ, намѣренъ былъ плыть къ морю, и дать бой со слу-

служивыми; токмо встрѣченъ отъ партiи при самомъ отправленiи въ путь свой, и по маломъ сраженiи принужденъ былъ отступить на отъемное высокое мѣсто, и укрѣпляться по лѣвую сторону Ключевки рѣчки, гдѣ сраженiе происходило, а казаки стали по другую сторону той рѣчки.

И хотя Харчинъ всякiе способы употреблялъ, какъ бы устрашить казаковъ, и принудить возвратиться къ морю, однако они вмѣсто робости не переставали совѣтовать ему и сообщникамъ, что бы здалися, и наконецъ убѣдили, что Харчинъ съ другимъ Тоiономъ и съ братомъ своимъ на переговоръ вышелъ, и стоя при рѣчкѣ показывалъ свою охоту, что онъ желаетъ быть въ стану казачьемъ, токмо требовалъ за себя аманатомъ одного служиваго, что съ казачей стороны учинено безпрекословно. А Харчинъ будучи въ стану ихъ требовалъ, чтобъ они Камчадаловъ не раззоряли, для того, что онъ болѣе воевать не хочетъ, и поѣдетъ уговаривать сродниковъ своихъ и подчиненныхъ: но будучи назадъ отпущенъ прислалъ отвѣтъ, что сродники его къ миру не склоняются, а братъ его и Тоiонъ Тавачь, которые приходили вмѣстѣ съ Харчинымъ, къ своимъ возвратиться не пожелали.

На другой день Харчинъ пришедъ на берегъ съ другими Тоiонами требовалъ, чтобъ его казаки къ себѣ перевезли, а въ аманаты бы за него дали двухъ человѣкъ, въ чемъ ему казаки и вторично не отказали, однако умышленно: ибо какъ онъ къ нимъ переѣхалъ, то они взяли его подъ караулъ, а своимъ за-

закричали, чтобъ въ рѣку бросались: для предосторожности же, чтобъ оставшіе на берегу ихъ не закололи, приложились на нихъ ружьями, чего Камчадалы устрашась разбѣжались. Такимъ образомъ главной измѣнникъ пойманъ, даваные въ аманаты спаслись, а остальные Тоіоны съ своими подчиненными по двоекратномъ выстрѣлѣ изъ пушекъ разогнаны. Верхоеловской Тоіонъ Тигиль со своимъ родомъ побѣжалъ въ Еловскія вершины, Ключевской Тоіонъ Голгочь въ верхъ по Камчаткѣ, а другіе по другимъ мѣстамъ, однако вскорѣ всѣ погибли: ибо казаки многими партіями устремились въ слѣдъ за бѣгущими, и били, кого ни постигали. Тоіонъ Тигиль по долговременномъ сопротивленіи переколовъ женъ и дѣтей своихъ самъ себя живота лишилъ. А Голгочь по погромленіи Камчатскихъ острожковъ на рѣкѣ Козыревской и на Шапиной за то, что жители не хотѣли итти къ нему въ сообщеніе, убитъ отъ нихъ при своемъ оттуду возвращеніи.

Между тѣмъ какъ слухъ прошелъ о раззореніи Нижняго Камчатскаго острóга, то Камчадалы по большей части взбунтовали, всѣхъ, кто въ ихъ острожкахъ изъ казаковъ ни прилучился, убили, размуча тирански: начали соединяться вмѣстѣ, чтобъ итти подъ оставшіе острóги подъ Верхней и Большерѣцкой, начали призывать къ себѣ въ сообщеніе всѣхъ своихъ сосѣдей грозами и ласкою, при чемъ много изъ тѣхъ, которые къ нимъ не пристали, и побито. А казаки принуждены были жить въ великомъ страхѣ, пока не получили помощи изъ Нижняго: однако партіи изъ обо-

ихъ остроговъ ходили въ походъ по Пенжинскому морю и громили всѣхъ безъ пощады и милости. А когда прибыла команда изъ Нижняго, тогда они соединенными силами пошли на Авачинскихъ измѣнн ковъ, которыхъ было болѣе 300, брали приступомъ крѣпкіе и нарочно здѣланные острожки ихъ, побивали измѣнниковъ купно и съ невинными, женъ ихъ и дѣтей въ холопство брали: и такимъ образомъ погубя ихъ множество и успокоя, паки на Камчатку возвратились по своимъ мѣстамъ съ великою прибылью. И съ того времени не бывало уже убивства на Камчаткѣ по 1740 годъ, въ которомъ по разнымъ мѣстамъ человѣкъ съ семь отъ Корякъ переколоты, въ томъ числѣ одинъ матрозъ команды покойнаго Капитана Командора господина беринга.

Послѣ того вскорѣ прибылъ на Камчатку для розыску Якутскаго полку Маеоръ., что потомъ былъ Подполковникъ, Василей Мерлинъ съ однимъ офицеромъ, съ капральствомъ салдатъ и съ малымъ числомъ Иркутскихъ служивыхъ, а по немъ въ товарищи ему Маеоръ Павлуцкой, которымъ велѣно было слѣдовать о притчинѣ бунта, о убивствѣ Японцовъ, и о другихъ тамошнихъ непорядкахъ, а изслѣдовавъ оное дѣло прислать съ подписаніемъ своего мнѣнія въ Иркутскъ для конфирмаціи, и притомъ новой острогъ построить, которые и жили тамъ по Августъ мѣсяцъ 1739 году. Въ бытность свою построили они нижней Камчатской острогъ немного ниже устья Ратуги рѣчки, изслѣдовали о помянутомъ бунтѣ, и по полученіи конфирмаціи на слѣдственное дѣло ка-

знены смертію трое изъ Россійскихъ, а имянно Комиссаръ Иванъ Новогородовъ, пятидесятникъ Андрей Штинниковъ, которой убилъ Японцовъ, и Михайла Сапожниковъ, въ каждомъ острогѣ по человѣку, да съ ними человѣка по два Камчадаловъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, въ томъ числѣ и Ѳедька Харчинъ, прочіе казаки по состоянію винъ штрафованы. Служители ихъ Камчадальскаго народа, которыхъ они боемъ, куплею и за долги получали, и владѣли какъ крѣпостными, отпущены на волю, и впредь кабалить ихъ запрещено накрѣпко. Безстрашіе, съ какимъ тамошней народъ къ смерти ходитъ, можно всякому разсудить по одному сему примѣру, что при помянутой казни одинъ смѣючись жаловался на свое нещастіе, что ему на виселицѣ послѣднему быть надлежало. Подобно безстрашію жестокосердіе ихъ въ терпѣніи тѣлеснаго наказанія. Какъ ихъ ни мучь, болѣе не услышишь какъ ни ни, и то отъ перваго удара, а потомъ какъ безчувственные молчатъ закуся языкъ, и болѣе того допытаться у нихъ пристрастіемъ не можно, какъ токмо что въ допросѣ доброволъно сказали.

Съ того времени миръ, покой и тишина въ Камчаткѣ, да и впредь опасаться нѣчего; ибо по высокоматернему Всемилостивѣйшія Государыни нашея Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ о подданныхъ Своихъ попеченію здѣланы такія учрежденія, что тамошнимъ жителямъ лучшаго удовольствія желать не возможно. Ясаку они платятъ токмо по одному звѣрю съ человѣка, какой гдѣ промышляется, то есть

то

по лисицѣ, бобру или соболю, а другихъ они зборовъ уже не знаютъ. Судъ и расправа, кромѣ криминальныхъ дѣлъ поручены Тоіснамъ ихъ, а Комисарскому суду они не подвержены. Старыхъ долговъ, которые казаки на нихъ почитали, править на нихъ подъ жестокимъ истязаніемъ не велѣно; а что всего паче, всѣ почти они приведены въ Христіанскую вѣру чрезъ проповѣдь слова божія, къ чему способствовали отмѣнныя щедроты и милосердія Всеавгустѣйшія Монархини нашея, что новокрещенымъ дана отъ ясаку на 10 лѣтъ свобода. Для умноженія же ихъ въ православіи опредѣлены учители, и во всѣхъ почти острогахъ заведены школы, въ которыхъ невозбранно обучаться какъ дѣтямъ казачьимъ, такъ и Камчадальскимъ безъ всякой платы; и нынѣ Христіянская вѣра въ тамошней сторонѣ къ сѣверу до Корякъ, а къ югу до третьяго Курильскаго острова распространилась: но можно твердо надѣяться, что вскорѣ и Коряки просвѣщены будутъ Святымъ Крещеніемъ, тѣмъ наипаче, что многіе изъ нихъ приняли Христіанскую вѣру. Сіе же между славными и великими дѣлами Всепресвѣтлѣйшія Самодержицы нашея почитать должно, что звѣрской оной народъ, изъ котораго до времянъ щастливаго владѣнія ЕЯ ни ста человѣкъ крещеныхъ не было, въ краткое время познавъ истинну оставилъ свое заблужденіе такъ, что каждой нынѣ съ сожалѣніемъ и съ смѣхомъ воспоминаетъ прежнее житіе свое.

ГЛАВА 5.

О нынѣшнемъ состояніи Камчатскихъ остроговъ, о ихъ преимуществѣ и недостаткахъ въ сравненіи между собою.

Россійскихъ остроговъ на Камчаткѣ пять, какъ уже выше показано: 1 большерѣцкой, 2 верхней Камчатской, 3 нижно-Шантальской, 4 при гавани Петропавловской, а 5 при рѣкѣ Тигилѣ.

Большерѣцкой острогъ стоитъ на сѣверномъ берегу большей рѣки между впадающими во оную посторонними рѣками быстрою и Гольцовкою въ 33 верстахъ отъ Пенжинскаго моря. Крѣпость во ономъ острогѣ четвероугольная, во всѣ стороны по 10 саженъ, съ востоку и сѣверу огороженъ полисадникомъ, южную и западную стѣну составляетъ строеніе, а имянно ясачная изба, аманатская казенка, между которыми здѣланъ анбаръ для содержанія аманатской юколы, да двоежилой анбаръ, въ которомъ ясашная казна хранится. Входъ въ острогъ съ западной стороны небольшими воротцами. За острогомъ строенія часовня, что нынѣ уже церьковь, во имя Николая Чудотворца, съ колокольнею на столбахъ, а при ней церьковной анбаръ; обывательскихъ домовъ по разнымъ островамъ тритцать, кабакъ съ винокурнею, служивыхъ 45 человѣкъ, да казачьихъ дѣтей положенныхъ въ подушной окладъ, которые однакожъ служатъ врядъ съ казаками, 14 человѣкъ.

Въ разсужденіи крѣпости сей острогъ всѣхъ хуже, но и нужды нѣтъ въ укрѣпленіи: потому что подвластные сему острогу Камчадалы издавна на-

дежны и вѣрны. Въ разсужденіи же мѣстоположенія имѣетъ оной передъ другими великую выгоду: 1) что морскіе суда пристаютъ на большей рѣкѣ, чего ради жители всегда получаютъ привозные товары изъ первыхъ рукъ; 2) что жители содержатъ у себя пріѣжжихъ на квартирахъ и довольствуютъ столомъ изъ платы, отъ чего получаютъ немалую прибыль; 3) что кладь оттуду въ другіе остроги подвимаютъ на своихъ сабакахъ, а за перевозъ берутъ немалыя деньги; 4) что морскихъ бобровъ, которые нынѣ за главной Камчатской товаръ почитаются, получаютъ они больше жителей другихъ остроговъ; 5) что въ лѣтнее время имѣютъ они рыбы со излишествомъ, и ловятъ съ малымъ трудомъ и коштомъ: ибо по состоянію рѣки не употребляютъ они сѣтей больше 20 саженъ; чего ради и главной командиръ Камчатскихъ остроговъ по большей части живетъ въ большерѣцкомъ, а въ другіе остроги посылаетъ отъ себя закащиковъ. Тѣмъ токмо сей острогъ недостаточенъ, что въ лѣтнее время, когда рыба изъ моря идетъ, и запасается въ зиму, всегда бываетъ морская погода, отъ чего происходитъ въ пріуготовленіи кормовъ великое затрудненіе: ибо отъ несказаннаго множества рыбы съ нуждою запасается столько, чтобъ на зиму стало, а по большей части къ веснѣ бываетъ великая дороговизна съѣстныхъ припасовъ и голодъ. Есть ли бы лѣсомъ сія рѣка была довольна, то бы сей недостатокъ отвратить можно было копченіемъ и сушеніемъ рыбы въ шелашахъ по примѣру Охотскихъ жителей, но такой шелашь здѣлать не мало денегъ надобно:

ибо лѣсъ къ строенію годной издалека плавится съ великимъ трудомъ и опасностію. Къ каждой лодкѣ привязывается не болѣе десяти бревенъ, да и такимъ образомъ на быстрыхъ мѣстахъ часто разбиваетъ ихъ. Для большаго изъясненія трудности въ плавленіи лѣсу довольно только то объявить, что отъ моря не то лѣсъ годной, но по сухіе дрова, которыя употребляютъ на вареніе соли и жиру, ѣздятъ по трои и по четверы сутки, а привозятъ только, что не сварить и пуда, отъ чего тамъ и соли не столь довольно, какъ въ нижнемъ Камчатскомъ острогѣ или на Авачѣ. У котораго казака одна лодка, тотъ мѣсяцъ и балаганъ строитъ у моря, къ котораго строенію токмо колье, трава да 9 подставовъ потребны.

Верхней Камчатской острогъ, которой прежде всѣхъ построенъ, и былъ нѣсколько лѣтъ главнымъ острогомъ, для того что Комисары въ немъ жили, а въ другіе остроги посылали закащиковъ, стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Камчатки при устьѣ рѣчки Калй, отъ Камчатской вершины въ 69 верстахъ отъ Большерѣцка по прямой дорогѣ въ 242, а по дорогѣ чрезъ Оглукоминской хребетъ въ 436 верстахъ въ 50 саженяхъ. Крѣпость въ немъ четвероугольная съ полисадникомъ во всѣ стороны по 17 саженъ. Ворота съ рѣчную сторону стѣны, а надъ воротами анбаръ, въ которомъ хранится ясачная казна. Внутрь крѣпости строенія ясачная изба съ каморкою, въ которой аманаты содержатся, два анбара двоежилые, въ которыхъ кладется жиръ на свѣтъ и аманатская юкола. За крѣпостью часовня, что нынѣ церьковь, во имя Николая

чудотворца, Государевъ домъ съ принадлежащимъ строенiемъ, кабакъ съ винокурнею, обывательскихъ домовъ 22, а служивыхъ и казачьихъ дѣтей 56 человѣкъ.

Сей острогъ въ разсужденiи погоды и лѣсу великое имѣетъ предъ большерѣцкимъ преимущество: ибо тамъ всегда бываетъ изрядная погода, а лѣсъ хотя тополовой, однако толстой, и съ малымъ трудомъ получить можно, чего ради и хоромное строенiе въ ономъ острогѣ гораздо лучше большерѣцкаго. Имѣетъ же помянутой острогъ и въ томъ преимущество, что земля тамъ способна къ плодородiю, и пахатныхъ мѣстъ больше и лучше тѣхъ нигдѣ не находится. Но въ разсужденiи рыбныхъ промысловъ бѣденъ: для того что рыбы по дальности разстоянiя его отъ моря, и не много туда доходятъ и весьма поздо, такъ что Нижношантальскiе жители тогда кормомъ со всѣмъ исправляются, когда въ Верьхнемъ начинается промыселъ. Чего ради жители по всякую почти весну претерпѣваютъ голодъ, и принуждены бываютъ весною закупать рыбу по Пенжинскому и бобровому морю. Соль и жиръ они покупаютъ въ нижнемъ Камчатскомъ острогѣ, или сами на устье Камчатки для варенiя ея ѣздятъ, не взирая на великое разстоянiе: ибо отъ верхняго Камчатскаго острога до устья Камчатки болѣе 400 верстъ. Прежде сего помянутые недостатки награждаемы бывали морскими бобрами съ боброваго моря, которыхъ казаки получали довольно; но нынѣ и та ихъ польза миновала, для того что на бобровомъ морѣ мало приваловъ бываетъ, при которомъ случаѣ самой лучшей того звѣ-

ря

IMAGE EVALUATION
TEST TARGET (MT-3)

6"

Photographic Sciences Corporation

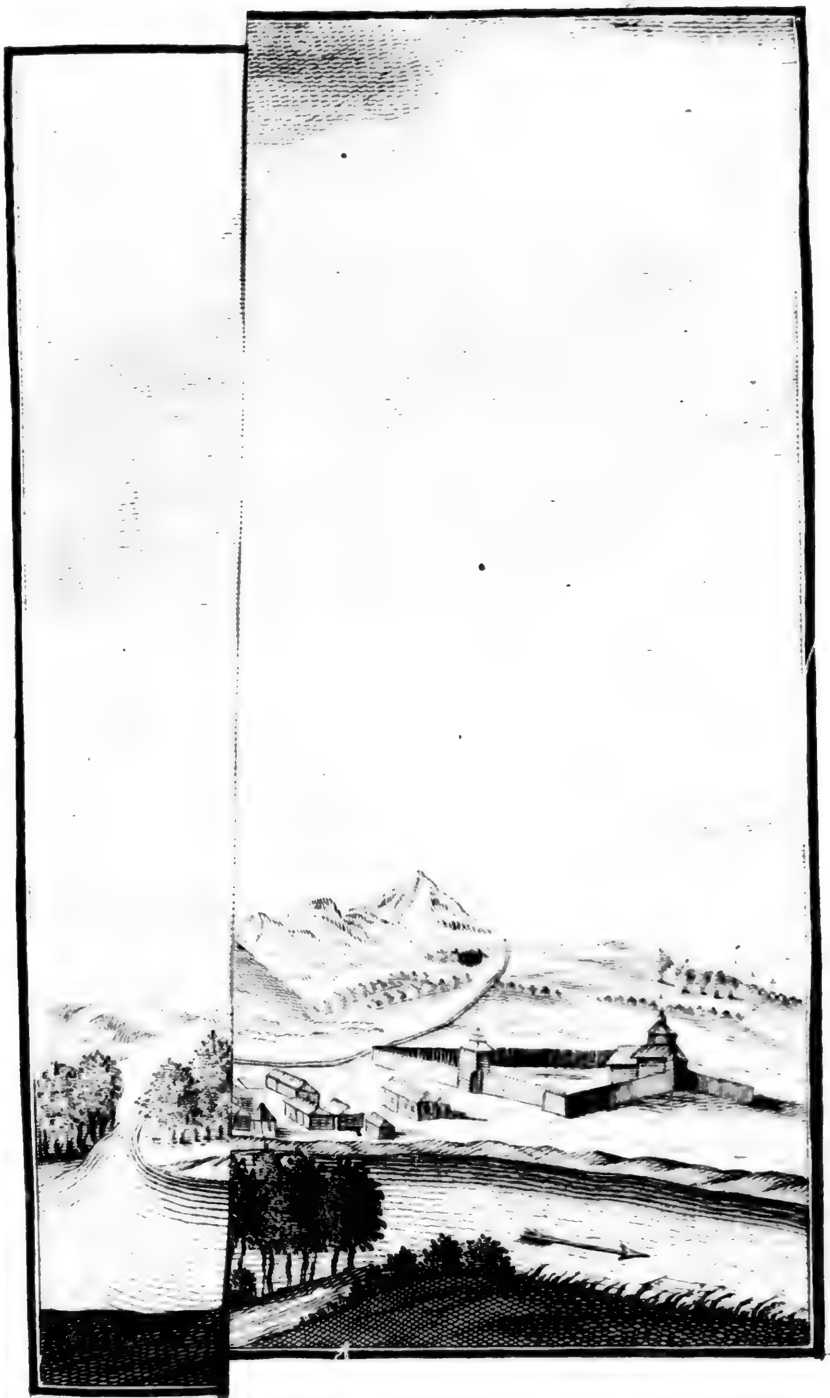
23 WEST MAIN STREET
WEBSTER, N.Y. 14580
(716) 872-4503

ря промыселъ. Есть ли же у помянутаго острога бобровое море приписано по близости къ Авачинскому острогу, то жителямъ сего острога вся надежда на земледѣліе останется, чѣмъ они, ежели не полѣнятся, болѣе прибыли получать будутъ, нежели отъ торгу съ Камчадалами; въ противномъ случаѣ и жить имъ тамъ почти не у чего будетъ.

Нижней Камчатской или Нижношантальской острогъ отъ верхняго Камчатскаго острога въ 397 верстахъ, стоитъ на томже берегу рѣки Камчатки не доѣжжая за 30 верстъ до ея устья. Крѣпость въ немъ четвероугольная, огорожена полисадникомъ длиною 42, а шириною 40 саженъ съ проѣжжею рубленою башнею, которая здѣлана посреди стѣны западной. Внутрь крѣпости строенія церьковь во имя Успенія Пресвятыя богородицы съ предѣломъ Николая Чудотворца, ясашная изба съ сѣньми и амункою, домъ Государевъ, въ которомъ живутъ прикащики, два анбара кладовые, въ которыхъ содержится ясашная казна и военные припасы. Все строеніе въ разсужденіи другихъ остроговъ изрядное и прочное, для того что все изъ листвениннаго дерева. За крѣпостью строенія обывательскихъ домовъ 39, да кабакъ съ винокурнею. Жителей всякаго чина 92 человѣка.

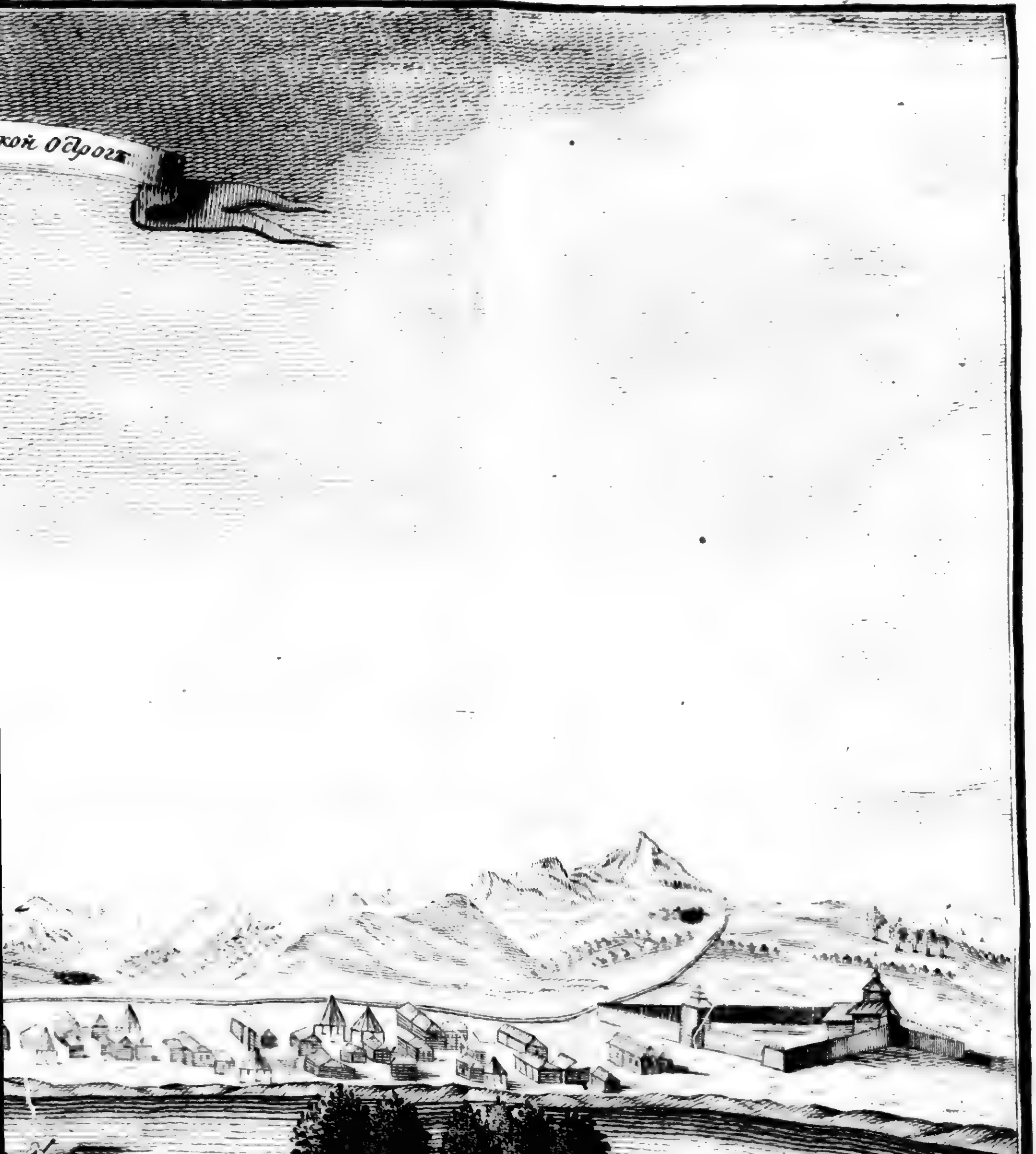
Сей острогъ въ разсужденіи вещей потребныхъ къ человѣческому содержанію по тамошнему обстоятельству, можно почесть преизобильнымъ и преспособнымъ мѣстомъ; 1) что тамъ довольно преизрядной рыбы, которой жители и солятъ и сушатъ со излишествомъ. 2) что въ лѣсу не токмо къ хоромному

му



Часть 4. Том

4. Томъ 2.


кой Острогъ

му, но и къ судовому строенію годномъ изобиліе. 3) что въ разсужденіи состоянія рѣки плавить его можно безъ всякой опасности: чего ради жиру и сόли варится тамъ столь много, что и другіе остроги оною снабдѣваются. 4) что около тѣхъ мѣстъ множество дичи промышляется, которой жители получаютъ отъ Камчадаловъ такъ много, что нѣтъ такого бѣднаго казака, которой бы нарядной обѣдъ здѣлалъ безъ лебедя, а о гусяхъ, уткахъ и упоминать нѣчего. 5) что они получаютъ завсегда свѣжую рыбу, которая на ключахъ и зимою ловится. 6) что родится тамъ много ягодъ морошки, брусницы и голубицы, которыхъ прожиточные люди запасаютъ въ зиму великія кáди, а сіе составляетъ по рыбѣ главную часть съѣстныхъ припасовъ. 7) что могутъ они, сколько надобно, достать всякой домовой посуды, притомъ дешевою цѣною, которую въ большерѣцкѣ едва можно получить за великія деньги. 8) что имъ достаются самые лучшіе Камчацкіе соболи съ рѣки Тигиля. 9) что Коряцкіе товары, оленье платье, камасы, постéли, пыжики, ровдуги и самыхъ оленей на пищу, безъ которыхъ имъ менше нежели безъ Россійскихъ и Китайскихъ обойтись можно, получаютъ они дешевле другихъ и способнѣе. 10) что тамъ въ близости есть и мѣстà плодородныя, гдѣ всякой хлѣбъ и овощи родятся. Одинъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что Россійскіе и Китайскіе товары дороже у нихъ продаются нежели въ другихъ острόгахъ, для того что купцы должны провозъ на товары накладывать, котораго отъ большерѣцка до сего

острóга не меньше четырехъ рублевъ на пудъ приходитъ.

Четвертой острогъ заведенъ при Авачинской губѣ въ 1740 году, а жители переведены туда изъ нижняго и верхняго Камчатскихъ остроговъ. Тамъ построены преизрядные домы, особливо же великолѣпно по тамошнему состоянію строеніе Камчатской Экспедиціи, которое стоитъ около Петропавловской гавани. Вящшее еще украшеніе придаетъ ему церьковь съ пристойнымъ зданіемъ, что на изрядномъ мѣстѣ воздвигнута.

Преимущества и недостатки сего мѣста почти тѣже что и большерѣцкаго острóга; въ томъ токмо есть нѣкоторая отмѣна, что на Авачѣ бобровые промыслы передъ руками, напротивъ того вода не столь хороша и здорова, какъ въ большей рѣкѣ. Многіе отъ ней хворали одышкою, чего ради знатнѣйшіе изъ Камчатской Экспедиціи не рѣдко за водою посылать принуждены бывали на рѣку Авачу, которая въ Авачинскую губу впадаетъ.

Въ какомъ состояніи пятой острогъ, что при рѣкѣ Тигилѣ, про то объявить нельзя: ибо оной зачатъ строить ужѐ по выѣздѣ моемъ съ Камчатки, токмо то извѣстно, что отправлено во оной 37 человѣкъ на поселеніе. Господинъ Стеллеръ пишетъ, что помянутой острогъ заблаго разсуждено строить для трехъ причинъ: 1) чтобъ бунтующихъ сидячихъ Корякъ содержать въ послушаніи, 2) чтобъ оттуда проложить дорогу вкругъ Пенжинскаго мóря до Охотска, 3) чтобъ защищать въ нужномъ случаѣ Олен-

ныхъ

ныхъ Корякъ отъ Чукочь, которые ихъ всегда раззоряютъ. Жители сего острóга могутъ много пользы отнять у Нижношантальцовъ: 1) что имъ не столь способно будетъ получать соболей Тигильскихъ; 2) что Корятскіе товары прежде Тигильцамъ доставаться имѣютъ; 3) что ясашные Коряки Пенжинскаго мóря, которые были подъ Нижнимъ, чаятельно къ Тигильскому острóгу какъ къ ближайшему приписаны будутъ.

ГЛАВА 6.

О житіи тамошнихъ казаковъ о изобрѣтеніи травянаго и ягоднаго вина, о куреніи, о прежней винной продажѣ и о доходахъ казачьихъ.

Казачье житье на Камчаткѣ не разнствуетъ почти отъ Камчадальскаго: ибо какъ тѣ, такъ и другіе питаются кореніемъ и рыбою, и въ тѣхже трудахъ упражняются: лѣтомъ промышляютъ рыбу и запасаютъ въ зиму, осенью копаютъ коренье, дерутъ кропиву, а зимою вяжутъ изъ оной сѣти. Вся разность состоитъ въ томъ: 1) что казаки живутъ въ избахъ, а Камчадалы по большей части въ земляныхъ юртахъ; 2) что казаки ѣдятъ больше вареную нежели сухую, а Камчадалы больше сухую; 3) что казаки изъ рыбы дѣлаютъ различныя кушанья, какъ на примѣръ, тельныя, пироги, блины, оладьи и прочее, чего Камчадалы до Россійскихъ людей не знали. Но понеже въ такомъ житіи безъ женскаго полу обойтись никакъ не возможно, для того что большáя часть помянутыхъ трудовъ лежитъ наономъ, какъ

на примѣръ, чищеніе рыбы, копаніе коренья, портная и сапожничья работа, сученіе пряжи и прочая, а казаки поселились на Камчаткѣ безъ женскаго пола, для того что по трудности пути и одни проходили съ нуждою; того ради сообщу я средства, которыя они употребляли.

Что казакамъ новое оное мѣсто не все ласкою, но иногда и силою покорять надлежало, о томъ всякому довольно разсудить можно. Изъ острожковъ покоренныхъ силою брали они довольное число въ полонъ женскаго полу и малолѣтныхъ, которыхъ раздѣляя по себѣ владѣли ими какъ холопами. Оные холопы должны были стараться о всемъ потребномъ къ содержанію, а они какъ господа довольствовались готовымъ ни за какіе труды не принимаясь. Для присмотру за холопами употребляли они наложницъ своихъ изъ числа же холопей, на которыхъ они по прижитіи дѣтей по большей части и женивались. А которые желали чрезъ супружество свойство имѣть съ вольными Камчадалами, тѣ давали имъ на себя записи, что они по прибытіи священника дочерей ихъ за себя возмутъ. Такимъ образомъ случалось, что у казака крестины невѣсты, свадьба, молитва и крестины дѣтей отправлялись вмѣстѣ: ибо во всѣхъ острогахъ одинъ былъ священникъ, которой жилъ въ Нижнемъ острогѣ, а въ другіе пріѣзжалъ черезъ годъ или черезъ два года; между тѣмъ многіе женившись по вышеписанному обыкновенію давъ на себя запись дѣтей раждали, которыхъ дьячку должно было крестить, а священнику пріѣхавъ и родителей вѣнчать и совершать тайну крещенія.

Камчат-

Камчатское житїе казакамъ, какъ такимъ людемъ, которые не видали лучше, не непрїятно казалось, тѣмъ наипаче, что жили они какъ дворяне за холопами. Соболей, и другой мягкой рухляди получали довольно. Въ карты, которая ихъ вящшая была забава, имѣли что проигрывать. Одно ихъ мучило, что вина достать было имъ не гдѣ, однако и тотъ недостатокъ отъ охотниковъ награжденъ вскорѣ, какъ ниже сего объявлено будетъ: а здѣсь надобно упомянуть о картошномъ ихъ увеселенїи, какое они получали удовольствїе и прибыль. Прежде сего лучшее сходбище у нихъ было въ ясашной избѣ: тамъ были суды, совѣты, споры и зерновое мѣсто; а когда завелись кабаки, тогда все помянутое въ нихъ произходить на́чало. Игроки приходили туда съ соболями или лисицами; а когда того не доставало, приводили холопей. Лучшее у нихъ мѣсто на палатяхъ: игрывали въ великую сумму по тѣхъ поръ, пока оба оставались наги, ибо соболи и лисицы разходились на вино, на картеное и на свѣтовое; а кто въ выигрышѣ оставался, тотъ доволенъ бывалъ мнимою прибылью, что биралъ письмо въ долгу, которой они кабалой называли. Почти повѣрить тому нельзя, какое при томъ бѣдные ихъ холопи терпѣли мученїе, часто случалось, что въ одинъ день доставалось имъ имѣть по двадцати хозяевъ, о чемъ и понынѣ многїе съ горестїю воспоминаютъ.

Что касается до изобрѣтенїя винà, то оное нашли казаки большерѣцкїе такимъ образомъ: обычай у нихъ есть всякїя ягоды заготовлять въ зиму, какъ

ужѐ выше объявлено. Нѣкогда случилось, что ягоды къ веснѣ окисли, и ни въ какую потребу кромѣ квасу не были годны; между тѣмъ нѣкоторые пьючи окислой цѣльной росолъ почувствовали хмель въ себѣ, чего ради приготовя котелъ перегонили оныя съ желаемымъ успѣхомъ къ великой радости всѣхъ жителей. Съ тѣхъ поръ на Камчаткѣ безъ вина ужѐ не было, а особливо когда провѣдано, что и изъ сладкой травы вино родится. Когда у нихъ не доставало на вино ягодъ, тогда мочили они сладкую траву въ водѣ, и положа въ сусло толченыхъ кедровыхъ орѣховъ, и сквася пили вмѣсто меду. Но какъ и отъ того почувствовали шумъ въ головѣ, тотъ часъ устремились на опыты. Въ началѣ квасили сладкую траву въ кипрейномъ суслѣ, и то сусло перегоняли, но безъ успѣху; потóмъ начали и самую траву въ котлы класть, тогда получили, чего искали. Но понеже сладкую траву въ кипрейномъ суслѣ мочить убыточно было, то отвѣдывали они гнать вино и изъ одной сладкой травы, въ чемъ неменьшей успѣхъ имѣли. И сей способъ какъ непротορной понынѣ въ употребленіи.

Какимъ образомъ сладкая трава заготовляется, о томъ во второй части сего описанія упомянуто, а здѣсь осталось объявить, какъ изъ заготовленной травы вино выгоняютъ.

Сухую траву пластинами мочатъ они въ теплой водѣ, наливъ воды въ небольшее судно столько, чтобъ трава могла погрузиться; и положа въ оную жимолостныхъ ягодъ или пьяницы, замазываютъ крѣпко, и

ставятъ

ставятъ въ теплое мѣсто. И сiе называютъ они приголовкомъ, которой киснетъ съ превеликимъ шумомъ. Знакъ его совершенства: какъ перестаетъ гремѣть, тогда мочатъ они сладкой травы въ большихъ кадяхъ пуда по два и по три, и квасятъ объявленнымъ приголовкомъ, и при всемъ поступаютъ, какъ выше показано, а сiе называютъ они брагою. Когда брага гремѣть перестаетъ, тогда кладутъ оную въ чугунные или мѣдные котлы, накрываютъ деревянною крышкою, въ которой вмѣсто трубы обыкновенно вмазывается ружейной стволъ, и гонятъ раку по тѣхъ поръ, пока въ ней есть кислость. Сiя рака крѣпостiю подобна хорошему вину, чего ради и пьютъ оную за вино, не переганивая въ другой разъ. А ежели перегнать, то вино столь крѣпко бываетъ, что можно травить железо. Дѣлаютъ же брагу и безъ приголовку заквася водою, въ которой мочена негодная трава, что по выгнанiи вина въ котлахъ остается. Изъ трехъ пудъ или и изъ двухъ съ половиною выходитъ раки печатное ведро, которое изъ казны по 20 рублевъ продавалось.

Есть ли кому неизвѣстны тамошнiя обстоятельства, тотъ въ разсужденiи помянутаго пространнаго казачья житья безъ сумнѣнiя пожелаетъ вѣдать, откуда получаютъ толь великiе доходы; чего ради сообщу я здѣсь для такихъ любопытныхъ краткое о прибыткахъ ихъ извѣстiе. Съ начала завоеванiя Камчатки имѣли они доволной случай богатиться: 1) отъ частыхъ находовъ на немирныхъ Камчадаловъ, которыхъ они покоряли военною рукою; 2) отъ ясашнаго

зборуъ

зборy, при которомъ каждому рядовому казаку по нѣскольку мягкой рухляди доставалось на пай, ибо каждой Камчадалъ кромѣ ясаку долженъ былъ дать имъ четыре лисицы или соболя, одного звѣря зборщику, другаго подъячему, третьяго толмачу, четвертаго на рядовыхъ казаковъ: а такіе излишніе поборы назывались у нихъ чащинами, а въ Якутскѣ бѣлякомъ; 3) отъ торгу съ Камчадалами, которымъ они при зборѣ всякіе мѣлочные товары продавали, или въ долгъ отдавали дорогою цѣною. И хотя по бывшемъ слѣдствіи оные излишніе зборы отвращены, однако торгъ съ Камчадалами повольной состоитъ за казаками. Они снимаютъ товары у купцовъ, и развозя по Камчадаламъ продаютъ имъ двойною цѣною и свыше, но не всѣ на мяхкую рухлядь: ибо берутъ они по цѣнѣ и потребное къ своему содержанію, какъ на примѣръ, лодки, сѣти, съѣстные припасы и прочая. И сіе есть одно средство; что казаки въ безхлѣбныхъ оныхъ и всѣмъ скудныхъ мѣстахъ могутъ содержать себя жалованьемъ пѣшихъ казаковъ, котораго денежной окладъ 5 рублей, да за хлѣбъ денегъ по Якутской цѣнѣ, а каждому исправному казаку кромѣ нужнаго къ пропитанію на одно платье лѣтнее и зимнее, на сабакъ и на военные припасы надобно не меньше 40 рублевъ на годъ: ибо пара куклянокъ продается по 6 по 7 и по 8 рублей, штаны теплые рубли по 2 и по 3, на тарбасы зимніе и лѣтніе, на шапку и рукавицы не меньше четырехъ рублей положить должно, на чулки шерстяные рубль, на двѣ рубахи пестрединныя или холстинныя 4 рубли: ибо тамъ пе-

стреди

стреди и холста по 4 аршина на рубль продается, на лѣтніе ровдужные штаны 2 рубли, нарту самыхъ плохихъ сабакъ съ приборомъ ниже десяти рублевъ достать не можно, винтовка по тамошнему мѣсту не малой цѣны стоитъ, а пороху и свинцу и за великія деньги достать не безъ трудности.

ГЛАВА 7.

О подчиненныхъ каждому Россійскому острогу Камчатскихъ и Корятскихъ острожкахъ, о посылаемыхъ къ нимъ зборщикахъ, и о другихъ казенныхъ Камчатскихъ доходахъ.

Понеже выше сего показано, что Россійскихъ остроговъ на Камчаткѣ нынѣ пять, а есть ли къ нимъ приписные Камчатскіе и Корятскіе острожки или нѣтъ, про то неизвѣстно; того ради сообщу я здѣсь извѣстіе, какіе иноземческіе острожки въ бытность мою къ тремъ стариннымъ острогамъ къ большерѣцкому, Верхнему и Нижнотантальскому принадлежали, кто имены въ нихъ Тоіоны были, и сколько имѣли подчиненныхъ, и какихъ окладовъ; а наконецъ по скольку зборщиковъ изъ каждаго Россійскаго острога, и въ которыя имянно мѣста отправлялись.

Большерѣцкой присудъ, какъ выше сего писано, по берегу Пенжинскаго моря отъ устья большей рѣки къ югу до рѣки Опалы, къ сѣверу до Воровской, по берегу Восточнаго моря отъ Авачи до Налачевой рѣки простирается, а всѣхъ острожковъ въ тѣхъ мѣстахъ по переписнымъ книгамъ считается осмнатцать, а имянно:

	Собол-ники	Лисич-ники	Число людей
На большей рѣкѣ,			
1) Кученичевъ острогъ, въ немъ Тоіонъ Кученичь, ясашныхъ - - -	8	17	25
2) Сикушкинъ, Тоіонъ Курухтачь, ясашныхъ - - - - - - -	12	15	27
3) Апачинъ, Тоіонъ Апача, ясашныхъ	4	10	14
4) Начикинъ, Тоіонъ Начика, ясашныхъ	6	3	9
	3[illegible]	[illegible]5	75
По рѣкѣ быстрой,			
5) Карымаевъ, Тоіонъ Карымай, ясашныхъ	7	9	16
По Пенжинскому морю отъ рѣки Опалы до Воровской,			
6) на рѣкѣ Оаплѣ Тоіонъ Хантай, ясашныхъ - - - - - -	5	9	14
7) на Уткѣ рѣкѣ, Тоіонъ Келюга, ясашныхъ - - - - - -	4	10	14
8) на рѣкѣ Кыкчикѣ у Тоіона Шемкочя	13	29	42
9) на тойже рѣкѣ у подчиненнаго Тоіона Тавача - - - - -	1[illegible]	20	30
10) на рѣкѣ Немтикѣ у Тоіона Налача	5	5	10
11) на рѣкѣ Корѣ у Тоіона Савачилки	8	12	20
12) на Воровской рѣкѣ у Тоіона Тонача	27	53	80
По рѣкѣ Авачѣ и Авачинской губѣ и оттуды на сѣверъ до рѣки Налачевой,			
13) на Авачѣ у Тоіона Пинича - -	2	7	9
14) въ Паратунѣ острожкѣ у Тоіона Карыми, въ томъ числѣ одинъ кошлока платитъ - - - - - -	6	19	25

15)

	Соболь-никовъ	Лисич-никовъ	Число людей
15) Въ Купкиномъ острожкѣ у Тоїона Тареи	17	37	54
да сверьхъ того одинъ платитъ бобра, другой кошлока, и того - -			56
16) Въ острожкѣ у Тоїона Нїаки двое платятъ по кошлоку - - -	6	12	20
17) Въ Кóлахтыряхъ у Тоїона Апауля одинъ платитъ бобра - - - -	3	8	12
18) На Налачевой у Тоїона Мгата трое платятъ по бобру, двое по кошлоку	8	14	27
Да въ 1738 году по разнымъ рѣкамъ вновь объясачено, одинъ въ соболиной, 45 человѣкъ въ лисичной, да 1 въ окладъ лисицы сиводущатой.			
И того большерѣцкаго вѣденїя въ 17 острожкахъ боброваго окладу 5			
кошлаковаго - - - 6			
собольниковъ - - - 151			
лисишниковъ - - - 288			
А всего съ новообъясачеными 47 человѣками - - - - - -			497

За зборомъ въ помянутыя мѣста̀ присылается нынѣ изъ Охотска ежегодно Комисаръ изъ тамошнихъ служивыхъ людей, которой на Авачу и по Пенжинскому мóрю̀ самъ ѣздитъ, а съ Опалы и изъ дру-

тихъ постороннихъ острожковъ сами Камчадалы въ острогъ пріѣжжаютъ. Сколько же ясаку самому Комисару добрать не случится, то по возвращеніи въ острогъ посылаетъ онъ отъ себя служивыхъ за недоборомъ, одного по Пенжинскому морю, другаго на Авачу, третьяго на Опалу, а иныхъ къ тѣмъ Камчадаламъ, которые оставя прежнія жилища поселились въ вѣденіи другихъ Россійскихъ остроговъ.

Прежде сего и Курильцы состояли подъ большерѣцкимъ острогомъ, и туда посылался изъ большерѣцка зборщикъ, но нынѣ изъ Охотска нарочной присылается. При каждомъ зборщикѣ бываетъ пищикъ, толмачь, цѣловальникъ, да нѣсколько человѣкъ служивыхъ людей, которымъ казну караулить должно. Ясакъ принимаетъ Комисаръ при всѣхъ объявленныхъ людяхъ съ совѣту ихъ, которой годенъ или негоденъ, причемъ толмачь переводитъ что надобно, пищикъ вписываетъ въ шнуровыя книги, и даетъ отписи. Ясакъ отдается на руки цѣловальнику, а хранится за егожъ и за Комисарскою печатьми. И сіе о всѣхъ Комисарахъ разумѣть должно.

Къ верьхнему Камчатскому острогу, котораго вѣдомство отъ вершины Камчатки до Выпылгиной рѣчки, по берегу Пенжинскаго моря отъ Конпановой на сѣверъ до рѣки Коврана, а по берегу Восточнаго моря отъ Кронацкого носу на югъ до Шипунскаго острожку простирается, принадлежатъ слѣдующіе острожки:

По

	[illegible]	[illegible]	[illegible]
По рѣкѣ Камчаткѣ отъ вершины до Вышылгиной рѣчки,			
1) Чаничевъ острогъ, Тоїонъ въ немъ Ганала, ясачныхъ - - -	37	57	94
2) Ирюмлинъ, Тоїонъ Шипкамакъ, ясачныхъ - - - -	19	24	43
3) Машуринъ, Тоїонъ Начика Машуринъ	84	70	152
4) Шапинъ или Шепенъ лучшей мужикъ Начика, людей - -	8	5	13
5) Тулуачь Тоїонъ Каначь Кукинъ, ясачныхъ - - - -	3	9	12
6) Козыревской, Тоїонъ Накша, ясачныхъ - - - - -	5	9	14
7) Вышылгинской, лучшей мужикъ быргачь, ясачныхъ - - -	4	2	6
По Пенжинскому морю отъ Конпановой рѣки до Коврана,			
8) Конпаковской, Тоїонъ Акетъ, ясачныхъ - - - - - -	11	42	53
9) Крутогоровской, Тоїонъ новокрещенъ Иванъ Павлутской -	11	30	41
10) Оглукоминской, Тоїонъ новокрещенъ Иванъ Отлаеовъ, ясачныхъ	15	34	49
11) Ичинской, въ немъ Тоїонъ Тынешга, ясачныхъ - - -	23	61	84
12) Сопошной, Тоїонъ Тоначь, ясачныхъ - - - - - -	14	36	50
13) Морошечной, Тоїонъ Вайхо, ясачныхъ - - - - -	3	10	13

	Бобровщики	Собольники	Лисичники	Число людей
14) бѣлоголовой, Тоіонъ Тарея, ясачныхъ - - - - - -		11	33	44
15) быстрой рѣки острожекъ, Тоіонъ Хомлитъ, ясачныхъ - -		10	26	36
16) Харіузовской, Тоіонъ брюмча, ясачныхъ - - - - - -		16	34	50
17) Ковранской, Тоіонъ Игинякъ, ясачныхъ - - - - - -		6	20	26
По берегу боброваго моря,				
18) Кроноцкаго острожку, что въ губѣ, Тоіонъ Гатальча, ясачныхъ	6	8	30	44
19) Усть-Кроноцкаго острожку Тоіонъ брючь, ясачныхъ - - -	1	2	6	9
20) Кемшча острожка у Тоіона Ижуры	5		15	20
21) Шемячинскаго острожка у Тоіона Тенивы - - - -	1	1	12	14
22) березовскаго острожку у Тоіона Тукача - - - - - -	1	1	12	14
23) Жупановскаго острожка у Тоіона Пишкаля - - - - -	2	4	12	18
24) Калигарскаго острожка у Тоіона Кужаки - - - - - -	1	2	8	11
25) Островной рѣки у Вахиля въ острожкѣ - - - - - - - -		9		9
26) Тойже Островной рѣки на морскомъ острову у Тоіона Апачи	9	1	35	45

27)

	Бобровщики	Соболщики	Лисичники	Число людей
27) Шипунскаго острожка у Тоіона Кушуги - - - - - -	1		10	11
Да сверьхъ того ясачныхъ Корякъ, которые живутъ на Авачѣ -		3	9	12
И того въ 27 острожкахъ, подсудныхъ верьхнему Камчатскому острогу	27	302	651	982

За ясакомъ въ помянутые острожки обыкновенно посылывались по три зборщика; одинъ на бобровое, другой на Пенжинское море, а третей по рѣкѣ Камчаткѣ: но нынѣ присылаемые изъ Охотска зборщики иногда по всѣмъ мѣстамъ сами ясакъ збираютъ, а отъ себя уже посылаютъ токмо за недоборомъ.

Къ Нижношантальскому острогу принадлежатъ слѣдующіе иноземческіе острожки.

По рѣкѣ Камчаткѣ

	Соболщики	Лисичники	Число людей
1) Усть-Камчатской; Тоіонъ Тавачь, ясачныхъ - - - - - -	15	77	92
2) На озерѣ Колко-кро; Тоіонъ Намахаручь, ясачныхъ - - - -	2	12	14
3) Шантальской, Тоіонъ Тумучь, ясачныхъ - - - - - - -	5	26	31

	Собольники	Лисичники	Число людей
4) Хапичинской, Тоіонъ Лемшинга, ясачныхъ - - - - - -	9	23	32
5) Пеучевъ или Шваноломъ, Тоіонъ Камакъ, ясачныхъ - - -	17	35	102
6) Щечкинъ, Тоіонъ щечка, ясачныхъ	9	15	24
7) Каменной, Тоіонъ новокрещеной Иванъ Карбагановъ, ясачныхъ -	6	63	69
8) Ключевской, Тоіонъ Ликочь, ясачныхъ	11	34	45
9) Каначевъ, Тоіонъ Налачь, ясачныхъ	12	39	51
10) Ипатпелевъ; Тоіонъ Ипатпель, ясачныхъ - - - - - -	17	27	44
По рѣкѣ Еловкѣ			
11) Устпь - Еловской, или Коаннымъ, Тоіонъ Степанъ Харчинъ - -	4	11	15
12) Верхо-Еловской, Тоіонъ Тавачь Тенивинъ, ясачныхъ - - -	40	77	77
По берегу Восточнаго моря			
13) Столбовской, Тоіонъ Чегага, ясачныхъ	4	19	23
14) Укинской Тоіонъ Коричь, ясачныхъ	9	15	24
15) Пильченгылынъ, онъ же и Маймлянской, Тоіонъ начика, ясачныхъ	8	24	32
16) Уакамелянъ, онъ же и Кахтанской, Тоіонъ Холюли, ясачныхъ Корякъ	4	5	9
17) Русаковъ, Тоіонъ Куму - -	2	21	23
18) Острожекъ на устпь-губы, Тоіонъ Камакъ ячачныхъ - - -	2	28	30

14)

	Соболь-щики	Лисич-ники	Число людей
19) Юмгинъ, Тоїонъ Умьеучкинъ, ясачныхъ - - - - - -		25	25
20) Карагинской, Тоїонъ Кумлю, ясачныхъ - - - - - -		20	20
21) На Карагинскомъ морскомъ острову Тоїонъ Тата, ясачныхъ - -		30	30
итого	176	636	812
По берегу Пенжинскаго моря,			
22) Тигильской, Тоїонъ Пейвевъ, ясачныхъ	31	61	92
23) Напанской, Тоїонъ Хоткамакъ, ясачныхъ - - - - - -	8	26	34
24) Аманинской, Тоїонъ Ляля, ясачныхъ	1	18	19
25) Ушколотской, Тоїонъ Ляля Камаковъ, ясачныхъ - - - - - -	5	22	27
26) Ваемпальской, Тоїонъ Унепоха, ясачныхъ - - - - - -	21	59	80
27) Кахтанской, Тоїонъ Кулу Нимгыитъ, ясачныхъ - - - - -	4	30	34
28) Верхней Палланской, Тоїонъ Амгаль, ясачныхъ - - - - - -	1	16	17
29) Средней Паланской, Тоїонъ Амриль, ясачныхъ - - - - - -	7	15	22
30) Нижней Палланской, Тоїонъ Камакъ, ясачныхъ - - - - - -	4	30	34
31) Лѣсной, Тоїонъ Келляхъ, ясачныхъ	1	37	38
32) Подкагирной, Тоїонъ Томгиргинъ, ясачныхъ - - - - - -	2	33	35
Всего нижняго Камчатскаго острога въ 32 подсудныхъ острожкахъ -	254	983	1237

За ясакомъ въ помянутые острожки посылаются по трое зборщиковъ, одинъ на Тигиль, другой на Уку, третей на Карагинской островъ: а живущіе по рѣкѣ Камчаткѣ, яко подгородные, сами съ ясакомъ въ острогъ пріѣжжаютъ, которой отъ Комисара принимается.

Всѣхъ Камчатскихъ остроговъ ясашной зборъ съ 2716 душъ состоитъ изъ 34 бобровъ и кошлоковъ, изъ 17 сороковъ 26 соболей, и изъ 1962 лисицъ, къ которому надлежитъ еще присовокупить до 100 напримѣръ бобровъ съ островныхъ и живущихъ на Лопаткѣ Курильцовъ, котораго збору по тамошней цѣнѣ можно положить на 10000 рублевъ, тѣмъ наипаче: что иногда вмѣсто красныхъ лисицъ приносятся въ ясакъ соболи, сиводушки, чернобурыя, крестовки, а гдѣ бобры ловятся, тамъ и бобры или кошлоки; а по Иркутской цѣнѣ вдвое или и свыше.

По ясачномъ зборѣ главной казенной тамошней доходъ отъ винной продажи, котораго будетъ до трехъ или 4000. Подушнаго збору, съ казачьихъ дѣтей малое число, а другихъ казенныхъ доходовъ никакихъ при мнѣ не было, ибо съ купечества десятая выдѣляется въ Охотскомъ острогѣ. Но можетъ быть нынѣ казенные оные доходы умножились отдачею на откупъ берингова и другихъ острововъ, гдѣ бобры промышляются.

ГЛАВА.

ГЛАВА 8.

О купечествѣ.

Каково было на Камчаткѣ купечество *съ начала ея покоренія, коимъ образомъ оно состояло за одними прикащиками и за служивыми, которые изъ Якутска присылались за ясачнымъ зборомъ, и какъ у служивыхъ торгъ бывалъ съ Камчадалами, оное уже изъ вышеписаннаго явствуетъ, а здѣсь должно объявить особливо отомъ, съ котораго времени начали пріѣжжать купцы настоящіе, какіе товары въ тѣхъ мѣстахъ похожи, и какова прибыль отъ тамошняго торгу.

Хотя мѣлочники ѣжжали на Камчатку при зборщикахъ и съ самаго покоренія Камчатки, однако ихъ за купцовъ почитать нельзя, для того что они не столько пеклись о купечествѣ, сколько о службѣ, которую и на ряду съ Казаками служили, а часто и команду получали надъ ними отъ прикащиковъ; особливо же что никто почти изъ нихъ не желалъ казакомъ не быть, которое однакожъ щастіе случалось

*Нѣкоторые объявляютъ, якобы купечество было и у Камчадаловъ съ Японцами еще ста за полтора лѣтъ, и будто Японцы мѣняли имъ на мяхкую рухлядь всякіе желѣзные и мѣдные инструменты, особливо ножи и иглы. Но хотя бы то была и правда, однако купечества ихъ купечествомъ почесть не можно: ибо при томъ сказываютъ, что Японцы токмо тогда съ ними торговали, когда ихъ заносило къ тѣмъ мѣстамъ погодою. Напротивъ того иные объявляютъ, якобы Японскія бусы два раза приходили съ торгомъ въ Большерѣцкое устье, однако все сіе требуетъ подтвержденія. Сіе можно сказать за истинну, что у Камчадаловъ ни между собою, ни съ сосѣдьми торгу не было. Чтожъ до Японцовъ касается, то оные пріѣжживали на острова Курильскіе, и на разныя вещи вымѣнивали у нихъ мяхкую рухлядь и орлиное перье, какъ выше о Курилахъ показано.

не всякому; ибо большая часть невзирая на военную службу остались подъ именемъ посадскихъ, и при первой ревизіи въ подушной окладъ положены, какъ тамошніе настоящіе жители. Уповательно, что тогда изтоль отдаленнаго, новаго и малолюднаго мѣста никого вывозить невѣлено было.

Настоящихъ купцовъ прикащики съ довольнымъ числомъ товаровъ начали пріѣжжать съ перьва въ Охоцкъ, а потомъ и на Камчатку, въ то время, какъ вторая Камчатская Експедиція въ оныя мѣста переѣхала, при которой, въ разсужденіи многолюдства, былъ великой росходъ товарамъ, и столь съ великою ихъ прибылью, что нѣкоторыя мѣлочники, которые изъ Россіи пришли на судахъ въ работѣ, въ шесть или семь лѣтъ здѣлались такими купцами, у которыхъ торгу до 15000 и болѣе. Напротивъ того нѣкоторые отъ чрезвычайнной оной прибыли и свое потеряли, не хотя скоро выѣхать, и желая больше обогатиться. Между тѣмъ вдавшись въ роскоши, и несмѣя своимъ хозяевамъ явиться, тамъ было и посѣлились, уповая что и ихъ, такъ какъ вышепоказанныхъ защитить отъ вывоза въ свои мѣста дальнее разстояніе и малолюдство Камчатскихъ обывателей: однако въ томъ ошиблись къ немалой пользѣ купцовъ, которые посылаютъ въ тѣ мѣста прикащиковъ.

Но съ Камчатскою Експедиціею былъ у купечества весьма другой торгъ въ разсужденіи Камчатскаго: ибо всѣ бывшіе при оной, жалованные люди, покупали товары на наличныя деньги, а Камчатскимъ обывателямъ принуждены они все отдавать въ долгъ,

и ждать

и ждать, пока они зимою изъ Орды возвратятся. Тогда берутъ у нихъ за товары свои мягкою рухлядью по тамошней цѣнѣ съ преизрядною прибылью, такъ что хотя почти всѣ купцы выѣжжаютъ съ Камчатки оставя по нѣскольку сотъ долгу безнадежнаго, однако барыша вывозятъ по самой малой мѣрѣ въ двое или въ трое. Ежели же взять въ разсужденіе мѣну Камчатскихъ товаровъ на Китайскіе, то за всѣми проторьми, которымъ по дальности разстоянія, по трудности проѣздовъ, по дороговизнѣ найму подводъ и своего содержанія весьма знатнымъ быть должно, безъ ошибки можно получить по четыре тысячи на тысячу, какъ изъ нижеписаннаго можно будетъ яснѣя видѣть. Но такую прибыль отъ большой части получаютъ купцы, которые не свыше года живутъ въ Камчаткѣ; въ противномъ случаѣ не малой ущербъ претерпѣваютъ. Притчина тому: 1) что они съ пріѣзду распродаютъ, какъ можно, всѣ свои товары и вещи, не жалѣя и платья, льстясь на дороговизну; а сами остаются ни съ чемъ, уповая на скорой выѣздъ. А когда остаются за какимъ препятствіемъ въ другой годъ, тогда нужные себѣ товары принуждены перекупать между собою двойною цѣною; 2) что мягкая рухлядь чемъ болѣе лежитъ, тѣмъ болѣе оцвѣтаетъ, а слѣдовательно теряетъ свою доброту и цѣну; 3) что лежачіе товары никакой имъ не приносятъ прибыли; а о скукѣ необыкновенному къ тамошнимъ мѣстамъ, о бѣдномъ, но дорогомъ пропитаніи, о найму квартиръ и кладовыхъ анбаровъ, и о другихъ тому подобныхъ обстоятельствахъ и упоминать

нать нечего; что все въ случаѣ скораго выѣзду избѣгается.

Похожіе на Камчаткѣ товары отчасти Россійскіе или вообще Европейскіе, отчасти Сибирскіе, бухарскіе и Калмыцкіе, а отчасти Корятскіе изъ Анадырска. Изъ Европы идутъ туда сукна цвѣтныя недорогой цѣны, холстъ, пестредь, стамедъ, Усольскіе ножи, всякая обувь, которая въ Казанѣ или въ Тобольскѣ закупается, платки шелковые и бумажные, вино красное, токмо помалу, сахаръ леденецъ и бѣлой, табакъ листовой, всякія серебреныя мѣлочи и нѣсколько позументу, также зеркала, гребни, прониски и бисеръ. Изъ Сибири желѣзная и мѣдная посуда, желѣзо полосное и дѣланное въ разные инструменты, какъ напримѣръ: ножи, топоры, клепешные зубки и огнива. Оттудужъ возятъ воскъ, соль, пеньку и пряжу на сѣти, пріятнѣйшіе тамошніе товары; а сверьхъ того лосину дѣланую, хрящь и сермяжныя сукна. Изъ бухаріи и Калмыцкой земли выбойки, чалдары, зедени и другіе Еркецкіе товары. Изъ Китая голи, полуголи и другія симъ подобныя матеріи, фанзы, лензы, китайка, шелкъ, Китайской табакъ, Китайскіе корольки, иглы, которыя Россійскимъ предпочитаются, и другія мѣлочи. Изъ Корякъ гарно, то есть всякія дѣланыя и недѣланыя оленьи кожи, которыя лучшей тамошней товаръ составляютъ, и которымъ много росходу: ибо другихъ товаровъ надобно привозить смотря по тамошнему мѣсту умѣренно, ежели кто ихъ желаетъ продать хорошею цѣною. Въ противномъ случаѣ не смотря на дешевизну товаровъ залежаться

могутъ,

могутъ, для того что купить будетъ нѣкому: ибо тамошніе посадскіе о торгу не стараются, и при отъѣздахъ купцовъ остальныхъ товаровъ не скупаютъ, чтобъ со временемъ съ барышомъ продать, хотя могли бы отъ того получать и не мало прибыли. Для того что Камчатскіе жители, будто бы послѣдуя Камчадаламъ, по большой части такъ поступаютъ, что ничего себѣ не покупаютъ, въ чемъ не имѣютъ нужды, какою бы дешевою цѣною товаръ отдаванъ ни былъ; а буде тотже товаръ понадобится послѣ, то у своей братьи или покупаютъ, или вымѣниваютъ четверною или пятерною цѣною.

По какой цѣнѣ привозные товары продаются, онаго для вышепоказанной причины точно объявить нельзя. Токмо можно вообще сказать что товаръ осенью, всякой когда купцы пріѣжжаютъ, и когда бываетъ какъ бы ярманка, продается дешевле; а къ веснѣ, когда товары разходятся, дороже. Но чтобъ прибыль, которую купцы получаютъ, изъяснить нѣкоторымъ образомъ, то сообщу я здѣсь роспись нѣкоторымъ товарамъ по цѣнѣ посредственной, какъ покупной, такъ и продажной:

	цѣна покупная		цѣна продажная на Камчаткѣ	
	рубли	копейки	рубли	копейки
Заморскова полотнà аршинъ - - -	1	-	2- 3	-
Сермяжнаго сукнà аршинъ - - -	-	12	-	50-60
Чулки шерстяные синїе	-	25	1	-
- - - - - - - - бѣлые	-	20	1	-

Рускова

	цѣна покупная		цѣна продажная	
	рубли	копейки	рубли	копейки
Рускова холста аршинъ - - -	-	4- 5	-	25-30
Китайки конецъ -	-	40 50	1½- 2	-
Голи косякъ - -	10	-	20-25	-
Полуголи - - -	5	-	10-12	-
Семиланной камки -	3	-	5- 6	-
Шелку гинъ - -	3- 4	-	10-12	-
Стамеду Китайскова конецъ - - -	-	50	2	-
Фанзы конецъ - -	3- 4	-	8	-
Сапоги - - - - -	-	60-80	3- 4	-
бухарской выбойки конецъ - - - -	3-	-	7- 8	-
Калмыцкой выбойки	-	40	1- 1½	-
Олова въ дѣлѣ фунтъ	-	25	1	80
Мѣдь въ котлахъ -	-	35	1	20
Желѣзная сковорода	-	15	1	-
Топоръ - - - -	-	15-20	1	-
Усольской ножъ -	-	12-15	1	-
Якутской ножъ -	-	5	-	20 30
Огниво - - - -	-	5	-	25
Мѣлкова бисеру на -	-	15	1	-
Корольковъ сто -	-	25	1	-
Табаку Черкаскаго фун.	-	10	1-	80
Муки ржаной пудъ	-	25	4- 8	-
Сала топленаго пудъ	1-	80	4- 5	-
Масла коровья пудъ	1-	20	6- 8	-
Воску пудъ - - -			20-60	-
Ровдуги у Корякъ -	-	50	1- 1-	50
Пыжики - - - -	1	-	2	-

А вся-

А всякаго товару разходится на Камчаткѣ по привозной цѣнѣ тысячь на десять, по продажной тысячь на тритцать или на сорокъ; а на Кяхтѣ получается по малой мѣрѣ двойная прибыль. И ежели которому купцу случится въ годъ на Камчаткѣ и на Кяхтѣ, когда позволяется, или въ Иркутскѣ исторговаться, то сей торгъ не можно почесть неприбыточнымъ для купечества.

Вывозные съ Камчатки товары состоятъ въ одной мяхкой рухляди, а имянно: въ морскихъ бобрахъ, соболяхъ, лисицахъ и маломъ числѣ выдръ. И понеже прежде сего денегъ на Камчаткѣ не бывало, но все покупали на мягкую рухлядь, а деньги вступили не весьма давно; того ради тамошніе жители обыкновенно торгуютъ товары на лисицы, которыя у нихъ за рубль почитались: однако отдаютъ деньгами или и лисицами, токмо ужѐ не по рублю лисицу, но почему когда цѣна состоитъ. Съ вывозныхъ товаровъ въ Охотскѣ берется десятая пошлина, да за провозъ по одному соболю съ сорока, и того по пяти звѣрей съ сорока.

ГЛАВА 9.

О разныхъ дорогахъ, которыми изъ Якутска на Камчатку ѣздятъ.

Хотя о разныхъ дорогахъ на Камчатку писать и нѣтъ нужды, для того что иныя нынѣ почти вовсе отставлены; но довольно объявить о проѣжжихъ дорогахъ, которыми обыкновенно ѣздятъ: однако

ко любопытной читатель и того не почтетъ за излишество, когда о всѣхъ порознь объявлено будетъ, тѣмъ наипаче, что такое описаніе имѣетъ служить къ изъясненію, какіе въ тѣхъ мѣстахъ Россійскія поселенія, сколько къ которому зимовью или острогу приписано ясачныхъ, и какого народу: сколько съ нихъ ясаку и аманатовъ биралось, и по скольку человѣкъ посылалось изъ Якутска служивыхъ: особливо же съ какою трудностію, и съ какимъ продолженіемъ времени ясачнымъ зборщикамъ на Камчатку ходить должно было, хотя бы и отъ непріятельскихъ людей не было имъ тогда въ дорогѣ опасности: ибо они и безъ того неизбѣжныхъ имѣли непріятелей голодъ и холодъ, которые ихъ часто губили. А что сіе правда, оное всякому легко разсудить можно, что казаки хаживали тѣмъ путемъ токмо въ зимнее время. Скарбъ, аммуницію и потребное къ пропитанію важивали на нартахъ чрезъ знатное разстояніе самыми дикими, пустыми, и многимъ ужаснымъ вьюгамъ подверженными мѣстами, отъ которыхъ по нѣскольку времени обыкновенно стоятъ на одномъ мѣстѣ; въ такомъ случаѣ не можно не изойти съѣстнымъ припасамъ прежде времени. Тогда сыромятнымъ сумамъ, ремнямъ, обуви, особливо же подошвамъ разходъ бываетъ, которыя они пожаря на огнѣ употребляютъ въ пищу. Повѣрить почти неможно, чтобъ человѣкъ дорожной могъ снести голодъ чрезъ 10 или 11 дней, однако въ тѣхъ мѣстахъ никто тому не удивляется; ибо рѣдкой бывалой въ той сторонѣ путь свой безъ оной нужды оканчивалъ.

Изъ

Изъ Якутска на Камчатку ѣжжали 1) по рѣкѣ Ленѣ внизъ до ея устья, гдѣ она пала въ Ледяное море: отъ устья по Ледяному мóрю до усть Индигирки и Ковымы рѣкѝ, съ Ковымы сухимъ путемъ чрезъ Анадырскъ до Пенжинскаго или до Олюторскаго мóря, а оттуду или байдарами по онымъ морямъ, или и сухимъ же путемъ. Токмо сїя дорóга была весьма продолжительна: ибо въ благополучную погоду, когда на морѣ льдовъ не бывало, и при способныхъ вѣтрахъ требовалось цѣлое лѣто: въ противномъ случаѣ кочѝ, на которыхъ они плавали, часто разбивало, и отъ того бывали они въ пути года по два и по три. Разстоянїя отъ Якутска до усть-Яны 1960 верстъ, а имянно отъ Якутска до усть- Вилюйскаго зимовья 351, оттуду до Жиганскаго 465, отъ Жиганскаго до Сиктацскаго 224½, отъ Сиктацскаго зимовья до устья Лены рѣкѝ 500½, отъ устья Лены до Устьянскаго зимовья 419 верстъ. Симъ путемъ отправлялись прежде сего изъ Якутска ясачные зборщики въ три зимовья Индигирскїя, въ Алазейское и въ три зимовья Ковымскїя: токмо сей путь нынѣ во все отставленъ; а сколько съ Ковымы рѣкѝ до Камчатки разстоянїя, сколько въ помянутыя зимовья посылалось служивыхъ, сколько къ нимъ ясачныхъ людей приписано было, о томъ нѝже сего будетъ объявлено.

Другая дорóга все сухимъ путемъ: отъ Якутска ѣздятъ на Алданскую заставу, съ Алданской заставы въ Верхоянское зимовье, оттуда чрезъ Зашиверское, Уяндинское, Алазейское, среднее и нижнее Ковымскїя

зимовья до Анадырскаго острогу, изЪ Анадырска вЪ нижней Камчатской, а изЪ нижняго Камчатскаго чрезЪ Верхней вЪ большерѢцкой острогЪ.

Верхоянское зимовье отЪ города Якутска вЪ 554 верстахЪ, стоитЪ надЪ рѢкою Яною впадающею вЪ Ледяное море, отЪ устья вЪ 310 верстахЪ, а конной Ѣзды до оной со вьюками пять недѢль. ВЪ сіе зимовье отправлялось изЪ Якутска по 6 человѢкЪ служивыхЪ. ЯсачныхЪ приписныхЪ кЪ зимовью ЯкутовЪ 195 человѢкЪ, а ясаку сЪ нихЪ збиралось по 10 сороковЪ и по 22 соболя, да по 50 лисицЪ красныхЪ.

Зашиверское зимовье отЪ Верхоянскаго вЪ 360 верстахЪ, стоитЪ по правую сторону рѢки Индигирки, которая впадаетЪ вЪ Ледяное жЪ море; а конной Ѣзды отЪ Верхоянска до сего зимовья скорою Ѣздою двѢ, а тихою четыре недѢли. Юкагирей приписано кЪ нему 86 человѢкЪ, а ясаку збиралось по 11 сороковЪ соболей и по соболю.

Подшиверное или среднее Индигирское зимовье, которое во описаніи геодезистовЪ не упоминается, стоитЪ надЪ Индигиркою же рѢкою, вЪ двухЪ дняхЪ нартянаго ходу отЪ Зашиверска. ЯсачныхЪ Юкагирей приписано кЪ нему 32 человѢка, а ясаку збиралось по шести сороковЪ по 34 соболя.

Уядинское или нижнее Индигирское зимовье стоитЪ на устьѢ впадающей вЪ рѢку Индигирку сЪ лѢвой стороны Ундины рѢки, отЪ Зашиверска вЪ 220 верстахЪ; а нартянаго до него ходу пять дней. ЯсачныхЪ Юкагирей приписано кЪ нему 57 человѢкЪ, а ясаку збирается 8 сороковЪ 28 соболей.

Во

Во всѣ помянутыя три зимовья посылался изъ Якутска одинъ прикащикъ съ 15 человѣками служивыхъ, которые должны были хранить до нихъ Аманатовъ человѣкъ съ сорокъ.

Алазенское зимовье стоитъ при впадающей въ ледяное море рѣкѣ Алазеѣ, въ знатномъ отъ устья разстоянiи. Мѣрныхъ до онаго верстъ отъ Уяндинска 509, а нартянаго ходу три недѣли. Ясаку собиралось тамъ съ Юкагирей по 8 сороковъ и по 1 соболю, да по 20 пластинъ собольихъ. Аманатовъ брано съ нихъ по 6 человѣкъ, а служивыхъ присылалось по 10 человѣкъ за зборомъ.

Среднее Ковымское зимовье, стоитъ по лѣвую сторону Ковымы рѣки, которая впадаетъ въ Ледяноежъ море. Мѣрныхъ верстъ отъ Алазейска до сего зимовья 103 версты, а ясаку тамъ збиралось съ 25 человѣкъ Юкагирей пять сороковъ и четыре соболя.

Нижнее Ковымское зимовье стоитъ по правую сторону тойже рѣки, въ 442 верстахъ отъ средняго, а нартами доходятъ до него въ три недѣли. Ясаку збиралось тамъ съ 32 человѣкъ Юкагирей по 8 сороковъ по 17 соболей.

Есть еще и верхнее Ковымское зимовье, токмо въ сторонѣ отъ Камчатской дороги. Оно стоитъ выше средняго зимовья въ 4 недѣляхъ нартянаго ходу, а ясаку въ немъ сбиралось съ 43 человѣкъ Юкагирей по 5 сороковъ по 38 соболей.

Во всѣ помянутыя три зимовья посылался изъ Якутска одинъ прикащикъ въ 20 человѣкахъ служивыхъ, которые должны были содержать подъ охраненiемъ 25 человѣкъ аманатовъ.

Анадырской острогъ стоитъ по лѣвую сторону впадающей въ помянутоежъ море рѣки Анадыря, въ 963 верстахъ отъ нижняго Ковымскаго зимовья, а нартами доходятъ въ шесть недѣль. Ясаку збиралось тамъ съ 31 человѣка Юкагирей 78 соболей да 19 пластинъ собольихъ. А сколько Корякъ оленныхъ и сидячихъ ему подсудно, про то извѣстія получить не могъ, токмо можно думать, что число немалое. Ибо платятъ во оной не токмо Якутскіе и Катырскіе Коряки, но и живущіе по Олюторскому и Пенжинскому мо́рю до самаго Охотскаго уѣзда.

Отъ Анадырскаго остро́гу до Нижняго Камчатскаго 1144 версты̀, а ѣзды на оленяхъ съ кладью, до Пенжины недѣли съ двѣ, а оттуду по бе́регу Пенжинскаго мо́ря, и отъ Тигиля черезъ хребетъ на Еловку, и по Еловкѣ до Нижняго Камчатскаго остро́гу недѣли съ двѣ же, или не много больше.

Сею доро́гою и понынѣ ѣздятъ во всѣ объявленные остро́ги и зимовья до Анадырска, выключая Камчатку, куда оною, кромѣ куріеровъ съ нужными и время нетерпящими дѣлами, никого не посылаютъ.

Третья доро́га отъ большей части водянымъ путемъ. Отъ Якутска внизъ по Ленѣ до устья рѣки Алдана, которая впадаетъ въ Лену съ правой стороны̀ по теченію. Алданомъ вверхъ до устья текущей во оной съ правой же стороны̀ рѣки Маи, Маею вверхъ же до впадающей во оную съ тойже стороны̀ рѣки Юдомы, Юдомою вверхъ же до такъ называемаго Юдомскаго креста, отъ креста сухимъ путемъ до Охотска, или токмо до Урацкаго плодбища, а съ

плодбища

плодбища внизъ по Ураку до Ламскаго моря, моремъ до Охотскаго порта. Изъ Охотска на морскихъ судахъ моремъ до большей рѣки, или сухимъ путемъ вкругъ губы Пенжинской; которая однако дорога не давно проложена, и ради немирныхъ Корякъ опасна, какъ уже въ первой части упомянуто. Но отъ Якутска до Юдомскаго креста, и по Ураку водою не ѣздятъ тамошніе обыватели, для того что путь оной труденъ и весьма продолжителенъ. За щастіе почитается, есть ли суда однимъ лѣтомъ до Креста дойдутъ: и для того помянутыми рѣками почти одна только Камчатская экспедиція перевозила на судахъ провіантъ и тяжести. А по Ураку никтожъ судами не плавалъ кромѣ объявленной экспедиціи, для великихъ можетъ быть и опасныхъ пороговъ.

Четвертая, и какъ бы проѣжжая дорога, которою въ лѣтнее время всякъ ѣздитъ, лежитъ чрезъ горы; и понеже мнѣ самому оною ѣхать случилось, то я сообщу описаніе моего пути, которое въ разсужденіи пополненія нашихъ ландкартъ не безполезно быть имѣетъ, тѣмъ наипаче, что въ нашихъ картахъ не токмо малыя рѣчки, но почти всѣ знатныя рѣки по той дорогѣ опущены, каковы напримѣръ Амга, Бѣлая, Юна, Юнаканъ и прочая.

Отъ города Якутска плаваютъ судами до урочища называемаго Ярманка, которое отъ города въ 10 верстахъ, противъ лежащаго на Ленѣ острова Медвѣжья, а по Якутски Еселяла. Ярмонкою она можетъ быть для того называется, что лѣтнимъ временемъ случается тамъ не мало людей отправляющихся въ

Охотскъ.

Охотскъ, которые тамъ стоятъ по нѣскольку дней, и въ дорогу отправляются, то есть вывязываютъ лошадей, готовятъ вьюки, и разравниваютъ побочни, чтобъ каждой былъ въ полтретья пуда: ибо вьюшная лошадь болѣе пяти пудъ глухой клади рѣдко возитъ, выключая что наверхъ нѣсколько запасу или другой мѣлочи кладется, что называется прикладкою. Впрочемъ помянутая Ярманка пустое мѣсто.

Отъ Ярманки первое знатное урочище Кумахтáй Хортыгà, то есть Песчаной взвозъ или взъемъ, на верху котораго по деревьямъ навѣшено отъ Якутовъ множество волосовъ лошадиныхъ въ подарокъ мѣсту оному, чтобъ имъ и подыматься и опускаться безопасно было, а разстоянія отъ Ярманки до сего мѣста версты съ три. Между Взъемомъ и Ярмонкою по лѣвую сторону дороги есть озеро по Якутски Намтага, которое въ округъ версты на двѣ.

Потóмъ слѣдуетъ булгунняхтáхъ пригорокъ, Оліонгъ озерко, букулýгъ, Есè-Елюютъ, Усýнъ-Ергà и Сюбтюръ Долготà пустоши между которыми урочищами не больше какъ по верстѣ разстоянія. На послѣдней пустоши имѣли мы первой свой наслѣгъ поѣхавъ отъ Ярманки.

Слѣдующаго дня переѣжжали рѣку Солу, которая въ верстѣ была отъ нашего стану. Вершины ея верстахъ во 100 изъ хребта, а устье, гдѣ пала въ Лену, верстахъ въ 6 отъ переѣзду. Лошадей кормили при Кутчугуй Тылгыяхтакъ озеркѣ, между которымъ и рѣчкою Солою нижеслѣдующія урочища: Кутердя́къ и Урасага́гъ пустоши, Олбутъ озеро, Мі-

огу-

огурте пустошь, Кайгарамаръ и Улаханъ Тылгыяхтакъ озера. Всѣ помянутыя урочища почти въ равномъ между собою разстояніи, а всего отъ Солы до кормовища верстъ съ 11.

Тогоже дня проѣхали мы барыніякпакъ, Сыгыннахъ, Коромокъ и Конморорь пустоши, а ночевали при озерѣ Урюнъ-хамусъ (бѣлой камышъ) называемомъ, которое отъ кормовища верстахъ въ 13. близъ помянутаго озера по лѣвую сторону дороги живутъ Якуты, которые поселены тамъ въ 1735 году для содержанія ямской станціи.

На другой день проѣхавъ Хатыли и Чупчулагъ озера кормили лошадей при Арылакѣ (островистомъ) озерѣ, которое въ длину отъ запада къ востоку версты на три простирается, а въ ширину отъ одной версты до полуторы, а третей наслѣгъ имѣли при озеркѣ Талба, гдѣ Якуты содержатъ станцію. Между кормовищемъ и наслѣгомъ были урочища Кордюгенъ и Куптугуй Наарыгана озера, первое по правую а другое по лѣвую сторону дороги, одно противъ другаго, потомъ Улаханъ Носрагана немалое озеро, въ котораго верхней конецъ пала рѣчка Тангага текущая изъ хребта верстъ за 40. Мы вверхъ по сей рѣчкѣ слѣдуя переѣжжали рѣчку Кулулджу, которая впала съ сѣверной стороны въ Тангагу близъ переѣзду, отъ устья ея въ 4 верстахъ, да проѣхали Кытпагай, Сынгасалакъ и биттагай озера, изъ которыхъ первое отъ рѣчки Кулулджу верстахъ въ 4, второе отъ перваго въ 5, а третіе отъ втораго верстахъ въ 4. За версту до биттагая озера переѣхали

ли мы на другую сторону Тангагй рѢчки, а Талба озерко, гдѢ ночевали, отъ переѢзду въ полуторѢ, а отъ битщига озера въ одной верстѢ. Всего объявленнаго дня переѢхали мы верстъ съ 30.

Отъ озерка Талбы слѢдуютъ озеркижъ Кылъ-Сарыннакъ въ 7 верстахъ, Кучугуй бахалджима въ 3, Улаханъ бахалджима въ 2 верстахъ, и всѢ остаются вправѢ. Отъ послѢдняго озерка верстѢ въ полуторѢ подымаются на хребетъ, а по другую его сторону проѢжжаютъ пустоши Кубалагъ, Кейнду, Намчаганъ, Кырдюгень да Сатагай озерко, при которомъ лошадей кормятъ. Всего отъ озерка Талбы до Сатагая верстъ съ 20. По полудни проѢхали мы Чабычай, три бысыктака, Ханчалу и Ала-атбага (пѢгой лошади голова) озерка, изъ которыхъ надъ послѢднимъ учрежденъ ямской станокъ, которой Якуты содержатъ. Тутъ мы наслѢгъ имѢли. ВсѢ помянутыя озерки были по правую сторону дороги, а разстоянія отъ кормовища до сего станка съ 13 верстъ.

Отъ Ала-отъ-баги верстахъ въ 2 слѢдуютъ два озерка буердаты одно близъ другаго, отъ нихъ въ верстѢ Егдегась озерко, а верстѢ въ полуторѢ Кокора рѢчка, которая отъ того мѢста, гдѢ мы къ ней приѢхали въ 22 верстахъ въ рѢчку Татту впала по теченію съ лѢвой стороны. Мы въ низъ по ней Ѣхали до ея устья, а на ономъ разстояніи нижеслѢдующія урочища; Огусъ баса (бычья голова озеро) Кыбычма пустошь, Кутчугуй и Улаханъ Кыллагы озера, Улусъ Исы и Куранна̀къ-аласъ пустоши, детчимей, Лампарыкы, Урасалакъ, Куагалы и Чиранчи озера.

озера. За версту не доѣжжая до послѣдняго озера при помянутой Кокорѣ рѣчкѣ есть Татская станцїя, гдѣ обыкновенно лошадей берутъ, и отправляютъ на бѣловскую переправу для перемѣны тѣхъ, которые везли отъ Якутска, да закупаютъ скотъ на пропитанїе въ пустыхъ мѣстахъ, которой съ собою гоняютъ, и когда нужда потребуетъ, то убиваютъ оной дорожные поочередно, дѣлятъ на всю свиту по равнымъ частямъ, и запекши довольствуются, пока изойдетъ. Впротчемъ стараются, чтобъ скотъ былъ неболышей, чтобъ мясо доставалось не помногу на человѣка; въ противномъ случаѣ и на жареное нападаютъ черьви. На помянутую станцїю посылается изъ Якутска служивой, а разстоянїемъ она отъ того мѣста, гдѣ мы къ Кокорѣ прїѣхали верстахъ въ 15.

Переночевавъ на объявленной станцїи, пославъ въ передъ подводы на перемѣну Якутскимъ къ рѣкѣ Алдану, и исправя все потребное, отправились мы въ путь нашъ, и ѣхали мимо озеръ Имиттѐ и Талбакáна, отъ котораго устье рѣчки Кокоры, гдѣ въ Татту пала, было въ виду, напримѣръ верстѣ въ полутретьѣ по правую сторону дороги: мимо озерка Менгà-аласà и чрезъ пустоши Каракàкъ, Титиктàкъ, Туарà-сысы булгунняктакъ, до пустоши Титтяка, на которой при озеркѣ и ночевали, всего разстоянїя переѣхали того дня съ 15 верстъ, а дорóга отъ самаго Талбакана óзера была въ низъ по рѣкѣ Таттѣ не подалеку отъ оной.

За Титтякомъ слѣдуютъ Чоаратта, Меннѐ, Куроттòкъ, Табалàкъ и Сусýнъ-сысы пустоши, по-

 томъ

томъ Тоуля рѣчка, которая верстахъ въ 4 отъ переѣзду въ Таппу пала, а разстоянія отъ наслѣгу до переѣзду сей рѣчки съ 12 верстъ.

Въ 13 верстахъ отъ Тіоули впала въ Таппу съ лѣвой же стороны по теченію отъ переѣзду верстахъ въ 5 Намгара рѣчка, которая вершинами вышла изъ горъ верстахъ въ 60 отъ устья, между помянутыми рѣчками знатныя урочища Кунгай озеро, да три пустоши, изъ которыхъ первая Саадахтакъ, а двѣ ближайшія къ Намгарѣ однимъ именемъ биштигиттè называются.

Отъ Намгары слѣдуютъ Нирга̀ озерко да пустоши Тюулюгуттè Каялаху̀, булгунняктакъ и Таалджиранъ, при которой не доѣжжая до рѣки Таппы за двѣ версты есть Джоксогонская станція, на которую служивые изъ Якутска присылаются; помянутая станція отъ Намгары верстахъ въ 14. Здѣсь мы ночевали. А лошадей въ полдни кормили на Кунгаѣ озерѣ, которое отъ Тіоули верстахъ въ 4½.

Отъѣхавъ отъ станціи вышеписанное разстояніе переправлялись мы за рѣчку Та́ппу, которой устье, гдѣ въ рѣку Алданъ пала, пообъявленію тамошнихъ обывателей, около 160, а вершина около 150 верстъ отъ переправы. близъ переправы есть два озерка называемыя Куллу̀, одно по правую, а другое по лѣвую сторону дороги.

Верстахъ въ 4 отъ переправы переѣжжали мы Аесбаганю̀ рѣчку, которая пала въ Та́ппу съ правой стороны отъ перѣзду около 4 же верстъ, не доѣжжая

жая до ней за версту есть Елієгнїокъ озерко по правую сторону дороги.

Въ полуверстѣ отъ переѣзду Леебаганю переѣжжали мы бесъ Урякъ (Сосновку рѣчку) которая впала во онуую съ правой стороны не подалеку отъ переѣзду, а верстахъ въ 5 отъ Сосновки бадараннакъ, которой близъ переѣзду палъ съ правой же стороны въ Сосновку рѣчку, отъѣхавъ отъ него версты съ 2 прїѣхали къ вершинѣ бесъ Уряка, оттуду переправясь за хребетъ на вершину рѣчки Тюгутте, которая оттуду верстахъ въ 30 пала въ Амгу рѣку по теченїю съ лѣвой стороны, а хребтомъ ѣзды было версты съ 3.

Слѣдуя внизъ по рѣчкѣ Тюгутте по лѣвому ея берегу проѣхали въ началѣ озерко Утя, потомъ переѣжжали впадающїя въ Тюгутте рѣчки Кыртакъ, которая отъ вершины Тюгутте верстахъ въ 8 и быелтыны, до которой отъ Кыртака съ полтретьи версты. Ночевали у озерка бысыштаки въ 3 верстахъ отъ быелтылы рѣчки, а лошадей въ полдни кормили при озеркѣ Умя, которое между вершиною Тюгутте и Кыртакомъ рѣчкою на половинѣ.

Отъ бысыштаку въ двухъ верстахъ переѣжжали мы небольшую рѣчку бесъ Урякъ, которая пала въ Тюгутте съ лѣвой стороны, а въ двухъ же верстахъ отъ бесъ Тряку проѣхали Майчарылакъ озерко, отъ котораго верстахъ въ 5 переѣхавъ рѣчку Тюгутте въ сторону отъ ней поворотили.

Отъ повороту въ верстѣ слѣдуетъ немалое озеро Тегутте, потомъ Тарагà, Маралáкъ, Тыгышты,

другой Маралакъ и Мелкей, изъ которыхъ Тыгытты въ длину отъ S. къ N. верстъ на 5, а шириною мѣстами на полторы версты, а прочія озѐрка небольшія. Въ полуверстѣ отъ Мелкея слѣдуетъ переправа Амгинская, а всего разстоянія отъ Бысыштаку до Амгинской переправы съ 18 верстъ; въ протчемъ Тыгытты озеро отъ рѣки Амги не больше версты разстояніемъ, ибо мы отъ него до переправы вверхъ по Амгѣ ѣхали версты съ четыре.

Амга рѣка шириною отъ 40 до 50 саженъ, пала въ Алданъ верстахъ во стѣ отъ переправы. Между устьемъ ея и вышеписанной Таты рѣки считаютъ тамошніе Якуты верстъ со сто, а по журналу морскихъ служителей, которые по Алдану на судахъ ходили, 119 верстъ. Сія рѣка особливаго примѣчанія достойна потому, что около тѣхъ мѣстъ издавна поселены пашенные крестьяне, токмо о успѣхѣ пахатнаго дѣла ничего нынѣ не извѣстно; для того что потомки поселенныхъ крестьянъ не токмо пашню но и Россійской языкъ позабыли, а напротивъ того и обычай и языкъ отъ Якутовъ приняли, такъ что ихъ отъ Якутовъ ни почему распознать нельзя, кромѣ того, что они Христіане. Здѣсь мы за проводниками и за переправою ночевать принуждены были.

Переправясь за Амгу ѣхали вверхъ по ней верстъ съ двѣ до впадающей во оную небольшей рѣчки Оулбута, въ которую верстахъ въ двухъ же отъ устья пала съ правой стороны Аиспытъ рѣчка. Оулбутомъ ѣхали мы вверхъ до самой ея вершины, а съ вершины выѣхали на вершины Чіоопчуню рѣчки, и слѣдовали

вали внизъ по ней до рѣчки Ноху, въ которую она устьемъ впадаетъ съ лѣвой стороны, разстоянія отъ устья Оулбута до вершины верстъ съ 10, отъ вершины ея до вершиныжъ Чіопчуню верста, а отъ вершины Чіопчунъ до устья, гдѣ въ рѣчку Ноху течетъ, верстъ съ 15.

По рѣчкѣ Чіопчуню слѣдующія знатныя урочища: Дарки озерко, сквозь которое она течетъ, Оюнъ озерко по лѣвую ея сторону, Хатъ рѣчка текущая въ нея съ лѣвой же стороны, Табхалакъ и Кугалакъ озерка. Хатъ рѣчка пала въ Чіопчуню версты за три до ея устья.

Ноху рѣчка вышла изъ хребта, и пала въ Алданъ рѣку. До вершины ея со 120, а до устья верстъ съ 40 полагается.

Отъ Ноху дорога лежитъ черезъ хребетъ на 12 верстъ до рѣчки Соирданака (воронье), которая течетъ въ Ноху съ правой стороны; а устье ея ниже перѣзду чрезъ Ноху въ 8 верстахъ.

Верстахъ въ 2 отъ Соарданака течетъ рѣчка Елгей, которая верстахъ въ 10 отъ перѣзду въ помянутуюжъ рѣчку Ноху впадаетъ, а до вершины ея считается 20 верстъ. Здѣсь мы наслѣгъ имѣли, а лошадей кормили у вышеписаннаго Дарки озерка, сквозь которое рѣчка Чіопчуню течетъ.

Въ верстѣ отъ наслѣгу пала въ Елгей съ правой стороны Акпахачи рѣчка, по которой мы верстъ съ 8 вверхъ ѣхали, послѣ поворотили къ рѣчкѣ Чипандѣ, которая верстахъ въ 4 отъ повороту, Чипандою ѣхали до рѣки Алдана, въ которой она устьемъ впадаетъ

впадаетъ съ лѣвой стороны по теченію, а ѣзды Чипандою до Алдана было 16 верстъ, на которомъ разстояніи три озера билиръ, дрюкъ и Чипанда потому знатны, что сквозь нихъ течетъ Чипанда рѣчка.

Алданъ великая и судовая рѣка пала въ рѣку Лену съ правой стороны отъ бѣльской переправы верстахъ въ 800, а ниже города Якутска верстахъ въ 200 или болѣе.

Перевозятся за Алданъ рѣку судами, и переправа оная называется бѣльскою, потому что въ 24 верстахъ выше того мѣста пала въ Алданъ съ правой сторо[illegible] рѣка бѣлая, а устье помянутой Чипанды рѣчк[illegible] ниже переправы въ 8 верстахъ: ибо дорога отъ ея устья до переправы лежитъ вверхъ по Алдану на объявленное разстояніе.

Отъ Ярманки до бѣльской переправы ѣхали мы больше лѣсами, а лѣсъ листвякъ и березникъ, соснякъ рѣдко попадаетъ по весь уряку и Амгѣ рѣкѣ, а осинникъ примѣченъ токмо по рѣчкѣ Егею.

Переправясь за Алданъ и слѣдуя къ рѣкѣ бѣлой, проѣхали слѣдующія урочища: Чичимыкъ озеро длиною версты на двѣ а шириною на версту, Кереатмъ рѣчку, которая пала близъ переѣзду въ протоку рѣки Алдана, Оулбутъ рѣчку, которая въ туже протоку Алдана пала, которою ѣхали вверхъ мимо Тубуляги озерка до ея вершины, а отъ вершины выѣхали на бѣлую рѣку, которая по Якутски Тайдагà называется. Она течетъ изъ хребта, въ Алданъ пала отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней пріѣхали, верстахъ въ 20. Отъ переправы до сего мѣста всего разстоянія

янія верстЪ сЪ 30, а порознь отЪ переправы до Чичимыка озера 15, отЪ озера до рѣчки Кере-атмЪ 5, отЪ Кере-атма до Оулбута 1, ОулбутомЪ вверхЪ до Тюбыляги озера 4, отЪ озера до вершины Оулбута верста, а отЪ вершины черезЪ хребетЪ до рѣки Бѣлой двѣ версты. Здѣсь ночевали, а лошадей кормили у Чичимыка озера.

ОтЪ наслѣгу путь нашЪ былЪ вверхЪ по рѣкѣ Бѣлой, чрезЪ впадающія во оную сЪ правой стороны по теченію СасылЪ, УлакЪ и Лебиний рѣчки, у которой мы и ночевали: а лошадей кормили не доѣжжая версты за 3 до рѣки Улака. Разстоянія отЪ наслѣгу до рѣчки Сасыла 6, отЪ Сасыла до Улака 17, а отЪ Улака до Лебини 3 версты.

Слѣдующаго дня переѣхали мы впадающую вЪ Бѣлую сЪ тойже стороны Аргаджики рѣчку, которая отЪ Лебини около 7 верстЪ, а лошадей кормили у горы Тыллай хая, то есть вѣтреной камень, которой такЪ названЪ отЪ безпрестанно вѣющаго вкругЪ его вѣтру, а разстоянія до него отЪ Аргаджики верстЪ сЪ девять.

ВерстахЪ вЪ 5 отЪ вѣтренаго камня начинается Черной лѣсЪ, которой верстЪ на 10 простирается. ПроѣхавЪ имЪ версты сЪ три ночевали.

На другой день изЪѣхавЪ помянутой лѣсЪ ночевали, для того что за сильнымЪ дожжемЪ до 4 часовЪ по полудни сЪ наслѣгу ѣхать не можно было.

Ходжала рѣчка отЪ конца Чернаго лѣсу верстахЪ вЪ 5, пала вЪ Бѣлую по теченію сЪ лѣвой стороны.

Въ 20 верстахъ отъ Хаджалы течетъ въ Бѣлую съ тойже стороны Чагдала рѣчка, по которой мы въ сторону отъ Бѣлой поѣхали.

Ѣдучи вверьхъ по Бѣлой переѣжжали ея три раза: въ первой между рѣчками Улакомъ и Лебини, въ другой не доѣхавъ за двѣ версты до Аргаджики рѣчки, а въ третей близъ вѣтренаго камня. И понеже тогда лѣто было не весьма дождьливое, то переѣзды были благополучны, для того что вода токмо по черево была лошади, въ противномъ случаѣ по нѣскольку дней бываетъ тамъ простою: ибо за чрезмѣрною быстриною рѣки въ малолюдствѣ и на плотахъ перебираться опасно; для того что стремленіемъ воды нѣсколько верстъ на низъ плоты уноситъ. Между тѣмъ можетъ посадить плоты на каржу, или на камень, гдѣ и плотъ разнесетъ, и люди потонутъ, какія несчастія и при переборѣ на лошадяхъ не однократно случались.

По Бѣлой рѣкѣ лѣсу весьма довольно, а лѣсъ еловой, сосновой, лиственичной и березовой. Много же по ней ерьнику, тальнику и смородины, а мѣстами и можжевельнику, особливо ревеня черенковаго такое изобиліе, будто бы оной нарочно былъ сѣянъ.

Слѣдуя вверхъ по Чагдалѣ 23 версты на 16 верстахъ надлежало намъ переправляться чрезъ рѣку семь разъ, и для того онаго дня ночевали мы у четвертаго переѣзду въ 8½ верстахъ отъ устья Чагдалы рѣчки, а лошадей въ полдни кормили не доѣхавъ за 5 верстъ до Чагдалы рѣчки.

Отъ

Отъ седьмаго переѣзду въ 15 верстахъ течетъ Юнаканъ рѣка, которая шириною около 30 саженъ, а устьемъ пала въ Алданъ рѣку. По сей рѣкѣ ѣхали мы до самой вершины.

Въ 10 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ мы къ рѣкѣ Юнакану пріѣхали, течетъ въ Юнаканъ съ лѣвой стороны небольшая рѣчка, которой Якуты имени не знали, а по ней въ полуверстѣ отъ устья есть Накипной ледъ бусь кіоль (льдяное озеро) называемой, которой ни въ какіе лѣтніе жары не таетъ. Оной ледъ находится между высокими каменными горами, которыя по тамошнему Аранцы называются: въ длину простирается оной саженъ на полтораста, въ ширину на 80, толщиною четверти на три, а видомъ со всѣмъ походитъ на вешней ледъ, таковъ же синь, таковъ на поверхности шероховатъ и таковъ тропорѣховатъ отъ солнечнаго зною. Въ проѣздѣ мимо устья объявленной рѣчки въ самые жары бываетъ холодъ.

На объявленныхъ десяти верстахъ надлежитъ переѣжжать чрезъ Юнаканъ рѣку 8 разъ. Выше послѣдняго переѣзду въ верстѣ раздѣлилась она на двѣ россошины, изъ которыхъ одна съ южно-восточной стороны въ сѣверо-западную, а другая съ востоку на западъ простиралися. У соединенія россошинъ перебравшись за Юнаканъ въ девятой разъ поѣхали мы по россошинѣ, которая къ западу имѣетъ теченіе, а до вершины ея только было восемь верстъ, однако и на ономъ разстояніи надлежало переѣжжать чрезъ нея три раза.

Между устьями сей рѣки и бѣлой, гдѣ онѣ въ Алданъ впадаютъ, по описанію морской команды, токмо притцать одна верста разстоянія.

На вершинахъ объявленной рѣки накормя лошадей, и ѣхавъ чрезъ горы верстъ съ 20 увидѣли паки вышеписанную рѣку бѣлую, чрезъ которую въ верстѣ отъ пріѣзду и переправлялись: а по переправѣ до ѣхавъ до рѣчки букака́на, которая отъ переправы въ 3 верстахъ течетъ въ бѣлую съ правой стороны, ночевали.

Слѣдующаго дня отъѣхавъ вверьхъ по букакану верстъ съ 6, въ сторону отъ ней поворотили, и выѣхали на вершину Акыру рѣчки, которая устьемъ впадаетъ въ рѣку Юну верстахъ въ 15, а отъ букакану до вершины ея верстъ съ 8. Отъѣхавши внизъ по ней верстъ съ 7 поѣхали въ сторону, и въ 3 верстахъ лошадей кормили: потомъ слѣдуя вверхъ по Юнѣ не въ дальнемъ отъ нея разстояніи къ переправѣ пріѣхали, и стояли тамъ для отдыху лошадямъ цѣлыя сутки, а переправа чрезъ Юну въ 18 верстахъ отъ Акыры. Устьемъ она пала въ Алданъ рѣку.

Тумусакта́къ кіоль (мысовое озеро) по правую сторону доро́ги отъ Юнской переправы въ 3, а отъ бе́регу ея верстѣ въ полуторѣ. Пото́мъ слѣдуетъ рѣка Анча̀ почти не меньше Юны, однако въ Юну впадаетъ, отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней пріѣхали верстахъ въ 5, а отъ Тумусактакъ-кіоль 7 верстъ до ней положить можно.

Отъ-

Отъѣхавши вверьхъ по ней верстъ съ 8 ночевали. А на другой день, въ 13 верстахъ отъ стану, переѣхавъ Анчуръ противъ устья впадающей въ оную съ лѣвой стороны рѣчки Темѐнь Ю̂льбюнія (верблюжье падалище) называемой, слѣдовали вверхъ по Верблюжьей рѣчкѣ, и отъѣхавъ верстъ съ 10 лошадей кормили, а ночевали на Кучугуй Тарынѣ, то есть малой наледи, которая поперегъ нади саженъ на 200, а въ доль саженъ на 50 простирается, толщина льда въ полъаршина, видъ таковъ же какъ у бусь Кіоля, а разстоянія до ней отъ рѣчки Верблюжьей верстъ съ 10.

Въ 5 верстахъ отъ Кутчугуй тарына по тойже Верблюжьей рѣчкѣ есть другая наледь длиною 7, шириною трехъ саженъ, а въ 10 верстахъ отъ оной третья наледь по тойже рѣчкѣ, отъ которой въ 5 верстахъ находятся вершины впадающей въ Юдому рѣки Акачана.

Въ 18 верстахъ отъ вершины рѣки Акачана по лѣвую ея сторону рѣки есть наледь Капитанъ Тарынъ называемая, которая въ длину версты на три, а въ ширину на версту простирается. Здѣсь мы стояли цѣлыя сутки.

Отъ Капитанъ Тарына въ 50 верстахъ слѣдуетъ наледь же Кемь Тарынъ, которая и въ длину и въ ширину по одной верстѣ. Недоѣжжая за 20 верстъ до сей наледи ночевали а надругой день при наледи лошадей кормили, ночевали же верстахъ въ 8 отъ оной при озерѣ.

Потомъ слѣдуютъ такъ называемыя большія и малыя гари, а по Якутски Кемъ-ортъ, и Кутчугуй-

ортъ. большія гари продолжаются верстъ на 5, а малыя верстъ черезъ 15: разстоянія отъ озера до начала большихъ гарей 12 верстъ, а малыя по окончаніи большихъ начинаются. Между гарями лошадей кормили, а ночевали изъѣхавъ малыя гари.

Въ 15 верстахъ отъ малыхъ гарей течетъ рѣка Юдома, которая устьемъ въ Маю рѣку впадаетъ. У переправы чрезъ оную рѣку поставленъ крестъ, по которому мѣсто сіе подъ именемъ Юдомскаго креста извѣстно. Строенія по лѣвую сторону рѣки Юдомы двѣ горницы, въ которыхъ живали морскіе Офицеры, для пріему и отправленія привозимаго изъ Якутска провіанта и для караулу; двѣ юрты, и одна казарма для служителей, 5 анбаровъ, въ которыхъ Экспедичной провіантъ складывался; да въ верстѣ ниже креста одна горница, зимовье да одинъ анбаръ для поклажи провіанта Охотской команды.

Выше Юдомскаго креста въ полуверстѣ течетъ въ Юдому съ лѣвой стороны Ала-агусъ рѣчка, по которой мы верстъ съ 10 отъѣхавъ ночевали, а у Юдомскаго креста въ близости корму лошадямъ не было.

Слѣдующаго дня поднялись со стану послѣ полудни, и проѣхавъ озеро Сасъ, которое отъ стану было верстахъ въ 10, оставили Ала агусъ рѣчку, и верстахъ въ 3 отъ Сасъ озера при маленькомъ озеркѣ ночевали.

На другой день пріѣхали мы къ знатной рѣкѣ Ураку, которая устьемъ пала въ Ламское море, въ 20 верстахъ отъ устья Охоты, какъ въ перьвой час-

ти

ти объявлено, и слѣдовали внизъ по ней, а ѣзды до ней отъ стану было съ 22 версты.

Въ 5 верстахъ отъ пріѣзду къ Ураку пала въ оную съ лѣвой стороны Коршуновка рѣчка, противъ устья которой учреждена отъ Охотска застава, гдѣ осматриваютъ всѣхъ въ Охотскъ и изъ Охотска проѣжжающихъ. Здѣсь ночевали.

Отъ заставы въ 16 верстахъ на лѣвой сторонѣ Урака есть урочище Шангина гарь называемое, и зимовье тогожъ имени, откуду верстахъ въ 14 Урацкое плодбище, гдѣ живали морскіе служители для строенія судовъ плоскодонныхъ, на которыхъ по рѣкѣ Ураку сплавливаютъ провіантъ Экспедичной до Охотска. Того дня проѣхавъ плодбище ночевали мы на Урочищѣ Коновъ столбъ именуемомъ, отъ плодбища въ 5 верстахъ, а лошадей кормили въ 4 верстахъ отъ Шангиной гари.

Потомъ слѣдуетъ Таланкино зимовье, которое стоитъ на лѣвомъ берегу Урака и поперешная рѣчка, которая пала въ Уракъ съ лѣвой же стороны, а разстоянія отъ Кононова столба до зимовья 23, а отъ зимовья до поперешной рѣчки 16 верстъ. Здѣсь мы ночевали.

Въ 3 верстахъ ниже поперешной есть на рѣкѣ Уракѣ порогъ, а въ 2 верстахъ ниже порогу поворачиваютъ отъ рѣки Ураку въ сторону.

Ѣдучи по сей рѣкѣ пять разъ чрезъ оную переѣжжали. Первой бродъ у самаго пріѣзду къ ней, другой верстахъ въ 6 ниже Коршуновской заставы, третей въ 4 верстахъ ниже Шангиной гари, четвертой

не до-

не доѣжжая версты за три до Таланкина зимовья, а пятой въ верстѣ ниже порогу.

Отъѣхавши горами отъ Ураку рѣки верстъ съ 15 пріѣхали къ рѣкѣ блудной, которая верстахъ въ 30 отъ того мѣста въ Уракъ пала по теченію съ правой стороны. Здѣсь ночевали.

Луктуръ рѣчка отъ стану верстахъ въ 16, пала въ блудную близъ переѣзду съ правой стороны по теченію.

боброво поле отъ рѣчки Луктура верстахъ въ 9, а отъ устья блудной рѣчки, гдѣ Уракъ пала, верстахъ въ 2, длиною версты на двѣ, которое проѣхавъ паки прибыли къ рѣкѣ Ураку, и въ пятой разъ чрезъ оную перебирались, отъ боброва поля въ 5 верстахъ: на конецъ въ 3 верстахъ отъ броду прочь отъ ней поворотили, и на поворотѣ на ночлѣгѣ имѣли.

Въ 12 верстахъ отъ повороту слѣдуетъ рѣчка Поперешная, которая верстахъ въ 30 отъ переѣзду въ Джолоконъ пала.

Ночевавъ на Поперешной слѣдующаго дня переѣжжали рѣчку Мету, которая близъ переѣзду въ рѣку Охоту пала, по теченію съ правой стороны. Оттуду ѣхали мы внизъ по Охотѣ до стараго Охотскаго острогу чрезъ Джолоконъ и Амунку рѣчку. Ночевали въ старомъ острогѣ, а лошадей кормили близъ рѣчки Меты. Расстоянія отъ Поперешной до Меты 10, отъ Меты до Джолокону 15, отъ Джолокону до Амунки столько же, а отъ Амунки до стараго острога одна верста.

Въ старомъ острогѣ было въ то время строенія

только

только три избы, а стоялЪ онЪ надЪ протокою Амунки рѣчки, чрезЪ которую тамЪ слѣдуя кЪ порту и перебираться надобно, а оная протока верстахЪ вЪ 3 ниже острога впадаетЪ вЪ рѣку Охоту.

На другой день пріѣхали мы вЪ Охотской портЪ по утру рано, ибо оной отЪ стараго острога не болѣе какЪ вЪ 6 верстахЪ. Строенія тогда вЪ немЪ было, часовня во имя Спаса Всемилостиваго, канцелярія, управителевЪ домЪ, и 5 избЪ тамошнихЪ обывателей; да морской команды строенія, четыре дома, 6 избЪ и двѣ казармы. ВпрочемЪ много строенія вновь заводилось.

ОтЪ Ярманки поѣхали мы 9 числа Іюля 1737 года, а вЪ ОхотскЪ пріѣхали Августа 19. Простою на дорогѣ было у насЪ на бѣльской переправѣ три дни, на урочищѣ Хора-масЪ день, на КапитанЪ-Тарынѣ два дни, да на малыхЪ гаряхЪ день, всего простою было 7, а ѣзды 34 дня.

Вообще о сей дорогѣ обЪявить можно, что она отЪ Якутска до бѣльской переправы гораздо сносна, а оттуду до Охотска столь безпокойна, что труднѣе проѣжжей дороги представить не льзя: ибо она лежитЪ или по берегамЪ рѣкЪ, или по горамЪ лѣсистымЪ. берега обломками камней или круглымЪ сѣровикомЪ такЪ усыпаны, что тамошнимЪ лошадямЪ довольно надивиться не льзя, какЪ онѣ сЪ камня на камень лепятся. ВпрочемЪ однакожЪ ни одна сЪ цѣлыми копытами не приходятЪ до мѣста. Горы чѣмЪ выше, тѣмЪ грязняе: на самыхЪ верхахЪ ужасныя болота и зыбуны, вЪ которыя ежели вью-

шная лошадь проломится, то свободить ея нѣтъ никакой надежды. Съ превеликимъ страхомъ смотрѣть должно, коимъ образомъ земля въ переди саженъ за 10 валами колеблется.

Лучшая ѣзда онымъ путемъ изъ Якутска съ весны до Іюля мѣсяца, а ежели подняться въ Августѣ, то надлежитъ опасаться, чтобъ снѣги не захватили, которые весьма рано на горахъ выпадаютъ.

Въ Охотскѣ жили мы Октября по 4 число тогожъ 1737 году, пока прибывшее съ Камчатки Августа 23 числа перевозное судно Фортуна сгружена, и починкою была исправлена.

Около Охотска живетъ пѣшихъ Ламутокъ, которые во оной острогъ ясакъ платятъ, пять родовъ: Ивъянской, Адганской, Шолганской, Уякрской, и Нюичинской.

Въ Ивьянскомъ роду Князецъ Чалыкъ, ясашныхъ Ламутокъ 4 человѣка. Въ Адгинскомъ Князецъ Унды Дедяновичь, ясашныхъ у него 12 человѣкъ.

Въ Шолганскомъ Князецъ Курука ясашныхъ 4 человѣка, въ Уяирскомъ Князецъ Шарыганъ, ясашныхъ три человѣка.

Въ Нюньчинскомъ Князецъ Джолдоикуръ, буйнаковъ, ясашныхъ девять человѣкъ.

Всѣ помянутые роды живутъ не подалеку отъ Охотска по рѣкамъ Охотѣ, Кухтую и подлѣ моря, питаются рыбою, а ясаку платятъ по соболю и по лисицѣ съ человѣка.

Олен-

Оленныхъ Ламутокъ, которые съ ясакомъ въ Охотскъ прїѣжжаютъ, семь родовъ, Уяганской, Горбиканской, Келарской, Еджганской, Долганской и Кукуирской, а кто имены въ тѣхъ родахъ Князцы, и сколько въ каждомъ роду ясашныхъ, о томъ узнать было не черезъ кого, потому что оленныхъ Ламутокъ близъ Охотска не было.

Какъ судно перевозное совсѣмъ было исправлено, то Сентября 30 дня отъ Охотскаго коммандира отданъ приказъ, чтобъ грузиться на судно, а Октября 4 числа послѣдовало и отправленїе онаго.

Изъ устья рѣки Охоты вышли мы часу во второмъ по полудни благополучно, и къ вечеру изъ виду отъ береговъ сбѣжали. А въ 11 часу оказалась въ нашемъ суднѣ такая течь, что люди въ интрюмѣ по колѣно въ водѣ ходили. И хотя въ двѣ помпы, въ котлы, и что кому попало, вода выливана была, однако не убывала. Судно наше такъ ужѐ грузло, что вода заливалась въ Шпигаты. Другаго спасенїя не было, какъ облехчить его изверженїемъ клади: ибо тогда случилась на морѣ совершенная тишина, (что немало къ спасенїю нашему способствовало) а въ Охотскъ воротиться не можно было. Чего ради все что на верху ни лежало, и что около судна навѣшено ни было, побросано въ море, но какъ и отъ того не послѣдовало пользы, то изъ внутрь судна до четырехъ сотъ пудовъ выброшено въ море безъ всякаго разбору. Нещастливы были, которыхъ кладь на верху лежала. На конецъ вода начала убавляться, а послѣ и вся вылита, однако помпы изъ рукъ выпускать неможно было,

ибо въ полуминутную стклянку по два дюйма воды прибывало въ суднѣ. Всѣ бывшіе на суднѣ, выключая больныхъ, должны были смѣняться одинъ за другимъ и качать сто разъ насосомъ.

Такимъ образомъ бѣжали мы до 14 числа Октября, претерпѣвая сверхъ объявленнаго неспокойства стужу и слякоть ежедневную, а помянутаго числа около 9 часу поутру пришли къ большерѣцкому устью, и пустились въ оное. Но и входъ нашъ неблагополучнѣе былъ пути нашего. Мореходы не узнали, убываетъ ли вода или прибываетъ: чего ради почитая отливъ за приливъ едва только вбѣжали въ бѣлые валы, которые въ началѣ прилива и отлива и въ самую тихую погоду на устьѣ ходятъ, а тогда отъ великаго Сѣвернаго вѣтра были весьма велики, тотъ часъ пришли въ отчаяніе: ибо валы ходили чрезъ судно. Утлое судно вездѣ трещало; и никакой надежды не оставалось войти судномъ въ устье, отъ части для боковаго вѣтра, а отчасти для стремленія отлива. Многіе совѣтовали отойти въ море и ожидать приливу, и ежели бы посему было поступлено, то бы судно наше совершенно погибло; для того что Сѣверной прежестокой вѣтръ продолжался больше недѣли, которымъ бы насъ отнесло въ открытое море, а чрезъ такое время не спастись бы было отъ разбитія нашему судну: однако другимъ безопаснѣе показалось пустить судно на берегъ, что и воспослѣдовало, и судно наше выкинуло саженяхъ въ 100 къ югу отъ устья большей рѣки, которое тотже часъ и на сушѣ стало, ибо отливъ еще продолжался.

Къ ве-

Къ вечеру въ слѣдующей приливъ выставило изъ него мачту, а на другой день находили мы токмо обломки нашего судна, а прочее все унесло въ море, тогда могли мы видѣть, сколь Фортуна наша была ненадежна, ибо доски внутри были всѣ черны и гнилы, и можно было ихъ ломать руками безъ трудности.

У моря жили мы по 21 число того мѣсяца ожидая лодокъ изъ острогу въ балаганахъ и барабарахъ, а въ то время происходило безпрестанное почти землятрясенїе: но понеже оно тамъ легко было, то мы шатаясь ходя, причитали трясенїе нашей слабости, что отъ морскаго качанїя ходить не можемъ: однако вскорѣ узнали, что мы ошибались въ мнѣнїи: ибо прибывшїе изъ Курилъ, которые застали насъ у моря, сказали, коимъ образомъ было въ тѣхъ мѣстахъ и ужасное трясенїе и странное наводненїе, о чемъ сообщено во второй части сего описанїя.

Отъ моря поднялись мы Октября 21 числа, а въ большерѣцкой острогъ прїѣхали на другой день подъ вечеръ.

Сколь труденъ и продолжителенъ путь отъ Якутска до Кумчатки, столь напротивъ того способенъ и скоро съ Камчатки обратно: 1) что судно всегда зимовало на Камчаткѣ, оттуду отправлялось въ Охотскъ въ такое время, въ которое больше прїятности, нежели опасности на морѣ: ибо тогда и дни ясные и погоды умѣренныя, одна скука, что часто не бываетъ вѣтру, 2) что изъ Охотска можно плыть понизною водою до самой бѣльской переправы, или и до Алдана, кто пожелаетъ, а оттуда до Якутска верхами, одна трудность переѣхать до Юдомскаго креста.

Мы отъ Охотска къ помянутому кресту прiѣхали въ седьмой день, по Юдомѣ съ простоемъ выплыли на Маю въ пятой день, а плыли токмо днемъ: на усть Маю прiѣхали на другой день, въ Якутскъ оттуду въ пятой, всего и съ простоемъ въ дватцатой день. А вверхъ по объявленной Юдомѣ, которою мы плыли, не считая простою, меньше трехъ дней. Судами ходятъ по 5 и по шести недѣль, изъ котораго одного примѣру о быстринѣ тамошнихъ рѣкъ, и о трудности ходу по нихъ разсуждать можно.

КРАТКОЕ ИЗЪЯВЛЕНІЕ ВЕЩЕЙ на КНИГУ ВТОРАГО ТОМА ОПИСАНІЯ КАМЧАТКИ собранныхъ по АЛФАВИТУ скораго ради пріисканія.

А

Аангичь, пѣсня сложенная на ноту по голосу морской птички, страница 116.
Авачинской острогъ, 242.
Авачинскихъ Камчадаловъ покореніе и усмиреніе 216.
Августъ мѣсяцъ по Камчатски какъ называется, 20.
Агду-Коачь, Мартъ мѣсяцъ, 21.
Аглпышъ, стрѣла съ костянымъ широкимъ копейцомъ, 67.
Адамаль, лѣто называется, 20.
Адганской Князецъ съ своимъ ясакомъ, 290.
Адской богъ называемый, 72.
Ажаба, мѣсяцъ называемый бѣлой рыбы, 19.
Ажулуначь, Идолъ домовый, 27.
Ажушакъ, Идолъ поставляемый въ юртахъ въ какой знакъ, 26.
Азкедъ, міра начало, 20.
Айспытъ, рѣчка, 278.
Акачана, рѣчка, 285.
Актахачи, рѣчка, 279.
Акхалалалай, рѣчь восклицанія радостнаго при торжествѣ праздника о очищеніи грѣховъ, 105.
Акыру, рѣчка, 284.
Ала-агусъ, рѣчка, 286.
Ала-атбага, озерко, 274.
Алазейское зимовье, 269.
Алаки, лямки или шлеи собачьи, 56.
Алдана, рѣка, 275, 276, 278, 279.

Алдан-

Алданская застава, 267.
Алулулу, рѣчь восклицанія веселаго, при отправленіи праздника очищенія грѣховъ, 105.
Амга, рѣка, 277.
Амгинская переправа, 278.
Амплеа, внукъ бога Кутху, 72.
Амунка рѣчка, 288.
Анадырской острогъ, 270.
Андроны, двѣ палочки, которыми Камчадалы изъ юртъ головни выбрасываютъ, 28.
Анцыфера бунтовщика смерть, 210.
Анча, рѣчка, 284.
Анчуръ, рѣка, 285.
Апрѣль мѣсяцъ, Масгалъ-коачь называется, 21.
Аранцы, горы такъ называемыя, 283.
Аргаджижи, рѣка, 281.
Архимандритъ Мартіанъ, проповѣдникъ слова божіяго на Камчаткѣ, 208.
Арылакъ, озеро островистое, 273.
Атласовъ Володимеръ, первый обрѣтатель Камчатки, 192.
—— Услуга ево показанная въ службѣ, 193.
—— Честь свою какъ потерялъ, 194.
—— Поручена ему опять команда, 198.
—— Доносъ на него учинившійся, 201.
—— Посаженъ въ тюрьму, 202.
Атвинумъ, жилище или селбище Камчадаловъ, 25.

б

бабы Камчадалки умняя мущинъ, 15.
—— Всѣ ворожейки, 82.
—— Сочинители пѣсней, 114.
—— Парики травяные носятъ, 15.
—— Вшивы, и вши свои ядятъ, 15.
бадараннакъ рѣка, 277.
баечь, богъ мертвыхъ или подземнаго свѣта, 76.
бажабажъ, шалашъ травяной, 29.
байдара, судно морское, 36.
—— Дѣлается изъ какова лѣсу, 32.
балаганы, лѣтніе покои и запасные анбары подобны круглымъ шатрамъ, 28.
балатулъ, мѣсяцъ начинатель тепла, 19.
барабанъ, смотри бажабажъ.
барыніяктакъ пустошъ, 273.
баталія россійскихъ казаковъ съ Камчадалами, 208.
баталіи двѣ великія, бывшія въ 1710 и 1713 годахъ, 66.
баты, лотки такъ называемыя, 36, 37.
баюнъ и ганика, рѣчи припѣваемыя въ пѣсняхъ, 114.
безъимянная рѣчка, 283.
безчестіе въ ѣздѣ какое имѣютъ, 57, 58.
безчестное дѣло у Камчадаловъ мущинамъ за женское дѣло приняться, 40.
березову корку ядятъ съ икрою, 50.

бесъ-

бесъ-урякъ рѣчка сосновка, 277.
бетежъ, вѣтръ сѣверной, 22.
билюкай, богъ облаковъ, дождя и грома, 75.
—— Жена ево, 76.
битигитте, двѣ пустоши, 276.
биттагай озеро, 273.
блудная рѣка, 288.
бобровое поле урочище, 288.
богатымъ на томъ свѣтѣ хуже быть здѣшняго [вѣрятъ] 87.
богъ, имя обще называемое, 74.
—— Невѣдомый въ почтеніи у Камчадаловъ, 74.
—— На ихъ языкѣ Кутху называется, 71.
—— Въ великомъ у нихъ почтеніи имѣется, 73.
—— Носитъ онъ платье какое, 72.
богъ облаковъ, грома и дождя, 75.
—— Имѣетъ жену себѣ, 76.
—— Морской на подобіе рыбы, 75.
—— Трясеніе землй, 76.
—— Подземной или мертвыхъ, 76.
—— Адскій, 72.
—— Мухаморъ или пьянства, 109.
бога въ какомъ почтеніи имѣютъ Камчадалы, 18.
—— Почитаютъ его развращенно, 16.
—— Разсуждаютъ о немъ причину ни къ добру, ни къ злу, 77.
боги горные, называемые враги, 74.
—— благодѣянія отъ нихъ себѣ ни какова не надѣются, 75.
богиня зари называемая Фалла, 107.
богопочитаніе отдаютъ многимъ животнымъ, 80.
божба ихъ въ правдѣ, и какъ клѣнутся, 161.
болшерѣцкой острогъ называемый, 236.
—— Изобиліе и недостатокъ его, 237.
—— Въ присудъ къ нему другіе острожки, 249.
большой посадъ острогъ, 216.
болѣзни на Камчаткѣ какія больше обходятся, 130.
—— Лѣкарства на оныя, 132.
—— Новыя на Камчатку нанесенныя, 131.
болѣзней на отгнаніе нѣкія дѣйства производятъ во время праздника ихъ, 100, 103.
брань безчестная у Коряковъ, 163.
брани и войны частыя бываютъ, а больше для добычи женскаго полу, 62.
брачное сочетаніе до которой степени берется, 124.
—— Женидьба ихъ на вдовахъ, 124.
брачные ихъ обряды, 122.
бродильщики, смотри каюры.
буердаты озеро, 274.
букана рѣка, 284.
букулугъ урочище, 272.
булгунняхтахъ, пригорокъ, 272.
булгуннякшакъ пустошъ, 275, 276.
бунтовщикъ Кыргызовъ, 212.

бунтѣ Камчатскихѣ казаковѣ, 200.
—— Повинная ихѣ, 207.
бунтѣ Камчадаловѣ, 197, 227.
—— Отѣ чего больше происходилѣ, 220.
—— Главной ихѣ бунтѣ, 215.
бусь-кіоль, ледяное озеро, 283.
быельтыны рѣчка, 277.
быкымыгѣ, западный вѣтрѣ, 22
бысыктака, озерко, 274, 276.
бѣдственное претерпѣніе Россіанѣ вѣ пути морскомѣ, 291.
бѣлая рѣка, 280.
бѣлилѣ вмѣсто, женщины чѣмѣ бѣлятся, 84.
бѣлякѣ, смотри чащина.
бѣльская переправа, 280, 289.
бѣса Камчадалы признаваютѣ за обманщика, 76.
бѣсами населенныя мѣста, причитаютѣ за опасныя, 74.

B

Варварство учиненное надѣ Японцами, 223.
Василей Колесовѣ покорилѣ Курильскую землю, 196.
Великановѣ на Камчаткѣ нѣтѣ, 15.
Верблюжья рѣка, 285.
Верстѣ вѣ пути счисленія Камчадалы не знаютѣ, 24.
—— Считаютѣ разстояніе днями ѣзды, 160.
Верьхней Камчатской острогѣ, 238.
—— Присудны кѣ нему другіе остроги, 252.
Верхоятское зимовье, 268.
Весна по Камчатски какѣ называется, 20.
Вешняя работа Камчадаловѣ, 39.
Вещи домовыя дѣлать искусны, 11.
Віно изѣ ягодѣ и сладкой травы высиживаютѣ, 38, 245.
—— Цѣна ему, 247.
—— Доходу сѣ него сколько вѣ годѣ приходитѣ вѣ казну, 258.
Віна Камчадалы пить охотники, 53.
Владѣльцовѣ надѣ ними прежде сего не бывало, 161.
Владѣніе мѣстѣ или жилищѣ и острововѣ почитаютѣ за природное уроженіе, 30.
Властелинѣ надѣ вѣтрами, 76.
Властолюбіе у сихѣ народовѣ находится, 68.
Вода Камчадаламѣ всегдашнее питье, и оной чрезмѣрно много пьютѣ, 53.
—— Освященная, которая бываетѣ вѣ праздникѣ очищенія грѣховѣ, 101.
Воду припадкою кто пьетѣ, за великой грѣхѣ ставится, 21.
Воздаяніе будущей надежды по смерти, кое есть, 78.
Возмущеніе казаковѣ, 219
Войны междоусобныя бываютѣ вѣ нихѣ за что, и за какія причины, 16, 62.
—— Вѣ сраженіи хитры, но робки, и больше обманомѣ,

ксмъ, нежели храбростію побѣждаютъ, 63.
Вольность прежняя Камчатскаго народа, 14.
Вололимеръ смотри Атласовъ.
Воровство въ похвалу себѣ причитаютъ, 161.
—— Дѣвка, ежели въ воровствѣ не обличена, жениха себѣ не получитъ, 162.
Воровъ невѣдомыхъ чѣмъ обличаютъ, 23.
—— Казни какія воздаютъ ворамъ, 23.
Воспа болѣзнь, 131.
Востанїе мертвыхъ вѣрятъ, купно притомъ и животнымъ, 77.
Враги, бѣсы которые вселяются въ бабъ, онымъ жертву приносятъ, 96
Время года дѣлятъ на 4 времени, 60.
—— Лѣта щитаютъ не по годамъ, но по случаю причинъ, 22.
Вѣра у Камчадаловъ содержится на преданїяхъ ихъ древнихъ, 77
—— Коряцкая, 157.
Вѣра христїанская на Камчаткѣ нынѣ насаждается, 18, 235.
Вѣтреной камень, урочище, 281
Вѣтры знакомы Камчадаламъ только четыре, 16.
—— Имена онымъ, 22.
—— Властелинъ надъ ними, 76.
Вяски, на которые собакъ привязываютъ, 57.

Г

Гаечь, обладатель надъ мертвыми и подземными, 78.
Ганика и баюнъ, рѣчи припѣваемыя въ пѣсняхъ, 114.
Гари, большія и малыя, два урочища, 285, 289.
Генварь мѣсяцъ называется Зизакоачь, 21.
Годъ лѣтній начинается съ котораго мѣсяца, 20.
—— Раздѣляется на сколько частей, 20, 21, 60, 160.
Головную болѣзнь лѣчатъ мерзлою брусницею, 133.
Голодъ несносной претерпѣваютъ въ ѣздѣ зборщики ясаковъ, 266.
Горы и долы отъ чего здѣлались, мнятъ, 72, 73.
—— Чѣмъ оныя тамъ выше, тѣмъ болотнѣе и грязнѣе, 289.
Гостей подчиваютъ впредь для знакомства, 117.
—— Во время пирушки, 118.
—— Подчиваютъ столько, сколько онъ хочетъ, 162
—— Приходящихъ принимаютъ гордо, 161.
—— Дарятся межъ собою, 117, 119
Государыню Императрицу, Самодержицу нашу, какъ называютъ, 4.
Граматы Камчадалы своей не имѣютъ, 22.
Границъ и предѣловъ межъ собою не полагаютъ, и спору объ

нихъ не имѣютъ, 23.
Громъ и молнію отъ чего быть составляютъ, 22.
Грѣхъ главной у Камчадаловъ почитается какой, 16.
—— Великой ставятъ погашеніе огня во время варенія кушанья, въ праздникъ жертвеннаго приношенія, 99.
Грѣхи ихъ самые тяжкіе и смертные, 79.
—— И протчіе иные, 80.
Грѣховъ снятіе со вдовъ, которыя идутъ за мужъ, 124.
Грѣхосыматель помянутыхъ грѣховъ, 124.
Губы и уста Курильцы чернятъ, 180.

Д

Дарки озерко, 279.
Дары гостямъ приходящимъ 117, 119.
Дежичь, планета Плеада, 22.
Декабрь мѣсяцъ называютъ зябльмъ, 21.
Деньги на Камчаткѣ когда вступили въ торгъ, 265.
Джелоконъ рѣка, 288.
Джоксогонская станція, 276.
Дзилетъ, смотри згаейнутъ.
Дичины или живности въ нижнемъ острогѣ довольно, 241.
Дней числа въ году и въ мѣсяцѣ Камчадалы не знаютъ, и на недѣли не раздѣляютъ, 22.
Долговъ прежнихъ на Камчадалахъ не спрашивать, 235.
Домовой скарбъ и посуда какая у нихъ находится, 31.
Дороги на Камчатку описаніе отъ Якутска, 265.
—— Трудность превеликая въ ѣздѣ, 289.
Въ дорогахъ на Камчаткѣ какимъ образомъ ходятъ, 67.
—— Отъ снѣговъ великая опасность, 60, 290.
Древнее состояніе Камчатскаго народа, 14.
Дружба и соединеніе Камчадаловъ межъ собою, 117.
Дрюкъ озеро, 280.
Духа призванія не имѣютъ, 73.
Душа какъ называется, 74.
—— О ней попеченія не имѣютъ, 11.
—— разсуждаютъ быть безсмертну, и съ тѣломъ опять вѣчно жить будетъ, 77.
Дѣвичей уборъ головной, 47.
Дѣвка, ежели красть не умѣетъ, жениха себѣ не получитъ, 162.
Дѣвки тамошнія сочинители пѣсенъ, 114.
Дѣвство въ бракахъ не въ почтеніи, 125.
Дѣла сумнительныя чѣмъ рѣшатъ, 161.
Дѣти бога Кутху, 71.
Дѣти Камчадаловъ обучаются россійской грамотѣ, 235.
—— Возрастные, ежели онѣ жениться похотятъ, или за мужъ

муж̂ итти, 130.
Дѣтей рожденіе и воспитаніе, 125.
— Какое надъ ними иногда въ родахъ и во утробѣ носимымъ, злодѣйство чинятъ, 127.
— Ежели двойни родятся, изъ нихъ одново убиваютъ, 127, 184.
— Качаютъ какъ, 128.
— Питаютъ чѣмъ, 129.
— Любятъ ихъ, и къ трудамъ пріучаютъ, 162, 165.
— При осадѣ непріятелю живьемъ въ руки не даютъ, но рѣжутъ, 63.
— Для обученія въ рускія школы охотно отдаютъ, 25, 81.
— Почтеніе и повиновеніе къ родителямъ негодное, 129.
Дѣтямъ своимъ имена даютъ отъ сродства своего, 127.
— Званія имянъ даемыхъ обоего пола, 128.

Е

Еганъ, опушка около платья, 44.
Егдегась озеро, 274.
Еемшхтъ, западной вѣтръ, 23.
Елгей рѣчка, 279.
Еліегніокъ озерко, 276.
Еловскіе жители славные воины, 9.
Ельчичь, начало міра значитъ, 20.
Есе-елботъ урочище, 272.
Ешемета-коачь, Іюль мѣсяцъ, 20.

Ж

Желтуху болѣзнь лѣчатъ лѣсными фіалками, 134.
Желѣзо куютъ студеное камнемъ вмѣсто молота, 33.
Желѣза кусокъ у кого есть, оное за великое богатство почитается, 33.
Желѣзныхъ орудій, ножей, топоровъ и протчаго не имѣютъ, 31.
— И всего онаго продавать не позволяется, 33.
Жена Кутха бога, 71.
Жены Камчадаловъ къ рожденію дѣтей легки, 126.
— Для сего способу что употребляютъ, 133.
— Родятъ дѣтей стоя на колѣнкахъ публично, 126.
— Для желанія дѣторожденія ядятъ пауковъ, 127.
— Чтобъ опять скорѣе очреватить, ядятъ пупки съ кипрейною травою, 127.
— Трудолюбивы въ домашнихъ вещахъ, 38.
— Всякую работу дѣлаютъ въ рукавицахъ, 48.
— Лицъ прежде сего умывать не знали, 48.
— А нынѣ бѣлятся и румянятся, 48.
— Для посторонняго человѣка убираются во весь нарядъ, 48.
— Примѣтливы въ разобраніи скота, 163.

Жёны Оленныхъ Коряковъ ревности ради ходятъ гнусно, 148.
— Сидячихъ Коряковъ ходятъ чисто, 148.
— у Чукчей очень щеголливы 148.
— Несотыдливы при стороннихъ людяхъ ходятъ и нагія, 149.
— У Курилцовъ жёны губы чернятъ, а руки вышиваютъ 108.
Женъ Камчадалы достаютъ дорого, 17.
— Полонятъ при праздничныхъ торжествахъ одинъ у другова какимъ образомъ, 106.
— По скольку имѣютъ ихъ, 24, 124, 163.
— Наложницъ не имѣютъ, 163.
— За прелюбодѣяніе убиваютъ и съ прелюбодѣемъ, 148.
— При осадѣ непріятелямъ живыхъ въ руки не даютъ, 65.
— Пѣніе ихъ при веселіяхъ 111.
— Стыдливы отъ мущинъ, 125.
— Казаки откуду доставали 244.
Женитва Чукчей и Коряковъ, 163
Женской полъ весь упражняется въ портномъ, сапожномъ и кожевномъ дѣлѣ, 40.
— Въ наложницы берутъ военною, 62.
Женскаго полу головной уборъ; 47.
— Танцы ихъ, 112.
— Странное ихъ позорище при отправленіи праздника очищенія грѣховъ, 88.
— Гдѣ скудно прежде бывало, 244.
Женское веселіе при банкетахъ, разговоры, плясаніе и пѣніе пѣсней, 110.
Жертвы приношеніе различнымъ духамъ, 18, 157.
Животныхъ и протчихъ тварей почитаютъ за боговъ, 80.
Жировой вѣтръ смотри Сѣверной.
Жители тамошніе кто гдѣ живетъ, тѣмъ мѣстомъ и слыветъ, 9.
Житіемъ Камчадалы глупы и гнусны, 24.
— беззаботны, 16.
Жупанъ, дверь или творило въ юрту, 27.

З

Забавы праздничныя отправляемыя, 105.
Затмѣнія солнца и луны не знаютъ, 22.
Зашиверское зимовье, 268.
Зборщики ясаковъ, 251, 255, 258.
Звалъ, смотри юкола.
Звѣрей земныхъ кто сотворитель, 73.
— Имена имъ, 188.

Згоейнутъ,

Згоейнутъ, обувь холостымъ носить подозрительная, 47.
Зелень изъ травъ, коя употребляется на пищу, Есть охотники, 40.
Земля сотворена изъ чего, 71.
—— И гориста, 72.
Зиза-коачь, мѣсяцъ Генварь, значитъ не трогай меня, 21.
Зима называется Котхеиль Коеглиль, 20.
—— На камчаткѣ она долга 6 мѣсяцовъ, 20.
—— А лѣто коротко, 11.
Зиму числятъ за годъ, а лѣто за другой, 20.
Зимняя работа Камчадаловъ, 39.
Злословители бога, 18.
Злоумышленіе на прикащиковъ, 265.

И

Йвы дѣрева корка, употребляется въ пищу съ икрою, 50.
Ивьянской Князецъ съ своимъ ясакомъ, 290.
Йглы для шитья платья, употребляютъ костяныя, 32, 42.
—— Желѣзныя въ великомъ почтеніи имѣютъ, 33.
—— У которыхъ ушки отломятся, другія здѣлать искусные мастера, 33.
Игошежидъ, смотри потягъ.
Идунгъ, Ідольцы новые, 87.
Ижичь, планета Плеада, 22.
Измѣна Камчадаловъ, 225.
Икра рыбья сушеная любимое кушанье, 50.
—— Квашеная за пріятное почитаютъ, 51.
Ильхумъ, жена Кутха бога, 71.
Имена Камчатскихъ народовъ, 5.
—— Даютъ младенцамъ, 184.
—— Народовъ тамошнихъ неправильное званіе, 5.
Имянъ перемѣна чужимъ народамъ по своему свойству, 4, 9, 116.
Имитте озеро, 175.
Индигирское зимовье, 268.
Иркипа, пляска веселая, 111.
Исповѣдь грѣха тяжкаго, 90.
Исы пустошъ, 274.
Иткуохъ, міра начало такъ называютъ, 20.
Ишки, голосъ кричанія въ шаманствѣ, 82.

І

Іванъ Енисейской смиритель Камчадаловъ, 215.
Ідолы домовые поставляемые въ юртахъ, 26.
—— До женскаго полу надлежащіе, 91.
Ідольцы новые, 87.
Ідоловъ угощеніе, 91.
—— Приуготовленія имъ, 92.
Інструменты желѣзные въ великомъ почтеніи имѣютъ, 33.
—— Которые прежде получали отъ Японцовъ, 34.
—— Нужда требуетъ о нихъ разсуждать, 11.

Іюнь и Іюль мѣсяцы на ихъ языкѣ, 20.

К

Кабычма пустошь, 274.
Казаки Камчатскіе житьемъ не разнятся отъ Камчадаловъ, 243.
—— Живутъ они какъ дворяне, 245.
—— Женъ себѣ откуду получали, 244.
Казаковъ прибытки и доходы прежніе, 247.
—— Возмущеніе ихъ, 206, 219.
Казнь смертная бунтовщикамъ, 234.
Казни ворамъ каковыя чинятъ, 23.
Кайгарамаръ озеро, 273.
Камасы, обувь, 46.
Камплеи, платье верхнее особливаго манира, 43.
Камудаи, Ідолы до женскаго полу надлежащіе, 91.
Камули, боги горные, 74.
Канною, бѣсъ, 76.
Камчадалъ отъ чего названъ, 5, 8, 18.
—— Какъ они себя называютъ, 3.
Камчадалы неплодородны къ произведенію дѣтей, 125.
—— Житьемъ глупы и гнусны, 15, 16.
—— Къ учтивости шапокъ не снимаютъ, 17.
—— Въ пищѣ прожорливы, 32.
—— Подобны скотамъ, 11.
Камчадалы житьемъ своимъ мнятъ себя быть отъ протчихъ народовъ лучшими, 24.
—— Историческую древность о себѣ сказываютъ только на словахъ, 10.
—— Кромѣ себя другихъ народовъ не знаютъ, 10.
—— Природою народъ сей Мунгальской, 10, 11.
—— Прежде сего живалъ за Амуромъ рѣкою въ Мунгаліи, 13.
—— раздѣляется на три націи, 2.
—— Въ языкѣ межъ собою разнятся, 13.
—— Какіе народы имѣютъ около себя въ сосѣдствѣ, 2.
—— За границы своихъ земель съ сосѣдами ссоръ не имѣютъ, 63.
—— Ружьемъ огненнымъ владѣть не умѣютъ, 33.
—— Политика ихъ въ обманахъ состоитъ, 64.
—— богатства и славы себѣ не ищутъ, 16.
—— Искусны въ знаніи натуральныхъ вещей, 11.
—— Пересмѣхать и передражнивать другихъ горазди, 24.
—— Тщательны перелагать всѣ вещи на свой языкъ, 8, 17.
—— Умѣютъ удавать чужія рѣчи и дѣйства, такъ какъ бы кого передражнивать, 116.
—— Любопытны, 76.
—— Склонны къ музыкѣ, 114.
—— Терпѣливы къ стужѣ, 6.

Камчадалы во время вьюги въ пути крѣпко подъ снѣгомъ лежатъ, 60.
— Смертной казни и жестокихъ пытокъ не боятся, 234
— При осадѣ непріятелямъ живьемъ себя не даютъ, 65.
— бога не знаютъ, и грамматы не имѣютъ, 2.
— Нынѣ же почти всѣ приведены въ Христіанскую вѣру, 135.
— Дѣтей своихъ охотно въ школы отдаютъ, 25, 81.
Камчадаловъ природа тѣла и обычай, 14.
— Мнѣніе ихъ о своей природѣ, 10.
— Прародитель ихъ и творецъ кто, 10.
— Природа ихъ, 2.
— Умноженіе и упадокъ, 11.
— Измѣна ихъ, 225.
— Замыслъ ихъ о полученіи прежней своей вольности, 225.
— Злый ихъ къ тому умыслъ, 226.
— Общей бунтъ. 232.
— Кабалить и въ рабство ихъ брать непозволено, 234.
Камчатка земля какова и народы ея, 1.
— рѣка тогожъ имени, 8.
Камчатки наименованіе, 8.
— Населитель ея кто, 72.
— Обрѣтатель оной сперва, 190, 192.
— О покореніи оной въ россійскую державу, 189.
— Приведеніе ея во усмиреніе, 234.
Камчатской языкъ много сходенъ съ Мунгалами и Китайцами, 13, 14.
— Произношеніе онаго, 7.
— разность его, 6.
— Народъ сей прежде жилъ въ вольности своей, 14.
Камчатскаго народа происхожденіе, 11.
— Доказать о томъ прямо нельзя, 10.
Камчатскихъ народовъ нравы, 1.
— Нынѣшнее ихъ состояніе, 236.
Капитанъ Тарынъ, наледь такъ называется, 289.
Каракакъ пустошь, 275.
Картежная игра казакамъ увеселеніе, 245.
Кауглачь, стрѣла съ костянымъ копейцомъ. 67.
Кахпитачь, верхнее платье, 47.
Кахтанъ, мѣсяцъ настовой, 19.
Каю мѣсяцъ, въ которомъ дикіе олени тѣлятся, 19.
Каюры, прокладчики дорогъ для проходу ловцамъ соболинымъ, 59.
Кейнду пустошь, 274.
Келуооль-кулечь, мѣсяцъ рѣкоставъ, 19.
Кемь-ортъ, малые гари урочище, 28[illegible].
Кемь-тарынъ, наледь называется, 285.
Кереатмъ рѣчка, 280.

Кипрей

Кипрей трава, изъ которой плетутъ ковры и епанчи, 38.
Китовой и тюленей жиръ Камчадалы ядятъ, 52.
Кихзуа-коачь Августъ мѣсяцъ, 20.
Кихтеру, мѣсяцъ листопадъ, 19.
Кича-коачь, мѣсяцъ Февраль, 21.
Клей дѣлаютъ изъ китовыхъ кожъ, 42.
Книги ясашные для збору, зачаты кѣмъ, 196.
Князцы Ламутокъ, 290.
—— Оленные, 291.
Коависъ, платье верхнее, 43.
Коазухта-коачь, мѣсяцъ Сентябрь, 21.
Коаспель, вѣтръ жировой, сѣверовосточной, 22.
Коачь, луна и солнце называютъ, 20.
Ковымское зимовье, 269.
Коекчучеи, женщины, которые съ мущинами обхожденія не имѣютъ, 24, 40, 125.
—— Сіе поносное слово и мущинѣ, 26.
Кожà мѣсяцъ, когда ѣжжалые олени тѣлятся, 19.
Кожевное дѣло женщины работаютъ, 40.
Козей, собака называется, 79.
Кокодъ, столбы стоячіе въ юртѣ, 28.
Кокора рѣчка, 274.
Комъ, стрѣла томарова съ костяною головкою, 67.
Конмороръ пустошъ, 273.
Коновъ столбъ урочище, 287.
Кончатъ, славной воинъ былъ и житель тамошняго мѣста, 9.
—— Отъ его имени рѣка Камчатка названа, 8.
Коочь-ай, воины называемые, 9.
Кордюгенъ урочище, 273.
Коромакъ пустошъ, 273.
Короста болѣзнь, 130.
Коршуновка рѣчка, и при ней застава, 287.
Коряки народы съ кѣмъ смежны, 2.
—— Имѣютъ въ языкѣ своемъ два нарѣчія, 6.
—— Себя поставляютъ лучшими всего свѣта житіемъ, 149.
—— Изъ довольства скота скупы на пищу, 153.
—— Природа ихъ, 147.
—— Къ женамъ своимъ ревнивы, 148.
—— Называютъ другихъ народовъ какимъ имянемъ, 5.
Коряки сидячіе вмѣсто женъ нѣкія камни или куклы почитаютъ, 146.
—— Женами своими посужаются, 148.
—— Вѣру Христіанскую принимаютъ, 235.
Коряковъ наименованіе, 5.
—— Два ихъ рода, 3.
—— Оленные и сидячіе, 146.
—— Жилища ихъ, 151.
—— И пища, 152.

Коряцкаго народа разность въ языкѣ, 168.
—— Произношенїе его, 7.
Котловъ вмѣсто, пищу варятъ въ деревянныхъ сосудахъ, 31, 32.
Кошпедъ, толстыя брёвна внутрь юрты, 28.
Кояхтахтымъ, лотка, 36.
Кранхль, планета медвѣдь, 22.
Крови пусканїе употребляютъ, 135.
Кропива, козаань называется, 21.
Куагалы озеро, 274.
Куа-коачь мѣсяцъ Іюнь, 20.
Кубалагъ пустошь, 274.
Кужни вмѣсто стакановъ употребляютъ, 31.
Кузучь, юрта сѣверныхъ Камчадаловъ, 28.
Кузлькинга, танецъ такъ называется, 113.
Куйгулы, смотри узда.
Куйлькожалилачъ, мѣсяцъ рыболовной, 20.
Куйше, мѣсяцъ красной рыбы логля, 19.
Кукамлилиначъ кулечь, мѣсяцъ студеной, 19.
Кукляинка, платье верхнее, 43.
Кулечь, гужичь, затмѣнїе солнца и луны, 22.
Куллу, два озерка одного имени, 276.
Кулульджу, рѣчка, 273.
Куль тюрюкъ головной ушубы, 43.
Кумахтай хотьга урочище песчанаго мѣста, или взъемъ, 272.
Кунгай, озеро, 276.
Кунеушхтъ, восточный вѣтръ, 23.
Купечества начало произведенїе на Камчатке дрѣвняго, 259.
—— Нынѣшнее состоянїе онаго и прибыль ихъ, 260.
—— И ущербъ, 261.
Куранпакъ-галасъ, пустошь, 224.
Курдюгель, пустошь, 274.
Курильцы учтивѣе другихъ тамошнихъ народовъ, 182.
—— Съ женами и дѣтьми какъ обходятся, 283.
—— Они богатѣе Камчадаловъ, 48.
—— Съ кѣмъ смежны, 2.
—— Постороннихъ народовъ какими именами называютъ, 5.
Куриловъ два рода, 3.
—— богопочитанїе ихъ и жертвы, 181.
—— Промыслы ихъ, 182.
Кирильской народъ добронравенъ, 7.
—— Природа ихъ, 179.
—— Покоренъ оной чрезъ В. Колесова, 196.
Куроттакъ, пустошь, 275.
Куталакъ, озеро, 279.
Кутчугуй-тылгыяхтакъ, озерко, 272, 273, 274.
Кутчугуй-ортъ, гари урочище, 285.
Кутъ, богъ Камчадаловъ, прародитель ихъ и населитель, 30.
—— Жена его и дѣти, 71.
—— Сестра, сынъ и внукъ, 71, 72.

Кууль, мѣсяцъ, въ которомъ тюлени щенятся, 19.
Кучугуй бахаджимъ, озерко, 274.
Кучугуй торынь, малая наледь, 285.
Кушанье лучшее у Коряковъ и Чукчей, 162.
—— Самое деликатное, рыба гноеная въ ямахъ, 52.
—— Изготовленное про праздникъ, 53.
—— Варятъ въ деревянной посудѣ горячими каменьями, 32.
Куякъ, латы костяные и моржовые, 35.
Кыдыпкунычь, мѣсяцъ, въ которомъ долгіе дни бываютъ, 19.
Кыжатпъ, мѣсяцъ удобной къ ловлѣ звѣрей, 19.
Кыжу, мѣсяцъ ловля бѣлой рыбы, 19.
Кылъ сарыннакъ, озерко, 2.4.
Кыргызовъ бунтовщикъ, 212.
—— Казнь ему, 214.
Кыртакъ рѣчка, 277.
Кыштагай озеро, 273.

Л

Ламарыки озеро, 274.
Ламутки ясашные около Охотска, 290.
—— Оленные, 291.
Лапки, лыжи, которыми прокладываютъ по снѣгу дороги, 59.
Лебинн рѣка, 280.
Ледъ накипной, 283.
Леебагана рѣчка, 276.
Лена рѣка, 280.
Леткуль, начало міра, 20.
Лисицы кожи, въ торгу вмѣсто денегъ по цѣнѣ ходятъ, 265.
Листопадъ мѣсяцъ, 19.
Личь, нижнее окно у юрты, 28.
Лодка одна дѣлается въ три года, 32.
—— Называется она какъ, 36.
Лотокъ морскихъ первый вымыселъ, 72.
Луктуръ рѣчка, 288.
Луна и солнце на ихъ языкѣ коачь, 20.
—— Затмѣнія ихъ, 22.
Луннаго теченія счисленіе, 20.
Лѣкарства на разныя болѣзни, 132.
Лѣсу на Камчаткѣ въ которыхъ мѣстахъ довольно и скудно, 238, 239, 240.
Лѣто на Камчаткѣ коротко, а зима долга, 11.
Лѣто почитаютъ за годъ, а зиму за другой, 20.
Лѣта счисляютъ не по годамъ; но по случаю причинъ, 22.
Лѣтъ продолженія житія своего щитать не знаютъ, 18.
Лѣтописи о случаяхъ не имѣютъ, 22.
Лѣтняя ихъ работа, 37.

М

Майчарылакъ озеро, 277.
Мандарной ремень, 44.

Маралакъ, два озера, 277.
Матмая города прїѣздъ торговыхъ людей на Курильскїе острова, 214.
Маква, поясъ ременной мужеской, 45.
Мача, рѣчь, которая выше счета или числа превосходитъ, 18.
Маю рѣка, 286.
Медвѣдь планету называютъ кранхль, 22.
Мелкей озеро, 278.
Менга-аласъ озерко, 275.
Менне пустошъ, 275.
Мерлинъ и Павлуцкой, слѣдователи Камчатскаго бунта, 231.
Мертвые когда во снѣ имъ видятся, что примѣчаютъ, 65.
Мертвыхъ людей тѣла, вмѣсто погребенїя собакамъ бросаютъ, 135.
—— Платья послѣ умершаго надѣвать гнушаются, 136.
—— Очищенїе дому послѣ умершаго творятъ, 135.
—— Сидячїе Коряки тѣла мертвыхъ жигаютъ, 166.
—— Курилы лѣтомъ въ землю, а зимою въ снѣгъ зарываютъ, 284.
Мету рѣчка, 288.
Митгъ, богъ морской, 73.
Мїкайла Зиновьевъ первый зборщикъ ясака, 196.
Міогурте пустошъ, 272.
Мїра начало какъ полагаютъ, 20.
—— Мнятъ оной быть вѣчный, 77.
Младенцевъ въ небытность священника, дьячекъ креститъ, 244.
Молнїю блистающую отъ чего быть разсуждаютъ, 22.
Море кто сотворилъ, 71.
Мужескъ полъ трудится о домашнемъ, 38.
Музыка у Камчадаловъ однѣ дудки, 114.
Мухоморъ богъ, владѣтель ядовитаго зелїя, 109.
Мухоморы грибы ядятъ для чрезмѣрнаго пьянства, 108, 109, 110.
Мѣста плодородныя въ нижнемъ острогѣ, 241.
Мѣсяцовъ въ году числятъ только десять, 18.
—— Имъ имена, 20, 21.
Мѣсяцы временъ или случаевъ называемые тако:
1. Грѣховъ очищенїе, 18, 19.
2. Листопадъ, 19.
3. Рѣкоставъ, 19.
4. Звѣрей слѣдить удобный 19.
5. Жестокихъ морозовъ, 19.
6. Настовой, 19.
7. Трясогускинъ, 21.
8. Тепла начало, 19.
9. Долгой день, 19.
10. Промышлять рыбу начинаютъ, 20.
11. Бѣлой рыбы, 19.
12. Красной рыбы, 19.
13. Тюлени щенятся, 18.
14 Ѣжалые олени телятся 19.
15. Когда лактаки щенятся, 19.

Мѣсяцъ продолжаемый чрезъ три мѣсяца, 19.
Мясное кушанье какъ варятъ и ядятъ, 52.

Н

Нангара рѣчка, 276.
Намтага озеро, 272.
Намчаганъ пустошъ, 274.
Напитки пьяные изъ чего дѣлаются, 108.
Народа Камчатскаго сходство съ другими народами Сибирскими, 14.
Нарѣчїя разныя Камчадаловъ, 137
Наслѣдство въ пожиткахъ послѣ отца отдается первому сыну, 130.
Нарта, санки четырьмя сабаками возимы, 54.
—— Цукъ собакъ по чему покупается, 58.
Начатки трудовъ приносятъ богу на жертву, 85.
Небо кто сотворилъ, не знаютъ, 71.
Невоздержанїе во всемъ имѣютъ, 16.
Ни ни, знакъ привѣтственной рѣчи невѣсты къ жениху, 122.
Нижней Камчатской острогъ, 240.
—— Камчадалами взятъ былъ, 227.
—— Торжествуютъ о благополучїи своемъ, 228.
Нижняго Камчатскаго острога построенїе, 233.
Нижношантальской острогъ, 240.
—— Присуды къ нему подчиненные острожки, 255.
Нитокъ вмѣсто употребляютъ олени становыя жилы, 42.
Новый морской путь изъ Охотска на Камчатку сысканъ, 218.
Ножи дѣлаютъ изъ камня хрусталя и кости, 32.
—— Оные въ великомъ почтенїи имѣются, 33.
Нокко-основиль, мѣсяцъ Декабрь, 21.
Ноху рѣчка, 279.
Нравы Камчадаловъ грубы, и житье ихъ гнусно, какъ скотское, 11, 17.
Нюйчинской Князецъ съ своими подчиненными, 290.

О

Обиды Камчадаловъ важныя въ чемъ состоятъ, 62.
Обычаевъ старыхъ перемѣна въ Камчадалахъ, 24.
Огонь высѣкаютъ вмѣсто огнива изъ дерева, 32.
—— Жертвенный въ почтенїи какъ у древнихъ Евреевъ, 107.
Огусь-баси, бычья голова озеро, 274.
Одежда на Камчаткѣ дорога, 248.
Одежды изъ кожъ кто первый у нихъ вымыслитель, 73.
Олбутъ озеро, 272.
Олени лучшїе у сидячихъ Коряковъ, 166.

Оленей

Оленей кладутъ какимъ образомъ, 156.
— Пастухи какъ ихъ раздѣляютъ стадо отъ стада, 156.
Оленные Коряки прелюбодѣевъ убиваютъ, 143.
Оленныхъ кожъ дѣло, 41.
Олїонгъ озеро, 272.
Омегъ, кушанье употребляемое при очищенїи грѣховъ 107.
Оночь, верхнее творило, или окно у юрты, 28.
Опанга, похлебка собачья, 52, 108.
Орїонъ планета знаема Камчадаламъ, 22.
Оружїе ихъ военное, 66.
Осенняя работа Камчадаловъ, 39.
Острогъ имя что значитъ, 25.
Остроговъ на Камчаткѣ Россїйскихъ пять, 236.
— Приписныхъ сколько къ нимъ, 249, 253.
Отака употребляемая въ нападенїи острога или юрты, 63.
Отче нашъ молитва Господня, на Камчатскомъ языкѣ, 145.
Оулбута рѣка, 278.
Охота рѣка, 288.
Охотской портъ, 289.
Ошатъ, такъ называются копылья у саней, 57.
Ошейники собачьи для впряганїя въ сани вмѣсто хомутовъ конскихъ, 56.
Ошталъ, палка кривая или шестикъ, которымъ вмѣсто вожжей собакъ въ ѣздѣ правятъ, 57.
Оюнъ озеро, 279.

П

Павлуцкаго партїя для описанїя Камчатки отправленная, 222.
— Слѣдователь съ Мерлиномъ Камчатскаго бунта, 233.
Парики женщины носятъ травяные, 47.
Парка, платье лучшее у Камчадаловъ, 44.
Парма, судно для перевозу кладей большихъ, 37.
Партїа Россїйская отправленная для свобожденїя острога, 229.
Пастухъ надъ звѣрьми первый уставленный, 73.
Пашенные крестьяне живущїе при Алданѣ рѣкѣ, 278.
Петрильской грабитель ненасытный, 219.
Петръ Чириковъ прикащикъ на мѣсто Атласова удостоенъ, 203.
Пейшъ, стрѣла съ костянымъ тонкимъ копейцомъ, 67.
Пирожное кушанье дѣлаютъ изъ рыбьяго тѣльнова, 243.
Пиршествы бываемыя у Камчадаловъ, 108.
Письма тамошнїй народъ не знаетъ, 22.

Питье ординарное у Камчадаловъ всегда вода, 53.
— А самое пьяное изъ мухомору дѣлается, 53.
Пища у Камчадаловъ изъ какихъ качествъ строится, 49.
Пищу варятъ въ корытахъ калеными каменьями, 87, 97.
Платье Камчадалы дѣлаютъ изъ разныхъ кожъ, 42.
— Лучшее ихъ, 44.
— На Камчаткѣ дорого продаютъ, 48.
— Разсамачье въ великомъ у нихъ почтенiи, 73.
— Курильцы носятъ коженоежъ но притомъ любятъ сукна и камки, 180.
Планета медвѣдь знакома Камчадаламъ, 22.
Плѣнниковъ какъ мучатъ, 63.
Плодородная земля только въ нижнемъ острогѣ, 248.
Пляску мущины при веселiяхъ употребляютъ, 110.
— И женщины, 111, 112.
Побѣжникъ, вмѣсто дышла у саней, 56.
Погребенiе мертвыхъ, 135.
— Младенцовъ, 135.
— Поминки по нихъ, 137, 166.
Подводчики, смотри бродильщики.
Подзоръ, опушка около платья въ какой знакъ, 44.
Подушной зборъ на Камчаткѣ збирается только съ казачьихъ дѣтей, 258.
Подчиненiе Камчатскихъ и Корякскихъ остроговъ къ Россiйскимъ каждому по скольку, 149.
Пома Iдолъ въ подобiе богини Сирской фалла, 107.
— Дѣлается изъ соломы для сожженiя на огнѣ въ праздникъ очищенiя грѣховъ, 104.
Поминовенiе по умершимъ, 137, 166.
Поперечная рѣчка, 288.
Попъ поганый, 229.
Пороху и свинцу тамъ достать трудно, 249.
Порса, мука изъ сушеной рыбы, 51.
Пословица Камчатская, 210.
Посуда домовая какая у нихъ обходится, 31.
— Дѣлаютъ оную искусно, 11.
— Желѣзная и мѣдная у нихъ въ чести, 34.
Поступки сего народа грубыя, 17.
Потяги, ремни у собачьей шлеи вмѣсто постромакъ шорныхъ, 67.
Въ походы ѣздятъ на чемъ, 56.
Пересмѣхать кого Камчадалы искусны, 24.
Пошлина съ вывозныхъ товаровъ Камчатскихъ, 265.
Праздникъ годовой очищенiе грѣховъ, 18, 19, 84, 96, 97, 100.
— Празднуютъ въ новомѣсячiи, 107.
— Празднества онаго обрядъ, 95.
— Дѣйства отправляемыя, 102.

Праздники

Праздники у Камчадаловъ въ злоупотребленіи, 107.
— У сидячихъ Коряковъ, 160.
Праотцы ихъ, или народопроизводители, 72.
Преимуществовалъ въ Камчатскомъ народѣ тотъ, кто старъ и удалъ. 14.
Прелюбодѣи какъ бьются съ мужьями тѣхъ женъ, съ коими блудствовалъ, 183.
Прелюбодѣевъ и прелюбодѣйницъ убиваютъ, 148.
Прикащики бывшіе на Камчаткѣ до главнаго бунта. 215.
Припѣвъ стишка нѣкотораго въ плясаніи, 112.
Присягать въ вѣрности Камчадаловъ къ чему приводятъ, 161.
Птицамъ тамошнимъ званія, 188.
Пѣніе женщинъ при веселіяхъ, 111.
— Подобіе разныхъ голосовъ звѣрей и птицъ, 113.
Пѣсня сочиненная Камчадалами на Подполковника Мерлина, и Маеора Павлуцкаго, и Студента Крашенинникова, 114.
Пѣсней сочинители тамошнія бабы и дѣвки, 64.

Р

Работа разная Камчадаловъ къ приуготовленію годовыхъ припасовъ, 38.
Равдуга, кожа замшеная, 41.
Разводъ мужа съ женою, 124.
Раззореніе нижняго Камчатскаго острога, 215.
Разстоянія мѣстъ въ пути числятъ не верстами, но станціями отъ мѣста до мѣста, 14.
Раны отъ стрѣлъ ядовитыхъ чѣмъ излѣчиваютъ, 67.
Ревность къ женамъ своимъ имѣютъ, 125.
Римзетъ, смотри танецъ.
Рогожа, смотри чирела.
Родильницы послѣ родовъ изъ юртъ вонъ не выходятъ, 166.
— Оправляются чемъ, 127.
— Ядятъ пауковъ, чтобъ опять очреватеть 127.
Родословія о себѣ Камчадалы не знаютъ, 10.
Россіанъ Камчадалы называютъ огнедышущими людьми, 4.
Ружья огненнаго тамъ достать въ великой цѣнѣ, 249.
Ружьемъ огненнымъ владѣть Камчадалы не умѣютъ, 33.
Румяна для красоты лицъ изъ чего дѣлаютъ, 48.
Рыбу ловить первый начинатель Тылжилъ Кутху, 72.
Рыбы въ нижнемъ острогѣ довольно, 240.
— Тожъ и въ болшерѣцкомъ, 238.
— А въ верхнемъ скудно, 239.
Рѣка Камчатка отъ Кончата воина названа, 8.

рѢки мѢлкія произведены отъ бога Кутху, 73.
рѢчь позволительная невѢстина отца къ жениху, 120.
— къ Идоламъ, во время празднованія очищенія грѢховъ, 88.

С

Саладактанъ пустошъ, 276.
Савина, богиня зари, 76.
Санки Камчадальскія, 55, 57.
— какъ дѢлаются, 36.
Сасылъ рѢка, 281.
Сасъ озеро, 286.
Сатагай, озеро, 274.
Сахаръ у Камчадаловъ въ великомъ удивленіи, 1‸4.
Свадьба и сватовство, 120.
Свадьба, родины и крестины у казаковъ нужды ради священниковъ отправляется за одинъ разъ, 244.
СвѢта сотвореніе вѢрятъ какъ, 20.
— систему его какову быть разумѢютъ, 77.
Сентябрь мѢсяцъ называется олеклой, 21.
Сидуку, дочь бога Кутху, 72.
Сидукамшичь, внука бога Кутху, 22.
Сидячіе Коряки женами своими пришельцамъ посуждаются, 148.
Сипангъ, рѢчь знака бѢды, 80.
Скоша закупаютъ дорожные люди на пищу въ дорогу на проѢздъ пустыхъ мѢстъ, 275.
Сладкая трава употребляется на пищу и сидѢніе вина, 38.
СлѢдствіе о причинѢ бунта, 233.
Смертное убивство опасно только въ родствѢ своемъ, а въ протчемъ ничего, 162.
СновидѢній истолкователи, 83.
СнѢгу Камчадалы охотники Ѣсть, 53.
— а лѢтомъ съ трудомъ оной достаютъ, 54.
Соарданакъ, рѢчка воронья, 279.
Собакъ нарта по какой цѢнѢ покупается, 249.
— оныя вмѢсто лошадей къ ѢздѢ употребляютъ, 54.
— по скольку на нихъ верстъ въ дорогѢ Ѣздятъ, 59.
Собачьихъ кожъ дѢло, 41.
Соболи лучшіе гдѢ водятся, 241.
Сболи въ нижнемъ острогѢ довольно, 241.
Солнце, коачь называется, 20.
Солничнаго года раздѢленіе, 2.
Сосновка рѢчка, 277.
Ссоръ о имѢніи и о юртахъ межъ собой не имѢютъ, 23.
— бываютъ же болѢе за какія причины, 17, 68.
Строеніе, избы, горницы, Камчадалы строятъ по Россійскому обычаю, 24.
СтрѢлы дѢлаютъ костяныя и каменныя, 32.
— ядомъ для вреда напояютъ, 67.
Суда конопатятъ мохомъ и травою, 36.

Судъ

Судъ и расправа Камчадаловъ поручена Тоiонамъ ихъ , 23, 24 , 235.
Суевѣрiе ихъ , 18.
Сусунъ-сысы , пустошъ , 275.
Сцаки пьянаго человѣка отъ мухомору , пьютъ , 110.
Сыгынинахъ пустошъ , 273.
Сымекалинъ , сынъ бога Кутху , 71.
Сѣверной вѣтръ называютъ жировой , 22 , 23.
Сѣтей вымыслитель первый кто, 72.
Себтюръ , долгота пустыни , 272.

Т

Та , рѣчь подчиванiе гостя , кушай или ѣшь , на , возми , 106 , 119.
Таалджиранъ , пустошъ , 276.
Табалакъ , пустошъ , 275.
Таблица товарамъ покупной и продажной цѣны на Камчаткѣ , 263.
Табхалакъ , озерко , 279.
Тава , мѣсяцъ Майй , 20.
Тайнага , смотр. бѣлая рѣка.
Тайныя дѣйствiя отправляемыя въ праздникъ очищенiя грѣховъ , 102.
Талангано , зимовье урочище , 287 , 288.
Талба озеро , 273.
Талбакана , озеро , 275.
Тангага рѣчка 273.
Танцы , смотр. пляска.
Тарага , озеро , 277.
Татская станцiя , 275.
Тatту рѣчка , 274.
Тгомкегсчичь , юрта южныхъ Камчадаловъ , 28.
Темена юль бенгя рѣчка верблюжье падалище , 285.
Тигильской острогъ , 242.
Тимусчичь , сѣверныхъ Камчадаловъ юрта , 28
Тингекъ , лучшее платье Камчатское , 44.
Тиранство учиненное въ поступкахъ съ плѣнными , 63.
Тишиктакъ , пустошь , 275.
Товары похожiе на Камчаткѣ , 262.
— Цѣна имъ тамощняя , 263.
— Вывозные изъ Камчатки , 265.
Тогъ , сѣверозападный вѣтръ , 23.
Тоiонъ , начальникъ надъ Камчадалами , 22.
— богаты оленми , 153.
— Өетка Харчинъ начальникъ бунта , 227.
Тоiоны бывшiе въ Камчатскихъ острожкахъ , 250 , 253 , 255.
Толкуша кушанье , 53.
Томаръ стрѣла , 67.
Тонщичь трава мятая вмѣсто труда употребляется къ высѣканiю огня , 33.
Топоры каменные и костяные употребляютъ , 32.
— Желѣзные у нихъ въ великомъ почтенiи , 33.
Торбасы , обувь изъ оленьихъ кожъ , 46.

Торгъ Японцовъ прежде сего бывалъ ли когда съ Камчадалами, 259.

Торгъ Камчадаловъ съ Коряками мѣною обходится, 17, 39.

—— Козаковъ, 248.

—— Вмѣсто денегъ лисицами торгуютъ, 265.

Торжество Камчадаловъ о благополучіи взятья Россійскаго острога, 228.

Тоула, рѣчка, 276.

Трудъ для присѣканія огня изъ чего употребляютъ, 33.

Трясеніе земли учинившееся въ пути, 293.

Туара - сюсы пустошъ, 275.

Тубулягa, озеро, 280.

Туйла, богъ трясенія земли, 76.

Тумусактакъ Кіоль, мысовое озеро, 284.

Ту, ту, ту, рѣчь повторительная, которую говорятъ при праздновaніи очищенія грѣховъ, 103.

Тыгытты, озеро, 277.

Тыжиль Кутху, вторый сынъ бога Кутху, 72.

Тылгыяктакъ озеро, 273.

Тылланхая, гора, 281.

Тынгышхтъ, сѣверный вѣтръ, 23.

Тюгутте, рѣка, 277.

Тюленей жиръ ядятъ, 52, 53.

—— Кожи ихъ дѣлаютъ, 41, 42.

Тюулюгутте Каялахъ пустошъ, 276.

У

Убивства при женскомъ полѣ не чинятъ, 65.

Увѣчье получаемое при сватовствѣ невѣсты, въ хватаніи ея, 122.

Уга, знакъ рѣчи собакъ въ ѣздѣ поворотить на лѣво, 57.

Уголь, весна называется, 2.

Узда на собакъ надѣваемая для ѣзды, 56.

Укалтежидъ, планета оріонъ, 22.

Улажанъ, озеро, 273, 274.

Улакъ рѣка, 281.

Улусъ, пустошъ, 274.

Умершихъ тѣла Курильцы лѣтомъ въ землю хоронятъ, а зимою въ снѣгъ зарываютъ, 184.

Умя, озерко, 277.

Уракъ, рѣка, 288.

Урасалакъ, озеро, 274.

Урацкое плодбище, 287.

Урасягагъ, пустошъ, 272.

Урилыдачь, болванчики съ обтесанными головками дѣлаемыя для церемоніи праздника, 87, 97, 106.

—— Какъ подчиваютъ ихъ при праздновaніи, 100.

Урюнъ-хамусъ, озеро, 273.

Усунъ-ерга, урочище, 272.

Утлейгынъ, богъ морской, 71.

Уфай, рѣчь приговора въ сожженіи Идола Пома, 104.

Учтив-

Учтивства въ поступкахъ Камчадалы неимѣютъ, 17, 161.
Ушахчу, боги лѣсные, которые людей съ ума сводятъ, 75.
Уярской Князецъ съ подчиненными, 290.

Ф

Фалла, богиня древняя Сирская, 107.

Х

Хай, идолъ новой здѣланной изъ березоваго кряжа, 87.
Хантай идолъ домовой поставляемой въ юртѣ, 26, 97.
Ханчало, озерко, 274.
Харчинъ Ѳедька начальникъ бунта, 227.
—— Казакамъ здался на договоръ, и взятъ подъ караулъ, 231.
Хатыли, озеро, 273.
Хатъ рѣчка, 279.
Хаутеля, танецъ такъ называемый, 113.
Хаюшкукиигъ, слово значитъ плясаніе, 111.
Хиромантію Камчадалы искусно знаютъ, 84.
Хна, хна, хна, знакъ голоса въ ѣздѣ поворотить сабакъ на право, 57.
Ходжала, рѣчка, 281.
Холостаго человѣка подозрѣніе, 47
Хомяга сосудъ, съ чемъ по воду ходятъ, 101.
Хомякъ, чашка большая, тожь и лотка, 32.
Хоньбы, женское платье, 45.
Хоромасъ, урочище, 289.
Храбрость тамошнихъ народовъ, 71.
Хуйгулъ, прокващенная рыба, или згноеная въ ямахъ, деликатное ихъ кушанье, 52.
Хутлыжичь, сестра бога Кутху, 71.

Ц

Цепь костяная искусной работы, здѣланная костянымъ ножемъ, 35.
Церьковь святаго Николая въ большерѣцкомъ острогѣ, 236.
—— Тогожъ имени въ верьхнемъ острогѣ, 238.
—— Успенія пресвятыя богородицы, въ нижнемъ Камчатскомъ острогѣ, 240.
—— Въ Авачинскомъ острогѣ, 242.
Цынгу лѣтомъ чѣмъ лѣчатъ, 131.

Ч

Чагдала, рѣчка, 282.
Чажи, чулки оленьи, 47.
Часовня при Охотскомъ портѣ всемилостиваго Спаса, 289.
Часовни молитвенныя у Камчадаловъ крещеныхъ размножаются, 25.
Чаши большія дѣлаются чрезъ годъ, 22.
Чащина, званіе поборовъ излишнихъ сверьхъ ясака, 248.

Чеку-

Чекуша, смотр. Уа-карель,
Чекуши костяныя вмѣсто копей употребляются, 35.
Челюгымгъ, южной вѣтръ, 23.
Черной лѣсъ, урочище, 281.
Чипанда, рѣчка и озеро, 279, 280.
Чиранчи, озеро, 274.
Чирела, рогожа изъ травы сплетенная, 26, 102.
Чирьи, болѣзнь злая на Камчаткѣ, 131.
Чириковъ прикащикъ, 205.
Числа счету Камчадалы кромѣ десяти не знаютъ, 18.
Чисту, опушка уплатья вкругъ, 44.
Чичимыкъ, озеро, 280.
Чюпчуна, рѣчка, 278.
Чоарайтпа, пустошь, 275.
Чужлингачь-кулечь мѣсяцъ. грѣховъ очищеніе, 18, 19.
Чукчи народъ по чему называется, 5.
—— Дѣтей своихъ къ трудамъ пріучаютъ, 162.
—— Приходящимъ гостямъ женами своими посужаются, 148.
Чукчей дружба въ чемъ состоитъ, 248.
Чукоцкой народъ какъ обиленъ живьемъ, 147.
Чукоцкая дѣвка не можетъ себѣ жениха получить, ежели въ воровствѣ не окажется, 162.
Чулки дѣлаютъ изъ собачьихъ кожъ, 47.
Чумана, куженка берестеная, 31.
Чуприки, рыба вмѣсто жареной, 51.
Чупчулагъ, озеро, 273.

Ш

Шаманы или волхвы, 82, 158.
—— Они жъ и лѣкари, 166.
Шамановъ начальникъ, 69.
Шаманства главное отправленіе, 82.
—— Во время праздниковъ, 83.
Шангина гарь, и зимовье, 287.
Шангышъ, вѣтръ восточный, 22.
Шапки носятъ Камчадалы на подобіе треуховъ, 47.
Шапокъ Камчадалы ни предъ кѣмъ не снимаютъ, и не кланяются, 17.
Шежхедъ. санки для ѣзды на собакахъ, 55, 57.
Шищо, мѣсяцъ, въ которомъ лахтаки щенятся, 19.
Шишь, игла, 34.
Школьное ученіе на Камчаткѣ для Камчадалскихъ дѣтей имѣется, 25, 81.
Шолканской Князецъ съ своимъ ясакомъ, 290.
Шопаначь, закрышка дверей у юрты, 28.
Штаны лѣтніе и зимніе, 45.

Ѣ

Ѣзда въ дорогѣ, гдѣ и въ какое время, 60.
—— Опасная въ какихъ мѣстахъ 61.
—— Корацкая на оленяхъ, 154.
—— И на собакахъ, 54.

Ѣздить

Ѣздить на собакахъ быть осторожну, 58.
— По скольку верстъ на нихъ переѣжжаютъ, 59.
— Въ сей ѣздѣ какое у нихъ состоитъ безчестïе, 57.
— Зборщики ясаковъ въ пищи великую нужду претерпѣваютъ, 266.

Ю

Юдома рѣка, 286.
Юдомской крестъ урочище, 286.
Южной вѣтръ, Челюгынкъ называется, 23.
Юкагирскаго народа наименованïе, 5.
Юкола, сушеная рыба вмѣсто хлѣба, 49.
Юна рѣка, 284.
Юнаканъ рѣка, 283.
Юрта, жилище Камчатское какъ дѣлается, 25.
— Сѣверныхъ и южныхъ Камчадаловъ, 28.
— Коряцкïе и Чукоцкïе, 146.

Я

Ягодъ морошки, гдѣ доволъно, 241.
Языкъ Камчатской имѣетъ сходство съ Мунгалскимъ, 13.
— Произношенïе его, 7.
Якуты хвалятся тѣмъ, что онѣ ѣдалъ жирную кобылятину, 161.
Якуцкой народъ отъ Китайцовъ отпадшïй, 12.
Японская буса занесенная на Камчатку, 222.
Японцовъ прежде сего бывалъ ли какой торгъ съ Камчадалами, 259.
— бывшихъ прежде сего въ Россïи дву человѣкъ, обстоятельное о нихъ описанïе, 222.
Японскихъ острововъ провѣдыванïе, 214.
Ярманка урочище, 271, 280, 289.
Ясаку плата отъ Камчадаловъ на годъ, 234.
Ясаковъ зборы, 252.
— До какой суммы оной превосходитъ, 258.

Ѳ

Ѳедотъ Алексѣевъ изобрѣтател Камчатки, 190.

КОНЕЦЪ ВСЕЯ КНИГИ